

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 37

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевокой духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 7-го сентября.

Содержаніе: I. Свѣтскіе батюшки. Свящ. Ал. Введенскій.—II. Изъ повре-
менной печати. Н. Гумилевскій.—III. Письма къ пастырямъ Уфим-
ской Епархіи. Е. Андрей.—IV. По бурнымъ волнамъ. (Окончаніе)
И. Поповъ-Пермскій.—V. Бесѣды по ичеловодству. (Продолженіе).
Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Запѣтка Какъ совершать литургію двумъ
священникамъ безъ діакона.

Свѣтскіе батюшки.

Въ послѣднее время все чаще и чаще появляются такъ
называемые „свѣтскіе батюшки“. По убѣжденіямъ—они
„передовые“, „лишенные“, „клерикальной закваски“, по харак-
теру, нраву и манерамъ—„настоящіе джентльмэны“, по
одеждѣ—„галантные кавалеры“.

По поводу этого типа „современныхъ“ священниковъ
уже достаточно писали и говорили въ нашемъ духовномъ
мірѣ, и взглядъ вполне опредѣленный сложился о нихъ—
отрицательный, такъ что писать по-настоящему нечего;
все сказано.

Мы же если и беремся за перо, то не съ цѣлью бросить лишній камень въ нихъ и не затѣмъ, чтобы оградить ихъ отъ вполне заслуженныхъ упрековъ. Нѣтъ. Мы хотимъ только отмѣтить отношеніе самого общества къ новому типу духовныхъ лицъ и показать тѣ результаты, къ какимъ приводитъ свѣтскость православныхъ священнослужителей.

Заранѣе предупреждаемъ своихъ читателей, что и то, и другое будетъ не въ пользу новаторовъ духовнаго быта.

* *
* *

Въ послѣднемъ романѣ Евгенія Чирикова: „Возвращеніе“ мы находимъ такую въ высшей степени интересную и для настоящаго случая подходящую картину.

Вокзаль... Замѣтно нѣкоторое оживленіе: пріѣхали на телѣгахъ лавочники изъ ближайшихъ селъ получить товаръ, а съ ними жены и дѣти поглядѣть на чугунку. Одѣты по праздничному. Молодой священникъ съ женой: у него еще не отросли, какъ слѣдуетъ, русые золотистые волосы; она выгладить влюбленной барышней, одѣта съ претензіями на модность; гуляютъ подъ ручку и воркуютъ, возмущая своимъ поведеніемъ лавочниковъ съ домочадцами:

— Ну, и попы пошли нынче!—вздыхая, говоритъ мнѣ одинъ изъ нихъ, съ полной увѣренностью въ моемъ сочувствіи.

— А что?

— Сдѣпился съ бабенкой и ходитъ!

— Съ женой?

— Съ женой... Грѣхъ отъ нихъ одинъ, а не то, что бы божественное! Гм!... И не стыдятся!

— Такой же человѣкъ, какъ и мы съ вами...

— Такъ ты иди польку танцевать, а не Богу за насъ молиться! Согреѣшить-то мы сами умѣемъ... Мы на него жалобу архирею подали! Поютъ пѣсни и на гитарѣ играютъ.

Развѣ это можно? Отъ нихъ—соблазнъ одинъ, а не то, что бы божественное! ¹⁾).

Вотъ какъ сильно возмущаетъ нашихъ простыхъ крестьянъ самомалѣйшее уклоненіе отъ идеи пастырскаго душепопеченія, всякая мелочь, напоминающая собою все свѣтское, мірское, какъ-то: пѣніе свѣтскихъ пѣсень подь аккомпаниментъ гитары, прогулка съ женой подь ручку и прочее въ этомъ родѣ.

Съ нашей точки зрѣнія это мелочь, ничто. Съ точки же зрѣнія простого народа это нѣчто возмутительное, недостойное пастыря, унижающее его и соблазняющее его прихожанъ. И надо прислушаться къ голосу народа. Надо принять во вниманіе его образъ мыслей, чтобы не смутить и не соблазнить его. Ибо „горе человѣку, имъ-же соблазнъ приходитъ!“ Если „горе“ всякому, то пастырю въ особенности. Посему, если даже все это мелочь, ничто, второстепенное, то лучше пожертвовать всею этою мелочью, чтобы не отторгнуть отъ себя пасомыхъ и не вовлечь ихъ въ грѣхъ осужденія пастырей своихъ. И чѣмъ скорѣе пожертвуемъ этою мелочью, тѣмъ лучше!

* * *

„Свѣтскіе“ батюшки думаютъ, будто имъ необходимо приспособляться къ требованіямъ времени, что этого само общество желаетъ и что будто бы интеллигенція одобряетъ ихъ за это.

Не думаемъ этого. По крайней мѣрѣ, когда намъ приходилось бесѣдовать со свѣтскими людьми и когда они говорили о „свѣтскихъ“ батюшкахъ, то говорили, какъ замѣтили мы, съ какой-то ироніей, легкой насмѣшкой.

А литература... она тоже осуждаетъ обмірщившихся священнослужителей, не любитъ ихъ, и непріятно вспоминаетъ о нихъ.

¹⁾ См. стр. 27. Изд. 3-е. 1914 г.

Въ 3-мъ томѣ разсказовъ современнаго писателя Марка Криницкаго находимъ такую картинку.

„Умиралъ Гуляевъ... Позвали священника... И когда онъ пришелъ и взялся правою рукою за грудь и поправилъ наперсный крестъ, Гуляевъ сразу его узналъ. Это былъ тотъ самый священникъ, который служилъ раньше въ ихъ приходѣ и, по настоянію жены, былъ приглашенъ къ нимъ для молебна, когда они переходили въ новый домъ. Гуляеву припомнились сейчасъ даже тѣ слова, которыми онъ началъ тогда свою проповѣдь:

— Миръ дому сему...

А когда онъ потомъ послѣ молебна закусывалъ, то почему-то рассказывалъ, какъ надо готовить гусинныя лапки и очень забавлялъ и удивлялъ дамъ своею практичностью. Дрова совѣтовалъ покупать не на складѣ, а прямо на желѣзной дорогѣ изъ вагона. И когда ушелъ, оставилъ послѣ себя легкой и пріятный запахъ одеколона“...

Казалось-бы, что такой священникъ, отъ котораго не только не несетъ, но еще пріятно пахнетъ одеколономъ, котораго не только не надо занимать, но который самъ еще забавляетъ и удивляетъ дамъ своею практичностью,—вполнѣ „современный“, „свѣтскій“ батюшка, и долженъ оказаться по-душѣ нашей интеллигенціи. Однако совсѣмъ не то.

Писатель дѣлаетъ такое замѣчаніе:

„Но сейчасъ Гуляеву было почему-то непріятно отъ этихъ воспоминаній, и хотѣлось, чтобы пришелъ лучше какой-нибудь другой священникъ“ ¹⁾.

Вотъ вамъ и результатъ свѣтскости духовныхъ лицъ. Интеллигентный человѣкъ не хочетъ предъ смертью принять „свѣтскаго батюшку“. „Лучше, чтобы пришелъ какой-нибудь другой священникъ“, говоритъ умирающій Гуляевъ.

¹⁾ т. 3-й СПб. 1912 г. стр. 43—44. См.: „Предсмертныя мысли Гуляева“.

Пусть эти слова послужатъ укоромъ для „свѣтскихъ
батюшекъ“ и заставятъ ихъ быть возможно осмотрительными
и осторожными на пути удовлетворенія требованій времени
и моды.

Свящ. *Ал. Введенскій.*

Изъ повременной печати.

О значеніи настоящей противонѣмецкой войны.

Въ нашей печати происходитъ давно небывалое явленіе: изданія самыхъ разнообразныхъ направленій, до сихъ поръ рѣзко расходившіяся между собою рѣшительно во всемъ, теперь проявляютъ удивительное единодушіе (насколько искреннее, — покажетъ недалекое будущее) въ вопросѣ, который теперь приковываетъ къ себѣ общее вниманіе. Нечего пояснять, что это вопросъ о значеніи и смыслѣ настоящей войны. Конечно, тѣ или другія изданія не одинаково глубоко проникаютъ въ смыслъ современныхъ міровыхъ событій, но всѣ согласно утверждаютъ, что въ настоящей борьбѣ справедливость всецѣло на сторонѣ Россіи и ея союзниковъ, что побѣда Россіи будетъ торжествомъ правды, мира и цивилизаціи, а побѣда нѣмцевъ — торжествомъ варварства и насилія.

Теперь совершенно ясно, что современная война, уже въ подготовительной стадіи своей вырвавшая у враждующихъ сторонъ десятки тысячъ человѣческихъ жизней, не говоря уже о колоссальныхъ затратахъ, вызвана не такими, сравнительно маловажными обстоятельствами, какъ отказъ Россіи и Франціи прекратить мобилизацію или нарушение нѣмцами бельгійскаго нейтралитета, а причинами неизмѣримо болѣе глубокими. Эта война есть столкновеніе двухъ міровъ, вражда которыхъ накоплялась съ самаго начала европейской исторіи, — нѣмецкаго и славянскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ столкновеніе тѣхъ противоположныхъ идейныхъ началъ, на которыхъ эти міры воспитывались въ своей многовѣковой исто-

ри и которыми они проникнуты. Теперь обнаружилось, что нѣмцы, по крайней мѣрѣ, ихъ верховные руководители, поглощены магіей всеевропейскаго и даже всемірнаго господства. Но главнымъ предметомъ нѣмецкой ненависти и нѣмецкаго презрѣнія является славянство и болѣе всего главная представительница послѣдняго Россія¹⁾). Окончательно поработить славянъ, сдѣлать ихъ удобреніемъ для тѣхъ полей, на которыхъ должно расположиться и утучняться нѣмецкое населеніе,—вотъ исконная цѣль австро-германской политики; всѣ духовныя цѣнности, пріобрѣтенныя и выработанныя славянскимъ народнымъ гениемъ, это продукты низшей образованности, которые должны быть сметены съ лица земли побѣднымъ шествіемъ высшей (сверхъ-человѣческой) культуры нѣмецкой. Слѣдовательно, отъ побѣды той или другой изъ воюющихъ сторонъ зависитъ не только то или иное политическое положеніе и экономическое благосостояніе различныхъ европейскихъ народовъ, но, что гораздо важнѣе, и преобладаніе въ Европѣ (а отсюда и по всей землѣ, поскольку Европа до сихъ поръ остается главнымъ культурнымъ центромъ земного шара) того или иного культурно-идеальнаго направленія. Посмотримъ же, что дастъ Европѣ и міру побѣда нѣмцевъ надъ славянствомъ.

Въ настоящей войнѣ нѣмцы вполне обнаружили свой истинный нравственно-культурный обликъ. Они начали войну грубымъ нарушеніемъ международныхъ договоровъ (вторженіе въ Бельгію) и продолжаютъ ее съ полнымъ пренебреженіемъ международнаго права: разбойнически грабятъ съ занятыхъ городовъ милліонныя контрибуціи, бросаютъ съ аэроплановъ бомбы въ незащищенные города, истребляютъ

¹⁾ Не даромъ въ газетахъ промелькнуло сообщеніе, что Германія предлагаетъ Франціи миръ подъ условіемъ совместной борьбы съ Россіей. Насколько это сообщеніе справедливо, провѣрить, конечно, трудно; но оно удачно характеризуетъ отношеніе Германіи къ воюющимъ съ ней державамъ.

памятники искусствъ, требуютъ принудительныхъ работъ отъ иностранныхъ подданныхъ, даже не военно-плѣнныхъ (отъ русскихъ крестьянъ, оказавшихся при объявленіи войны въ Германіи) и т. п. Мало того, нѣмцы систематически допускаютъ даже поступки, свидѣтельствующіе о пренебреженіи ими самыхъ элементарныхъ требованій нравственности: избіеніе мирныхъ жителей, добываніе раненыхъ, истязаніе плѣнныхъ, изнасилованіе женщинъ, кощунственное поруганіе святынь. Такія звѣрства въ данномъ случаѣ не могутъ быть объяснены даже ненавистью къ притѣснителямъ (какое зло сдѣлали нѣмцамъ русскіе или бельгійцы?) или ожесточеніемъ, естественно возникающимъ во время упорной борьбы: вѣдь они производились нѣмцами, между прочимъ, въ самомъ началѣ войны въ Калишѣ и Ченстоховѣ, которые были заняты безъ всякаго сопротивленія. Нѣтъ, въ этихъ звѣрствахъ ясно выражается убѣжденіе нѣмцевъ (и не однихъ только военныхъ руководителей, а и болѣе или менѣе широкихъ народныхъ массъ), что находящаяся въ ихъ рукахъ военная сила даетъ имъ право совершенно не считаться съ интересами болѣе слабыхъ народовъ и ни съ какими божескими и человѣческими законами. Итакъ, культурный идеалъ нѣмцевъ—это воцѣлѣннй неприкрытый эгоизмъ, опирающійся на право сильного: ¹⁾ нѣмцы имѣютъ первую въ мірѣ (конечно, по ихъ собственной оцѣнкѣ) армію, снабженную наиболѣе тяжелыми и дальнобойными орудіями,—и потому, ни одинъ народъ не въ правѣ и не долженъ смѣть сопротивляться нѣмецкимъ желаніямъ, а въ случаѣ сопротивленія съ

¹⁾ Что такова именно основа національнаго нѣмецкаго характера, это подтверждается и тѣмъ, что нѣмцы на самое христіанство положили своеобразный отпечатокъ въ формѣ протестантизма. Протестантизмъ, какъ отверженіе прежде всего идеи Церкви, какъ проповѣдь изолированнаго, личнаго спасенія, есть система религіознаго эгоизма. Отсюда понятво, насколько заблуждаются восхвалители нашего сектантства, которое по духу тождественно съ нѣмецкимъ протестантизмомъ и, безъ сомнѣнія, должно привести къ тождественнымъ результатамъ

такимъ народомъ можно расправляться, какъ съ дикимъ звѣремъ (даже хуже, потому что ни одинъ честный человѣкъ не станетъ истязать звѣря).

Такой идеаль приводитъ къ извращенію государственной и общественной жизни. Когда послѣ разгрома Франціи въ 1870 г. Германія выдвинулась въ роли первенствующей державы, она главныя свои усилія стала направлять на увеличеніе своей арміи и флота. И это понятно: разъ все въ мірѣ, и даже самая справедливость, зависитъ отъ силы бронированнаго кулака, то этотъ кулакъ заслуживаетъ того, чтобы къ нему притекали всѣ жизненные соки, хотя бы и съ истощеніемъ остального государственнаго организма. Отсюда возникаетъ господство въ Европѣ милитаризма, угнетавшаго всѣ народы и задерживавшаго культурное развитіе ихъ: вслѣдствіе непомѣрнаго развитія нѣмецкой арміи, и остальныя государства вынуждены были значительную часть своего бюджета употреблять на вооруженіе,—иначе грозило порабощеніе нѣмецкому игу, худшему, чѣмъ татарское. Въ случаѣ побѣды нѣмцевъ въ настоящей войнѣ, это военное напряженіе обѣихъ сторонъ должно еще болѣе усилиться, такъ какъ нѣмцы едва ли согласятся отказаться отъ завоеваннаго ими преобладанія, а для славянскихъ народовъ, равно какъ и для французовъ, окажется невыносимымъ то національное обезличеніе, которымъ имъ угрожаетъ нѣмецкое господство. Побѣда же славянско-романскаго союза надъ нѣмцами, обезсиливши главнаго врага европейскаго мира, обезпечить національно-свободное и мирное развитіе европейскихъ народовъ и, въ частности, славянъ, значительная часть которыхъ, вслѣдствіе несчастныхъ историческихъ условій, обречена была на порабощеніе туркамъ и нѣмцамъ; ближе всего для нашего сердца освобожденіе отъ австрійско-мадьярскаго ига русскихъ, живущихъ въ Галиціи и Буковинѣ. Такимъ образомъ, какъ и въ отечественную войну 1812 г., Россія проливаетъ свою кровь не только за себя, но и за Европу.

Итакъ, мы должны всѣми зависящими отъ насъ мѣра-ми способствовать побѣдѣ Россіи надъ нѣмцами. Не имѣющіе возможности выступить въ дѣйствующей арміи могутъ содѣйствовать этой побѣдѣ поддержаніемъ на должной высотѣ всѣхъ сторонъ нашей государственной и общественной жизни, чѣмъ сохраняется необходимая для побѣды внутренняя государственная мощь, а также заботой о войнахъ нашихъ и ихъ семействахъ.

Н. Гумилевскій.

Письма къ пастырямъ Уфимской Епархіи.

VI.

Фанатизмъ и искра Божія.

Наблюдая дѣятельность миссіи въ трехъ епархіяхъ, вспоминая свое пребываніе на трехъ блестящихъ по составу миссіонерскихъ съѣздахъ и сравнивая силы православной миссіи съ ничтожными по качеству силами иновѣрной и инославной пропаганды, приходится изумляться надъ вопросомъ, какъ же такъ: съ одной стороны какой-нибудь сумасшедшій Малеванный, а съ другой—профессоръ во всеоружіи своихъ знаній; съ одной стороны какая-нибудь „Охтенская богородица“, величайшая обманщица, а съ другой—вся миссія и почти самъ столичный миссіонерскій коллегіумъ... И народъ все-таки поддается вліянію всякаго сумасброда, всякаго религіознаго шарлатана и проходитъ мимо самаго первокласснаго нашего миссіонера, не обращая на него вниманія.

Почему это такъ?

Потому, говорятъ, что эти всѣ шарлатаны и обманщики—фанатики, что противъ ихъ „фанатизма“ нужно бороться.

Да, и я съ этимъ совершенно согласенъ! Фанатизмъ сдѣлалъ и Малеваннаго, и Чурикова, и Оедосью Киселеву

сильными и доставили имъ огромное вліяніе на толпу.—Малеваннѣй объявилъ себя спасителемъ міра, обѣщаннымъ пророкомъ Исаіею... Не болѣе, не менѣе! И сотни тысячъ несчастнаго народа, загнипотизированныя, очарованныя проповѣдью Малеваннаго, шли къ нему. Когда его посадили, какъ сумасшедшаго, въ богадѣльню, то та же толпа на колѣняхъ подползала къ богу—дѣльнѣ этой, вздыхая, какъ ея спаситель удостоился сидѣть въ домѣ, который и называется то не просто какъ-нибудь, а бога—дѣльня, т. е. все тутъ „дѣляется“ или „для Бога“ или Богомъ, все тутъ Божьи дѣла...

Да, тутъ страшный фанатизмъ и огромное одушевление и громадная вѣра въ свои слова и въ себя—видны во всемъ.

Что даетъ православная миссія въ отвѣтъ на этотъ фанатизмъ? Да, она можетъ безошибочно утверждать, что среди ея дѣятелей нѣтъ фанатизма...—Мнѣ пришлось наблюдать неоднократно это отсутствіе фанатизма.

Однажды пришлось быть въ высшемъ изысканнѣйшемъ обществѣ. Это былъ цвѣтъ столичной интеллигенціи. Всѣ они слушали и умилялись, какъ лучшій, можно сказать, блестящій миссіонеръ доказывалъ силу поста и монашества. Рядъ цитатъ изъ св. писанія, превосходныя картины подвиговъ самоотверженнаго аскетизма дополняли и разъясняли мысль миссіонера о постѣ и его необходимости.

А потомъ былъ ужинъ, и миссіонеру говорятъ, что вѣдь сегодня пятница, а хрѣнъ то со сметаною поданъ!—Тогда миссіонеръ нетерпѣливо спросилъ лакея: „послушай, вѣдь это хрѣнъ съ уксусомъ?“

Догадливый лакей подтвердилъ: „такъ точно. Ваше П-ст-во, съ уксусомъ“.—„Вотъ видите, съ уксусомъ“,—радостно сказалъ миссіонеръ и продолжалъ кушать свою порцію...

Да, этотъ миссіонеръ—безъ фанатизма... Только ужасно стыдно мнѣ было смотрѣть и на него, и на его хрѣнъ съ уксусомъ.

Другой „миссіонеръ“ очень талантливый, знающій дѣло и краснорѣчивый, возвращаясь изъ миссіонерской поѣздки, всегда предавался самымъ запрещеннымъ удовольствіямъ, которыя не должны быть знакомы и не миссіонерамъ. И всѣ его сотрудники это знали и всѣ съ этимъ мирились, считая миссію только платною службою, источникомъ существованія для миссіонера, а не какимъ-нибудь фанатическимъ занятіемъ...

Третій „миссіонеръ“ безъ всякаго фанатизма просто ничего не дѣлалъ.

Но вотъ предъ нимъ цѣлый сѣздъ миссіонеровъ. Образованные, дипломированные миссіонеры днемъ совѣщались о своихъ миссіонерскихъ дѣлахъ, а вечеромъ—вечеромъ огромное большинство не были похожи на миссіонеровъ. А утромъ,—звонять въ 6 час. къ утрени—церковь пустая: миссіонеры еще спятъ. Звонять въ 8 часовъ къ литургіи, церковь опять пустая: миссіонеры пьютъ чай...

Да, мы дѣйствуемъ безъ фанатизма! Насъ въ немъ не упрекнуть. Но вѣдь должна же быть въ нашей святой дѣятельности искра Божія! Нужно же на „фанатизмъ“ враговъ святой Церкви противопоставить хоть небольшое одушевленіе. Иначе никакого успѣха въ нашей миссіи никогда не будетъ; любой Малеванный уведетъ отъ насъ тѣхъ, кто вѣритъ не слову, а дѣлу.

А противорѣчіе въ нашихъ словахъ и дѣлахъ прямо поразительное. Оно проявляется безъ преувеличенія во всей нашей церковной жизни, не говоря уже миссіонерской, проповѣднической. Обратите вниманіе на наше богослуженіе. Оно все отъ начала до конца должно быть проникнуто духомъ церковности, духовностію его авторовъ. Поэтому наши миссіонеры осуждаютъ всякую импровизацію въ богослуженіи и отрицаютъ ея возможность, какъ самоочиніе, справедливо утверждая, что лучше святоотеческихъ гимновъ ничего избрѣсти нельзя. Но посмотрите, что мы видимъ на дѣлѣ. Все богослуженіе изуродовано нашими исаломщиками до полной

неузнаваемости, вся сущность богослуженія, ея духовное содержаніе—все пропущено! Получается въ концѣ концовъ тоже импровизація, но дьячковски безграмотная, безжизненная, получается какая-то фальсификація богослуженія церковнаго, преисполненная скуки и унынія. И это тамъ, гдѣ должно быть все полно одушевленія и любви къ святому дѣлу.

Обратите вниманіе на обрядность. Наши миссіонеры хришнуть, убѣждая баптистовъ въ необходимости совершать крестное знаменіе. А посмотрите, какъ наши православные христіане, даже священники,[†] совершаютъ на себѣ крестъ Христовъ. Креста нѣтъ вовсе! Нѣтъ ничего похожаго на крестъ! Такимъ образомъ мы сначала сами *практически* перестаемъ исполнять крестное знаменіе, а потомъ сектанты, *глядя на насъ*, уже и *теоретически* отрицаютъ необходимость его изображенія на себѣ и вообще поклоненія ему.

И такъ далѣе...

Я уже не говорю о тѣхъ батюшкахъ, которые на вокзалахъ сидятъ съ бутылками пива и въ клубахъ табачнаго дыма; разумѣется,—въ нихъ нѣтъ ни фанатизма, ни простой порядочности,—о нихъ, какъ и всякомъ непредусмотрѣнномъ беззаконіи, и говорить нельзя. Нѣтъ, но общая-то наша жизнь въ церкви уже очень стала далека отъ своего идеала, отъ церковной жизни; поэтому и перестала вліять на жизнь. На самомъ же дѣлѣ церковная жизнь и всѣ церковные дѣятели должны быть полны сознательнаго церковнаго, святого одушевленія; а мы—только утѣшаемъ себя, что мы дѣйствуемъ безъ фанатизма...

Фанатизма и не нужно! А ревность о славѣ Божіей, а искра Божія въ служителѣ Божіемъ должны быть... Иначе онъ не любитъ Бога и не Ему служить!

Епископъ Андрей.

По бурнымъ волнамъ.

V.

(Окончаніе) ¹⁾.

Утромъ онъ немедленно отправилъ женѣ телеграмму такого содержанія:

„Постарайся поскорѣе пріѣхать домой. Есть важное, неотложное дѣло. Не волнуйся. Я здоровъ“.

Матушка, получивъ телеграмму, перепугалась, мигомъ собралась и выѣхала. Блѣдное извуренное лицо мужа поразило ее.

— Что съ тобой, Миша? Ты боленъ! Ты точно перенесъ тяжелую болѣзнь. Говори, что случилось?

— Я и не скрою, милая. Дѣло чрезвычайно важное. Меня бросили въ грязное болото.

— Объяснись...

Изъ глазъ священника закапали слезы.

— Ахъ, говори же скорѣе. Не мучь меня. Я вижу, въ мое отсутствіе произошло что-то ужасное.

Она бросилась ему на шею и крѣпко прижала мужа къ себѣ, точно инстинктивно чувствуя опасность, которая угрожала ему.

— Сейчасъ все расскажу. Ты и представить не можешь, что со мной сдѣлали злые люди. Возьми себя въ руки и выслушай.

О. Михаилъ подробно рассказалъ весь инцидентъ. Матушка поблѣднѣла, какъ снѣгъ. Громкія рыданія огласили комнату.

— О, милый, дорогой, хорошій! Какая низость... Какая злоба... Это только демонъ можетъ такъ мстить, а не человѣкъ. Это дѣло Жукова.

¹⁾ См. № 36 за 1914 г.

— Ты тоже на него думаешь?

— Больше некому.

— Признаться, и я на него думаю.

— О, да, да, я увѣрена. Крестьянинъ не рѣшится на такую мечь. Это можетъ сдѣлать только лишь человекъ съ совершенно сожженной совѣстью. А ты не узналъ женщину?

— Нѣтъ, не узналъ. Въ комнатѣ было темно; да при нашемъ появленіи она закрыла лицо руками и моментально выпрыгнула въ окно.

Матушка съ глухимъ стономъ бросилась на кровать.

— Что же теперь мы будемъ дѣлать?

— Уѣхать. Я такъ рѣшилъ. Это лучший исходъ. Если объ этомъ узнаетъ Жуковъ, то мнѣ не миновать суда и слѣдствія. Улики противъ меня. Два свидѣтеля вѣдь подъ присягой могутъ сказать, что они видѣли ночью въ моемъ кабинетѣ женщину, которая бросилась въ окно. Что я буду говорить? Чѣмъ оправдаюсь?. И я пропалъ. Да, мы уѣдемъ отсюда. Каждый день пребыванія здѣсь для меня мучителенъ.

— Ты правъ, милый. Намъ больше ничего не остается, какъ уѣхать.

На томъ супруги, убитые горемъ, и порѣшили.

О. Михаилъ не сталъ откладывать дѣла. Онъ велѣлъ понемногу женѣ укладываться, а самъ помчался въ губернский городъ къ архіерею. Никогда до сихъ поръ не переступалъ онъ порога архіерейскаго дома съ такимъ смущеніемъ, какъ теперь. Онъ зналъ, что оставаться на прежнемъ мѣстѣ невозможно, иначе могутъ выйти крупныя непріятности. А съ другой стороны, гвоздемъ стоялъ въ головѣ вопросъ:

— А что, если владыка не дастъ перевода? Если онъ прикажетъ вернуться на прежнее мѣсто?

О. Михаилъ весь содрогался при послѣдней мысли.

— О, нѣтъ! Вернуться невозможно. Тамъ ждетъ меня самая гнусная, отвратительная клевета. Буду умолять владыку. Онъ пойметъ меня.

Въ карманѣ о. Михаила было уже приготовлено прошеніе о переводѣ въ другой приходъ. Къ счастью, приходъ былъ не изъ самыхъ послѣднихъ въ матеріальномъ отношеніи.

Со страхомъ переступилъ бѣдный пастырь порогъ архіерейской гостиной. Передъ нимъ у большого круглаго стола стоялъ сѣдой, высокій владыка, съ крупными, энергичными чертами лица. Глаза смотрѣли изъ подъ золотыхъ очковъ зорко и пытливо.

О. Михаилъ приблизился и принялъ благословеніе.

— Садитесь, батюшка. Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?— мягко спросилъ владыка, указывая на кресло.

О. Михаилъ вытащилъ прошеніе.

— Преосвященнѣйшій владыка! Я пріѣхалъ къ вамъ просить великой для меня милости.

— Какой?

— Простите, что утруждаю и беспокою васъ, но ради Бога благоволите выслушать меня. Я покорнѣйше прошу пять минутъ вашего благосклоннаго вниманія.

— Я слушаю.

О. Михаилъ сильно взволновался. Это не укрылось отъ взора владыки. И онъ ободряюще сказалъ:

— Не волнуйтесь, батюшка. Расскажите, въ чемъ заключается ваша просьба.

— Я прошу васъ, владыка, о переводѣ въ другое село. Вотъ прошеніе. Но я счелъ необходимымъ болѣе подробно высказать вамъ лично свои мотивы, чтобы вы поняли, что просить о переводѣ меня побуждаютъ крайне важныя причины, а не одна прихоть.

И о. Михаилъ подробно рассказалъ владыкѣ о интригахъ Жукова, ихъ причинѣ и послѣдствіяхъ.

— Ваше Преосвященство, я дѣйствовалъ такъ, какъ подсказалъ мнѣ долгъ. И вотъ изъ-за прихожанки Татьяны Жуковъ началъ настраивать противъ меня крестьянъ. Я всѣми мѣрами хотѣлъ мира, но увы, слишкомъ онъ озлобленъ противъ меня, чтобы протянуть мнѣ руку.

Владыка съ большимъ вниманіемъ слушалъ священника, не сводя съ него пытливаго взора.

— Но это, Ваше Преосвященство, еще не все. Посѣднее событіе, которое, я увѣренъ, подстроено помѣщикомъ, заставило меня не медля ѣхать къ вамъ, своему архипастырю и просить защиты.

— Какое?—заинтересовался владыка.

О. Михайлъ низко опустилъ голову. На щекахъ выступилъ яркій румянецъ, и вдругъ изъ глазъ закапали невольныя слезы.

— Владыка, только вамъ, своему архипастырю, я расскажу все! Видитъ Богъ, какъ мнѣ тяжело говорить.

Владыка при видѣ слезъ священника и самъ сильно взволновался.

— Ну успокойтесь, батюшка. Возьмите себя въ руки. Все останется, разумѣется, между нами.

О. Михайлъ смахнулъ слезы и сильно смущенный, тихимъ голосомъ повѣдалъ о той грязи, которая была вылита на него въ ту злополучную ночь.

— И они рѣшились такъ очернить своего пастыря!—изумился владыка.

Онъ нервно соскочилъ со стула и заходилъ по комнатѣ.

— По злобѣ, Ваше Преосвященство, люди идутъ и на преступленія.

Архіерей былъ прямо ошеломленъ выслушаннымъ. Его щеки вспыхнули яркимъ огнемъ негодованія.

— Но это возмутительно! Это чудовищная жестокость! Вотъ до чего доводитъ людей месть! О, Боже, какъ это тяжело выслушивать!.. И какъ тяжело переживать!..

На его глазахъ задрожали даже слезинки. О. Михайлъ сидѣлъ подавленный, смущенный.

— Ваше Преосвященство, — началъ онъ робко; — вы видите, что жизнь моя въ селѣ Роговскомъ невозможна. Всѣ улики противъ меня. Мнѣ поставленъ ультиматумъ: если я не уѣду, то дѣло предадутъ гласности. И я тогда пропалъ...

Вѣдь эти два крестьянина подъ присягой подтвердятъ, что въ моемъ кабинетѣ была женщина. Позоръ мнѣ... И все духовенство будетъ скомпрометировано этимъ дѣломъ. Умоляю васъ, владыка, переведите меня... Войдите въ мое положеніе... Я ужасно страдаю...

— А успокоится-ли Жуковъ, если вы и уѣдете? Не продолжится-ли его месть и далѣе?

— Этого я не думаю. Ему только нужно удалить меня. И вотъ онъ принимаетъ всѣ мѣры. Я даже увѣренъ, что онъ выполнитъ всѣ свои обѣщанія относительно церкви и школы, лишь только я уѣду.

— Какъ это печально!—вздыхнулъ владыка.

— Ваше Преосвященство, даже если-бы не послѣдній инцидентъ, то мнѣ лучше было-бы оставить Роговское. Приходъ, благодаря интригамъ Жукова, вооруженъ противъ меня, крестьяне начали относиться ко мнѣ совершенно иначе, чѣмъ прежде. Какая же можетъ быть плодотворная работа при такихъ условіяхъ? Все это ужасно печально, сердце обливается кровью, но увы... подѣлать я ничего не могу.

Владыка задумчиво прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Вполнѣ понимаю васъ и сочувствую. Да, трудна работа, когда подъ бокомъ живетъ такой заклятый врагъ, готовый на все.

Онъ подошелъ къ о. Михаилу, положилъ ему руку на плечо и проникновеннымъ голосомъ сказалъ:

— Не смущайтесь, батюшка. Наша пастырская нива полна терній, это такъ и должно быть. Кто Христовъ рабъ, того ненавидитъ міръ. Помните слова Писанія: всѣ, хотящія благочестно жити о Христвѣ, гоними будутъ. Труденъ нашъ путь, много на немъ скорбей, но потерпимъ. Будетъ время, когда Господь воздастъ намъ за все. Нужно только служить вѣрой и правдой. Лишь была-бы спокойна своя совѣсть, лишь-бы она не говорила о нарушенномъ долгѣ. Поѣзжайте домой и успокойтесь. Переводъ завтра же будетъ у васъ въ карманѣ. Простите отъ всего сердца Жукову; это нашъ хри-

стіанскій долгъ. И вѣрьте, что не напрасно посылаются намъ эти искушенія. Да благословитъ васъ Господь.

О. Михайлъ горячо поцѣловалъ руку.

— Какъ я радъ, безгранично радъ, владыка, что вы поняли меня и облегчили мою душу. Словъ не нахожу для выраженія благодарности.

— И не нужно. Работайте въ новомъ селѣ также добросовѣстно. Я не забуду васъ. И надѣюсь, вознагражу за пережитое.

О. Михайлъ еще разъ низко поклонился владыкѣ и вышелъ.

— Всѣ, хотящія благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ—вспомнилась ему фраза архіерея. Да, это великая истина. Не на радость и счастье мы рождены, особенно мы, пастыри. Будемъ ждать наградъ уже „тамъ“.

Онъ вздохнулъ и невольно поднялъ глаза на лучезарное небо, такое чистое, ясное, величественно-покойное. И почувствовалъ онъ, что именно „тамъ“ только разрѣшатся всѣ противорѣчія, всѣ загадки, волнующія человѣческіе умы, только „тамъ“ можно обрѣсти полное счастье, блаженство и успокоеніе отъ трудовъ.

О. Михайлъ первымъ дѣломъ направился на телеграфъ и отправилъ женѣ депешу:

„переведенъ выѣзжаю завтра поторопись •укладкой“!

На другой же день о. Михайлъ съ переводомъ въ карманѣ помчался домой.

XVI.

Прошло лѣтъ пятнадцать.

По улицѣ губернскаго города №. медленно шелъ пожилой священникъ, не обращая вниманія на встрѣчныхъ. Ему было лѣтъ около пятидесяти. Въ небольшой бородкѣ пробивалась уже сѣдина. Глаза свѣтили умно и выразительно. На груди блестѣлъ синодскій крестъ. Погруженный въ свои думы, священникъ и не замѣтилъ, какъ на перекресткѣ двухъ

улицъ ему встрѣтился какой-то господинъ въ сильно потертомъ, поношенномъ пальто, съ опухшимъ отъ пьянства лицомъ. Господинъ этотъ взглянулъ на священника и хотѣлъ было пройти мимо, какъ вдругъ остановился, точно пораженный этой неожиданной встрѣчей. Затѣмъ онъ быстро забѣжалъ впередъ и повернулъ снова на встрѣчу, пристально глядя на священника.

— Если не ошибаюсь, я вижу передъ собой о. Михаила?—спросилъ, наконецъ, онъ, останавливаясь.

О. Михаилъ удивленно поднялъ голову и взглянулъ на спрашивающаго. Секунду онъ простоялъ молча и вдругъ лицо его озарилось легкой, почти неуловимой улыбкой.

— Петръ Сергѣевичъ! Здравствуйте.

— Узнали?

— Ну, конечно, узналъ.

О. Михаилъ протянулъ руку. Бывшіе враги обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— И я васъ сразу узналъ. Вижу—идетъ священникъ. Смотрю: вы. Сначала не повѣрилъ и еще разъ хотѣлъ удостовѣриться. Дай, думаю, заговорю. А вѣдь вы, навѣрное, даже удивлены моимъ вопросомъ.

— Почему?

— Какъ почему? Вѣдь я былъ когда-то вашъ злѣйшій врагъ. Помните.... Таню?

— Оставьте, Петръ Сергѣевичъ, эти вопросы. Что было, то прошло. Тому назадъ пятнадцать лѣтъ. Мнѣ пріятно видѣть васъ и еще пріятнѣе, что вы заговорили первымъ.

Въ глазахъ Жукова вспыхнулъ довольный огонекъ.

— Какъ вы благородны, батюшка! Въмѣсто того, чтобы отвернуться отъ меня съ презрѣніемъ, вы еще даете мнѣ руку. Узнаю васъ. Вы все остались такимъ же....

— Петръ Сергѣевичъ, я вамъ все тогда же простилъ. Но однако мнѣ интересно знать, какъ вы живете?

Взоръ о. Михаила невольно скользнулъ по поношенному пальто Жукова. Тотъ замѣтилъ это и горько улыбнулся.

— Да, пришлось на старости лѣтъ и франтовство все бросить. Э, да что говорить! Что съ возу упало, то пропало. Батюшка, если желаете меня выслушать и если вамъ не стыдно, то вотъ недалеко отъ насъ скамейка. Сядемте, и я все вамъ расскажу.

— Помилуйте, что за стыдъ! Охотно посижу съ вами. Вѣдь у насъ бывали когда-то самыя отличныя отношенія.

— Да, были.

Жуковъ тяжело вздохнулъ. Они усѣлись.

— Вотъ, батюшка, какія комбинаціи строить жизнь. Думали-ли вы, что вамъ придется сидѣть на одной скамейкѣ со своимъ бывшимъ врагомъ, который выжилъ васъ изъ Роговскаго. А вѣдь я тогда васъ выжилъ. И вотъ только черезъ пятнадцать лѣтъ мнѣ приходится сознаться вамъ въ этомъ.

— Петръ Сергѣевичъ, вѣрьте: я, какъ пастырь, еще тогда вамъ все простилъ. Я на васъ не сердился.

— Батюшка, а вѣдь все-таки я очень и очень передъ вами виноватъ. Буду каяться теперь. Помните исторію съ женщиной въ кабинетѣ?

О. Михаилъ въ смущеніи опустилъ голову.

— Какъ не помнить!

— Это мое дѣло. Я все устроилъ. Очень мнѣ хотѣлось васъ выжить, вотъ и ухитрился обработать такую пакость. Пелагея получила двѣсти рублей и пошла на все. А вѣдь вы, навѣрное, догадывались, откуда шелъ этотъ ударъ?

— Догадывался. Но пусть Господь васъ простить. Я всегда молился и молюсь за васъ.

— Благодарю васъ, батюшка. Ахъ, только теперь я понималъ, какъ много дѣлалъ въ жизни глупостей и подлостей. И вотъ до чего дошелъ. Видите?

Онъ указалъ на свое поношеное, рыжеватое пальто.

— Батюшка,—заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія; а все довела меня до этого женская эстетика. Каюсь, большой я былъ любитель до женскихъ юбокъ. Помните, какъ я говорилъ вамъ часто объ этой самой эстетикѣ? Ну,

и пересолил. Изъ-за Тани и съ вами разошелся. И имѣніе свое пустилъ въ трубу изъ-за одной итальяночки. Былъ я въ Италиі, и вывезъ оттуда одну хорошенькую, прелестную дѣвочку. И вотъ весь свой капиталъ ухлопалъ на нее. Она была моимъ кумиромъ. Всѣ ея прихоти исполнялись. Положительно боготворилъ ее. А имѣніе-то и таяло. Жена, забрала дѣтей и уѣхала. Да, впрочемъ, вѣроятно, она вамъ писала о всемъ. Вы вѣдь были съ ней очень дружны.

— Да, кое о чемъ мнѣ Августа Ивановна писала.

— Тѣмъ лучше. Итакъ, мое имѣніе въ трубу. Хорошо, что у жены есть свое, а то и ей пришлось бы бѣдствовать. Ну, разумѣется, когда дѣла мои пошатнулись, итальяночка отъ меня умчалась. Съ тоски я закутилъ, сталъ опускаться ниже и ниже. И вотъ результатъ—рыжее пальто. Впрочемъ, я не горюю. Вы думаете, я хандрю? Ничуть не бывало. Старого не вернешь. Да и поздно начинать жизнь снова. Августа безъ меня проживетъ. Дѣти встали уже на ноги. Дочь замужемъ, сынъ на хорошей службѣ. А я здѣсь гуляю, да вѣтеръ гоняю.

О. Михаилу было необыкновенно тяжело выслушивать эту исповѣдь когда-то богатаго человѣка. Куда дѣвалось его высокомѣріе, барство, аристократизмъ? Гдѣ изящныя манеры, хорошее платье?.. Все это скрылось за этимъ рыжимъ пальто. Передъ священникомъ былъ теперь промотавшійся, слившійся богачъ. Жалость и грусть сжали его сердце.

— Петръ Сергѣевичъ, разумѣется, старого не вернешь. Но вѣдь вы еще не старикъ. Вы образованы и вполне можете жить лучшей жизнью. Надо имѣть только твердое рѣшеніе и волю.

Жуковъ махнулъ рукой.

— Моя пѣсенка спѣта. Къ женѣ я не вернусь; для семьи я отрѣзанный ломоть. Самъ чувствую, что для нихъ чужой. Пусть живутъ и безъ меня. А потомъ и самъ ноги протану.

— Петръ Сергѣевичъ, простите меня, но не смотрите на жизнь такъ просто. Человѣкъ созданіе Божіе....

— Понимаю, батюшка,—перебилъ его Жуковъ; вы хотите сказать, чтобы я подумалъ о душѣ. А знаете, что я вамъ сообщу? Теперь, когда у меня ничего нѣтъ, когда я одинокъ, никому не нуженъ, когда, словомъ, для хорошаго общества я потерянь, у меня вдругъ иногда вспыхиваютъ какія-то искорки въ душѣ. Какъ назвать ихъ—не знаю. Но сознаюсь, что тогда меня тянетъ и въ церковь. И я бываю. Но только по вечерамъ, когда почти никого нѣтъ.

— Не тушите этихъ искорокъ, Петръ Сергѣевичъ,—отъ искорки недалеко и до пламени. И вотъ вы спасены. Ахъ, Петръ Сергѣевичъ, во имя нашей теперешней встрѣчи прошу и умоляю васъ именемъ Христа: начните лучшую жизнь. И Христосъ васъ не оставитъ. А семейству вашему вы доставите величайшее счастье. Вспомните Августу Иванову. Какъ много она выстрадала въ жизни.....

— Да, святая женщина,—подтвердилъ Жуковъ.

— И вотъ ради ее вернитесь къ лучшей жизни.

Жуковъ энергично тряхнулъ головой.

— Вотъ онѣ волны житейскаго моря. То поднимутъ одного, то бросятъ въ бездну, то снова поднимутъ.

— И я очень хочу, чтобы эта волна васъ, Петръ Сергѣевичъ, подняла. Надо горячо молиться о томъ.

— Будетъ обо мнѣ, батюшка. Скажите что-нибудь о себѣ. Гдѣ вы живете? Надѣюсь, у васъ, все благополучно?

— Я живу въ уѣздномъ городѣ Энскѣ. Слава Богу, жаловаться не могу.

-- Вы протоіерей? Извините за нескромный вопросъ.

— Да.

— И, вѣроятно, несете еще какой-нибудь постъ?

— Года три тому назадъ меня назначили наблюдателемъ церковныхъ школъ. Работаю, какъ могу, насколько позволяетъ здоровье.

— Радъ за васъ. Слѣдовательно, вашъ переѣздъ изъ села Роговскаго нисколько не повліялъ на вашу карьеру?

— Ничуть.

Они долго еще дружелюбно дѣлились своими переживаніями за эти пятнадцать лѣтъ.

— Ну, благодарю васъ, батюшка, что не побрезговали со мной посидѣть и поговорить. А теперь до свиданья, или, быть можетъ, прощайте.

— Нѣтъ, Петръ Сергѣевичъ, лучше скажемъ до свиданья и до лучшаго свиданья. Дай вамъ Богъ всего хорошаго!... Они вѣжливо пожали другъ другу руки и разстались.

— Житейское море, житейское море,—съ грустью задумчиво прошепталъ о. Михайлъ, направляясь въ свою квартиру. Ему до слезъ было жаль своего бывшего врага.

И. Поповъ-Пермскій.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе)¹⁾.

Г. Улей Прокоповича. а—медовый магазинъ. б и —в гнѣздовые отдѣленія. г—летки. (См. 2 ч. „Бесѣды по пчеловодству“ стр. 257).

Д. Планъ большого пчельника на 157 (и болѣе) пней съ расчетомъ по 1 кв. сажени на пень. а—крытая галле-рея вокругъ пчельника. б—пчеловолная комнатка. в—сто-лярный навѣсъ.—г—плотничій навѣсъ. д²⁾—омшанникъ. е—сѣнцы передъ омшанникомъ. и—примѣрная разбивка (шпагатомъ) девяти аршиннаго квадрата. Въ мѣстахъ, обоз-наченныхъ большими крестиками, садятся яблони и груши; а малыми—сливы и вишни; въ мѣстахъ же, обозначенныхъ

¹⁾ См. № 36 за 1914 г.

²⁾ Къ сожалѣнію буква д на клише не вышла и потому ее нѣтъ на рисункѣ.

точками, ставятся ульи. (Подробное описание пчельника см. стр. 232—247).

Д—2. Масштабъ, относящійся только лишь къ рисункамъ Д и Е.

Е. Примѣрная разбивка (шпагатомъ) двѣнадцатіаршиннаго квадрата съ расчетомъ по 4 квадратныхъ аршина на 1 пень.

Ж. Улей крестьянина Николенко. а—магазинъ. Пунктиромъ обозначено мѣсто въ ульѣ, до котораго проникаетъ вставляющійся магазинъ, и гдѣ навѣшиваются гнѣздовые рамки. б—летки. в—разгораживающая летки досточка.

И. Форма для изготовленія бетонныхъ столбиковъ. (См. стр. 245).

К. Примѣрная рамка, помѣщенная здѣсь лишь для указанія значенія буквъ. а—длина верхней планки. б—ширина верхней планки. р—ширина рамки вмѣстѣ съ толщиной боковыхъ планокъ. е—длина рамки вмѣстѣ съ толщиной верхней и нижней планокъ. д—длина нижней планки.

Ниже я покажу размѣръ рамокъ Лангстрота, Дадана—Блатта, Ващенко 1-й и 2-й, а также и своей (будущей). Размѣры будутъ показаны Кіевскихъ образцовъ и по наружному обмѣру (т. е., вмѣстѣ съ толщиной планокъ), такъ какъ именно эти размѣры важны для пчеловода, ввиду различной толщины планокъ. Полезное пространство рамокъ, т. е., то, которое застраивается сотами, будетъ показано отдѣльно; мы его обозначимъ буквой п.

Рамки ульевъ:	а	б	р	е	д	п
Лангстрота . . .	475 мил.	25 м.	448 м.	233 м.	448 м.	44 кв. верш.
Дадана Бл. гнѣзд. .	473 м.	25 м.	435 м.	300 м.	420 м.	57 „ „
Дадана Б. магазин. .	473 м.	25 м.	435 м.	162 м.	420 м.	28 „ „
Ващенко 1-я. . .	7 ³ / ₄ вер.	3/4 в.	7 ¹ / ₁₆ в.	9 в.	7 ¹ / ₄ в.	55 „ „
Ващенко 2-я. . .	6 ³ / ₄ вер.	3/4 в.	6 вер.	10 ¹ / ₂ в.	6 ¹ / ₈ в.	55 „ „
Автора (будущая) .	7 ¹ / ₄ вер.	3/4 в.	6 ¹ / ₂ в.	10 ¹ / ₂ в.	6 ⁵ / ₈ в.	60 „ „ ¹⁾ .

¹⁾ Размѣра Левинскаго здѣсь не помѣщаемъ, ибо не имѣемъ подъ руками типичной.

Примѣчаніе. Толщина всѣхъ планокъ въ рамкахъ Ващенко равна $\frac{1}{4}$ верша; въ рамкахъ-же Лангстрота и Дадана онѣ равны 8 мил., за исключеніемъ верхней, которая (посерединѣ) почти квадратна.

Объясненіе рисунковъ пятой таблицы,

представляющей фотографическій снимокъ пчеловодныхъ принадлежностей, приобретенныхъ для пчеловоднаго музея при Кіевской Дух. Семинаріи.

1. Скребокъ обыкновенный большой (25 коп.). 2. Скребокъ Казанскаго Общества Пчеловодства (50 коп.). Какъ тотъ, такъ и другой скребокъ употребляется для вычистки дна улья отъ накопившагося сору, особенно равней весной, по выставкѣ пасѣки на точекъ¹⁾.
3. Шприцъ жестяной для осаживанія вышедшаго роя, когда онъ долго не садится или очень высоко летаетъ (35 к.).
4. Кормушка Дадана (25 к.).
5. Трутнеловка Беша (65 к.).
6. Трутнеловка автоматическая (75 к.).
7. Лампочка Архипенка для подкуриванія гнильца (2 р. 50 к.).
8. Кормушка на рамку Левицкаго (15 к.).
9. Кормушка Левицкаго (18 к.).
10. Секція съ прорѣзомъ (пропиломъ) на полурамку Дадана (магазинную).
11. Секція, такъ называемая *стандартная* (по 2 коп. штука).
12. Ножъ Аббота для вскрытія запечатанныхъ сотовъ (35 к.).
13. Трафареты для нумераціи ульевъ (Десятокъ 75 к.).
14. Маточная клѣточка Титова (18 к.).
15. Маточная клѣточка Левицкаго (15 к.).
16. Колпачекъ для накрыванія матки (6 к.).
17. Маточная клѣточка автора, стоящая, при изготовленіи ея самимъ пчеловодомъ, не больше одной коп.
18. Крючекъ—стамеска Рута (35 к.), очень хорошо очищающая отъ прополисныхъ и восковыхъ налѣпокъ стѣны улья; она очень пригодна также и при наващиваніи рамокъ

¹⁾ Цѣны проставлены по цѣннику магазина Кіевского Центр. Общества Пчеловодства. (Кіевъ, Большая Житомирская № 9/11).

искусств. вощиной. 19. Шпора Вуабле, для приварки искусств. вошины къ проволокъ и планкамъ рамокъ (20 к.). 20. Щетка для сметанія пчель (30 к.). 21. Петля Вандеуша, вполнѣ замѣняющая накладку или крючекъ (1 фунтъ 60 к.). 22. Шило для прокалыванія рамочныхъ планокъ при натяжкѣ проволоки (10 к.). 23. Коробочка для пересылки матокъ на дальнее разстоянiе (20 к.). 24. Ситко для процѣживанія центробѣжнаго меда (50 к.). 25. Ганнемановская рѣшетка на рамку Левицкаго, для огораживанія матки (25 к.). 26. Воскотопка печная, состоящая изъ двухъ половинъ (2 р. 25 к.). Въ нижнюю половину наливается вода для кипяченія, а въ верхнюю съ сѣточнымъ дномъ и обтянутымъ холстомъ обрuchемъ накладывается сушь или восковыя обчистки, затѣмъ воскотопка накрывается крышкой и ставится на плиту. Паръ отъ кипящей воды подымается чрезъ металлическую сѣтку и холстъ въ верхнюю половину и растапливаетъ воскъ, который, затѣмъ, чрезъ фильтръ (холстъ) и сѣтку проходитъ въ нижнюю часть воскотопки, гдѣ и собирается на поверхности кипящей воды. Когда весь воскъ стечетъ внизъ его выливаютъ въ холодную воду для остуженія. 27. Двухстѣнный изъ бѣлой жести дымарь Рута (1 руб. 30 к.). 28. Дымарь Бингама одностѣнный изъ чернаго желѣза (65 к.). 29. Роевня Вятская изъ холста съ крышкой и метал. рѣшеткой (85 к.). 30. Черпакъ берестовый для сниманія роя (7 к.). 31. Пульверизаторъ для опрыскиванія пчель жидкимъ медомъ или водой (30 к.). 32. Клещики. 33. Спиртовая лампочка для нагрѣванія шпоры (30 к.). 34. Кружка воскотопка двухстѣнная. Внутри между стѣнокъ наливается кипятокъ, а воскъ кладется въ кружку; затѣмъ кружку ставятъ на плиту или на спиртовку и воскъ скоро растаетъ (45 к.). 35. Катушка съ луженой проволокой (1 фун. проволоки стоитъ 50 к.).

Необъясненные здѣсь способы примѣненія пчеловодныхъ принадлежностей будутъ объяснены далѣе, когда рѣчь будетъ объ ихъ примѣненіи; тамъ-же, по мѣрѣ надобности, мы

будемъ говорить и о тѣхъ пчеловодн. принадлежностяхъ, которыя еще не вошли въ нашъ семинарскій музей или вошли въ него послѣ фотографированія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

ЗАМѢТКА.

Какъ совершать литургію двумъ священникамъ безъ діакона.

Порядокъ совершенія литургіи безъ діакона двумя священниками практикуется во многихъ епархіяхъ слѣдующій: 1) проскомидія и первое кажденіе передъ литургіей оглашенныхъ совершается младшимъ священникомъ; 2) начало литургіи и первую ектенію произноситъ старшій священникъ; 3) малыя ектеніи съ возгласами произноситъ младшій; 4) на „маломъ входѣ“ несетъ Евангеліе и произноситъ „премудрость прости“ и возглашаетъ „яко святъ“ старшій; 5) по „Святый Боже“ предъ прокимномъ и передъ чтеніемъ Апостола и Евангелія возгласы „премудрость“ и „вонмемъ“ произноситъ младшій, а „миръ всѣмъ“ старшій; 6) во время чтенія Апостола совершаетъ кажденіе младшій, а старшій читаетъ Евангеліе и произноситъ сугубую ектенію; 7) ектенію объ оглашенныхъ и возгласъ „елицы оглашенніи изыдите“ и проч. произноситъ младшій, а старшій послѣднюю ектенію передъ Херувимскою пѣснью,—онъ совершаетъ кажденіе и во время пѣнія этой пѣсни; на „великомъ входѣ“ старшій беретъ потиръ и поминаетъ Государя Императора и Государыню Императрицу, а младшій беретъ дискось и поминаетъ Наслѣдника Цесаревича и весь Царствующій Домъ, Св. Синодь и мѣстнаго архіерея, потомъ старшій заканчиваетъ поминовеніе по обычаю, ставитъ чашу на престолѣ, беретъ дискось отъ другого священника и, поставивъ его на своемъ мѣстѣ, совершаетъ кажденіе, а младшій закрываетъ завѣсу и произноситъ ектенію: „испол-

нимъ молитву нашу Господевѣ“; 9) начиная отъ „миръ всѣмъ“ послѣ возгласа „милостію и щедрѣтами“ и до „и да будутъ милости“ совершаетъ старшій священникъ; 10) ектенію „вся свѣтыя поминуше“ произноситъ младшій, а старшій возглашаетъ „и сподоби насъ Владыко“, выноситъ Св. чашу, произнося „со страхомъ Божиимъ“ и т. д. до „всегда, нынѣ и присно“; 11) ектенію „прости приѣмше“ съ возгласомъ „яко Ты еси освященіе“ произноситъ младшій, а старшій на возгласъ „яко Ты еси освященіе“ беретъ Евангеліе и полагаетъ его на антиминсѣ по обычаю; 12) возгласъ „съ міромъ изыдемъ“ и „Господу помолимся“ произноситъ младшій священникъ,—онъ же читаетъ и заамвонную молитву, а старшій дѣлаетъ „отпустъ“.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ порядокъ совершенія литургіи двумя священниками безъ діакона нѣсколько разнится отъ вышеизложеннаго, а именно: на „великомъ выходѣ“ старшій священникъ вмѣстѣ съ потиромъ выноситъ и дискось, а младшій Св. крестъ. Такъ какъ у насъ нѣтъ правила, опредѣляющаго порядокъ совершенія литургіи одними священниками безъ діакона, то установленіе того или другаго порядка въ этомъ случаѣ зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстной епархіальной власти. („Вят. Е. В.“).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 1-го сентября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Авд. Общ. печат. и изд. дѣла. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 38

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 14-го сентября.

Содержаніе: I. Поученіе о помощи семействамъ нашихъ воиновъ. А. Анто-
ній.—II. Изъ сектантской печати. П. Гумилевскій.—III. Изъ Епар-
хіальныхъ Вѣдомостей. Б.—IV. Вернулся. Свящ. Вл. Успенскій.—
V. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе).—VI. Замѣтка. Съ нами
Богъ.—

Поученіе о помощи семействамъ нашихъ во- иновъ ¹⁾).

Возлюбленная братія святаго храма сего! Такъ назы-
ваетесь вы, слушатели, въ молитвахъ, которыя возноситъ о
васъ Богу Святая Церковь. Мы братья между собою, по-
тому что у насъ одинъ общій небесный Отець и общій
Учитель Христось, „вы же братія есте“, какъ сказалъ нашъ
Спаситель. А пророкъ Давидъ восклицаетъ: „Се что добро
или что красно, по еже жити братія вкупѣ“. „Вкупѣ“, зна-
чить: вмѣстѣ, дружно, безъ раздѣленія и ссоръ.

¹⁾ Изъ ж. „Вѣра и разумъ“.

И мы, возлюбленные, жили вкупѣ и вмѣстѣ собирались на духовную трапезу въ Божій храмъ, какъ въ дружномъ домѣ собираются ежедневно братья на обѣдъ и ужинъ. А вотъ съ этого лѣта порѣдѣли ряды богомольцевъ, не видимъ мы многихъ лицъ, къ которымъ привыкли, въ Божіемъ храмѣ; не видятъ ихъ и на своей домашней трапезѣ ихъ жены, дѣти, ихъ братья, сестры и родители.—Знаете сами, о комъ я говорю: о нашихъ христіанскихъ войнахъ, а особенно о запасныхъ, которые пошли на славное и святое дѣло защиты родины своей отъ нападающаго врага и для освобожденія православныхъ сербовъ и галичанъ-малороссовъ отъ ига иновѣрныхъ.

„Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“, т. е. вмѣстѣ. Это слово св. Писанія, братіе, не то обозначаетъ, чтобы братья сидѣли всегда вмѣстѣ и не разлучались. Вѣдь и при совмѣстной жизни бываютъ ссоры, драки и зависть, прогнѣвляющія Бога. Нѣтъ, Писаніе восхваляетъ то „купножитіе“, когда братія бываетъ единодушна, когда всѣ другъ за друга стоятъ, другъ другу помогаютъ, другъ друга жалѣютъ, одинъ другому не завидуетъ, не мститъ, не желаетъ зла.

Такъ было во времена Апостоловъ Христовыхъ. Слушайте, что сказано въ книгѣ Дѣяній о жизни древнихъ христіанъ: *У мнозества же утѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее* (4, 32). *Не было между ними никого нуждающагося и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду* (34, 35). Вотъ, слушатели, о какой жизни сказано: „се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“.—Нѣтъ съ нами въ церкви нашей нашихъ возлюбленныхъ подвижниковъ—воиновъ, нѣтъ ихъ теперь подъ кровлей домовъ своихъ, но если мы такъ ихъ любимъ и такъ заботимся о нихъ, какъ древніе христіане другъ о другѣ заботились, то мы пребываемъ духомъ „вкупѣ“ съ ними и получаемъ похвалу отъ пророка Давида.

Горе намъ, если у насъ будетъ не такъ, если мы забудемъ ихъ и охладѣемъ къ нимъ! Вѣдь не за себя, не за своимъ интересомъ пошли они подъ штыки и пули, и бомбы, а за насъ, за нашу землю, за нашу Святую Русь, за православную вѣру. Мы спокойно живемъ въ домахъ своихъ, а они за насъ подвизаются; мы за ихъ спинами не боимся нападенія вражескаго,—а ихъ семейства остались безъ работниковъ, безъ кормильцевъ. Болить о нихъ женское сердце ихъ хозяекъ; съ тревогой взираютъ онѣ на своихъ дѣтокъ, скучающихъ безъ отца, опускаются труженическія руки, когда душа смущается помысломъ: живъ-ли то мой дорогой мужъ? не осиротѣли-ли мои милыя дѣтки?

А что, если такихъ дѣтокъ семеро? что, если хлѣбъ стоитъ не вымолоченъ, за скотиной досмотрѣть некому? обѣдъ сварить—все изъ рукъ валится, дѣтя вынянчить некогда, а то и больной ребенокъ въ жару мечется и голова кругомъ идетъ?

Вотъ, братіе, если въ какомъ селѣ находятся такія заброшенныя, горемъ убитыя солдатскія семейства, то уже грѣхъ и стыдъ всему селу. Значить, не живетъ эта братія „вкупѣ“ и недостойна именовать Бога своимъ Отцемъ, ибо каждый отецъ спроситъ сына своего, какъ онъ обходится со своимъ меньшимъ братомъ, и если узнаетъ, что братъ пренебрегаетъ братомъ, то отвергнетъ его Отецъ нашъ небесный и Судія. Онъ скажетъ такимъ на Своемъ послѣднемъ судѣ: *Идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его: взалкался бо, и не дасте Ми ясти, возжадался, и не напоисте Мене, страшенъ бѣхъ, и не введосте Мене, нагъ, и не одѣясте Мене; болелъ и възтемихъ, и не посѣтисте Мене... Аминь глаголю вамъ, понеже не сотвористе единому братіи Моихъ меньшихъ, ни Ми сотвористе (Матѳ. XXV, 41—45).*

Возлюбленные братіе, чада мои духовныя! да не падетъ на насъ тотъ страшный глаголь Христовъ! Если такое тяжкое осужденіе примутъ всѣ пренебрегающіе бѣдняками и стра-

дальцами, то еще тягчайшее осужденіе пріяняли бы тѣ изъ насъ, кто бы пренебрегъ страданіями и нуждою женъ и дѣтей нашихъ самоотверженныхъ защитниковъ, обѣщавшихъ предъ крестомъ и евангеліемъ стоять до смерти за вѣру, Царя и отечество. Они душу свою полагаютъ за насъ: мы ли отворотимся отъ ихъ нуждающихся или скорблящихъ семействъ? Нѣтъ, братіе, не бывать такому грѣху!

Конечно, и сами вы жалѣете ихъ, и рады имъ пособить и ихъ выручить. Посовѣтуемся же, какъ это устроить разумно и благовременно. Иной, лучше скажу, всякій, радъ помочь солдатской семьѣ, да не знаетъ, въ чемъ она нуждается, приносить онъ свою лепту, а имъ и послать некого купить крупы или соли. Зато иная солдатка, бойкая на языкъ, себѣ всего напроситъ у сосѣдей, другая-же, совѣстливая, сидитъ больная съ голоднымъ дѣтми, и никто не догадается придти пособить ей.

Какъ же помочь такому горю? Нужно, братіе, чтобы весь міръ пріялся за это святое дѣло и чтобы около церкви Божіей было извѣстно, какая семья въ чемъ нуждается. Иная, получивши царское пособіе отъ мѣстнаго начальства, и сыта, и при дѣлѣ, и ей всего довольно: а иной не хватитъ пособія по множеству дѣтей и стариковъ. Въ иной семьѣ хлѣбъ есть, а нужна рабочая помощь: дитя покачать, за больнымъ походить, скотину убрать, пищу сварить за больную хозяйку, а то съ поля убрать некому овощей и хлѣба вымолотить. Пусть міръ досмотритъ каждую семью чрезъ своихъ довѣренныхъ, и они скажутъ священнику и выборнымъ о всякой семьѣ, кому чего надо. Туда же будутъ собирать, къ выборнымъ и священнику, мірскую лепту, и тамъ будутъ рѣшать, кому чего купить, и затѣмъ дадутъ отчетъ о дѣлахъ своихъ всему приходскому обществу. Тѣ выборные со священникомъ будутъ называться *приходскимъ комитетомъ*, и этотъ комитетъ будетъ распредѣлять христіанскую любовь, желающихъ послужить солдатскому семейству, чѣмъ именно послужить, въ чемъ раздѣлить ихъ работу, какое взять на

себя святое послушаніе. Вотъ такъ и у насъ грѣшныхъ тогда повторится, хоть въ малой степени, то, что сказано о первыхъ христіанахъ: „У множества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, и не было между ними никого нуждающагося, но каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“.

Узнають о такой заботѣ къ своимъ семьямъ наши христіолюбивые воины, и поднимется въ нихъ духъ, исполнившись великимъ мужествомъ. Сердце ихъ затрепещетъ благодарнымъ чувствомъ къ вамъ, любезные слушатели. И скажутъ наши солдатики: „Не страшно умирать за родину, когда Богъ послалъ моей семьѣ такую благодать, что цѣлый міръ нынѣ сталъ для нея вмѣсто отца. Теперь безстрашно пойду на врага: если и убьютъ меня за св. вѣру, то дѣти мои не останутся сиротами: всѣ наши прихожане имъ и отецъ, и мать, и братъ, и сестра. Теперь берегись нѣмецъ, и австріецъ, и турокъ!“

Такъ, возлюбленные, сражаться будутъ только солдаты, но руки ихъ укрѣпятся вашею любовью, вашимъ попеченіемъ объ ихъ семействахъ: будете помогать женамъ и дѣтямъ, а помощь ваша отзовется на всемъ нашемъ войскѣ и въ его мужественныхъ побѣдахъ. Почуете вы и свою лепту, и свою ласку къ его дѣтямъ, чрезъ которыхъ укрѣпилась храбрость нашихъ воиновъ. И тогда всѣ, русскіе люди, которые поддерживали семейства воиновъ, могутъ сказать: „и мы участвовали своими трудами и своими жертвами въ славной войнѣ русскихъ за отечество и за святое православіе“.

Да будетъ такъ, братіе! Не скупитесь же на жертвы, не лѣнитесь на помощь ближнимъ. Богъ наградитъ за это, и наградитъ васъ ваше собственное сердце. Творить дѣло любви Христовой, братіе, это сладкая заповѣдь. Сначала будто и жаль своей копейки, своихъ даровыхъ трудовъ для сосѣда, а какъ поборешь свою скупость, свою лѣность, и увидишь благодарныя слезы нуждающихся, такъ радостно станетъ у тебя на сердцѣ: самъ ты добрѣе сдѣлаешься, и

благодатная сила Божія потянетъ тебя на большіе труды и большія жертвы. Тогда поймешь, что значать слова псаломскія: *Блазъ мнѣ законъ устъ Твоихъ, паче тысящъ злата и сребра. Коль возлюбихъ законъ Твой, Господи, весь день поученіе мое есть. Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ! Сего ради возлюбихъ заповѣди Твоя паче злата и топазія* (Псал. 118).

Такую радость доставляетъ человѣческому сердцу доброе дѣло, совершенное имъ для нуждающагося брата. А если такія святія дѣла братской помощи исполняются всѣмъ міромъ въ разумномъ порядкѣ, въ любовномъ согласіи, то самъ Господь приходитъ невидимо среди людей, согласившихся трудиться во имя Его и жертвовать для тѣхъ, кто жертвуетъ своею жизнью для Его святой славы. Сіе обѣщаль намъ Спаситель Своими неложными устами: *Истинно также говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землю просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго* (Матѣ. 18, 19).

Итакъ, братіе, любовь и взаимное согласіе, совѣтъ и молитва да помогутъ намъ устроить такъ, чтобы утереть въ нашемъ приходѣ всякую слезу солдатской семьи, чтобы не было ни одной изъ нихъ нуждающейся въ насущномъ хлѣбѣ, чтобы и Господь невидимо пребывалъ среди насъ, и поборолъ враговъ Россіи. Аминь.

Архіепископъ Антоній.

Изъ сектантской печати.

Въ баптизмѣ въ послѣднее время замѣчается броженіе мистическаго характера, которое угрожаетъ раздѣленіемъ въ сектѣ. Всякаго рода раздоры и дробленіе, въ противоположность тому единству, которое предназначено Христомъ для Его истинной Церкви, въ сектантствѣ вполнѣ естественны. Но для насъ эти раздоры знаменательны въ томъ отношеніи,

что въ пылу раздорническаго раздраженія сектанты обнаруживаютъ свою подлинную „святость“.

По изображенію „Баптиста“ (1914 г., №9-10), въ тифлисской баптистской общинѣ появились два юноши проповѣдника Масловъ и Степановъ, предъявившіе свидѣтельства отъ „евангельскихъ христіанъ“. Ихъ проповѣди вызвали такое сильное возбужденіе, что „долго славшіе духовно проснулись, началось покаяніе и многіе стали молиться Господу о прощеніи.“ Но для нѣкоторыхъ членовъ общины это показалось страннымъ: „всѣ привыкли къ холодному и формальному богослуженію“,—объясняетъ авторъ статьи (самъ редакторъ „Баптиста“ В. В. Ивановъ). Усумнившіеся спросили юношей, кто послалъ ихъ въ Тифлисъ. Юноши отвѣчали: „Богъ послалъ насъ“. Но такой отвѣтъ не удовлетворилъ усумнившихся (В. В. Ивановъ по этому поводу иронически замѣчаетъ: „Такіе отвѣты современное христіанство не привыкло слышать. Какъ Богъ послалъ? У насъ теперь есть общины, союзы, правленія, они только вѣдаютъ дѣло миссіи и они посылаютъ проповѣдниковъ. Вотъ это законно и правильно!“), и они запросили своихъ единовѣрцевъ въ Петроградѣ. Отвѣтъ на запросъ получился слѣдующій: „Масловъ и Степановъ хлысты-прыгуны, пятидесятники, берегитесь ихъ“. Несмотря на такой отвѣтъ, большинство тифлисскихъ баптистовъ, во главѣ съ П. М. Зольниковымъ, какъ сами „имѣющіе свидѣтельство отъ Святаго“, изслѣдовали проповѣди названныхъ юношей и не нашли въ нихъ „ни малѣйшаго уклоненія отъ истинъ Евангельскихъ“, а потому и продолжали принимать ихъ; часть же, во главѣ съ А. Я. Левушкинымъ перестала посѣщать собранія. Въ баптистскомъ же „Гостѣ“ (1914 г. № 6) о подобныхъ лже-пятидесятникахъ, т. е. людяхъ, воображающихъ, что они непосредственно посылаются Богомъ и дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ воздействием Св. Духа, излагается мнѣніе очень не лестное. Предостерегая своихъ братьевъ отъ движенія „Пятидесятницы“, В. Геденовъ рассказываетъ объ одномъ пятидесятникѣ,

который „говорилъ на языкахъ и пророчествовалъ, былъ потрясаемъ „духомъ не въ малую мѣру и даже поднять этимъ духомъ чуть не до потолка, а потомъ призналъ себя одержимымъ злыми духами и началъ молиться Господу объ освобожденіи отъ нихъ. При этомъ В. Гедеоновъ считаетъ нужнымъ указать, что злые духи, какъ оказывается, нашли въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ возможность войти въ такихъ братьевъ и сестеръ, жизнь которыхъ не совсѣмъ была искренна и чиста предъ Богомъ“, такъ какъ „каждый исповѣданный и неоставленный человѣкомъ грѣхъ или неправда является дверью, чрезъ которую нечистый духъ можетъ войти въ человѣка“; далѣе перечисляются грѣхи, очевидно, замѣчаемые у баптистовъ—иначе и не зачѣмъ было бы предостерегать отъ нихъ.

Въ изложенной исторіи много характернаго. Здѣсь мы находимъ подлинную характеристику большинства баптистовъ, спящихъ духовно, зараженныхъ обычными человѣческими слабостями, нуждающихся въ покаяніи, а также и характеристику ихъ обычнаго богослуженія—холоднаго и формальнаго (къ такому въ Тифлисѣ „всѣ привыкли“). Видимъ также, что то возбужденіе, которымъ сопровождаются нѣкоторыя собранія баптистовъ и которымъ послѣдніе особенно хвалятся, какъ обильнымъ изліяніемъ Святаго Духа, стоитъ очень близко къ хлыстовскому „накатыванію духа“. Здѣсь открывается, наконецъ, полная безпомощность баптистовъ въ рѣшеніи существенно важнаго вопроса,—кого слѣдуетъ признавать законными проповѣдниками, имѣющими дѣйствительное божественное посланничество (Рим. 10,15).

Всѣ сектанты стараются представить себя вполне послушными правительству. Но искренность такихъ увѣреній остается подъ сомнѣніемъ. По этому вопросу не лишне привести адвентистское истолкованіе извѣстныхъ словъ ап. Павла, что начальникъ есть „Божій слуга“. Въ шестомъ прило-

женіи (1914 г.) къ адвентистскому журналу „Благая вѣсть“ (24-25 стр.) въ объясненіе этихъ словъ сказано слѣдующее. „Навуходоносоръ называется даже въ наибольшую минуту его гордости „рабомъ Божиимъ“. Онъ могъ не знать этого, но тѣмъ не менѣе онъ былъ служителемъ Божиимъ. То же можно безъ сомнѣнія сказать о другихъ правительствахъ. Однако съ точки зрѣнія божественнаго, всеуправляющаго руководства, всѣ они доказали наслѣдственное корыстолюбіе и превратность падшаго человѣчества“. Въ послѣднихъ выраженіяхъ, если не прибѣгать къ казуистическому перетолкованію, къ которому вообще такъ склонны адвентисты, содержится бездоказательное осужденіе всѣхъ вообще правительствъ, не оправдываемое ни даннымъ апостольскимъ текстомъ, ни исторіей.

При такомъ взглядѣ на правительство, не удивительно, что нѣкоторые сектанты по поводу настоящей войны молятся такъ: „о, нашъ дорогой Господь! мы не имѣемъ права молиться о дарованіи побѣды какому-либо оружію“ („Осенитель“ 1914 г., № 8, 32 стр.), а въ своихъ рѣчахъ проводятъ мысль, что „кто за войну и воюетъ, тотъ въ царствѣ діавола, а кто противъ войны, тотъ въ царствѣ спасенныхъ“ (тамъ-же). По сектантскому взгляду выходитъ, что неправильно поступилъ Моисей, молившійся о побѣдѣ евреевъ надъ амаликитянами (Исх. 17 гл.), неправильно дѣйствовали Гедеонъ, Іефеай, Самуиль и другіе пророки, которые вѣрою побѣдили царства, были сильны на войнѣ, обратили въ бѣгство полки чужихъ (Евр. 11 гл.); сектанты, очевидно, забыли, что Самъ Богъ посылалъ народы на войну, какъ орудіе Своего праведнаго гнѣва, и изрекъ устами пророка Своего: „проклять, кто дѣло Господне дѣлаетъ небрежно, и проклять, кто удерживаетъ мечъ Его отъ крови“ (Іер. 4 8, 10).

Н. Гумелевскій.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Отзывчивость духовенства на нужды русской арміи.

Грозная военная буря, разразившаяся надъ большей частью Европы, сильно всколыхнула нашу жизнь, привлекла къ себѣ всеобщій интересъ, возбудила въ русскихъ людяхъ необычайный подъемъ духа и вызвала въ нихъ проявленіе глубокихъ патріотическихъ чувствъ. Теперь каждый русскій человѣкъ занятъ мыслью о войнѣ, съ нею онъ засыпаетъ послѣ трудового дня, съ нею же и встаетъ на дневной подвигъ и трудъ. Повліявъ такъ сильно на русскихъ гражданъ, задѣвъ, такъ сказать, всѣ стороны ихъ жизни, война, конечно, болѣе всего воздѣйствовала на нашу повременную печать, поскольку она является отраженіемъ нашей жизни и самымъ чувствительнымъ ея нервомъ. Въ самомъ дѣлѣ, газеты и журналы посвящаютъ свои страницы и столбцы, главнымъ образомъ, войнѣ, причемъ послѣдняя, можно сказать, объединила и примирила всѣ враждовавшіе ранѣ другъ съ другомъ органы, которые теперь всѣ сошлись на одномъ: надо, во что-бы-то ни стало, защитить родину и побѣдить заносчиваго и зарвавшагося врага. Неудивительно, поэтому, если и епархіальные печатные органы поддались такому же сильному вліянію со стороны нынѣшнихъ грозныхъ военныхъ событій, если и ихъ вниманіе сосредоточено сейчасъ, главнымъ образомъ, на томъ, что происходитъ на западной границѣ Россіи. Нѣтъ ни одного епархіальнаго органа, который-бы ничего не говорилъ о текущей войнѣ, не призывалъ-бы своихъ читателей къ мужеству и единодушію, не указывалъ-бы на необходимость сплотиться для помощи раненымъ и больнымъ воинамъ и семьямъ запасныхъ солдатъ, ушедшихъ на войну. А многіе изъ этихъ органовъ знакомятъ насъ съ тѣмъ, что уже сдѣлано въ ихъ епархіяхъ духовенствомъ и прихожанами для помощи солдатамъ и ихъ семьямъ въ эти великіе историческіе дни.

Изъ видовъ помощи воинамъ, организованной вездѣ по епархіямъ, особенно обращаетъ на себя вниманіе „духовный отрядъ“, образованный въ Кишиневской епархіи, по распоряженію мѣстнаго владыки—Архіепископа Платона. Отрядъ этотъ состоитъ исключительно изъ священниковъ, избранныхъ духовенствомъ по одному отъ каждаго округа, и отправляется на театръ военныхъ дѣйствій съ цѣлью ухода за ранеными, напутствованія умирающихъ и несенія, вообще, службы при госпиталяхъ и санитарныхъ отрядахъ. Избранные сохраняютъ за собою право на приходскіе доходы, а окружное духовенство, сверхъ того, обложило себя особыми взносами въ пользу всѣхъ этихъ членовъ „духовнаго отряда“. Объ этомъ патріотическомъ и весьма полезномъ для арміи дѣлѣ доложено протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства Г. И. Шавельскимъ Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, Который выразилъ благодарность Архіепископу Платону и Кишиневскому духовенству за отзывчивость на нужды русской арміи. Не ограничиваясь этимъ, духовенство Кишиневской епархіи постановило, чтобы священники, въ приходахъ которыхъ расположены желѣзнодорожныя станціи, выходили встрѣчать воинскіе поѣзда для бесѣды съ воинами и раздачи имъ св. евангелія, крестиковъ, листовъ и брошюръ о важности и величіи воинскаго подвига. Изданіе этихъ брошюръ взяло на себя мѣстное Христо-рожденственское братство. Вообще, надо сказать, наше духовенство въ настоящую войну работаетъ на благо родины интенсивно и на мѣстахъ, и на самомъ полѣ брани. Не изъ одной лишь Кишиневской епархіи направляются въ дѣйствующую армію священно-служители. Отдѣльныя духовныя лица ѣдутъ туда изъ разныхъ мѣстъ обширной матушки Россіи. Интересно при этомъ отмѣтить нѣкоторыя правила, которымъ должны подчиняться госпитальные священники во время военныхъ дѣйствій.

1) Въ положенные дни госпитальный священникъ обязанъ совершать богослуженіе въ помѣщеніи, приспособлен-

номъ для церкви. При отсутствіи удобнаго помѣщенія, богослуженіе можетъ быть совершаемо въ баракахъ, палаткахъ и даже на госпитальномъ дворѣ. 2) Каждый день священникъ обходитъ палаты больныхъ, бесѣдуя съ тѣми изъ больныхъ, которыхъ разговоръ не утомляетъ, и узнаетъ отъ сестеръ милосердія о тѣхъ воинахъ, которые желаютъ причаститься Св. Таинъ, немедленно удовлетворяетъ такія желанія. 3) Священникъ долженъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы оказать услугу, утѣшеніе, преподать совѣтъ и наставленіе страждущимъ. Для этого онъ долженъ познакомиться съ правилами ухода за больными и принимать участіе въ этомъ уходѣ, писать письма по просьбѣ больныхъ къ ихъ роднымъ и знакомымъ, снабжать больныхъ книгами, а для выздоравливающихъ организовать даже чтенія. 4) Неполучившіе полнаго богословскаго образованія священнослужители не должны вступать въ богословскіе и научные споры съ врачами и офицерами, а „съ любовью, кротостію и смиреніемъ неустанно служить всѣмъ и каждому“.

(Волинск. Епарх. Вѣд.).

Епархіальные сѣзды.

Въ „Саратовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ разбирается весьма интересный вопросъ, что по существу своему представляютъ изъ себя наши епархіальные сѣзды. Эти сѣзды, по мнѣнію указаннаго органа, лишь по недоразумѣнію носятъ названіе „епархіальныхъ“, такъ какъ вовсе они не являются выразителями желаній и взглядовъ всего епархіальнаго духовенства и церковныхъ старостъ, а только нѣсколькихъ опредѣленныхъ лицъ—депутатовъ сѣзда. Духовенство часто даже не знаетъ, о чемъ будутъ говорить на сѣздѣ о. о. депутаты, такъ что постановленія послѣднихъ нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ желаніями и воззрѣніями остальнаго духовенства. Необходимо поставить епархіальные сѣзды въ такія условія, чтобы они были таковыми не только по имени, а и въ дѣйствительности и чтобы они, стало быть, удовлетворяли самой

идеѣ епархіальныхъ сѣздовъ. Само собой понятно, что для созданія этихъ условій надо привлечь къ работѣ, исполняемой теперь обычно однимъ лишь сѣздами, всѣхъ церковныхъ старостъ и все духовенство, не исключая и меньшихъ членовъ клира. А сдѣлать это возможно тогда, когда вопросы, подлежащіе разрѣшенію епархіальныхъ сѣздовъ, будутъ предварительно рѣшаться на окружныхъ благочинническихъ собраніяхъ, составляющихся не только изъ причтовъ, но и церковныхъ старостъ. Въ цѣляхъ ясности, простоты и доступности матеріала, имѣющаго быть представленнымъ на обсужденіе благочинническихъ собраній, въ губернскомъ городѣ учреждается особая Подготовительная комиссія, которая предварительно и разсматриваетъ вносимые въ епархіальный сѣздъ вопросы, собирая нужныя свѣдѣнія и справки въ законахъ относительно каждаго изъ нихъ и высказывая свои мнѣнія и соображенія. Подготовленный такимъ способомъ матеріалъ разсылается изъ комиссіи по округамъ для обсужденія въ благочинническихъ собраніяхъ, которыя свои постановленія сообщаютъ епархіальному сѣзду. Что же остается на долю депутатовъ этого сѣзда? Они, узнавъ изъ постановленій благочинническихъ собраній, рѣшенія и мнѣнія всего духовенства и церковныхъ старостъ, сдѣлаютъ сводку этихъ рѣшеній и соотвѣтствующіе изъ нихъ выводы, а потомъ на основаніи всего этого — и постановленія отъ имени епархіальнаго сѣзда.

Авторъ этого проекта ожидаетъ, что при такихъ порядкахъ сразу же оживятся благочинническія собранія, которыя теперь часто превращаются въ пустую формальность. Духовенство начнетъ съ охотой посѣщать эти собранія, такъ какъ узнаетъ, что на нихъ обсуждаются важные, жизненные вопросы, въ разрѣшенія которыхъ оно само можетъ принимать участіе. Жизнь епархіальная забьетъ ключемъ.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что при осуществленіи этого проекта для депутатовъ исчезнетъ возможность подпадать на епархіальномъ сѣздѣ подъ сильное неотрази-

мое вліяніе нѣкоторыхъ своихъ собраній—сочленовъ, забирающихъ нерѣдко власть на засѣданіяхъ съѣзда и гипнотизирующихъ остальныхъ. Каждый депутатъ долженъ будетъ поддерживать рѣшеніе своего благочинническаго округа и подчиняться лишь большинству голосовъ, принадлежащихъ опять таки не отдѣльнымъ депутатамъ, а коллективнымъ единицамъ—округамъ. Боятся, что при такомъ порядкѣ вещей работа депутатовъ слишкомъ сузится, сведется къ простому подсчитыванію голосовъ, нѣтъ основаній. Каждый депутатъ долженъ быть готовъ представить мотивированное рѣшеніе своего округа, долженъ въ случаѣ надобности защитить его; а кромѣ того округа могутъ разрѣшить тѣ или другіе вопросы только по существу, а не въ деталяхъ, предоставляя разработку этихъ послѣднихъ всецѣло депутатамъ епархіальнаго съѣзда.

Б.

Вернулся ¹⁾).

Священникъ села Крутыхъ Горъ о. Александръ Климовскій въ смертной тоскѣ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, вотъ уже второй день отказываясь отъ пищи и питія и думая горькую думу: что предпринять? Его единственный сынъ, надежда всей его жизни и опора на старости—Макарій, воспитанный имъ въ строгой церковности и преданности вѣрѣ и своему сословію, блестяще окончившій курсъ семинаріи, назначенный на казенный счетъ въ академію и усердно готовившійся къ вступительнымъ экзаменамъ туда, вдругъ въ концѣ каникулъ заявилъ, что не пойдетъ въ академію, а предпочитаетъ ей юридическій факультетъ университета... Слыханное ли дѣло въ семьѣ Климовскихъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ измѣнилъ своей средѣ для свѣтской службы? Уже

¹⁾ Разсказъ относится ко временамъ Японской войны и нашей революціи. Печальное воспоминаніе! Теперь совсѣмъ не то. Вспоминаемъ о бывшемъ по контрасту съ настоящимъ.

нѣсколько вѣковъ, насколько сохранились семейныя преданія, всѣ Климовскіе состояли въ духовномъ сословіи, кто въ качествѣ низшихъ клириковъ, кто священно-служителями и неизмѣнно одинъ изъ нихъ кто-нибудь состоялъ до конца дней своихъ священникомъ въ Крутыхъ Горахъ... Къ этому привыкли жители „Крутыхъ Горъ“, простодушный, сердечный и преданный своимъ пастырямъ народъ, и, кажется, не перенесли-бы безъ ропота, если-бы у нихъ появился священникъ съ другой фамиліей... „Что же будетъ, когда я умру?“ ломалъ руки о. Александръ. Время взяло свое—родъ Крутицкихъ по вымеръ и единственнымъ представителемъ его послѣ меня является мой сынъ Макарій... Но главное, главное—измѣнить духовной средѣ; это ли не попытка для моего старческаго сердца?... Не попусти, Матерь Божія, верни моему искони „духовному“ роду сына!“

Горячая мольба о. Александра была услышана, но ему все же, для очищенія его преданнаго Церкви сердцу, какъ для очищенія золота въ горнилѣ, готовилось испытаніе, сократившее его вѣкъ...

Сынъ его—Макарій Климовскій остался при своемъ, взялъ бумаги изъ академіи и поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ съ тѣмъ, чтобы по выдержаніи экзамена на „аттестатъ зрѣлости“ зачислиться въ студенты.

Что побудило къ такому перелому жизни Макарія?

Начиналось на Руси революціонное движеніе, давно уже въ тиши подготовляемое ея врагами. Теперь они воспользовались несчастной японской войной, чтобы проявить себя. Макарій въ семинаріи не задавался этимъ движеніемъ и даже не зналъ объ немъ, занятый единственной мыслью кончить курсъ и порадовать отца успѣхами. Но на лѣтнихъ каникулахъ, передъ поступленіемъ въ академію, онъ случайно попалъ въ общество студентовъ университета и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Общество это собралось въ домѣ помѣщика Крутыхъ Горъ—заядлаго поляка пана Свентицкаго. Макарій былъ приглашенъ туда въ качествѣ репетитора

двухъ младшихъ дѣтей пана: Стаси и Зоси и приглашенъ, повидимому, съ злымъ умысломъ выработать изъ сына ненавистнаго для поляковъ попа-схизматика врага Руси и ея вѣры. Въ домѣ пана Свентицкаго университетская молодежь начала усердно пичкать Макарія своими бреднями—стереть съ лица земли русское самодержавіе, православіе и единство Руси и такимъ образомъ свести Русь на степень политическаго ничтожества. Заднею мыслью революціонеровъ, до мозга костей поляковъ, было, конечно, возстановленіе Польши отъ моря и до моря, а если удастся хорошо половить рыбку въ мутной водѣ, то и полное поглощеніе Руси польскими вождельніями, а на передній, такъ сказать, показной планъ выставлялось освобожденіе народа отъ засилья бюрократическаго режима, объединеніе и уравниеніе правъ всѣхъ сословій и тѣмъ превращеніе всѣхъ классовъ общества въ одинъ классъ „свободныхъ гражданъ“—однимъ словомъ, превращеніе Руси въ демократическую республику, девизомъ которой должно служить то же, что превратило въ республику Францію конца XVIII столѣтія, т. е. громкія слова: „свобода, братства, равенства“ (*liberté, fraternité et égalité*), а главный дѣятель этого якобы благодѣтельнаго для всѣхъ государствъ вообще и для Россіи въ частности направленія политической жизни—„гильотина“ (или ее замѣняющія другія средства воздѣйствія на существующее правительство, какъ бомбы, револьверы и тому подобныя), конечно, до времени былъ скрытъ.

Непривыкшая къ работѣ въ политическомъ направленіи голова Макарія Климовскаго затуманилась отъ громкихъ фразъ и старательно выработаннаго краснорѣчія университетской молодежи... Еще больше отуманили его прекрасные глазки и голосъ сирены старшей дочери пана Свентицкаго красавицы Ядвиги, оказывавшей особые знаки сердечнаго расположенія къ Макарію, и идти рука объ руку съ чайніями университетской молодежи показалось верхомъ современнаго прогресса Макарію. При томъ же ему обѣщалась весьма не-

маловажная роль въ будущемъ правительствѣ „Восточныхъ штатовъ Европы“, какъ уже заранѣе окрестили предполагаемую республику російскую обновители ея жизни... Кому не вскружить голову играть роль въ государствѣ! А вѣдь Макарій былъ юноша, едва достигшій двадцатилѣтняго возраста.

Обливалось кровью сердце о. Александра, что сынъ его сошелъ съ вѣковой дороги семьи, за то парилъ духомъ въ области своихъ рововыхъ мечтаній его сынъ и неустанно повторялъ слова своихъ учителей, выхваченныя изъ Евангелія: „Взявшійся за плугъ не долженъ оборачиваться назадъ“... „Оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“...

Святое Евангеліе Господа! какъ надъ тобою порою кощунствуютъ люди, раскрывающіе твои страницы только для глумленія надъ ученіемъ Христа!

Прекрасные глаза и обольстительный голосъ красавицы Ядвиги особенно повышали настроеніе Макарія въ желательномъ для революціоннаго кружка направленіи. Женщина, этотъ общепризнанный „вѣнецъ“ земного созданія, всегда можетъ сдѣлать съ мужчиной, что хочетъ, и благо для міра, если она дѣлаетъ то, чѣмъ гордились первые вѣка христіанства, которые заставили даже язычниковъ восклицать: „какія прекрасныя женщины у христіанъ“, но горе, когда женщина съ своею красотою и обольстительностью выступаетъ на погубу міру. Увы! въ наше время это явленіе болѣе обычное, чѣмъ дѣятельность женщинъ золотого вѣка христіанства!...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Священникъ *Владимиръ Успенскій*.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе)¹⁾.

БЕСѢДА ДВѢНАДЦАТАЯ:

Весна на пчельникѣ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ пасѣчникъ поджидаетъ весны,—но не той весны, которая начинается 9-го марта и которая зачастую разочаровываетъ какъ обыкновеннаго смертнаго, такъ и труженика пахаря... У пасѣчника есть свой календарь..., у него есть своя весна; та весна, которая придетъ къ нему на пчельникъ, откроетъ летки перенесенныхъ съ омшанника пней и выпуститъ на свѣтъ Божій труженицъ пчелокъ, навстрѣчу согревающимъ лучамъ благотворнаго свѣтила.

О томъ, когда приходитъ пчелиная весна, какія перемѣны происходятъ весной въ жизни пчелиной семьи и когда она заканчивается, мы достаточно говорили въ 1-ой части нашихъ „Бесѣдъ“²⁾, теперь лишь просимъ читателя припомнить все то, что мы говорили о веснѣ, а если плохо припоминается, то и заглянуть на выше реченную страницу и еще разъ возобновить въ памяти главнѣйшіе эпизоды пчелиной весны. Въ настоящей же бесѣдѣ мы съ вами, читатель, поговоримъ о другомъ; поговоримъ мы о тѣхъ практическихъ приемахъ пасѣчника, которыми сопровождается его участіе въ жизни пчелки и его высшее, вполне сознательное руководство жизнью умнѣйшаго изъ насѣкомыхъ. Итакъ къ дѣлу!

Приготовленія пасѣчника къ веснѣ.

Еще за полъ-мѣсяца до наступленія пчелкиной весны, когда снѣгъ, устыдась своей поблекшей бѣлизны, начнетъ

¹⁾ См. № 37 за 1914 г.

²⁾ См. 125 стр.

быстро уходить съ лица земли, хорошіи пасѣчники должны усиленно подумать о своихъ пчелкахъ. Онъ долженъ, во-первыхъ, заглянуть въ омшанникъ и внимательно прислушаться къ гулу зимующихъ пчелъ и въ случаѣ тревожныхъ симптомовъ дать пчелкамъ немедленную помощь или устранить причину, неблагопріятствующую благополучному окончанію зимняго сидѣнія; съ этого же времени онъ долженъ, во-вторыхъ, вести ежедневные бюллетени метеорологическихъ наблюденій о состояніи погоды и перемѣнъ температуры по таблицѣ № 1-й¹⁾; затѣмъ, въ третьихъ, онъ долженъ приняться за подготовку точка и мѣсть подъ ульи въ пчельникѣ, и наконецъ, въ-четвертыхъ,—привести весь пчеловодный инвентарь въ полную готовность ко всякимъ случайностямъ. Вотъ обо всемъ этомъ мы и намѣрены сейчасъ поговорить съ читателемъ.

Наблюденіе за омшанникомъ. Если зимою пчеловодъ хотя разъ въ мѣсяцъ заглянетъ въ омшанникъ, то въ послѣдніа 2—3 недѣли онъ долженъ устроить свою бдительность. Придя въ омшанникъ и притворивъ за собою тихонько дверь, слѣдуетъ прежде всего пустить въ ходъ свой носъ, т. е., удостовѣриться, не спертъ-ли здѣсь воздухъ и не страдаютъ-ли пчелки отъ удушья, хотя-бы въ малой степени. Если вамъ дышется легко, если вашъ носъ не обоняетъ какихъ-либо непріятныхъ запаховъ, значитъ хорошо; въ противномъ случаѣ нужно немедленно очистить воздухъ, открывъ настежь дверь омшанника, если онъ находится въ подвалѣ, и вы увѣрены, что не обезпочите свѣтомъ пчелъ: въ томъ же случаѣ, когда омшанникъ устроенъ на открытомъ мѣстѣ, откройте дверь только на время, чтобы, такъ сказать, подать первую помощь, операцію же дальнѣйшаго провѣтриванія омшанника оставьте до вечера, когда совершенно на дворѣ стемнѣетъ. Дверь можно оставить открытой

¹⁾ Образцы таблицы будутъ приложены въ концѣ настоящей бесѣды.

на цѣлую ночь, до 5—6 часовъ утра, а чтобы собака или какое-нибудь иное домашнее животное не забрело въ омшаникъ, вмѣсто плотной двери притворите рѣшетчатую.

Въ темномъ омшаникѣ лучше всего ориентироваться при помощи карманнаго электрическаго фонарика, освѣщая имъ себѣ путь и все что попадобилось-бы. Свѣча здѣсь не такъ удобна; ее пришлось-бы ежеминутно тушить и вновь зажигать, что неизбежно дало-бы въ результатѣ вонь отъ фитиля и непріятный газъ отъ спичекъ.

Такъ или иначе покончивъ съ вентилярованіемъ, примемся за другое. Намъ нужно узнать, спокойны-ли пчелы, и не терпятъ-ли онѣ въ чемъ-либо нужды, что узнается по степени ихъ гудѣнія. Сядемъ же тихонько среди омшаника на табуреткѣ и будемъ внимательно прислушиваться къ пчелиному гудѣнію; если оно ровное, тихое, безъ общаго воя и отдѣльныхъ жалобныхъ стenanій, значить все благополучно. Звукъ одиноко летающей и безпокойно жужжащей пчелки въ расчетъ не принимается; это горемыка оставила гнѣздо, чувствуя приближеніе смерти. Конечно, если пчель летаетъ много—другое дѣло: пчеламъ, значить, жарко и онѣ страдаютъ отъ жажды, каковое обстоятельство неизмѣнно сопровождается значительнымъ жужжаніемъ всѣхъ пчель, но я забѣжалъ немного впередъ, поэтому вернемся назадъ.

Теперь представимъ себѣ, что вы, прислушиваясь къ гулу, явственно слышите усиленный, общій гулъ, переходящій временами въ жалобный вой; вотъ это дѣло уже скверное: общій тревожный гулъ свидѣтельствуемъ и объ общемъ бѣдствіи. Гудятъ, обыкновенно, пчелы отъ не въ мѣру повышенной температуры омшаника, при отсутствіи возможности утолить жажду, о чемъ мы уже обстоятельно говорили въ 6-ой бесѣдѣ (стр. 161). Чтобы узнать настоящую причину бѣдствія, нужно немедленно справиться, какова температура омшаника; если термометръ показываетъ выше 10° Цельсія, значить секретъ открытъ и вамъ лишь остается на ночь открывать дверь душнаго омшаника. Ночи въ это время, обыкновенно,

бываютъ еще холодны и температура зимняго помѣщенія очень скоро понизится до требуемой нормы (5—7°). Если же этотъ пріемъ не понизитъ температуры, слѣдуетъ подгото- вить все къ быстрой выставкѣ пчелъ на точки и выста- вить ихъ при первой возможности, т. е., тогда, когда термометръ покажетъ вамъ не менѣе 9° въ тѣни при тихой погодѣ.

Въ томъ случаѣ, когда просторъ омшанника позволитъ вамъ подойти ко всѣмъ ульямъ порознь, не упустите случая прислушаться къ летку каждого изъ нихъ и по такому или иному жужжанію пчелъ опредѣлить степень ихъ благополу- чія. Какъ въ этомъ случаѣ ориентироваться, вы, читатель, знаете ¹⁾, но я еще разъ повторю. Тихій, ровный гулъ и дружный откликъ при постукиваніи свидѣтельствуетъ о пол- номъ благополучіи семьи; вялый же, лѣнивый гулъ и не дружный, запоздалый откликъ при постукиваніи вамъ повѣдаетъ о значительной голодовкѣ пня; тихое же едва уловимое тре- пыханіе крышекъ при постукиваніи или полное, гробовое молчаніе пчелъ свидѣтельствуетъ о крайней степени голо- довки и даже гибели семьи; такому улью, какъ и предыду- щему, слѣдуетъ дать немедленно помощь, внеся его въ тем- ное помѣщеніе и поставивъ ему въ середину гнѣзда или сотъ съ медомъ, если таковой у васъ имѣется въ запасѣ, или специальную кормушку (см. Т 4 рис. В—2 подь бук- вой И) съ тепленькой жидкой сытой, покрытый нарѣзанной соломой или ажурнымъ поплавромъ. Наконецъ, вы можете услышать и заунывно воющихъ пчелъ при умѣренной общей температурѣ омшанника, что свидѣтельствуетъ объ ихъ без- надежномъ сиротствѣ; такимъ пчелкамъ, конечно, нечего теперь помогать; пусть обождутъ пока до времени.

Пень, совершенно умолкнувшій, нужно неукоснительно разобрать и посмотрѣть, можетъ быть, еще возможно его спасти, можетъ быть, еще жива его матка, да и пчелы еще

¹⁾ См. 41 стр.

не совсѣмъ умерли, но находятся въ состояніи полуокоченія. Чтобы не повторяться въ другомъ мѣстѣ объ одномъ и томъ же предметѣ, мы ниже скажемъ нѣсколько словъ о способѣ оживленія полуокоченѣлыхъ пней, а теперь продолжимъ осмотръ омшанника. Хорошо если у васъ подъ руками найдется шустрый понятливый мальчуганъ (лѣтъ 10—12); онъ вамъ *въ выльики прыюди стане*, онъ, какъ кошка, проползетъ вездѣ, приложитъ ухо къ летку каждаго улья, особенно къ ульямъ перваго (нижняго) яруса и быстро ориентуруется тамъ, гдѣ почтенному возрасту селиднаго пасѣчника не *можже* и затруднительно *наибатися*.

Окончивъ осмотръ омшанника и, въ случаѣ надобности, составивъ себѣ планъ неотложныхъ дѣйствій, можно уйти отсюда, но такъ же тихо и спокойно, какъ и вошли. Пчеловодъ, однако, долженъ помнить, что эти послѣдніе 2—3 недѣли, такъ сказать, послѣдній этапъ пчелиной зимы, зачастую оказываются роковыми для слабыхъ и скудно обезпеченныхъ запасами семей. Въ это время матки уже начинаютъ сѣять, а пчелы выкармливать черву, и гдѣ мало запасовъ, тамъ они быстрымъ темпомъ подходятъ къ концу и семьѣ грозитъ печальный конецъ. Все это пчеловодъ долженъ знать и имѣть неослабное наблюденіе за состояніемъ своихъ пней, особенно слабыхъ и не щедро снабженныхъ запасами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

ЗАМѢТКА.

Съ нами Богъ ¹⁾).

*(Рѣчь, сказанная предъ молебномъ по случаю нашествія
тевтоновъ.)*

Трудное, очень трудное время приходится переживать нашему отечеству; но еще труднѣе приходится переживать это время намъ, живущимъ здѣсь, на западной окраинѣ, куда первѣе всего и направлены стрѣлы вражьи. Коварные друзья, какъ видимъ, давно уже ковали свой злой умыселъ противъ Россіи, обсуждая всячески планъ военныхъ дѣйствій, способы къ достиженію своей цѣли, ожидая для сего удобнаго случая. Случай теперь этотъ представился, и вотъ бывшіе друзья являются теперь злѣйшими врагами. Маски сняты, карты открыты.

Нашъ Государь, въ чувствѣ миролюбія, истощилъ всѣ средства къ тому, чтобы предотвратить кровопролитіе, но все напрасно!

Что же—будемъ ли малодушествовать? Нѣтъ. Благороднѣйшее заявленіе Государя нашего, что Онъ не сложитъ оружія, пока хотя одинъ врагъ останется въ землѣ нашей,— пусть вдохновитъ и насъ всѣхъ такой же рѣшимостью и такимъ же мужествомъ!

Россіи не въ первый разъ переживать тяжелыя времена: весь историческій путь ея исполненъ великаго труда и подвига. Она спасла не только себя отъ враговъ, но и другіе народы,—даже всю Западную Европу. Должны помнить и враги наши сколько добра Россія сдѣлала и для нихъ, сколько и за нихъ пролила крови своей...

¹⁾ Одушевленная рѣчь съ нѣкоторыми ощущеніями въ текстѣ и добавленіями объ одержанныхъ уже побѣдахъ, можетъ быть произнесена теперь на молебнѣ по случаю военнаго времени. Изъ „Совр. лѣт.“.

И нынѣшнее дѣло Россіи—правое дѣло; поэтому вѣруемъ и надѣмся, что Господь и теперь, какъ и ранѣе, увѣнчаетъ побѣдою русское воинство, ибо не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ Онъ!

Нашими союзниками всегда бывали угодники Божіи, просіявшіе въ землѣ русской: примѣровъ этому въ нашей исторіи очень много. Вѣримъ и надѣмся, что и Покровъ Божіей Матери будетъ распростертъ и нынѣ, какъ и прежде, надъ нами, и что и теперь, какъ нѣкогда въ Византіи, во Влахернскомъ храмѣ, Она будетъ простирать Свои молебныя руки за насъ и искрывать насъ Своимъ честнымъ омофоромъ!

Наші предки-язычники, идя на войну, говорили: мертвіи срама не имутъ; мы же можемъ къ этому прибавить еще одну черту: срама не имутъ, но еще и вѣнчаются вѣнцами мучениковъ, и молитва всей Церкви за нихъ! Я вчера уже послалъ въ Св. Синодъ и въ Госуд. Совѣтъ заявленіе, что остаюсь здѣсь—на Божественной стражѣ, пока не закончатся военныя дѣйствія; о семъ и вамъ всѣмъ заявляю.

Итакъ—прочь, уныніе, прочь, печаль и воздыханіе! Аще благая воспріяхомъ въ жизни нашей, злыхъ ли не стерпимъ.—скажу вамъ словами многострадальнаго Іова. Пусть будетъ нашимъ кличемъ и теперь, какъ и всегда: съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!

Николай, архіепископъ варшавскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го сентября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Аки Общ. печат. и изд. дѣла. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

УЧЕБНОЕ ПУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 39

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 21-го сентября.

Содержаніе: I. Сестры милосердія. Кир. Тихомировъ.—II. Какіе сооружать иконостасы въ новыхъ храмахъ? Арх. Антоній.—III. Вернулся. (Окончаніе). Свящ. Вл. Успенскій.—IV. Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи. Епископъ Андрей.—V. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Замѣтка. Увѣщаніе христоролюбивому воинству.

Сестры милосердія.

Большинству такъ примелкалось это названіе, что мало кто вдумывается въ его внутреннее содержаніе; но красный крестъ, который видишь на груди, всегда напомнитъ о высококомъ служеніи милосердія и вызоветъ мягкое, благодарное чувство. Русская сестра милосердія, принявшая свое боевое крещеніе еще въ осажденномъ Севастополѣ, еще тогда оставила благодарную память и удивила общество безкорыстнымъ, тяжелымъ, самоотверженнымъ подвигомъ. И съ тѣхъ поръ мы видимъ ее на своемъ высококомъ посту всегда и вездѣ,

гдѣ есть человѣческія страданія, я гдѣ эти страданія можетъ облегчить помощь женщины, внимательная, участливая, умѣлая. Нашъ сѣрый, но чуткій сердцемъ солдатъ по достоинству оцѣнилъ дѣятельность „милосердныхъ сестрицъ“ и сравниваетъ ихъ съ своими ангелами—хранителями. И этотъ отзывъ нельзя назвать преувеличеннымъ.

Мысль примѣнить женскій трудъ на самомъ полѣ сраженій принадлежитъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и была впервые осуществлена ею при помощи Н. И. Пирогова въ Крымскую войну. Такимъ образомъ, пальма первенства въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Россіи и старанія нѣмцевъ доказать, что миссъ Нейтингель съ 37 сестрами милосердія была первой ласточкой въ воюющей арміи—напрасны.

Свѣдѣнія о дѣятельности миссъ относятся къ началу 1855 году, а между тѣмъ Крестовоздвиженская община, получивъ въ октябрѣ 1854 года Высочайшее приказаніе готовиться къ отъѣзду, въ ноябрѣ уже находилась на театрѣ войны. Посылая сестеръ милосердія на поле битвы, покойный Н. И. Пироговъ предполагалъ передать имъ не только уходъ за ранеными, но и контроль перевязочныхъ пунктовъ и матеріаловъ. Знаменитый хирургъ считалъ, что женщины, съ присущимъ имъ тактомъ и независимостью отъ служебныхъ условій, могутъ принести огромную пользу, раскрывая и предупреждая отвратительныя злоупотребленія тогдашней администраціи. И надежды Н. И. Пирогова не обманули его.

Мысль привлечь женщинъ къ дѣлу, касающемуся арміи, встрѣтила въ началѣ сильный отпоръ въ военныхъ сферахъ. Главнокомандующій князь Меншиковъ опасался водворенія въ госпиталяхъ любовныхъ интригъ и безнравственности вслѣдствіе постоянного присутствія въ нихъ женщинъ. Но вскорѣ всѣ противники этого новшества убѣдились въ ошибочности своихъ предположеній.

Крымская война доставила много случаевъ убѣдиться въ пользѣ женщинъ въ дѣлѣ ухода за ранеными на полѣ битвы. Правда, дѣло, тогда еще новое, не могло быть сразу хорошо

организовано, и средствъ было мало. Тѣмъ не менѣ русская сестра милосердія съ честью вышла изъ этого тяжелаго испытанія. Въ русско-турецкой войнѣ 1877 г., во время боксерскаго возстанія въ Китаѣ въ 1900 году, наконецъ, въ русско-японской войнѣ 1904—1905 гг. сестры милосердія сыграли выдающуюся роль.

„Стоя въ лужахъ на колѣняхъ предъ больными, наши сестры милосердія подавали посильную помощь, въ которой онѣ сами нуждались... И такъ онѣ трудились денно и ночью. Въ сырыя ночи эти женщины еще дежурили, и, несмотря на свое утомленіе, не засыпали ни на минуту, и все это подъ мокрыми насквозь палатками. И всѣ такія сверхчеловѣческія усилія женщины переносили безъ малѣйшаго ропота, съ спокойнымъ самоотверженіемъ и покорностью. Въ доказательство полного самозабвенія сестеръ при оказанія помощи, слѣдуетъ сказать, что десять изъ этихъ женщинъ не выдержали госпитальной заразительности и сами поплатились жизнью... Обращеніе ихъ съ страждущими было самое задушевное, и вообще всѣ дѣйствія сестеръ, при уходѣ за больными, сравнительно съ поведеніемъ госпитальной администраціи, должны быть названы не иначе, какъ благородными“.

Такъ характеризовалъ первыхъ сестеръ милосердія Н. И. Пироговъ. „Сестры милосердія, пишетъ „Вѣстникъ Краснаго Креста“ въ майской книжкѣ за прошлый годъ, съ самаго основанія Общества Краснаго Креста всегда составляли его гордость, его лучшее украшеніе. Именно онѣ подняли репутацію сестрицы на недостижимую высоту. Онѣ подали примѣръ всей Европѣ, какъ женщина можетъ нести дѣятельную помощь и ласковый уходъ въ самый адъ смерти, въ дѣйствующую армію“.

Настоящая война наша съ нѣмцами такъ огромна, въ ней принимаютъ участіе такія массы войскъ и боевая дѣятельность ихъ достигаетъ такихъ высотъ напряженія, о какихъ міръ доселѣ не зналъ. Число жертвъ ея и сейчасъ велико, а вѣдь война только въ началѣ. Сколько же будетъ

ихъ дальше, съ развитіемъ военныхъ дѣйствій во всю ширь милліонныхъ армій и съ нарастаніемъ экстаза борющихся не на жизнь, а на смерть? Для каждаго ясно поэтому, какъ много потребуется въ госпитали, лазареты и перевязочные пункты сестеръ милосердія. Съ увѣренностью можемъ сказать, что русскія женщины внесутъ въ это великое дѣло всѣ силы благороднѣйшаго существа своего, свою чистую душу и горячее сердце, и съ любовью окажутъ помощь истекающимъ кровью въ лазаретахъ и на передовыхъ позиціяхъ нашихъ войскъ во вражескихъ земляхъ.

Не одна война требуетъ высокаго подвига „милосердныхъ сестрицъ“. При обширности нашего отечества и общей неустроенности особенно въ гигиеническомъ и санитарномъ отношеніи деревни, въ каждый почти моментъ какой-либо уголокъ Россіи переживаетъ общественное бѣдствіе эпидемій, гдѣ смерть, какъ косой, коситъ народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и тѣхъ, кто соприкасается съ этимъ народомъ, чтобы оказать ему помощь.

Поэтому и въ годъ мира не прекращается работа сестеръ милосердія въ госпиталяхъ, въ борьбѣ съ чумой и холерой, въ питательныхъ пунктахъ и столовыхъ за кормленіемъ голодающихъ. Да и тамъ, гдѣ нѣтъ временныхъ общественныхъ бѣдствій, развѣ всѣ больницы и госпитали не полны стонувъ отъ всевозможныхъ видовъ страданій. И вездѣ сестра милосердія вносила въ свое христіанское служеніе духъ самоотверженія, духъ милосердія и кроткаго состраданія, чувство преданности долгу и свою умѣлость и опытъ.

Физически тяжелый трудъ сестеръ милосердія, требующій большого напряженія нервныхъ силъ, вѣчное чувство ответственности за благополучіе и самую жизнь больного, часто чередующіяся бессонныя ночи дежурствъ, наконецъ, собственныя заболѣванія, зачастую полученныя отъ больныхъ же въ госпиталяхъ и командировкахъ, все это тяжело отражается на здоровьѣ сестеръ, часто преждевременно утрачивающихъ трудоспособность. Еще тяжелѣе отражается, ра-

зумѣтся, на нервахъ и вообще душевной жизни видъ постоянныхъ, острыхъ страданій...

Что же получаютъ эти самоотверженныя труженицы за то, что жертвуютъ сострадательной любви къ ближнему свои лучшіе годы? Въ нормальномъ уставѣ общинъ сестеръ милосердія прямо сказано: „безкорыстіе является первымъ условіемъ ея христіанскаго служенія“. Дѣйствительно, кромѣ пищи и стола на всѣ личные мелочные расходы дается лишь самая ничтожная сума, во многихъ не превышающая 3—5 р. въ мѣсяць. Денежнаго вознагражденія за трудъ никакого не полагается, воспрещается даже принимать подарки отъ больныхъ, безразлично будь-то бѣднякъ или милліонеръ. Такая постановка дѣла требуетъ подвига, требуетъ возвышенныхъ душъ. Дать жалованье сестрамъ, можетъ быть, дѣйствительно, значить развѣнчать ихъ, лишить институтъ „сестеръ“ самага дорогаго внутренняго смысла, замѣнить подвижницъ наемницами. Но нужно, во всякомъ случаѣ, такъ обставить сестру милосердія, чтобы она не нуждалась въ необходимомъ, а главное надо обезпечить этимъ труженицамъ покойную старость и пріютъ на случай преждевременной потери трудоспособности.

До послѣдняго времени пенсіонное обезпеченіе сестеръ милосердія было ничтожно; наибольшій предѣлъ пенсіоннаго обезпеченія 200 руб. въ годъ, т. е. 16 р. съ копѣйками въ мѣсяць, не соотвѣтствуетъ современной расцѣнкѣ предметовъ первѣйшей необходимости. Но; и эта пенсія назначалась не всѣмъ сестрамъ, прослужившимъ опредѣленное число лѣтъ—25, а только штатному комплекту ихъ, не свыше 3.000 чел. Наконецъ, прослужить 25 лѣтъ изо-дня-въ-день, изъ года въ годъ, видя все одни страданія и чувствуя себя навсегда прикованной къ постели больного,—не многимъ подъ силу. Сестра съ обыкновеннымъ среднимъ здоровьемъ, по отзыву опытныхъ лицъ, при сердечномъ отношеніи къ дѣлу, такого срока выдержать не можетъ.

Въ настоящее время этотъ вопросъ, если уже не разрѣшенъ, то близокъ къ окончательному разрѣшенію. Полный

окладъ пенсіи сестрамъ милосердія повышается до 300 руб. въ годъ, ограниченіе числа получающихъ пенсію опредѣленнымъ комплектомъ отмѣняется и устанавливается назначеніе пенсій и за болѣе короткіе сроки при утратѣ здоровья на службѣ Красному Кресту. Такъ какъ нѣкоторыя общины Краснаго Креста расположены въ отдаленныхъ и мало-культурныхъ мѣстностяхъ, то работа въ такихъ условіяхъ будетъ обставлена извѣстными служебными преимуществами.

Въ связи съ улучшеніемъ служебныхъ условій и положенія сестеръ милосердія стоитъ и другой вопросъ—о томъ, чтобы поднять требованія для поступающихъ въ общины, значительно пониженныя въ послѣдніе годы въ виду большого спроса на трудъ „сестрицъ“ и совершенно обезпеченнаго ихъ положенія. Въ 1912 году главное управленіе Краснаго Креста установило и разослало въ общины подробныя программы по всѣмъ предметамъ учебнаго курса, обязательнымъ для подготовки сестеръ въ школахъ общинъ. Программы эти въ общемъ ниже, чѣмъ для поступленія на курсы фельдшерницъ, но онѣ шире того объема, который соотвѣтствуетъ настоящему уровню испытуемыхъ въ общинахъ; онѣ тяжелы для того состава, которымъ теперь, во время войны, комплектуются; въ данное время требуется такое огромное число сестеръ милосердія, что тутъ уже не до программъ.

Вообще же необходимо принять мѣры къ тому, чтобы и въ общины притекали силы болѣе интеллигентныя и образованныя. Степень научной подготовки, интеллигентности и воспитанія женщинъ, поступающихъ въ общины, должна быть выше, чѣмъ это на практикѣ является теперь. Для того прежде всего необходимо общественное содѣйствіе, хотя-бы, напримѣръ, широкимъ распространеніемъ чрезъ печать свѣдѣній о настоящихъ лучшихъ условіяхъ матеріальнаго обезпеченія, въ особенности пенсіоннаго, сестеръ милосердія; а затѣмъ увеличеніе числа мѣсть, гдѣ возможна

подготовка, научная и профессиональная, для поступления въ общины.

Недостатокъ притекающихъ силъ въ замѣтной дозѣ зависитъ отъ неизвѣстности тѣхъ условій, при которыхъ возможна подготовка для поступления въ общину. Особенно это нужно сказать относительно среднихъ и мелкихъ провинціальныхъ городовъ, но отсюда чаще всего и выходятъ идейныя труженицы. Главному управленію Краснаго Креста полезно было бы разсылать по женскимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ особыя программы, гдѣ бы указывались подробно условія поступления и прохожденія службы въ общинахъ сестеръ милосердія.

Устраиваемые въ настоящую войну по всѣмъ значительнымъ городамъ курсы для подготовки сестеръ милосердія нужно признать лучшимъ средствомъ пополненія состава. Курсы желательно часто устраивать не только въ годы особаго спроса на работу сестеръ милосердія, во время войны и общественныхъ бѣдствій, но и въ мирное время, во время здороваго и нормальнаго теченія общественной жизни.

Кир. Тихомировъ.

Какіе сооружать иконостасы въ новыхъ храмахъ? ¹⁾

По Высочайшему повелѣнію покойнаго Государя Александра III-го, а также и другимъ условіямъ, мы начали возвращаться къ истинно церковному стилю и въ церковномъ *зодчествѣ*. Посмотрите на Петроградскіе храмы, выстроенные за послѣднія тридцать лѣтъ: это вовсе не то, что прежніе столичныя храмы въ стилѣ рококо и ампирь. Теперь вы встрѣтите тамъ и стиль эпохи Алексѣя Михайловича—поднятую центральную часть церкви съ пятью главками, и стиль, особенно излюбленный въ XVI-мъ и въ началѣ XVII-го

¹⁾ Изъ ж. „Вѣра и разумъ“.

вѣка—пять толстыхъ куполовъ на прямоугольномъ ящикѣ съ тремя апсидами, и подражаніе геніальному храму Василия Блаженнаго въ Москвѣ, и стиль Нарышкинскій; таковы церкви: 1) Покрова на Боровой, Скорбящей на Стеклянномъ, Троицы на Стремянной, 2) Ново-Аѳонское подворье, 3) Воскресенія на Крови и отчасти Андреевское подворье на Пескахъ, 4) новая церковь на Смоленскомъ кладбищѣ. На Волыни въ г. Овручѣ возстановленъ изъ развалинъ и расписанъ храмъ XII вѣка св. Василия Великаго въ точномъ подобіи своей первоначальной постройки; затѣмъ, выстроены въ Почаевской Лаврѣ теплый Троицкій соборъ—подражаніе Троицкому собору Сергіевской лавры (начало XV вѣка), но вчетверо обширнѣе своего оригинала. Постройки эти выполняетъ талантливый современный архитекторъ А. В. Щусевъ, которому принадлежитъ и проектъ храма на Куликовомъ полѣ въ стилѣ, современномъ событію (1380 г.) Псковской архитектуры,—и новосозданный Великою Княгинею храмъ при Марѳо-Маріинскомъ приютѣ въ Москвѣ. Проекты эти удостоились Высочайшаго одобренія. Однако, во всѣхъ многочисленныхъ на Руси новыхъ храмахъ древняго стиля недостаетъ того, что составляетъ главную красоту церковную,—недостаетъ настоящаго русскаго *иконостаса*. Вотъ объ этомъ-то предметѣ и желалъ бы я побесѣдовать.

Принято думать, что въ исторіи все усовершенствуется, но не отрицаютъ и того, что нѣкоторыя отрасли искусства представляютъ собою пока замѣтныя исключенія изъ этого правила (для меня лично—весьма сомнительнаго). Таково искусство ваянія, бывшее при язычникѣ Фидіи на большей высотѣ, нежели въ средневѣковой и современной Европѣ; таково же и искусство зодчества, которымъ классическая, а отчасти и христіанская, древность превосходитъ современную новизну и притомъ не только въ области красоты, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ области технической.—Искусство церковное въ Россіи возвышалось гдѣ своемъ правильномъ ростѣ отъ древнѣйшихъ временъ до временъ Петровыхъ,

когда начался его упадокъ, продолжавшійся до прошлаго царствованія. Поэтому, высшимъ завершеніемъ (кульминаціоннымъ пунктомъ) церковнаго искусства—зодчества, живописи и церковной утвари является *XVII вѣкъ*, и онъ-то долженъ быть учителемъ иконописцевъ и архитекторовъ. Сколько намъ извѣстно, и нынѣ великій Васнецовъ держится такого убѣжденія и слѣдуетъ ему „фанатически“, какъ выражаются о немъ современные художники.

Мы не хотимъ сказать, будто исторія нашего церковнаго искусства имѣла характеръ безусловнаго усовершенствованія во всѣхъ отношеніяхъ, и что произведенія русской архитектуры и живописи *XVII вѣка* во всемъ превосходятъ Византію; еще далѣе мы отъ мысли о томъ, будто *XVII вѣкъ* не подлежитъ дальнѣйшему усовершенствованію; но въ этомъ именно вѣкѣ временно пріостановилось или, вѣрнѣе, было подавлено органическое развитіе тѣхъ формъ живописи и зодчества, которыя внушались благоговѣніемъ (религіознымъ энтузіазмомъ) *православнаго общецерковнаго* чувства и общецерковной мысли. Эти же формы были и національно-русскими, но не въ томъ смыслѣ, чтобы народность наша положила свой мірской отпечатокъ на христіанскую идею, какъ это было въ западномъ мірѣ,—а въ томъ, что русское сердце, какъ это уже замѣчено современными художниками, сумѣло воплотить въ краски и камень ту святую настроенность примиреннаго, покорнаго *умиленія*, которое давалось христіанамъ Востока только на высшихъ ступеняхъ духовной жизни и поэтому не могло такъ широко отразиться на произведеніяхъ ихъ искусства.

Итакъ, *XVII вѣкъ* нашей исторіи долженъ быть прямымъ руководителемъ нашимъ въ церковной живописи, архитектурѣ и особенно въ самомъ внутреннемъ убранствѣ храмовъ, надъ чѣмъ особенно много потрудился православно-русскій гений. А трудился онъ за это время болѣе всего во названной области искусства надъ *устроеніемъ иконостасовъ*, чего современное церковное строительство, къ сожалѣнію,

еще не переняло, хотя оно и старается быть церковно-национальнымъ.

Гоненіе на иконостасы началось у насъ вмѣстѣ съ гоненіемъ на стѣнную живопись (получившую теперь вновь право гражданства), а, можетъ быть, и немного попозже. Противъ стѣнной живописи былъ даже изданъ Высочайшій указъ при Потемкинѣ, въ царствованіе императрицы Екатерины Второй: роспись храмовыхъ стѣнъ признали „неблагоговѣйною“ и приказали ее замазывать и замѣнять отдѣльными иконами въ рамахъ; такъ устроены всѣ столбчныя церкви, кромѣ самыхъ новѣйшихъ.

Иконостасы еще со временъ Петровыхъ, а особенно съ начала XIX вѣка, стали постепенно приближаться къ характеру костельныхъ запрестольныхъ орнаментуръ. Католичество, эта религія поддѣлокъ, не очень любитъ священныя изображенія, но любитъ огромнѣйшіе около нихъ рамы и орнаменты. Войдите въ любой костель: за престоломъ нѣчто въ родѣ современнаго Петроградскаго иконостаса—сооруженіе въ 3—4 квадратныхъ сажени, и больше, но образъ въ немъ собственно только одинъ—иногда въ полтора квадратныхъ аршина; за то вокругъ него—рама, другая рама, третья рама въ видѣ пары колоннъ съ каждой стороны, сверху корона въ громадныхъ деревянныхъ золоченныхъ лучахъ, сбоку—деревянныя тіары, барабаны съ римскими цифрами, обозначающими заповѣди Моисея, затѣмъ—монстранція; атрибуты епископскаго сана, щиты съ монограммами и т. д. и т. д.—словомъ цѣлый мебельный магазинъ, и все это вокругъ одного небольшого образа.

Такую же безтолковую мѣшанину всякихъ орнаментовъ въ стилѣ рококо представляютъ собою и наши иконостасы XIX-го вѣка: частнѣйшее ихъ сходство съ костеломъ и отступленіе отъ православнаго стиля заключается въ томъ, что они не простираются поперекъ всего храма, а занимаютъ только центральную часть восточной стороны церкви, оставляя направо и налево отъ себя либо два слѣпыхъ угла (со-

боръ Александрo-Невской лавры, соборъ Почаевской лавры, храмъ Спасителя въ Москвѣ, соборъ святаго Владиміра въ Кіевѣ), либо уступая мѣсто особымъ иконостасамъ придѣловъ (что можете видѣть едва-ли не во всѣхъ большихъ храмахъ XIX-го и конца XVIII-го вѣка), либо дополняя себя особыми, другого стиля, иконостасами въ родѣ фальшивыхъ придѣловъ (храмъ Воскресенія на крови, Житомирскій кафедральный соборъ до реставраціи и мн. др.). Между тѣмъ, первое свойство настоящаго православнаго иконостаса то, что онъ *непрерывно простирается отъ сѣверной стѣны церковнаго зданія до южной*, а если имѣетъ боковые алтари, то они помѣщаются въ восточныхъ апсидахъ зданія: въ иконостасѣ вмѣсто нѣкоторыхъ иконъ устраиваются двери или арки, ведущія въ новую церковку со своимъ иконостасомъ и алтаремъ. Въ этомъ отношеніи Исаакіевскій соборъ сохранилъ православное преданіе. Жаль только, что изъ подражанія костеламъ въ немъ расписаны потолки, на которыхъ ничего не видно, а огромныя свѣтлыя стѣны стоятъ совершенно голыя, напоминая собою быки подъ Николаевскимъ мостомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Архіепископъ Антоній.

Вернулся.

(Окончаніе) ¹⁾.

Поступивъ въ университетъ вольнослушателемъ, Макарий подь вліяніемъ панны Ядвиги забылъ объ аттестатѣ и всецѣло погрузился въ подпольную дѣятельность революціонныхъ кружковъ студенчества. Вскорѣ онъ сдѣлался желаннымъ ихъ членомъ. Еще бы! по пылкости и кипучести своей крови, да еще чаруемый глазами панны Ядвиги, онъ испол-

¹⁾ См. № 38 за 1914 г.

няли самыя трудныя и опасныя порученія главарей кружковъ, которые, конечно, охотно пользовались услугами „простеда“ семинара... Знакомиться съ тайной полиціей и жандармеріей кому пріятно, тѣмъ болѣе полякамъ и евреямъ, изъ которыхъ состояли главари кружковъ, а тутъ такая удобная русская мишень! Если какой-нибудь Макарій Климовскій попадетса въ руки полиціи и прогуляется въ „мѣста не столь отдаленныя, но очень прохладныя“, — великая-ли печаль для поляковъ и евреевъ: на его мѣсто явятся еще другіе простаки, а инородцы между тѣмъ дѣлаютъ свое дѣло...

Прогуляться въ „прохладныя мѣста“ очень скоро пришлось бы Макарію Климовскому, ибо онъ дѣйствовалъ по-русски—открыто и съ горяча, но на его счастье событія времени, когда онъ явился игрушкою въ рукахъ враговъ Россіи, повернули дѣло въ другую сторону.

Подъ вліяніемъ несчастливой для насъ японской войны, начались смуты въ имперіи. Сначала волненія въ войскахъ, отправляемыхъ на дальній востокъ, постыдныя для нашей раиѣ славной, побѣдоносной и на весь міръ прославленной своею выносливостію и терпѣніемъ арміи, переходившей при самыхъ неблагопріятныхъ, мало того—невыносимыхъ условіяхъ Альпы, Балканы и средне-азіатскія степи, а теперь вдругъ проявившей себя требовательной и нѣженкой; рабочія стачки, забастовки въ почтовыхъ учрежденіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ вызвали необходимость во что-бы-то ни стало, хотя-бы даже невыгодно и безчестно для непобѣдимой дотолѣ Россіи, прекратить войну, чтобы начать внутреннія преобразованія... И война была прекращена тогда, когда военныя силы Россіи на востокѣ увеличивались и къ командованію былъ наконецъ призванъ достойный наслѣдникъ славы Суворова, Кутузова и Скобелева—генераль Линевиць, а силы японцевъ истощались. Что дѣлать? такова судьба Россіи—оцѣнивать лучшихъ сыновъ своихъ тогда, когда все или почти все уже потеряно... Какъ-бы-то ни было, Портсмудскій міръ развязалъ руки правительству. Начались пре-

образования... Появился знаменитый манифестъ 17 октября объ учрежденіи русскаго парламента (сколка съ иноземныхъ образцовъ!)—Государственной Думы... Думалось, начнется успокоеніе!... Увы, этимъ былъ данъ козырь въ руки революціонеровъ и инородцевъ, отогрѣвшихъ на груди Руси.

„Свобода! Конституція!.. Конецъ самодержавію!“ слышался на улицахъ и площадяхъ нашихъ городовъ и даже сель ихъ нестерпимый для русскаго уха гортанный говоръ. „Обнимемся, граждане!“..

Эти крики были-бы только развѣ смѣшными (ибо въ манифестѣ царскомъ ни словомъ не упоминалось о сложеніи съ себя Царемъ самодержавія). если-бы „граждане“—поляки и евреи (послѣдніе особенно!) не поспѣшили произвести чуть не во всѣхъ городахъ имперіи враждебныя правительству манифестаціи съ „красными тряпками“, т. е. революціонными флагами. Въ Кіевѣ, гдѣ учился Макарій Климовскій, эти манифестаціи были особенно нестерпимыми. Слова: „свобода“, „республика“ стономъ стояли въ воздухѣ. И надрывали грудь надъ этими словами, конечно, евреи и поляки. Рвались царскіе портреты, унижалась Русь... На ея мѣсто выступали и правили свой „шабашъ“ другія народности...

Но, слава Богу! скоро опомнились русскіе люди и вступила въ свои права „контрреволюція“ по русски. Инородцы, послѣ нѣсколькихъ дней засилья надъ городомъ Владиміра Святого и Богдана Хмѣльницкаго (ихъ памятники свидѣтельствуютъ объ ихъ правахъ на Кіевъ), принуждены были прятаться по домамъ... Русь показала себя!..

Макарій Климовскій въ день криковъ: „свобода, конституція, долой самодержавіе!“ былъ какъ въ чадѣ. Онъ тоже носился съ „красными тряпками“ и пѣлъ революціонное: „вставай, пробуждайся рабочій народъ“... Но онъ никакъ не предвидѣлъ того, что это поведетъ къ надругательству надъ Царемъ. Онъ, какъ внушали ему его учителя, думалъ, что Царь—мученикъ засилья бюрократіи и радъ освободиться отъ него... Но когда инородцы стали разрывать царскіе портреты,

русское сердце Макарія Климовскаго дрогнуло и онъ остолбенѣлъ... Затѣмъ сразу ожесточился противъ своихъ учителей:

— А, вотъ къ чему все это велось! сталъ рвать на себѣ волосы Макарій. Такъ вы меня обманывали, говоря, что чтите Царя также, какъ всѣ русскіе, а идете только противъ бюрократическаго строя... И я вамъ вѣрилъ! И я вамъ служилъ! Макарій въ ужасѣ вырвался изъ толпы, надъ которой властвовалъ какой-то господинъ съ характернымъ лицомъ восточнаго типа и изогнутымъ крючковатымъ носомъ, и зашагалъ по улицамъ Кіева.

Макарій въ порывѣ охватившаго его стыда и раскаянія за содѣланное, направился, не разбирая дороги, въ Кіево-Софійскій соборъ, и тамъ, не глядя ни на кого, упалъ, обливаясь слезами, передъ ракой со святыми мощами своего небеснаго покровителя—священномученика Макарія... Долгое время лежалъ онъ на холодномъ чугунномъ полу, каясь въ своемъ грѣхѣ передъ Русью и прося прощенія у замученнаго врагами ея святителя... Затѣмъ всталъ и, не прикладываясь къ св. мощамъ (онъ считалъ себя этого недостойнымъ), отправился въ Златоверхній Михайловскій монастырь. Тамъ онъ съ тѣми же слезами упалъ передъ ракой св. великомученицы Варвары, гречанки по происхожденію и подвигамъ, но ставшей, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, защитницей и покровительницей Руси Св. Владиміра и черезъ рядъ вѣковъ сроднившуюся съ нею... Изъ Михайловскаго монастыря Макарій прошелъ по Владимірской горкѣ къ памятнику св. Владиміра и здѣсь съ особымъ чувствомъ глубокаго сожалѣнія о содѣянномъ просилъ прощенія у первоначальника русской православной самобытности. У памятника кн. Владиміра Макарій просидѣлъ до поздняго вечера, содрогаясь о событіи въ Кіевѣ, и уже тогда только отправился на квартиру съ цѣлью завтра же примириться съ оскорбленными имъ Церковію и своею духовною средою черезъ

исповѣдь у духовника и Св. Причастіе, если Господь его къ нему допустить.

Вечеръ былъ свѣжій, но свѣтлый, лунный... Деревья уже пожелтѣли, но листья ихъ еще не облетѣли и золотились въ лунномъ свѣтѣ. Сады дышали тонкимъ ароматомъ позднихъ цвѣтовъ. Движеніе на улицахъ прекратилось и онѣ стояли бѣлою щетиною въ городѣ, облитыя серебрянымъ свѣтомъ вечера, сумрачныя и смущенныя дневнымъ происшествіемъ... Особенно сумрачнымъ показался Макарію памятникъ возсоединителю Малороссіи съ Великою Русью—Богдану Хмѣльницкому. Казалось, великій гетманъ казацкій готовъ былъ дать шпоры своему коню, слетѣть съ пьедестала и ринуться на новыхъ враговъ Руси—разрушителей его дѣла...

— Чуйте вы, ляхи, евреи и измѣнники русскіе! чудился Макарію, когда онѣ проходилъ мимо памятника Богдана, грозный голосъ славнаго запорожца: еще сильна эта булава, съ которою я прошелъ „огнемъ и мечемъ“ Польшу отъ края и до края и вернулъ отчизну Руси... Еще звучить въ ней побѣдный кликъ моихъ богатырей—соратниковъ: „волимъ подѣ Царя восточнаго!“, когда я простиралъ ее передъ радой Переяславской... И не на то держитъ ее рука моя здѣсь, въ Кіевѣ, чтобы онѣ перешелъ подѣ власть враговъ Руси... Я на то здѣсь, чтобы грозно и честно держать и являть міру ея святое имя!.. Слушай и ты, слуга ляховъ, измѣнникъ Климовскій, что станеть говорить тебѣ эта булава!

И почудилось Макарію, что повернулся къ нему конь Богдана и потрясла рука гетмана булаву и послышался звонъ ея:

— Волимъ подѣ царя восточнаго!... Да будетъ единая Русь и да сгинуть враги ея!...

И почудилось ему еще, будто вонзились шпоры сапога гетмана въ чугунные бока коня и взвился онѣ высоко на дыбы и ринулся съ пьедестала... И какъ въ поэмѣ Пушкина

„Мѣдный всадникъ“ поскакалъ Петръ Великій за Евгеніемъ, такъ бросился молніей къ Макарію гетманъ Богданъ Хмѣльницкій...

И упалъ въ безпамятствѣ на плиты тротуара Макарій Климовскій...

Онъ очнулся въ больницѣ и первое, что увидалъ его взоръ, было склоненное къ его лицу скорбное лицо отца его.

— Макарій, сынъ мой... очнулся... слава Богу! услышалъ блудный сынъ радостныя всхлипыванія о. Александра.

Но Макарій ничего не отвѣчалъ. Онъ былъ еще очень слабъ отъ пережитыхъ потрясеній и не могъ говорить. Онъ только слабо пожалъ руку отца и вскорѣ опять забылся...

Однако молодыя силы взяли свое: Макарій сталъ понемножку поправляться. И когда онъ поправился настолько, что могъ свободно раговаривать, онъ первымъ долгомъ попросилъ отца прочесть евангельскую притчу о блудномъ сынѣ. Отецъ, конечно, охотно исполнилъ желаніе сына и когда дошелъ до словъ: „А о томъ надо было бы радоваться и веселиться, что братъ твой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“ — Макарій, схвативъ руку отца и цѣлуя ее, сказалъ: „да вотъ, отецъ, и я былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“. Радуетесь ли, отецъ?

— Радуюсь, со слезами отвѣтилъ о. Александръ.

— Исповѣдуй же меня, какъ іерей Божій, и причасти Св. Тайнъ во отпущеніе грѣха моего великаго.

— Не лучше ли здѣшняго духовника пригласить? Какъ то неудобно, или, какъ бы такъ сказать, непринято отцу исповѣдывать сына...

— Но вѣдь и не возбранено уставомъ Церкви. А я тебѣ, какъ отцу, болѣющему за меня, хотѣлъ бы принести свою исповѣдь... Ты долженъ знать все...

О. Александръ подумалъ и отправился къ больничному священнику... Тотъ тотчасъ же, по объясненіи обстоятельствъ

дѣла, разрѣшилъ взять о. Александру изъ больничной церкви дароносицу.

Макарій чистосердечно объяснилъ отцу все, что произошло съ нимъ со времени знакомства съ семьей Свентицкихъ и особенно остановился надъ своимъ увлеченіемъ революціонными задачами и надъ вразумленіемъ его надругательствомъ поляковъ и евреевъ надъ царскимъ изображеніемъ и послѣдующимъ наказаніемъ грознаго признака возстановителя великой Руси—гетмана Богдана Хмѣльницкаго.

— Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ, творей чудеса! возводя очи къ небу, воскликнулъ о. Александръ.

— И такъ, сынъ мой Макарій, ты будешь снова готовиться въ Академію, а средства на содержаніе въ ней я тебѣ дамъ, ибо теперь тебя туда на казенный счетъ уже не примутъ... Расчитываю, что ты поддержишь родъ Климовскихъ и, не ища славы и карьеры, явишься замѣстителемъ моимъ въ Крутыхъ Горахъ, обратился къ Макарію о. Александръ.

— Прости, отецъ, я всетаки разобью твои надежды, волнуясь, отвѣтилъ сынъ. Въ Академію я буду готовиться и надѣюсь поступить въ нее, но замѣстителемъ твоимъ въ Крутыхъ Горахъ, увы! не буду... Я поступаю въ монахи—таково мое неизмѣнное рѣшеніе, хотя бы я и губилъ тебя имъ...

Макарій трепеталъ, что его отвѣтъ убьетъ отца, но идти противъ охватившаго его желанія и требованія совѣсти не могъ. Но Макарій ошибся... О. Александръ перекрестился широкимъ крестомъ.

— И слава Богу, за твое рѣшеніе сынъ мой!.. Родъ Климовскихъ началъ свое служеніе Церкви Православной въ качествѣ пономарей и причетниковъ, кончается въ высшемъ—апостольскомъ санѣ епископовъ... ибо я вѣрю и убѣжденъ, что ты будешь епископомъ... Это ли не слава и гордость для рода Климовскихъ!

И съ любовнымъ шопотомъ наклонившись къ сыну, коварно спросилъ:

— А панна Ядвига?...

— А развѣ она меня любила, улыбаясь отвѣтилъ Макарій.. Она играла мною, старалась сдѣлать изъ меня орудіе для вождельнѣй поляковъ.. Если-бы я и остался въ „мірѣ“ я болѣе никогда не повѣрилъ-бы полячкамъ, какъ обольстительны онѣ ни были-бы. Но я въ „мірѣ“ не останусь, отвѣтилъ Макарій...

Священникъ *Влад. Успенскій.*

Письма къ пастырямъ Уфимской Епархіи.

VII.

О моихъ посѣщеніяхъ сельскихъ приходоѡ епархіи.

Братіе, очень прошу васъ внимательно отнестись къ моей просьбѣ, которую я постараюсь изложить въ настоящемъ письмѣ. Дѣло въ томъ, что отъ вашего отношенія къ этой моей просьбѣ зависитъ весь, такъ сказать, тонъ моихъ поѣздокъ по епархіи и отношеніе ко мнѣ вашей и моей паствы.

А мнѣ, конечно, хотѣлось бы быть для нашей общей паствы только тѣмъ, что я изъ себя представляю,—т. е. служителемъ Церкви Христовой, проповѣдникомъ слова Божія, слугою Христовымъ.

Между тѣмъ около меня, при моихъ поѣздкахъ, создается какая то непонятная, ненужная и очень вредная для дѣла толкотня. Ёдетъ архіерей, какъ какое то „начальство;“ всѣхъ или очень многихъ беспокоитъ; для этого „начальства“ нужно очень много лошадей, много „свиты“ и пр., и пр. Въ концѣ концовъ прихожане переживаютъ какое-то почти головокруженіе при архіерейскомъ посѣщеніи отъ многихъ хлопотъ, а маленькое назиданіе, которое они получаютъ, они

болѣе чѣмъ на половину растеряють, пока безъ толку хлопотуть надъ встрѣчею и проводами архіерейскими.

Очень прошу, братіе, ничего подобнаго для меня на будущее время не устраивать. Я буду всегда ѣздить только вдвоемъ или втроемъ. Никогда большой свиты мнѣ нужно не будетъ. Со мною будетъ только одинъ священникъ и одинъ діаконъ или сиподіаконъ. *Больше мнѣ ничего не нужно!* И прошу, чтобы ко мнѣ болѣе для поѣздокъ никто и не пристраивался. Четвертый сопровождающій долженъ быть *только мѣстный* благочинный. И только; и не болѣе! И лошадей лишнихъ для меня не нужно, чтобы напрасно никого не беспокоить. А такъ какъ я почти въ каждомъ селѣ совершаю какое-нибудь богослуженіе и даже литургію, а поэтому и ѣзжу очень тихо, то даже въ крайнемъ случаѣ могу ограничиться лошадыю священника.

Если кто-нибудь предложитъ свою заботу о моихъ удобствахъ,—то съ благодарностію и любовью готовъ принять его услуги, но пусть это будетъ даръ любви христіанской, а не тяжелая повинность... Такимъ образомъ заботу о моемъ передвиженіи по епархіи я всецѣло возлагаю на приходскихъ священниковъ, а не на полицію. У полиціи много своего дѣла; а наше церковное дѣло пусть останется только церковнымъ и пусть, любя св. Церковь и довѣряя своимъ пастырямъ, паства позаботится и о своемъ архіереѣ.

Какъ же готовится ко встрѣчѣ архіерейской? И нужно ли готовится?—Судя по предыдущимъ строчкамъ, можно подумать, что никакой встрѣчи и не нужно, что всякое приготовленіе къ пріѣзду моему совершенно излишне...

Нѣтъ,—это не вѣрно. Усерднѣйше прошу моихъ сотрудниковъ—пастырей очень внимательно приготовляться ко встрѣчѣ архіерея,—и не только, конечно, меня, но и всякаго другого, привѣтствіе котораго именемъ Божиимъ вамъ Господь приведетъ получить.—По моему мнѣнію, пастырь долженъ сдѣлать для этого слѣдующее.

Онъ долженъ сказать нѣсколько проповѣдей на слѣдующія темы.

1) о посланіи апостоловъ на проповѣдь; 2) объ учрежденіи св. іерархіи и ея значеніи для спасенія; 3) объ епископѣ и пресвитерахъ, какъ руководителей паствы въ духовной жизни; 4) указать, какъ нужно встрѣчать архіерея, въ связи съ толкованіемъ словъ Христовыхъ: „кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня; а кто принимаетъ Меня, Тотъ принимаетъ Пославшаго Меня“.

Вотъ въ этомъ и должно заключаться приготовленіе пастыря къ приему архипастыря. Тогда прихожане такого ревностнаго священника сознательно и радостно будутъ ждать своего архіерея, а не будутъ изъ себя представлять безсознательнаго стада, не отдающаго себѣ отчета, какое отношеніе архіерей къ нему имѣетъ.

Кромѣ того, священникъ долженъ, такъ сказать, и практически подготовить свою паству къ приему епископа. Онъ долженъ сказать архіерею, нѣтъ ли больныхъ въ его селѣ или по близости, которые хотѣли бы видѣть архіерея, но по болѣзни не могутъ; нѣтъ ли сомнѣвающихся въ вѣрѣ или переживающихъ тяжелое горе, съ которыми архіерей могъ бы побесѣдовать и вразумить или утѣшить.

Вотъ если приходъ будетъ такъ подготовленъ къ встрѣчѣ своего епископа, то его посѣщеніе будетъ имѣть значеніе для дѣла Божія, а не будетъ только источникомъ хлопотъ, мало для кого понятныхъ.

Прошу, братіе, вашей, Христа ради, помощи мнѣ, чтобы мои объѣзды епархіи и имѣли такое значеніе, и чтобы намъ всѣмъ не терять напрасно ни времени, ни силъ и все, полученное отъ Господа, хотя бы и одинъ талантъ, не зарывать въ землю, а по возможности отдать его Господу.

Еще небольшое приготовленіе ко встрѣчѣ архіерея должно быть у священника приходскаго, когда онъ ожидаетъ архіерея. Онъ долженъ во имя Божіе провѣрить свою дѣя-

тельность и честно указать архіерею всѣ слабыя стороны жизни своего прихода. Я въ этомъ случаѣ предполагаю дѣйствительно пастыря добраго, душу свою отдающаго великому служенію своему. Такой пастырь, обыкновенно, всегда собою не доволенъ и всегда работаетъ надъ собою и не перестаетъ и самъ учиться и другихъ учить. Пастырь же собою довольный, тотъ пастырь, который все знаетъ и ничему не учится,—это типъ легкомысленнаго пастыря, который о духовной жизни не имѣетъ и понятія и никогда не бываетъ духовнымъ отцомъ своего прихода. Съ такимъ пастыремъ, обыкновенно, и говорить не о чемъ; духовные запросы его не интересуютъ! Какое ему дѣло до миссін? Какая ему нужда заботиться о проповѣди?—У него нѣтъ ни запросовъ, ни недоумѣній!

Итакъ прошу пастырей, при проѣздѣ чрезъ ихъ приходы, указывать мнѣ все „не оконченное“, чтобы вмѣстѣ и начать это исправлять.

Епископъ Андрей.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

Способъ оживленія полуокоченѣлыхъ пчелъ.
Пень, совершенно умолкнувшій или отвѣчающій на стукъ по улью едва уловимымъ шелестомъ крышекъ, нужно немедленно, по осмотрѣ омшанника, унести въ теплую (не менѣе 18°) комнату. Если этотъ пень въ омшанникѣ будетъ стоять въ верхнемъ ярусѣ, то его легко снять, не потревоживъ сосѣдей. Гораздо труднѣе вынимать пни съ нижняго или средняго яруса, но во всякомъ случаѣ и эту операцію нужно произвести какъ можно осторожнѣе, освѣщая лишь по временамъ мѣсто работы электрическимъ фонарикомъ, ибо на

¹⁾ См. № 37 за 1914 г.

постоянный свѣтъ будутъ вылетать изъ другихъ ульевъ потревоженные пчелы. Постукивая и прислушиваясь къ летку принесеннаго въ комнату улья, слѣдуетъ окончательно выяснить себѣ степень его неблагополучія, а затѣмъ немедленно подать ему скорую и разумную помощь. Если пчелки еще жужжать, хотя-бы даже и очень слабо, нужно отодвинуть заставную доску и тѣ крайніе соты, на которыхъ не сидитъ муха, вынуть одинъ изъ нихъ, что почище, налить въ ячейки (конечно, по одной сторонѣ сота) тепленькой медовой сыты и вставить его въ середину гнѣзда непосредственно близъ голодающихъ пчелъ. Бѣдняжки не заставятъ себя долго ждать, немедленно примутся за ѣду и, пользуясь комнатной теплотой, также немедленно раснесутъ живительную влагу своимъ злосчастнымъ подругамъ. Если оголодавшія пчелки не выкоплются на верхъ рамокъ и не вылетаютъ на свѣтъ, можно оставить гнѣздо на нѣкоторое время открытымъ, въ противномъ случаѣ гнѣздо слѣдуетъ опять сдвинуть, удаливъ изъ улья не покрытые мухой соты, но не закрывая крышки. При такихъ условіяхъ комнатная теплота проникнетъ во всѣ углы улья и начнетъ согрѣвать полуокоченѣлыхъ отъ голода и холода пчелокъ. Хорошо еще сдѣлаемъ, если при этомъ закроемъ оконные ставни и зарѣшетимъ летокъ, чтобы предохранить пчелъ отъ напраснаго разлета. Черезъ часъ—два, почувствовавъ внѣшнюю теплоту и подкрѣпивъ себя тепленькой сытой, пчелки оживутъ и начнутъ энергично гудѣть; вотъ въ это время уже можно дать имъ и больше корма и даже въ кормушку, вставляющуюся вмѣстѣ съ рамкой въ середину гнѣзда или непосредственно близъ гнѣзда, что еще лучше. Кормушка такого рода изображена у меня на рисункѣ В—2 (Табл. 4) подъ буквой и, въ нее свободно входитъ стаканъ жидкаго меда. Само собой разумѣется, что жидкій медъ въ кормушкѣ покрывается продыравленнымъ поплавкомъ или нарѣзанной соломкой, въ противномъ случаѣ много потонетъ въ немъ пчелы. Если спасаемая пчелка достаточно еще сильна, онѣ скоро (черезъ 2—3 часа) унесутъ весь

медь съ кормушки, тогда можно имъ еще дать стаканъ сыты; если же пчелки слабы, онѣ будутъ брать медленно въ продолженіи цѣлой ночи и даже дальше; вотъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ больше одного стакана сыты имъ давать нельзя.

Удостовериться въ томъ, какъ скоро пчелки будутъ выбирать медъ, можно и не раздвигая гнѣзда, для этого стоитъ лишь продѣть сухую палочку черезъ дырочку, просверленную въ верхней планкѣ кормовой рамки; палочка эта, пройдя черезъ дырочку, остановится на днѣ кормушки, вынувъ ее затѣмъ, можно увидѣть сколько осталось еще меда. Въ случаѣ надобности въ эту же дырочку вставляется стеклянная леечка съ длинной ручкой и наливается въ кормушку жидкая медовая сыта; какъ видите, и эту операцію можно продѣлать, не раздвигая гнѣзда. Какъ только, въ дырочкѣ миновала надобность, ее немедленно закрываютъ пробочкой. Снабдивъ оголодавшій пень двумя—тремя стаканами сыты, нужно его отнести въ омшанникъ и имѣть надъ нимъ неослабное наблюдение вплоть до общей выставки пчелъ на точекъ; рамку же съ кормушкой можно въ немъ и оставить до поры до времени.

Иначе поступаютъ, когда пень совершенно умолкъ. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ немедленно разобрать гнѣздо рамку за рамкой и внимательно рассмотреть: живы-ли еще пчелки. Если пчелы, покрывающія рамки, осыпаются при малѣйшемъ толчкѣ или слабо держатся на сотахъ, случайно зацѣпившись ножками о края ячеекъ, при чемъ много ихъ совсѣмъ вползло въ ячейки, если при этомъ и хоботки бѣдняжекъ не сложены на груди, а выпучены впередъ—надежды мало на спасеніе. Однако вы все таки пересмотрите всѣ соты и постарайтесь найти матку; она умираетъ послѣдней и если при огрѣваніи въ рукѣ начнетъ шевелиться, точно такъ же, какъ и окружающія ее пчелки, можете поздравить себя съ спасеніемъ хотя небольшой горсточки своихъ труженицъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. тогда, и матка, вытянувъ хоботокъ, не подаетъ признаковъ жизни—пень пропалъ; тогда остается

только почистить его хорошенько, освободить соты от насѣвшихъ и заползшихъ въ ячейки пчелъ, просушить ихъ хорошенько на сквознякѣ и спрятать въ сухое прохладное мѣсто, предварительно подкуривъ сѣрой, чтобъ не попортила вощину мотылица. Какъ же спасти пчелъ, еще не совсѣмъ погибшихъ, сейчасъ расскажу.

Въ томъ случаѣ, когда мы, развернувъ гнѣздо умоленувшаго пня, замѣтимъ, что пчелки еще живы, что нѣкоторыя изъ нихъ еще шевелятъ ножками и усиками,—есть полная надежда спасти добрую половину злосчастной семьи. Вынутую рамку такого пня нужно sprыснуть изъ пульверизатора (см. Т. 5 рис. 31) тепленькой, жидкой сытой и поставить на скамейку, вплотную придвинутую къ умѣренно натопленной печкѣ, прислонивъ ее (рамку) верхней планкой къ самой печкѣ. Черезъ минутъ 5—10, когда пчелки зашевелиятся, рамку слѣдуетъ повернуть къ печкѣ другой стороной. Когда пчелки зашевелиятся и здѣсь, рамку еще разъ sprыскиваемъ и вѣшаемъ на особаго рода открытую со всѣхъ сторонъ стоечку¹⁾, чтобы воздухъ теплой комнаты могъ охватить ее со всѣхъ сторонъ. Для того же, чтобъ падающія пчелки могли опять подняться на рамку, дно стоечки заканчивается какъ-бы корытцемъ, по стѣнкамъ котораго пчелки свободно всползаютъ опять на рамку. На скамейку возлѣ печи можно сразу поставить 2—3 рамки, а затѣмъ постепенно переносить ихъ одну за другой на стоечку; но для того, чтобы теплый воздухъ могъ охватить ихъ со всѣхъ сторонъ, рамки на стоечкѣ придвигаются одна къ другой не вплотную. Когда пчелы энергичнымъ жужжаніемъ покажутъ вамъ, что онѣ уже отошли и что непрочъ даже полетать, рамки вставляются опять въ

¹⁾ Если кто хочетъ узнать, какъ устроится стоечка, пусть вообразитъ себѣ обыкновенный улей (см. Т. 4 В—2), у котораго выпилены фасадная и противоположная ей стѣнки, а также и боковыя, но такъ, чтобы углы улья и верхніе фальцы для навѣшиванія рамокъ остались на мѣстѣ, дно тоже нужно оставить.

улей, предварительно хорошо вычищенный и обогрѣтый внутри нагрѣтыми кирпичами. Убравъ со дна улья осыпавшихся пчелъ, высыпаемъ ихъ въ корытце, спрыскиваемъ сытой и придвигаемъ поближе къ печкѣ; когда и здѣсь нѣкоторыя пчелки оживутъ, кладемъ поверхъ труповъ нѣсколько кусочковъ старой вошины на ребро, гдѣ и начнутъ собираться отживающія пчелки; конечно, здѣсь ихъ немного будетъ, но все жаль выбрасывать и этихъ на погибель. Собранныхъ пчелокъ переносимъ и оттряхаемъ въ сложенный уже пень, снабжаемъ спасенную семью двумя рамками вошины съ налитой въ ячейки сытой, закрываемъ крышку улья, зарѣшечиваемъ летокъ и оставляемъ пень на нѣкоторое время здѣсь же въ теплой комнатѣ, пока отжившія пчелки не приведутъ въ порядокъ свои разстроенныя дѣла. Матку, при разборкѣ оголодавшаго пня лучше всего разыскать и заключить для безопасности на время въ клѣточку съ двумя—тремя хорошо оправившимися пчелками, да и положить тутъ же на стоечку поверхъ рамокъ; когда же рамки будутъ собраны опять въ свой улей, тогда и матку слѣдуетъ осторожно выпустить въ середину гнѣзда. Къ вечеру пень можно отнести въ омшанникъ, а черезъ дней пять опять подкормить, но уже черезъ рамку съ кормушкой и тоже въ теплой комнатѣ. Сильно обкармливать въ это время пчелъ не слѣдуетъ, ибо кишечники ихъ и безъ того теперь переполнены каломъ; при частомъ наполненіи желудочка сытой можетъ случиться преждевременное очищеніе пчелъ въ гнѣздѣ, а то и еще хуже—въ самомъ корытцѣ съ сытой. Два—три стакана сыты для доживающихъ зиму пчелъ—за глаза довольно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

ЗАМѢТКА.

Увѣщаніе христіолюбивому воинству.

Христіолюбивый воинъ! Господь попустилъ быть великой войнѣ русскаго народа съ врагами православной вѣры и славянъ. Царь послалъ тебя идти на защиту родной земли Русской и на освобожденіе православныхъ племенъ, угнетаемыхъ нѣмцами. Тебя давно зовутъ туда, за Австрійскую границу, во-первыхъ, православные сербы, полоненные Австріей въ числѣ двухъ милліоновъ человекъ, а во-вторыхъ пребывающіе подъ гнетомъ того государства твои же русскіе братья, составлявшіе прежде одно съ нами Государство и одну православную Церковь. Это—малороссы, называемые Галичанами и Угроссисами. Они оторваны отъ Россіи и отъ Православія, и вовлечены въ еретическую уніатскую вѣру, а тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ снова нашу Святую Вѣру Православную, подвергаются гоненіямъ и тюремному заключенію. Имъ не дозволяютъ строить въ Галиціи православныхъ церквей, не дозволяютъ имѣть и православныхъ священниковъ. И вотъ они, уже болѣе шестидесяти лѣтъ ждуть, со слезами ждуть,—когда же придутъ ихъ русскіе братья и освободятъ ихъ отъ иноземнаго и ино-вѣрнаго ига? Они видѣли у себя нашихъ русскихъ въ 1848 году во время Венгерскаго похода и съ тѣхъ поръ ихъ скорбная душа прилѣпилась къ Россіи, и они молятъ насъ придти и взять ихъ подъ материнскую сѣнь Православной Церкви и подъ отеческую власть Русскаго Государя. Видѣли эту любовь къ намъ нашихъ братій ихъ угнетатели и сами дерзновенно вызвали насъ на бой. Отнынѣ предъ нами двѣ задачи: защищать Россію отъ нападенія враговъ и вызволить изъ подъ ихъ власти нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Русскій воинъ! смотри, на какое святое, на какое великое дѣло призвалъ тебя твой ЦАРЬ! Будь же

достоинъ этого великаго призванія, ибо сказано пророками:
„Проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ“.

Какъ же быть достойнымъ Святаго дѣла? Первое—иди на него съ молитвой и съ радостію, безъ унынія и безъ ропота. Ты, русскій, ты—потомокъ праведныхъ предковъ. Русскіе никогда не боялись смерти и не дорожили этою земною жизнію ради дѣла Божія; да, если и такъ Богъ посылалъ смерть, то покорно подчинялись Его Святой волѣ, лишь бы не умереть безъ покаянія, не умереть въ грѣхѣ.

Итакъ, если желаешь оградить себя отъ страха, отъ постыдной трусости и отъ унынія, то заранѣе обреки себя на смерть ради Святой вѣры и Родины. Тогда ничего не будешь бояться, а самъ будешь страшенъ для враговъ и для самой смерти. Такъ и сказано о вѣрующихъ христіанахъ въ службѣ св. Каллистрату мученику: „Прежде Твоея крестныя смерти, Господи, страшна бысть человѣкомъ смерть: нынѣ же человѣкъ бысть страшенъ для смерти“. Не бойся смерти—это первое; не опасайся за участь твоей семьи—это второе. Богъ и Царь не оставятъ солдатскихъ сиротъ. Читай, что написалъ Царь Давидъ въ 36 псалмѣ: „Я былъ молодъ и состарѣлся, и не видѣлъ праведника оставленнымъ и дѣтей его просящими хлѣба“.

Третье тебѣ увѣщаніе: не слушай христоненавистныхъ искусителей-бунтовщиковъ и не читай ихъ прокламацій и газетъ; не вѣрь ихъ притворной волчьей жалости къ солдату, чрезъ которую они стараются возбудить въ душѣ твоей ропоть на начальство, непослушаніе и нетерпѣніе во дни лишеній и скорбей. Эти люди ненавидятъ Россію и въ душѣ презираютъ простой народъ, желаютъ ему гибели чрезъ всякія забастовки и бунты, а сами остаются невредимыми, прычась за спины простаковъ. Помни и сіе четвертое наставленіе: храни себя въ цѣломудріи и трезвости; вражеская пуля и бомба бояться неоскверненнаго блудомъ христіанскаго тѣла и летятъ мимо него, какъ огонь въ Вавилонской печи

не осмѣлился коснуться трехъ цѣломудренныхъ отроковъ Іудейскихъ. Далѣе: не обижайся на рѣзкое слово начальника, не завидуя успѣху товарища, но радуйся за тѣхъ, кого прославить Богъ, а себѣ славы не желай, а желай подвига для славы отечества. Во время битвы мысленно призывай Бога; предъ битвою мирись со всѣми, послѣ битвы благодари Господа.

Другъ! Господь съ неба видитъ твою душу и ничему не попуститъ быть для нея неполезному, лишь бы ты самъ не губилъ ее грѣхами и непослушаніемъ. Итакъ, съ покорностью Богу иди на Святое дѣло и, если Онъ благоволитъ, возвращайся невредимымъ и побѣдителемъ.

(„Вѣра и Разумъ“).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го сентября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Авд. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 40

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Клевокой духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 28-го сентября.

Содержаніе: I. Духовенство и сельская культура. С. П.—II. Какіе соору-
жать иконостасы въ новыхъ храмахъ. (Окончаніе). А. Антошій.—
III. Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи. Е. Андрей.—IV.
Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисьянскій.—
V. Забѣтки а) Залогъ обновленія.—б) Къ вопросу о недостаткахъ
нашей богослужебной практикки.—

Духовенство и сельская культура.

Въ старину сельское духовенство, въ большинствѣ, любило заниматься около земли. И лишь только начинались весеннія и лѣтнія работы, крестьяне—прихожане шли къ „батюшкѣ“ за совѣтомъ и руководствомъ—начинать-ли пахать и „выставлять“ пчель или пообождать. И если священникъ и не устраивалъ тогда примѣрной, по правиламъ пчеловодной техники, пасѣнки, то все-жъ, обычно, онъ былъ болѣе—менѣе опытнымъ пчеловодомъ, а главное—„батюшка“ въ деревенскомъ быту сливался, такъ сказать, съ народною жизнью.

Занятіе сельскимъ хозяйствомъ, дѣйствительно, можетъ тѣснѣе сближать священника съ прихожанами своими; общность внѣшнихъ матеріальныхъ интересовъ часто служитъ основаніемъ къ общенію и нравственныхъ. Входя въ сношеніе съ крестьянами по тѣмъ или другимъ сельско-хозяйственнымъ дѣламъ и нуждамъ, священникъ имѣетъ больше возможности непосредственно наблюдать ихъ жизнь, понятія, нравы, знаетъ на себѣ, что они переживаютъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. И священникъ всегда найдетъ возможность начать съ прихожаниномъ своимъ духовную бесѣду отъ самыхъ обыденныхъ предметовъ жизни и постепенно вводить въ умъ и сердце своего собесѣдника извѣстныя правила.

Психологъ крестьянскаго труда—писатель (вышедшій изъ духовнаго сословія) Глѣбъ Успенскій говоритъ: „у земледѣльца нѣтъ шага, нѣтъ поступка, нѣтъ мысли, которые бы не принадлежали землѣ. Ему невозможно оторваться куда-нибудь въ сторону изъ-подъ этого ига земля“.... (Соч. Глѣба Успенскаго—*Власть тьмы*, IV).

И въ настоящее время (до наступленія войны) наше правительство призывало всѣ интеллигентныя сословія, въ томъ числѣ и сельское духовенство и школы, работать общими силами подъ улучшеніемъ и возвышеніемъ сельскаго хозяйства.

Нуженъ и добрый совѣтъ, и добрый примѣръ!... А для этого священнику—хозяину необходимо самому изучить и поставить у себя сельское хозяйство. Замѣнить ученаго агронома сельскій священникъ не можетъ, но понять его и примѣнить его совѣтъ къ своему полю, саду, огороду, а, примѣнивъ у себя, растолковать *темному* люду деревенскому, онъ, конечно, можетъ; между тѣмъ, какъ самый рядовой крестьянинъ съ трудомъ пойметъ то, что скажетъ ему правительственный агрономъ.

Упомянемъ, что сельско-хозяйственная жизнь нашего крестьянина, за послѣдніе годы, привлекаетъ къ себѣ все

большее и большее вниманіе. Паденіе урожаявъ, сокращеніе скотоводства, возрастаніе недоимокъ—все это вопросы, повольно заставляющіе подумать о надвигающейся на деревню опасности.

Борьба съ существующими тяжелыми условіями жизни земледѣльческаго населенія во многихъ епархіяхъ такъ или иначе начата при содѣйствіи нашего сельскаго духовенства, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ (при посѣвѣ, наприм., кормовыхъ травъ и введеніи въ деревнѣ плуговъ) достигла уже весьма существенныхъ результатовъ; однако, такихъ районовъ, гдѣ экономическая дѣятельность правительственныхъ агрономовъ, вмѣстѣ съ сельскими священниками, охвативъ широкій кругъ потребителей земледѣльческой массы, успѣла окрѣпнуть и вылиться въ правильно-организованную форму, по настоящее время еще очень немного. Еще необходимы усилія для насажденія въ деревнѣ сельской культуры, для улучшенія сельскаго хозяйства. Между сельскими священниками (и прочими членами ц. причта) есть неплохіе пчеловоды, садоводы, и вообще знатоки хозяйства. Образцовыя пасѣки священниковъ — „пчеляковъ“ есть по разнымъ уѣздамъ.

Какія же мѣры могли бы помочь введенію въ нашей деревнѣ новыхъ опытовъ по сельской культурѣ? Рекомендуемая лекція и чтенія по сел. хозяйству объ улучшеніи давно существующихъ земледѣльческихъ приемовъ несомнѣнно полезныя для развитія и усовершенствованія земледѣлія, безъ практики на первыхъ порахъ едва-ли помогутъ дѣлу; въ крайнемъ случаѣ онѣ могутъ вызвать недовѣріе и сомнѣнія. Очевидная тому причина — новостъ этихъ приемовъ, непредваренныхъ самымъ опытомъ.

Итакъ, прежде чѣмъ рекомендовать и распространять новые способы по культурѣ хлѣбовъ и, вообще, по сел. хозяйству, необходимо, намъ думается, самимъ священникамъ — учителямъ иниціаторамъ провѣрить самимъ эти способы на дѣлѣ, на примѣрѣ.

Между мелкими отраслями сельскаго хозяйства—пчеловодство занимаетъ первое мѣсто по своей выгодности. И едва-ли есть другое сельско-хозяйственное занятіе, которое можно было бы начать съ такими ничтожными средствами. Основаніемъ пасѣкъ нерѣдко бываетъ какой-нибудь случайно найденный или случайно „поймаванный“ рой, отъ котораго потомъ разводятся десятки и сотни пчелиныхъ семействъ. Чтобы члену ц. причта завести пчельникъ покупкою пчелъ, нужно сдѣлать расходъ сравнительно ничтожный. Можно начать, наприм., съ двухъ-трехъ ульевъ, а потомъ, при умѣнїи, пчельникъ пойдетъ самъ собою, принося проценты отъ 25—30 % на капиталъ. Сельскій пастырь всегда найдетъ время, чтобы рядомъ съ своими занятіями заняться и пчеловодствомъ.

„...Занятіе пчелами—пишетъ о себѣ одинъ священникъ-пасѣчникъ—имѣетъ въ моей жизни не малое значеніе и не только какъ лишняя доходная статья въ скромномъ бюджетѣ приходскаго священника, но и какъ далеко не лишнее звено въ цѣпи, соединяющей меня съ прихожанами. Вѣдь, въ приходѣ у меня не менѣе 10 заправскихъ пасѣчниковъ. И что это за народъ? Добрые, честные, трезвые труженники, а потому люди достаточные, словомъ, цвѣтъ и краса моего прихода и, благодаря пчеловодству, всѣ мои близкіе друзья... Общее дѣло сблизило насъ, за нимъ скоро мы узнали другъ друга и полюбили... А не будь этого общаго мною и ими любимаго дѣла, легко могло статься, что эти добрые люди, по присущей всѣмъ дѣльнымъ людямъ скромности, остались бы мною незамѣченными и въ своей пастырской дѣятельности, быть можетъ, я лишился бы тѣхъ преданныхъ, драгоценныхъ помощниковъ, какихъ имѣю теперь въ нихъ. Да и то сказать: человекъ, вѣдь, не машина, а трудовъ, слава Богу, не мало!.. Устанешь и тѣломъ и душою, отдохнуть захочется и поразвлечься! И не будь пасѣки—одишь Богъ вѣдаетъ—куда бы я пошелъ отдыхать и развлекаться! А теперь—какъ урвалась минутка свободная и бѣжишь къ

милымъ работницамъ — пчелкамъ. Отдыхаешь и наслаждаешься, да еще какъ!.. Глядишь и не нарадуешься на мудрое твореніе Божіе. А вокругъ-то!.. Рай земной!.. Весной въ тѣнистомъ саду, стонущемъ отъ птичьяго шума и гама, среди весенней музыки миллионовъ рѣющихъ въ воздухѣ пчель, — что можетъ быть пріятнѣе и живительнѣе этихъ часовъ, проведенныхъ въ этомъ царствѣ жизни, тепла, свѣта, благоуханія и пышнаго ликованія роскошнѣйшей природы? И пойдите тогда челоѣка счастливѣе іерея-пасѣчника“... (Журн. „Русскій Пчеловод. Листокъ.“ 1894 г. № 6, стран. 180).

Да, кругомъ насъ разбросаны щедрою рукою Творца большія сокровища. Пужно только не полѣниться собрать ихъ себѣ; нужно только завести себѣ такихъ работницъ, которыя всѣ эти богатства, за малый уходъ за ними (работницами), соберутъ намъ. Сакровища эти — медоносныя растенія, работницы — пчелы. Съ самаго ранняго утра и до ночи, съ весны и до поздней осени будутъ прилежно работать эти неутомимыя работницы.

Мы говоримъ о такомъ веденіи пчеловоднаго дѣла, которое не требуетъ ни особеннаго ухода, ни знанія, — о простомъ пчеловодствѣ, ведущемъ начало съ Рюрика.

Но, вотъ, лѣтъ 60 тому назадъ ученый пчеловодъ Лангстротъ въ Америкѣ и одинъ священникъ Держонъ, одинъ за другимъ, открыли рамочную систему другіе, изобрѣли искусственную вошину, центробѣжку. Все это удесятирило доходность пасѣки.

При чудесномъ насыщеніи голоднаго народа въ пустынѣ Божественный Спаситель сказалъ апостоламъ: *дадите имъ ясти...* Не звучитъ-ли въ этихъ словахъ вѣчный божественный зовъ и ко всѣмъ пастырямъ, — продолжателямъ служенія апостольскаго словомъ и примѣромъ — послужить меньшимъ братіямъ, научивъ сельскій миръ, какъ ему умножить *хлѣбъ нашъ засушенный...*

Находясь во власти земли, наши поселяне ни на минуту не забываютъ, что они подъ Богомъ и въ волѣ Его ходятъ.

День за день, вечеръ и утро крестьянину приходится ждать себѣ благословенія свыше. Бросая сѣмя свое въ проведенныя имъ борозды, земледѣлецъ отдаетъ судьбу свою въ руки Божіи. Вѣдь, чтобы онъ ни дѣлалъ, сколько бы поту ни пролилъ, главное дѣло зависитъ отъ Того, Который посылаетъ тихій дождь и теплыя росы, Кто солнечнымъ свѣтомъ вызываетъ къ жизни зернышко...

Народъ — пахарь... Этимъ сказано все, что можно сказать о русскомъ народѣ. Въ этихъ двухъ словахъ психологія, исторія, прошлое, настоящее и будущее русскаго народа.. И наши крестьяне любятъ землю, они трудолюбивы, терпѣливы въ лишеніяхъ, неизбежно связанныхъ съ жизнью земледѣльца; но у послѣдняго мало научныхъ знаній, и потому сельское хозяйство находится въ деревнѣ въ примитивномъ состояніи. Дѣло не можетъ больше оставаться въ такомъ положеніи.

Во всякомъ случаѣ сельско-хозяйственныя мѣропріятія въ сельскихъ приходахъ нужно еще считать пока дѣломъ „новымъ“, и какъ всякое новое дѣло они нуждаются во все-стороннемъ освѣщеніи, въ выясненіи причинъ, достигаемыхъ при этомъ результатовъ и. т. п. Поэтому, чѣмъ большимъ числомъ фактовъ по интересующимъ вопросамъ будетъ располагать сельскій приходъ, тѣмъ легче ему будетъ разобраться въ новой работѣ по сельской культурѣ.

На подмогу, на помощь къ крестьянину и пусть идетъ священникъ — человекъ просвѣтительнаго дѣла въ деревнѣ; то, что свято въ глазахъ крестьянъ, не должно быть униженнымъ для ихъ служителей — священниковъ. И если сама жизнь налагаетъ на нихъ, какъ на народныхъ учителей, великую и серьезную обязанность, то пастырь не въ правѣ уклоняться. И если до настоящаго времени народный учитель назывался пахаремъ, сѣятелемъ въ символическомъ смыслѣ, то теперь ему суждено стать, среди крестьянъ, таковымъ непосредственно и на дѣлѣ, потому что этого требуетъ благо народа: необходимо проникнуться уваженіемъ къ святынѣ народной — зем-

лѣ и понять, что только земледѣліе есть основа истинной культуры.

И хочется вѣрить, что на сельскомъ пастырѣ, какъ на народномъ учителѣ, сбудутся пророческія слова Достоевскаго: „...явятся люди, которые, дѣйствительно, сольются со взглядами, потребностями, философіей народа. Они перескажутъ ему все, что мы знаемъ, и въ этой дѣятельности, въ эгомъ пересказываніи будутъ сами находить наслажденіе“...

С. Н.

Какіе сооружать иконостасы въ новыхъ храмахъ?

(Окончаніе) ¹⁾.

Итакъ, иконостасъ долженъ распространяться въ длину отъ стѣны до стѣны, а въ вышину?—„Въ древности были низкіе иконостасы, и мы потому ставимъ такіе“, отвѣтятъ современные строители. Вѣрно, но въ такомъ случаѣ, для чего вы строите храмъ въ стилѣ XVII-го вѣка, нарочно прилаженный для высокаго иконостаса? Вѣдь стиль Алексѣя Михайловича, т. е. стиль длиннаго храма съ низкою западною частью, съ низкимъ алтаремъ, но очень высокимъ колодцемъ въ центрѣ, рассчитанъ именно на пяти-ярусный иконостасъ; тяжелые, но внушительные храмы-ящичи XVI вѣка, напр., Успенскій соборъ Сергіевской лавры, Знаменья въ Новгородѣ (XVII в.), Успенья въ Тихвинскомъ (XVI в.) или въ Валдайскомъ-Иверскомъ (XVII в.) монастыряхъ, имѣющіе не круглыя Византійскія очертанія, но изобилующіе прямыми углами и прямоугольными поверхностями, совершенно не могутъ быть удовлетворены одною стѣнною росписью, искупающею отсутствіе или низкій размѣръ иконостаса въ

¹⁾ См. № 39 за 1914 г.

Византійскихъ круглыхъ или кучеобразныхъ постройкахъ, напр., въ соборѣ святого Владиміра въ Кіевѣ.

„Но вѣдь жалко закрывать иконостасомъ роспись горяго мѣста“. Да! русскіе рѣшили на это не сразу. Иконостасы Троицкаго собора Сергіевой лавры или Новгородской Софіи доходятъ до двухъ третей или трехъ четвертей храма; но затѣмъ развитіе иконостасовъ пошло далѣе, и въ XVII вѣкѣ достигло чудной красоты, богато замѣняющей собою для стоящихъ въ церкви людей алтарную роспись. Древнѣйшіе иконостасы—это просто сдвинутые ряды иконъ; иконостасы же болѣе поздніе (XVI и XVII в.)—это чудо искусства сами по себѣ, и не напрасно русскіе считаютъ ихъ лучшимъ украшеніемъ храма и сравниваютъ храмы между собою по красотѣ иконостасовъ.—Классическіе иконостасы XVII вѣка, сохраняя главное свойство древне-православнаго храма, красующагося только иконами, т. е. святыми изображеніями (а не безыдейною орнаментикой—мебелью на подобіе костеловъ въ стилѣ рококо), вносятъ въ красоту церковную особую идею художественнаго сочетанія этихъ изображеній другъ съ другомъ. Такъ называемое *тѣло иконостаса* въ высшей степени просто: по направленію вширь оно представляетъ собою полное однообразіе рамъ или раздѣленій между иконами, по направленію снизу вверхъ требуется небольшое разнообразіе и притомъ не столько въ самомъ составѣ рамъ, сколько въ формѣ святыхъ иконъ, иконныхъ досокъ. Нижній рядъ составляется изъ нарочитыхъ, особо чтимыхъ большихъ иконъ различной ширины, второй рядъ—праздники—низкіе и широкіе, третій рядъ—Апостолы во весь ростъ, узкіе и высокіе, четвертый рядъ—поясныя изображенія пророковъ—парами раздѣленными сверху, но только до половины. Самыя перегородки, или *тѣло иконостаса*, не шире четверти аршина; если вы выпнете изъ него иконы, получится самый заурядный трафаретъ, но когда вставите священныя изображенія, восхищенный взоръ вашъ не можетъ отерваться отъ этого чуднаго цѣлаго.

Что такое изображаетъ собою подобный иконостасъ? Это лѣствица Іакова, по которой восходятъ и нисходятъ не только святые ангелы, но вся торжествующая Церковь. Богоговѣйному богомольцу представляется весь сонмъ святыхъ живымъ, движущимся вверхъ и внизъ. Въ первомъ ряду Спаситель, Богородица, Предтеча, Никола и мѣстные святые говорятъ ему: „вотъ мы здѣсь, всегда съ тобою, мы сошли съ неба, чтобы звать тебя туда, къ намъ“. Событія нашего искупленія во второмъ ряду какъ бы медленно спускаются сверху и говорятъ: „вотъ что совершилъ, что претерпѣлъ для тебя Христосъ, преклонившій небеса и сошедшій на землю: смотри, сколько святыхъ, вдохновившись этими событиями, забыли землю и пошли на небо“. Богомолецъ поднимаетъ свой взоръ выше: тамъ святые апостолы, простираясь къ Царю славы, будто готовятся пройти все выше и выше по иконостаснымъ перегородкамъ, какъ по ступенямъ. А въ храмахъ Малороссіи этотъ рядъ устроенъ дугой и восхождение святыхъ выражено еще рельефнѣе. Пророки уже удостоились небесныхъ высотъ и устремили восторженный взглядъ на центральный образъ Воплощенія отъ Пречистой Дѣвы, торжественно подѣмля свитки своихъ пророчествъ, гдѣ все это было предсказано Святымъ Духомъ. Богомолецъ переводитъ свой взоръ на центръ иконостаса. „Да это Мое царство“, говоритъ ему Пандократоръ изъ Деисуса: „Я и понынѣ раздѣляю Тайную Вечерю со Своими послѣдователями“, вторитъ Онъ ему со второго ряда иконостаса. „А смотри, какъ прекрасенъ входъ къ престолу Божию, къ Его тайнамъ“, говорятъ ему Царскія врата.

Отцы и братіе! если будете строить или перестраивать храмы, ставьте большіе многоярусные иконостасы ровными рядами безъ *орнаментуръ*, чтобы онъ красовался святыми иконами, а не мебелью: нѣтъ большей красоты церковной, какъ эта полнота церкви торжествующей, представленной на одной громадной плоскости предъ взоромъ народа, обращеннаго на Востокъ. Не слушайте тѣхъ, кто говоритъ, будто

иконостасы умалили значеніе стѣнной росписи: оно сохраняется во всей стилѣ; только алтарь скрытъ, но сіе и подобаетъ въ наше грѣшное время, о чемъ скажемъ ниже. А церковная стѣнная роспись вся на глазахъ у народа. Когда богомолецъ отстоитъ службу и повернется къ боковымъ стѣнамъ, святые говорятъ ему со столбовъ: „и здѣсь мы: весь міръ подчиненъ нашему суду“. Богомолецъ поднимаетъ голову кверху: тамъ въ куполѣ онъ видитъ Христа и воспоминаетъ слово Писанія: *дабы все небесное и земное соединить подъ Главою Христомъ* (Ефес. 1, 10). И дѣйствительно, вокругъ Него ангелы, тамъ—апостолы, *евангелисты*, а на боковыхъ стѣнахъ какъ бы продолжается второй рядъ иконостаса—событія евангельскія и вселенскіе соборы. Богомолецъ направляется къ выходу. „Ты возвращаешься къ земнымъ дѣламъ, но помни, чѣмъ всѣ они кончатся“, говоритъ ему ангель съ картины Страшнаго Суда, раскинувшейя по всей западной стѣнѣ храма. Богомолецъ не спѣшитъ выйти, онъ трепетно всматривается въ грозное изображеніе: „помышляю день страшный и плачуся дѣяній моихъ лукавыхъ, како отвѣщаю Безсмертному Царю или коимъ дерзновеніемъ воззрю на Судію блудный азъ“, гороритъ онъ себѣ и обращается на востокъ, чтобы сотворить три выходныя метанія. А тамъ опять сіяетъ благолѣпный иконостасъ, и святые ему говорятъ: „не страха ради, но ради нетлѣнной красоты Христова царства помни о немъ, когда выйдешь отсюда на рынокъ жизни“. И богомолецъ, примаренный и просвѣтленный, выходитъ на дѣланіе свое и на дѣло свое до вечера, а дома, становясь на молитву, снова обращаетъ свою мысль къ Страшному Суду Божію и къ красотѣ торжествующаго собора святыхъ въ царствѣ Христовомъ.

Итъ, не испортили Малороссія и Москва, и Новгородъ византійскую красоту церковную огромными иконостасами, не испортили, а усовершенли; объ этомъ совершенствѣ красоты церковной во всей ея сложности сравнительно съ простотой христіанской древности можно сказать то же, что

сказано о философіи христіанскихъ истинъ, или о *Богословіи* трехъ Вселенскихъ Учителей: „премудрость пріемше отъ Бога, словомъ разума составляете догматы, яже прежде словеса простыми низлагаху рыба́ріе въ разумѣ силою Духа: *подобаше бо тако простѣи нашей вѣрѣ составленіе стяжати*“ (сѣдалень 30 января). Святые отцы увѣнчали истины нашей вѣры богословскою системою, а художники византійскіе и русскіе выразили ихъ красоту духовную въ иконахъ и въ иконномъ сочетаніи на стѣнахъ святыхъ храмовъ и въ ихъ иконостасахъ. Лучшіе иконостасы мы помнимъ слѣдующіе: два въ соборахъ Сергіевой лавры, четыре въ Московскомъ Кремлѣ, одинъ—новый—у Николы Угрѣши, также въ соборѣ Псковскомъ (особенно прекрасный), также у Знаменья и у Антонія Римлянина въ Новгородѣ, также въ Тихвинѣ. Но едва ли не всѣ ихъ превосходитъ иконостасъ Валдайскаго Иверскаго монастыря, сооруженный величайшимъ чело́вѣкомъ русской исторіи—Святѣйшимъ Никомомъ патріархомъ. Великолѣпная празелень иконостаснаго тѣла и фоновъ придаетъ особенную духовность многоярусному сочетанію священныхъ изображеній: не только сами святые кажутся поднимающимися къ небу, но они будто поднимаютъ за собою и богомольца, и онъ готовъ восклицать съ Петромъ: „Господа, добро намъ есть здѣ быти!“.

Архіепископъ Антоній.

Письма къ пастырямъ Уфимской Епархіи.

VIII.

О сознательной уставности въ богослуженіи.

Братіе! Вы знаете, что наша епархіа по преимуществу миссіонерская. Здѣсь нужно просвѣщать иновѣрцевъ, утверждать въ вѣрѣ людей, слабо и мало просвѣщенныхъ, и предохранить отъ отпаденія тѣхъ, кто родился въ православіи, но живетъ среди сектантовъ. Поэтому наши причты церковные

должны быть свободны отъ какихъ-либо упрековъ, безупречны, тѣмъ болѣе должно быть безупречно поставлено богослуженіе.

Богослуженіе и въ пѣніи и чтеніи должно быть самою убѣдительною проповѣдію.—Да, да, братіе,—и пѣніе стихирь, и другихъ пѣсней церковныхъ, и все чтеніе въ церкви должны быть убѣдительною проповѣдію; каждое слово должно быть произнесено отчетливо, сознательно, вразумительно и убѣдительно. Поэтому каждое слово священника должно быть сильнымъ и силою своею воздѣйствовать на слушателей. Ничего заученнаго, ничего механически произнесеннаго не должно быть въ богослуженіи; все богослуженіе должно представлять изъ себя одинъ великій гимнъ Господу, радостную хвалу Богу.

Пойте Богу разумно! Работайте Господу со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ!

Чтобы исполнить эти заповѣди псалмопѣвца, нужно исполнить указаніе нашего великаго богомольца и учителя молитвы отца Іоанна Кронштадтскаго, который говоритъ: „Никогда не читай молитву, думая, что ты ее уже давно знаешь. Всякую молитву читай такъ, какъ будто ты читаешь ее въ первый разъ“. Такое чтеніе и слышалъ одинъ паломникъ святой горы Аѳонской; онъ пишетъ, что тамъ нѣкоторые монахи читаютъ и положенные 40 разъ „Господи помилуй“ такъ, что всякій разъ чтеніе вкладываетъ въ эту молитву новое чувство.—Вотъ подобное чтеніе, дѣйствительно, будетъ богослуженіе! Оно всѣмъ будетъ понятно и для всѣхъ назидательно; тутъ и проповѣдь не будетъ такъ нужна.—безъ проповѣди при такомъ чтеніи и пѣніи всѣ богомольцы получатъ праздничное утѣшеніе и вразумленіе.

Возьмите вы, отцы и братіе, праздничныя стихиры на Преображеніе Господне, на Успеніе Богородицы, на Воздвиженіе св. Креста; пропойте ихъ не торопясь, сознательно, *съ молитвою*, даже только прочитайте ихъ, какъ слѣдуетъ,—и ваши богомольцы поймутъ всю сущность праздника и переживутъ съ вами минуты вдохновеннаго умиленія.

Но чтобы такъ дѣйствовать на другихъ, чтобы *заставить* молиться своихъ богомольцевъ, священнослужитель или чтець церковный долженъ при чтеніи самъ молиться, долженъ умѣть молиться.—Для этого нужно, конечно, прежде всего знать, что нужно читать, любить это чтеніе и, разумѣется, понимать его или, по крайней мѣрѣ, стремиться ко всему этому...

А вотъ тутъ, дорогіе мои отцы и братіе,—настоящая бѣда! Сколько я ни отыскивалъ въ нашихъ сельскихъ храмахъ хорошаго, осмысленнаго молитвеннаго чтенія,—я его не нашель пока. Я не теряю еще надежды и думаю встрѣтить хорошихъ чтецовъ, но пока я ихъ не встрѣтилъ, за исключеніемъ четырехъ—пяти человѣкъ.—За то встрѣтилъ то, что въ общей сложности можно охарактеризовать не только незнаніемъ устава, но полнѣйшимъ его пренебреженіемъ...

Я встрѣтилъ такого священнослужителя, который не зналъ, которая каѳизма начинается словами „блаженъ мужъ“ и гдѣ найти эти слова... Я встрѣтилъ псаломщика, который сказалъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ устава, но сказалъ такимъ тономъ, что—зачѣмъ же его собственно и нужно знать?

По я не буду останавливаться на отдѣльныхъ невѣждахъ,—я хочу сказать сейчасъ объ общихъ проявленіяхъ нецерковности въ нашей жизни.

О пѣніи. Наше пѣніе въ храмахъ зависитъ всецѣло отъ нашихъ регентовъ, а эти регенты, не имѣя представленія о церковномъ пѣніи, иногда поютъ такъ скверно, такъ не церковно, что *совершенно мѣшаютъ молиться*, обращаютъ храмъ молитвы въ какой то вертепъ трактирныхъ выкрикиваній. На этотъ возмутительный непорядокъ отцы настоятели должны обратить вниманіе; они должны обратить вниманіе, что тѣ же регенты вовсе не знаютъ пѣнія на гласы и вовсе не умѣютъ пѣть стихиръ октоиха. И, конечно, лучше пусть совсѣмъ не будетъ пѣвчихъ въ нашихъ храмахъ, чѣмъ такіе пѣвчіе, которые мѣшаютъ молиться!—На это обыкновенно

возражаютъ, что тогда и богомольцевъ не будетъ въ церкви, если уничтожить хоры церковные.

Но я не говорю объ уничтоженіи хоровъ, я говорю о томъ, чтобы они пѣли Богу разумно, а не въ своемъ неразуміи... Иначе они своими „концертами“, своими солированными только развращаютъ богомольцевъ, которые перестаютъ уважать богослуженіе. Я неоднократно наблюдалъ такой ужасъ: въ началѣ литургіи въ храмѣ никого нѣтъ; послѣ евангелія начинаютъ собираться; ко времени „концерта“ приходятъ всѣ, кому этотъ концертъ пужень; но лишь только концертъ кончается, діаконъ выноситъ святую Чашу, и всѣ поголовно направляются къ выходу, не дослушивая Божественной литургіи. Развѣ это не ужасъ? И такое развращеніе богомольцевъ внесли, конечно, пѣвчіе. Разумѣется, лучше бы ихъ вовсе не было...

Нѣтъ, пѣніе въ храмѣ должно быть умное, строго церковное, молитвенное; тогда оно будетъ достойно всякой похвалы. Это будетъ дѣйствительно разумный гимнъ Господу, а не безумное, невѣжественное извращеніе святоотеческихъ пѣснопѣній.

Вмѣсто такого нецерковнаго пѣнія очень хорошо было бы вводить общее народное пѣніе, чтобы сдѣлать богомольцевъ участниками въ богослуженіи. Книжки, приспособленныя для народнаго пѣнія, имѣются въ Петроградѣ, въ редакціи „Миссіонерскаго обозрѣнія“; имѣются онѣ въ продажѣ и въ Уфимскомъ Епархіальномъ Братствѣ (достать ихъ можно чрезъ о. архимандрита Николая). Съ помощію такого общаго пѣнія можно добиться того, что народъ снова выучитъ забытыя имъ церковныя пѣснопѣнія.

Удивительно, что наши „пѣвчіе“ безъ нотъ, безъ книжки не умѣютъ процѣть ни одного слова: ни великаго славословія, ни ирмосовъ, ни простаго величанія. Въ этомъ отношеніи нашимъ регентамъ хорошо бы поучиться у какихъ нибудь старообрядческихъ старухъ, которыя знаютъ наизусть цѣлыя кононы. Знали эти кононы когда то и простые наши

богомольцы, но пѣвчіе наши и наши псаломщики, не знающіе церковнаго пѣнія, отучили своихъ богомольцевъ отъ этихъ святыхъ пѣсней.

О церковномъ чтеніи. Какъ извѣстно, у насъ практикуется сокращеніе и въ пѣніи и въ чтеніи изъ того, что указано уставомъ церковнымъ. И, конечно, выполненіе всего устава почти невозможно. Но сокращать положенное уставомъ богослуженіе нужно умно, осмысленно,—такъ, чтобы общая картина богослуженія не страдала. Сокращать можно только повгораемая части богослуженія, напр., каѳизмы; но нельзя ни въ какомъ случаѣ пропускать стихирь или каноны празднику или святому. Съ пропускомъ этихъ стихирь и каноновъ отъ праздничной службы, обыкновенно, рѣшительно ничего не остается; служба, напр., на Преображеніе Господне почти буквально тождественна съ любую воскресною; только за обычною воскресною службою „Нынѣ отпускаеши“ или „отъ юности моя“ или „великое славословіе“ поютъ просто скверно, а въ большіе праздники—очень скверно; положенное же чтеніе вовсе отсутствуетъ и въ воскресный день, и въ праздники! И получается такое у насъ богослуженіе, о которомъ и православные и неправославные старообрядцы говорятъ съ величайшимъ негодованіемъ. И, разумѣется, они, дорожащіе богослужебною обстановкою совершенно правы, а наши порядки—во всемъ виноваты.

Итакъ, нужно ввести у насъ хорошее чтеніе; для этого можно и должно къ чтенію церковному приглашать и простыхъ богомольцевъ—мірянъ. Среди нихъ бываютъ великолѣбные чтецы. Но и міряне и псаломщики должны заранѣе прочитывать и понимать положенное уставомъ чтеніе, чтобы оно было понято и назидательно для слушателей.

А нынѣ и чтеніе бываетъ даже соблазнительнымъ. За послѣднее время Часословъ распространяется съ возмутительною опечаткою: въ 6-омъ часѣ напечатано: „да прїдетъ смерть на тя“, вмѣсто „смерть на ня“, т. е. на грѣшниковъ. И я рѣшительно отказываюсь понимать, какимъ образомъ

псаломщики, состарѣвшіеся надъ псалтирью, такъ и читають эту опечатку, нисколько не дѣлая попытки исправить эту безсмыслицу. А въ данномъ мѣстѣ безсмыслица особенно чувствительна потому, что рядомъ тотъ же чтець долженъ читать: „азъ же, Господи, уповаю на Тя“.

Такъ чтеніе у насъ оказывается безсмысленнымъ... А это несносное бормотаніе на клиросѣ, вмѣсто середины храма,—развѣ это молитва? Это опять-таки безпримѣрная, неповторяемая въ жизни безсмыслица! Читають для богомольцевъ, но такъ, что никто ни одного слова не разбираетъ!

Для хорошаго чтенія въ храмѣ, конечно, нужны хорошіе чтецы. А такіе чтецы воспитываются, мало по малу, совершенствуясь въ церковномъ чтеніи. Прекрасное средство къ тому, чтобы пріучить себя къ внимательному, молитвенному чтенію въ церкви—это соблюденіе уставныхъ поклоновъ: на Трисвятомъ, на Аллилуія, на Прїидите—поклонимся. Тотъ псаломщикъ, который не забываетъ этихъ поклоновъ, конечно, не забываетъ при нихъ вознестись сердцемъ къ Господу, дѣйствительно поклониться Ему...

Къ моему великому сожалѣнію, такихъ псаломщиковъ я почти не встрѣчаю... Не встрѣчаю я и настоятелей, которые бы обратили вниманіе на такіе совсѣмъ не—пустяки! Уставъ—это великая школа духовной жизни и кто учится въ этой школѣ, тотъ хорошій псаломщикъ и священнослужитель, а кто не учится,—тотъ неучъ, къ церковному служенію не пригодный...;

Отцы и братіе! Очень прошу васъ: да будетъ наше богослуженіе простое, безъ искуснаго и искусственнаго пѣнія, но да будетъ оно понятнымъ, яснымъ, преисполненнымъ молитвеннаго духа и назидательнымъ...

Епископъ Андрей.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе)¹⁾.

Веденіе ежедневныхъ бюллетеней по таблицѣ № 1²⁾ можетъ показаться пчеловодамъ скучнымъ и мало-важнымъ, но оно очень важно, какъ для справокъ, такъ и для научныхъ цѣлей. Въ этой таблицѣ, прежде всего, отмѣчается движеніе температуры по термометру Реомюра или Цельзія въ тѣни и по возможности чаще, а именно: раннимъ утромъ, въ 8 ч. утра, днемъ (наивысшую), вечеромъ и около полуночи; словомъ, отмѣчается самая низкая и наивысшая степень тѣневой температуры въ продолженіи сутокъ. Затѣмъ, отмѣчается: состояніе погоды (ясно, пасмурно, переменнo, дождь, вѣтеръ и пр.),—пчелиный летъ (отличный, хорошій, слабый, проигра и пр.),—взятокъ (нектаръ, перга и въ какомъ количествѣ—по контрольному улью),—время и конецъ зацвѣтанія медоносовъ и, наконецъ, сюда-же вносятся особыя замѣчанія (какіе, напр., въ этотъ день пересмотрѣны пни и проч.). Запись бюллетеней должна вестись въ сжатыхъ и въ мѣткихъ выраженіяхъ.

Въ концѣ лѣта изъ бюллетеней производится выборка времени начала и конца зацвѣтанія медоносовъ, для составленія соотвѣтствующей діаграммы; по этимъ же бюллетенямъ составляется и діаграмма движенія температуры и количества ежедневно приносимыхъ пчелками запасовъ. Въ слѣдующемъ году діаграмма зацвѣтанія медоносовъ продолжается, а лѣтъ черезъ пять вы уже можете составить съ приблизительной точностью, конечно, таблицу періодовъ времени между зацвѣтаніемъ всѣхъ медоносовъ въ продолженіи весны и лѣта той мѣстности, куда забросить васъ судьба. Имѣть подъ руками такую таблицу очень важно для пчеловода; по ней безошибочно можно предугадать, когда зацвѣтетъ то или иное медоносное растеніе. Вотъ, напр., изъ разсмотрѣнія таблицы

¹⁾ См. № 37 за 1914 г.

²⁾ Таблицы записей въ отличіе отъ таблицъ рисунковъ будутъ отмѣчаться такъ: т. №

своихъ ежегодныхъ наблюдений, мнѣ извѣстно, что приблизительно черезъ мѣсяць послѣ цвѣтенія клена зацвѣтаетъ бѣлая акація, клень-же въ этомъ году, скажемъ, зацвѣлъ 6 апрѣля, вотъ я уже и знаю, что 6 мая зацвѣтетъ акація и заблаговременно принимаю мѣры и устраиваю свои семьи съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 6 мая у нихъ были уравновѣшены силы и доведены до возможно наибольшей степени своего развитія. Вѣдь весна (пчелиная конечно) не всегда начинается въ одно и то-же число, значитъ не всегда въ одно и то-же время цвѣтутъ медоносы; если въ этомъ году, напр., первые медоносы начали цвѣсти раньше на десять дней, чѣмъ въ прошломъ, то можно съ увѣренностью предсказать, что и всѣ послѣдующіе медоносы зацвѣтутъ раньше противъ прошлогодняго на цѣлыхъ десять дней.

Кромѣ ежедневныхъ бюллетеней съ этого же времени слѣдуетъ поусерднѣе заняться своимъ пчеловоднымъ дневничкомъ, вести каковой настоятельно рекомендуемъ всѣмъ пчеловодамъ. Дневникъ пасѣчника—его первый другъ; своему дневничку пчеловодъ повѣряетъ самыя сокровенныя надежды, предположенія и сомнѣнія, съ нимъ онъ дѣлится и радостью и горемъ и ему только одному можетъ покаяться въ своихъ непростительныхъ промахахъ. Перечитывая отъ времени дневничекъ, пчеловодъ провѣряетъ свои робкія или смѣлыя предположенія съ настоящей дѣйствительностью и выводитъ заключенія очень близкія къ истинѣ; словомъ, мы смотримъ на веденіе дневника, какъ на самовоспитаніе въ себѣ хорошаго пчеловода—практика. Всѣ провѣренныя заключенія пчеловодъ отмѣчаетъ тутъ-же на поляхъ дневника.

Заблаговременная подготовка точка на пчельникѣ и мѣстъ подъ ульи. Прежде чѣмъ поставить пчельника на пчельникѣ, пчеловодъ долженъ и о немъ заблаговременно подумать, а то, вѣдь, и такъ можетъ случиться, что сегодня и пасѣку хорошо было бы поставить, а тамъ еще обледенѣлые сугробы снѣга доживаютъ свой вѣкъ, да и столбики не всѣ хорошо сохранились, того и гляди что не выдержатъ тяжести

пня. Во избѣжаніи такихъ неприятныхъ катастрофъ, какъ паденіе на бокъ пня, хорошему пасѣчнику слѣдуетъ не разсходить на пчельникъ, пересмотрѣть столбики и провѣрить ихъ прочность,—замѣнить, въ случаѣ надобности, ветхіековыми; затѣмъ, онъ долженъ вычистить всю площадь пчельника отъ накопившихся за осень и зиму гніющихъ отбросовъ, листьевъ, сучковъ и травы,—расчистить новыя мѣста подъ рои, а если есть по угламъ пчельника обледенѣлыя, грязныя сугробы снѣга, немедленно сколотъ ихъ желѣзной лопатой или ломомъ и разбросать на солнечномъ припекѣ; словомъ, все долженъ пасѣчникъ устроить въ эти послѣднія двѣ—три недѣли пчелиной зимы, чтобы пчельникъ принялъ своихъ дорогихъ гостей въ полной готовности и въ праздничномъ нарядѣ.

Приведеніе въ порядокъ пчеловоднаго инвентаря должно также занять не послѣднее мѣсто въ мысляхъ заботливаго пчеловода. Выражаясь по современному, пасѣчникъ долженъ въ эти предсезонные дни мобилизовать все свое пчеловодное хозяйство, а именно: собрать всѣ инструменты и провѣрить ихъ паличность по имѣющемуся у него списку,—возобновить въ памяти счетъ всѣхъ своихъ запасныхъ ульевъ, рамокъ съ сушью и безъ оной, и если окажется въ чемъ недостатокъ, немедленно заказать или сдѣлать самому все недостающее, чтобы послѣ не ломать себѣ голову въ неизбѣжной при экстренной нуждѣ спѣшкѣ. Если что при осмотрѣ окажется испорченнымъ или несоотвѣтствующимъ своему назначенію,—исправить теперь-же, пока есть на все это свободное время. Особенное вниманіе пчеловодъ долженъ обратить на тѣ инструменты и пчеловодныя принадлежности, которыя понадобятся, такъ сказать, въ первую голову, какъ то: скребки, щеточки, кормушки, подушки для защиты гнѣзда отъ весеннихъ холодовъ и проч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянской.

ЗАМѢТКИ:

а) Залогъ обновленія.

Война, говорится въ очень дѣльной статьѣ „Церк.-Об. В.“, застала насъ, повидимому, въ неурочный часъ.

Мы только что принялись лѣчить свои внутренніе недуги, для чего, конечно, обыкновенно благопріятнѣе внѣшнее спокойствіе и миръ. Только за самое послѣднее время были поставлены на очередь вопросы народной нравственности, народнаго одичанія и пьянства, только было началась работа, и вдругъ... война.

Но судьбы провидѣнія таковы, что иногда и чрезъ зло приходитъ добро и изъ несчастья иногда рождается счастье.

Какъ бы въ утѣшеніе при предстоящихъ испытаніяхъ, мы сразу же узнали на опытѣ эту истину. Что разъѣдало Россію до войны, что подтачивало ея силы? Да прежде всего наше внутреннее разъединеніе. Въ единеніи сила, — вѣдь этого никто не будетъ оспаривать, — а у насъ именно не было единенія. Если въ большой семьѣ братъ подозрительно относится къ брату и одинъ не довѣряетъ другому, то такая семья носить въ себѣ зародышъ разложенія. Она слаба и безсильна предъ лицомъ враждебныхъ стихій и обречена на вѣчное прозябаніе. Великая Россія напоминала отчасти такую несчастную семью. Исторія послѣднихъ лѣтъ — исторія глухой внутренней борьбы и взаимныхъ общественныхъ пререканій. Много говорили о единой Россіи, но граждане одной страны, увы, не чувствовали себя едиными. Каждый работалъ въ своемъ углу, для себя, косясь на сосѣда, и всѣ ревниво наблюдали за своими соперниками. Внутреннее разъединеніе сразу же параличомъ сковало и дѣятельность новыхъ законодательныхъ учрежденій. Среди взаимной розни безнадежно застряли всѣ крупныя, общія реформы, и дѣятельность законодательныхъ учрежденій заполнялась второстепенными вопросами. Все это знали наши сосѣди въ Европѣ и злорад-

ствовавали на нашъ счетъ. Они видѣли, что роковыя цѣпи сковывали мощь великаго государства и задерживали его дальнѣйшее развитіе. Въ расчетъ на это внутреннее разьединеніе, начата была и война. Единая Россія была бы столь грозна для врага, что едва ли онъ рѣшился бы поднять мечъ. Разрозненная же Россія казалась легкой и заманчивой добычей; которую не стѣснялись заранѣе дѣлать, по своимъ аппетитамъ, нѣмецкіе патріоты.

Война грянула и оказалось, что ея ударъ вмѣсто разгрома принесъ намъ втутреннее исцѣленіе.

Въ исторіи бываютъ свои чудеса. То, чего не могъ сдѣлать миръ, сдѣлала война. Общая опасность сплотила всѣхъ и объединила разьединенные общественные элементы. Исчезло взаимное недовѣріе,—вотъ что самое главное.

Часть испытанія—всегда пробный камень человѣческаго настроенія. Не даромъ пословица говоритъ, что друзья познаются въ несчастьи. Пришло несчастье, и всѣ увидѣли, что старыя разногласія, дававшія поводъ къ недовѣрію, дѣло второстепенное, несущественное, что подъ слоємъ національныхъ и партійныхъ особенностей во всѣхъ живетъ одна русская душа. Отечество,—вотъ что для всѣхъ равно дорого и всѣхъ объединяетъ. Отечество,—вотъ общая идея, вотъ почва для примиренія всѣхъ несогласій. Историческое засѣданіе Гос. Думы 26 іюля,—это голосъ новой, возрождающейся и обновляющейся Россіи. Совершилось, наконецъ, то, что должно было совершиться бы въ первый день бытія народнаго представительства. Вмѣсто этого мы восемь лѣтъ, самыхъ дорогихъ лѣтъ, топтались на одномъ мѣстѣ.

Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Пускай поздно, но объединеніе совершилось. Недовѣріе разсѣяно, недоразумѣнія выяснены. Теперь предъ нами свободный путь настоящаго народнаго обновленія. То, что случилось, не можетъ быть изглажено изъ жизни народной.

Если мы поймемъ данный намъ исторіей урокъ и воспользуемся счастливымъ моментомъ общаго просвѣтлѣнія, то,

быть можетъ, мы будемъ въ послѣдствіи благословлять даже грозный часъ войны. Россія станетъ дѣйствительно великой и могучей. А если мы не воспользуемся и этимъ урокомъ и снова вернемся къ нашимъ внутреннимъ пререканіямъ и взаимной грызнѣ, то это будетъ уже величайшимъ преступленіемъ прогивъ родины, которую народная грудь отстаиваетъ отъ врага.

Будемъ вѣрить, конечно, что возвращеніе къ старому невозможно. Изъ кроваваго крещенія отечество должно выйти преобразеннымъ не только внѣшне, а и внутренне.

Война заѣлчить, можетъ-быть, даже и наши бытовые недуги, разслабляющіе духъ народный. Пьянству уже нанесенъ ударъ; а народное испытаніе его можетъ ослабить еще больше. Въ минуту испытанія духъ народный отрезвѣлъ; а трезвость духовная рождаетъ и трезвость физическую.

Статистика показываетъ, что подъ вліяніемъ военной грозы сократились почти вдвое и преступленія воли. Это тоже счастливый показатель общественнаго оздоровленія. Конечно, когда пройдетъ война, пройдетъ и духовное напряженіе. Но оно можетъ оставить свои навыки — привычки, которыя нужно лишь поддерживать и развивать. *Пусть не забываютъ это тѣ, кому вѣрена народная душа.*

Нѣтъ худа безъ добра, говорятъ пословица. Постараемся же сами извлечь побольше добра изъ того худа, которое помимо нашей воли обрушилось на насъ (Совр. лѣт.).

в) Къ вопросу о недостаткахъ нашей богослужебной практики.

За послѣдніе годы много говорилось о разныхъ неисправностяхъ, имѣющихъ мѣсто въ существующей у насъ богослужебной практикѣ. Въ настоящей замѣткѣ я хочу указать на одну изъ такихъ неисправностей.

Всякій, вдумчиво относящійся къ церковному богослуженію, не могъ не замѣтить такъ часто употребляющагося

у насъ на практикѣ, хотя давно осужденнаго въ теоріи, „многогласія“, каковымъ терминомъ по всей справедливости можно обозначить существующій обычай *одновременнаго исполненія* нѣсколькими лицами *разныхъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвословій*. Напримѣръ. Какъ исполняются у насъ прокимны? Не успѣетъ священнослужитель сказать весь прокимень, какъ на клиросѣ уже поютъ его; поютъ нѣсколько разъ, не дѣлая остановки для того, чтобы дать возможность служащему произнести положенные стихи. Взять хотя (сы „Господь Воцарися“... Во многихъ мѣстахъ прокимень этотъ (какъ и вообще всѣ прокимны на вечернѣ и утрени) исполняется не на гласъ, а „читкомъ“, речитативомъ. При чемъ речитативу неизмѣнно сопутствуетъ крайняя торопливость. Что получается изъ этого, всякій знаетъ. Прежде всего самый прокимень остается непонятнымъ молящимися (такъ какъ на клиросѣ поютъ не прокимень, а издаютъ звуки, похожіе на звуки прокимна только развѣ въ самомъ началѣ его и концѣ), а затѣмъ стихи можетъ слышать, за пѣніемъ, только тотъ, кто произноситъ ихъ (если, конечно, онъ успѣетъ сдѣлать это, что весьма трудно при такой торопливости поющихъ). То же самое происходитъ и съ другими пѣснопѣніями подобнаго рода. Многіе ли изъ молящихся могутъ слышать стихи, слѣдующіе за „Богъ Господь“ („исповѣдайтеся Господеви“.. „обышедше обыдоша мя“... „не умру, но живѣ буду“), а также послѣ „Всякое дыханіе“ и „Святъ Господь Богъ нашъ“. Между тѣмъ означенные стихи положены, понятно, для того, чтобы говорить ихъ во всеуслышаніе, чтобы каждый слушающій ихъ имѣлъ возможность вникать въ ихъ содержаніе и размышлять о немъ. Отсюда ясно, какъ должно совершаться исполненіе прокимновъ и другихъ, подходящихъ къ нимъ по формѣ пѣснопѣній. Священнослужитель д. произносить прокимень весь до конца, затѣмъ на клиросѣ поютъ его; по окончаніи пѣнія свѣщ.—служитель говоритъ стихъ, послѣ чего д. слѣдовать опять пѣніе прокимна второй разъ. Такимъ же образомъ д. произносить и слѣдующіе стихи и, по окончаніи каждаго изъ нихъ, пѣть прокимень. Какъ на примѣръ „многогласія“ можно указать еще на практикующійся способъ исполненія стихиръ „на стиховнѣ“ и „на хвалитѣхъ“. Обычно вмѣсто того, чтобы выпѣвать эти стихары на гласъ, „для скорости“ поступаютъ такъ. Поются (особыми напѣвами, не на гласъ) только одни стихи („Господь воцарися“... „сотворити въ нихъ судъ написанъ“), а стихары самыя читаются, и читаются при этомъ *одновременно* съ пѣніемъ стиховъ. Одинъ читаетъ, другіе въ то же время поютъ; выходитъ, правда, скоро,

но зато нельзя разобрать ни того, что поютъ (этому мѣшаетъ чтеніе), ни, тѣмъ болѣе, того, что читается. Естественно, молящіяся не въ состояніи уразумѣть содержанія стихиры, хотя въ этихъ стихирахъ выражается значеніе празднуемаго событія.— Бываетъ еще покушеніе на чтеніе „сѣдалновъ“. Именно „покушеніе, но отнюдь не чтеніе, ибо едва успѣетъ чтець прочитать строчку—двѣ, или даже только откроетъ ротъ для чтенія, какъ пѣвцы уже подхватываютъ; „Господи, помилуй, Господи, помилуй“... (между каѳизмой).— Не буду говорить уже о томъ, что нашей практикой, совершенно вытѣснены изъ состава богослуженія „аллилуаріи“, о существованіи которыхъ врядъ-ли кто помнить. Подобная участь грозитъ и всѣмъ вообще стихамъ при указанныхъ пѣснопѣніяхъ.— Я указалъ на существующее въ богослужебной практикѣ „многогласіе“ потому, что этотъ недостатокъ, эта несправедливость почти не считается за недостатокъ: на него смотрятъ какъ на обыкновенное явленіе: Между тѣмъ „истовость“, а отсюда и красота церковной службы много теряютъ отъ существованія подобныхъ „непорядковъ“. Такъ какъ указанный мною дефектъ кажется является общимъ, то желательно, чтобы забота объ искорененіи его была также общей (личная тоже, конечно, необходима), чтобы скорѣе достигнуть цѣли упорядоченія и должной постановки нашего церковнаго богослуженія. (Архан. епарх. Вѣдом.).

Замѣченная опечатка.

Въ № 38, 37 стрн., 18 стрк. сверх. напечатано „Осенитель“, нужно читать „Ревнитель“!

Отъ Редакціи.

При семь №-рѣ разсылается подписчикамъ бесплатное приложеніе къ журн. „Р. д. с. п.“. „Сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній“. В. Г. Петрушевскаго.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го сентября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу*.

ГОДЪ

LV.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 41

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевокой духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 5-го октября.

Содержаніе: I. Къ воспоминанію о Просвѣтителѣ Галицкой Руси о. Протоіереѣ Іоаннѣ Наумовичѣ. II. Голцусь.—III. Преданіе или произволь? А. Антоній.—IV. Изъ Галиціи. (Отрывокъ изъ письма). Сообщилъ свящ. В. Н.—V. Замѣтки о ц.-общественной жизни. Свящ. Пл. Петровъ.—VI. Изъ повременной печати. Н. Гумилевскій.—VII. Бесѣды съ народными учителями на курсахъ Уфимскаго Губ. Земства. 17 іюня 1914 г.

Къ воспоминанію о Просвѣтителѣ Галицкой Руси о. протоіереѣ Іоаннѣ Наумовичѣ.

Два десятилѣтія незамѣтно промчались съ момента утраты Галицкой Русью своего „Просвѣтителя“, о. І. Наумовича. Великой скорбію объята была Червонная Русь вѣстью о потерѣ своего безстрашнаго борца за права поработеннаго русскаго народа, съ 1772-го года (время послѣдняго раздѣла Польши) томившагося подъ новымъ нѣмецко-польскимъ игомъ.—Не стало „батька“ нашего, съ сердечной горечью говаривали до сихъ поръ осиротѣлые галичане,—но не исчезли святыя завѣты его въ Галицкой Руси.

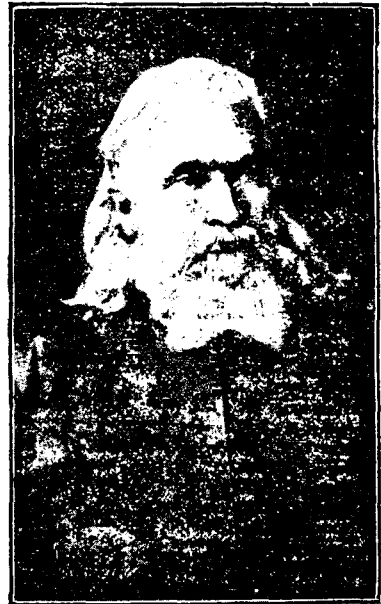
Благотворная религіозная и общественно-просвѣтительная дѣятельность безпримѣрнаго народнаго учителя, „вѣрнаго себѣ

даже до смерти“ (многія даннѣя по поводу скоропостижной кончины о. Іоанна приводятъ къ убѣжденію, что онъ отравленъ), нашла достойное отраженіе въ широкихъ крестьянскихъ массахъ и такъ внѣдрилась въ сознаніе народа, что никакія жестокости австрійскаго правительства и провокаціонно-измѣнническіе навѣты отколовшихся отъ народнаго организма мазепинцевъ не могли остановить сознательно-устойчиваго движенія среди крестьянства въ защиту правъ, въ защиту исконно-русскихъ традицій въ дѣлѣ просвѣщенія и вѣры.

Исконные враги русскаго народа, въ союзѣ съ отцепенцами мазепинцами, наивно мечтавшими до освободительной войны, при помощи возстановленной въ ихъ воображеніи Польши, создать на развалинахъ южной Россіи и территоріи восточной Галиціи „самостійную Украину“, безсильные подавить въ Галиціи русско-народное движеніе культурными средствами, такъ какъ историческая жизнь и наука далеки отъ ихъ легкомысленныхъ мечтаній, безцеремонно ухватились было за излюбленное, но уже обветшалое и покрытое позоромъ средство лживой провокаціи, въ родѣ той, что это движеніе поддерживалось русскими рублями. Едва ли кто-либо изъ просвѣщенныхъ людей ХХ-го вѣка повѣритъ столь нелѣпымъ толкамъ. Помимо русскихъ путешественниковъ по Галицкой Руси (напр., графа В. А. Бобринскаго), убѣдившихся на мѣстѣ въ жестокой инквизиціи всего русскаго и, съ цѣлью вызвать сочувствіе и найти моральную поддержку, освѣдомившихъ объ этомъ посредствомъ печати широкіе круги нашего общества,—мы имѣемъ неопровержимыя свидѣтельства западно-европейскихъ просвѣщенныхъ очевидцевъ этого благороднаго движенія и ужасающихъ его послѣдствій, напр., Биркбека, заслуживающаго полного довѣрія. Всѣ въ одинъ голосъ твердили о несправедливыхъ гоненіяхъ на галицко-русскій народъ за языкъ и вѣру и всякія инсинуаціи о русскихъ рубляхъ заклеили позоромъ.

Почему же, возникаетъ вопросъ, всѣ факторы жестоко-сердїя оказались безсильными въ борьбѣ съ народомъ, какая сила двигала этими несчастными зарубежными нашими братьями въ отстаиваніи попираемыхъ безстыдными изувѣрами законныхъ человѣческихъ правъ?

Сила эта и героическое упорство предъ натискомъ все-сильнаго своей наглостью врага, коренящіяся въ глубочайшихъ тайникахъ неразгаданной врагами русской души, составляютъ естественный ходъ галицко-русской исторіи. Для яснаго, безпристрастнаго ума это явленіе было лишь продолженіемъ начатаго о. Іоанномъ возрожденія галицко-русскаго народа. Подтвердимъ это фактическими данными изъ религіозно-церковной жизни этого народа.

О. Протоіерей Іоаннъ Наумовичъ.

Какъ священнику греко-восточнаго обряда, о. Наумовичу въ высшей степени ясны были отношенія Рима къ галицко-русской церкви, приближеніе которой и въ будущемъ полное сліяніе съ католичествомъ было завѣтной мечтой римскихъ первосвященниковъ и, въ политическихъ цѣляхъ, австрійскаго нѣмецко-польскаго правительства. Это религіозное сліяніе русской уніи съ польскимъ католичествомъ совершалось въ Галицкой Руси методически, постепенно и на первыхъ порахъ съ осторожностью, посредствомъ внесенія католическихъ особенностей въ богослужебный обрядъ уніатско-русской церкви, въ обрядовомъ отношеніи строго православной.

Со свойственной своему характеру прямою и пламенной рѣшимостью своей русской и по идеѣ православной души, о. Наумовичъ съ апостольской ревностью возсталъ противъ австрійскихъ козней. И раздался его могучій кличъ къ духовенству и пронесся громовымъ ударомъ во всѣ концы Червонной Руси. Лучшая часть духовенства, вѣрная древнерусскому складу жизни и вѣрѣ отцовъ галицко-русскаго народа, очулась какъ-бы отъ вѣкового сна и, при посредствѣ русской интеллигенціи и подготовленнаго о. Наумовичемъ крестьянства, распространила мысль о необходимости „очищенія восточнаго обряда“ русской церкви. Дѣло очищенія обряда отъ католическихъ наслоеній, какъ извѣстно, окончилось печально какъ для Галицкой Руси, такъ и для піонеровъ ея возрожденія. О. Наумовичъ со своими единомышленниками былъ привлеченъ къ жертвеннику извѣстной во всемъ мірѣ своимъ исключительнымъ правосудіемъ австрійской Ѳемиды и заключенъ въ тюрьму за распространеніе „схизмы“, а великому начинанію суждено было надолго заглухнуть. Русское дѣло въ Галиціи, со смертію народнаго генія, весьма расшаталось и стало, повидимому, совершенно замирать въ виду непомѣрно быстрого развитія искусственно созданнаго мазепинства. Но стоило бывшему первоіерарху Галицкой Руси, митрополиту Андрею Шептицкому, по происхожденію польскому графу, по воспитанію іезуитскому ученику, по положенію іезуитскому же ставленнику, взяться энергичнѣе за дѣло окатоличенія галичанъ, какъ неожиданно всколыхнулось (на этотъ разъ уже не духовенство, въ меньшей части своей пришибленное строгими мѣрами преслѣдованія, въ большей части измѣнническо-мазепинское, потерявшее за награды и отличія всякую совѣсть) сознательное крестьянство, которое вспомнило своего „батька“ въ тяжелое лихолѣтіе и съ рѣдкимъ энтузіазмомъ рѣшило окончить великое дѣло своего учителя, дѣло воссоединенія галичанъ съ Православной Церковью. Въ самый разгаръ слишкомъ памятныхъ для насъ Мармарошь-Сигетскаго и Львовскаго процессовъ, тщетно

сильных доказательств миру предательскую измену галичан австрийскому правительству, во многих селах Галицкой и Угорской Руси крестьяне отказались повиниться духовным пастырям „самостійной Украины“ и приняли святую вѣру предковъ. Понятно, замѣтимъ вскользь, почему въ „конституціоннѣйшей“ державѣ, при полной свободѣ совѣсти и вѣры, нельзя было открыто исповѣдывать только православіе, понятно, почему православнымъ священникамъ ставились всевозможныя преграды къ открытому совершенію богослуженія, таинствъ и обрядовъ (не рѣдки случаи, когда младенцы, въ силу запрета полицейскихъ властей, оставались некрещеными, а умирающіе погребались безъ христіанскаго напутствія), понятно, наконецъ, почему православные священники Галицкой Руси только по одному подозрѣнію въ изменѣ подолгу томились безъ суда и слѣдствія въ казематахъ и тюрьмахъ.

Какъ ни громадны были усилія австрийскихъ вершителей судебъ, направленные къ уничтоженію св. вѣры предковъ и къ подрыву національныхъ особенностей жизни галицко-русскаго народа, твердо сознающаго свое племенное и культурное единство съ Державной Русью, однако оказывается невозможнымъ направить исторію народа по другому пути, пока подъ его сермягой бьется русское сердце и пламенѣетъ русская душа. Настало время, когда галицко-русскій народъ открыто и торжественно можетъ праздновать память своего гениальнаго просвѣтителя, истиннаго пастыря-мученика, отдавашаго свою жизнь для блага родного народа.

Пребываніе въ Россіи о. І. Наумовича, вынужденнаго австрийскимъ правительствомъ покинуть родину, было непродолжительно, отчего и дѣятельность его не получила здѣсь широкой извѣстности. Но знавшіе въ Россіи о. Наумовича и испытавшіе на себѣ обаятельное вліяніе этой благородной личности сохраняютъ о немъ благодарную память и по возможности будутъ внушать таковую молодому поколѣнію, чтобы и оно въ своей дѣятельности слѣдовало примѣрамъ великихъ

свѣтильниковъ, вѣчно озаряющихъ міръ лучезарнымъ блескомъ своихъ добродѣтелей.

Особенно должна быть дорога память объ апостолѣ Червоной Руси тѣмъ, кому предназначено Самимъ Богомъ пастырское служеніе, кто должны душу свою положить за други своя, чтобы привести ихъ къ Богу.

При современномъ религіозномъ индиферентизмѣ интеллигенціи, широкомъ процвѣтаніи сектантства въ низшихъ слояхъ общества и многихъ другихъ печальныхъ явленіяхъ, развѣдающихъ вѣру предковъ и готовящихъ священному наслѣдію духовную гибель,—неволью возникаютъ вопросы: какъ же быть современному пастырю, какими средствами лѣчить смертоносныя раны? Вѣдь онъ готовъ на дѣло Божіе: школа дала ему необходимыя знанія, паства—широкую ниву для воздѣлыванія. Но, увы! ему недостаетъ жизненнаго опыта, онъ далекъ отъ жизни народа, его думъ и настроеній, его радостей и печалей; онъ робкими шагами подходитъ къ своему вертограду и часто неумѣлой рукой, вмѣсто созиданія, разрушаетъ блѣдныя остатки прежняго величія и славы. Вотъ почему печальные результаты неумѣлой работы часто расхолаживаютъ, приводятъ къ унынію и сомнѣнію людей малодушныхъ, лелѣющихъ розовыя надежды, но бѣгущихъ, вслѣдствіе духовной немощи, отъ тернистаго пути, столь знакомаго истиннымъ пастырямъ духовнымъ, которые, твердо вѣря въ окончательное торжество своихъ духовныхъ подвиговъ, успѣли, среди всевозможныхъ злключеній и испытаній, заслужить себѣ всеобщую народную любовь.

Въ этомъ отношеніи наша духовная литература богата авторитетными мнѣніями по затронутому вопросу и ссылками на высоконазидательный примѣръ пастырской дѣятельности о. Наумовича.

Испытанный на поприщѣ долголѣтней и многосторонней церковной дѣятельности маститый „носитель лучшихъ церковныхъ традицій“, нынѣшній Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода статсъ-секретарь В. К. Саблеръ, при посѣщеніи имъ

пастырскаго училища въ г. Житомирѣ, въ высокопоучительной рѣчи, обращенной къ воспитанникамъ этого училища, между прочимъ, указаль на то, „что одной изъ главныхъ причинъ умноженія всевозможныхъ сектъ нужно считать неудовлетворительность пастырской работы, что простому народу нужны пастыри, не расходящіеся между своимъ ученіемъ и личною жизнію“, и заключилъ свое назиданіе трогательнымъ призывомъ будущихъ пастырей послѣдовать примѣру великихъ пастырей. „О. Наумовичъ, — восторженно закончилъ свою рѣчь высокоименитый „другъ Наумовича“, — и изъ могилы льетъ чистый свѣтъ пастырскаго назиданія. Девизъ его жизни, запечатлѣнный на его надгробной плитѣ: „Молись, учись, трудись, трезвись“, и теперь неумолкаемо научаетъ собирающихся на его могилѣ. Пусть это будетъ и вашимъ девизомъ“!...

Такимъ образомъ, и личная жизнь о. Наумовича, и пастырская дѣятельность его заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія со стороны пастырей, искренно расположенныхъ къ дѣлу пастырства. А обильное литературное наслѣдіе: его журналъ „Наука“, проповѣди, повѣсти и рассказы изъ жизни соплеменнаго намъ народа и множество статей, касающихся разныхъ сторонъ народной жизни (полевого хозяйства, садоводства, пчеловодства, народнаго здравія и примѣненія простѣйшихъ медицинскихъ, особенно гомеопатическихъ средствъ леченія), — все это литературное наслѣдіе, заставляющее удивляться писательскимъ дарованіямъ незабвеннаго галиційскаго бытописателя, должно служить для каждаго пастыря назидательнымъ чтеніемъ.

Въ этой народно-литературной энциклопедіи усердный пастырь найдетъ много цѣннаго изъ того, что достигается лишь долготѣннымъ опытомъ. Предъ нимъ предстанетъ народъ во всей своей неприкрашенной дѣйствительности и обнаружитъ все богатство своей душевной жизни: охотно и правдиво повѣдаетъ о своихъ волненіяхъ и мучительныхъ вопросахъ, въ яркихъ краскахъ проявитъ потребность къ удовле-

творенію возвышенныхъ запросовъ, не скроетъ и темныхъ сторонъ своей жизни. Съ увлеченіемъ прочитывая произведенія о. Наумовича, любознательный пастырь найдетъ тамъ описаніе множества аналогичныхъ съ наблюдаемыми въ его приходѣ явленій и случаевъ народной жизни, когда нужна особая бдительность и осмотрительность пастыря, когда священный долгъ побуждаетъ его быть скорымъ помощникомъ и цѣлителемъ не только духовныхъ, но и тѣлесныхъ недуговъ, рачительнымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ, житейскихъ.—Что же касается главнаго предмета своей пастырской дѣятельности—церковнаго и внѣцерковнаго учительства,—то въ произведеніяхъ о. Наумовича онъ найдетъ живой и неисчерпаемый источникъ высокоталантливыхъ бесѣдъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ догматическаго и нравоучительнаго содержанія. Проповѣдь достопамятнаго народно-церковнаго оратора не шаблонная, не сухая, но возвышенная, одухотворенная и мастерски приспособленная къ пониманію и усвоенію ея простымъ народомъ. Созданные же о. Наумовичемъ приемы изъясненія слова Божія, особенно переводъ и объясненіе отдѣльныхъ изреченій псалмопѣвца, несмотря на нѣкоторую искусственность ихъ, оправдываемую, впрочемъ, высокой цѣлью проповѣдника, заслуживаютъ ему почетное мѣсто въ ряду выдающихся церковныхъ учителей народа и достойны вниманія нашей гомилетической науки.

П. Готцусъ.

Преданіе или произволъ?

(Продолженіе статьи объ иконостасахъ).

Въ своей статьѣ объ иконостасахъ мы обѣщали возвратиться къ разъясненію вопроса о томъ, должно ли стремиться къ воспроизведенію самыхъ древнихъ формъ и обстановки христіанскаго богослуженія и храмовъ, или слѣдуетъ

сосредоточить свое вниманіе на эпохѣ высшаго расцвѣта того и другихъ, т. е. на XVII вѣкѣ?

Часть отвѣта уже дана въ той статьѣ, да и въ самой постановкѣ вопроса: зачѣмъ же намъ отказываться отъ лучшаго въ пользу менѣе совершеннаго, когда это лучшее не было искаженіемъ первоначальнаго состава христіанской общественной молитвы и ея внѣшней обстановки, не было привнесеніемъ въ нее чего-либо чуждаго, какъ то случилось съ богослуженіемъ латинскимъ, внесшимъ въ храмы и въ службу церковную элементы классическаго язычества (ренессансъ): нѣтъ, наше восточное богослуженіе и его обстановка выросли на почвѣ чисто церковнаго православнаго вдохновенія составителей молитвъ и богослужебныхъ чиновъ, пѣвцовъ церковныхъ, иконописцевъ и зодчихъ. Отрекаться отъ этого духовнаго сокровища дальнѣйшихъ вѣковъ жизни церковной было бы неразумно. Вѣдь церковь VI, XI и XVII вѣковъ такъ же свята и непорочна, какъ церковь I вѣка, и все, что исходило изъ нѣдръ ея жизни, такъ же свято, какъ то, что порождалось церковью древнѣйшихъ временъ, и если церковь до Константина могла насчитывать въ числѣ своихъ чадъ большее количество мучениковъ и чудотворцевъ, чѣмъ церковь современная, то въ отношеніи произведеній церковнаго искусства она не была такъ прекрасно выражена, какъ во времена позднѣйшія. Пасхальная пѣснь Дамаскина, Василиевы молитвы на дни Пятидесятницы и Богоявленія, безсмертныя толкованія Златоуста на евангелія и посланія: всего этого не знали христіане первыхъ вѣковъ, и, если мы не отречаемся отъ этихъ сокровищъ молитвы и разумія духовнаго, то такъ же неразумно было бы предпочитать сравнительную скудость украшенія св. храмовъ, какая была при мученикахъ, позднѣйшему богатству церковнаго благолѣпія. Христіанамъ первыхъ вѣковъ слѣдуетъ подражать въ самоотверженіи, въ непоколебимости вѣры, въ цѣломудріи и смиреніи, въ братолюбіи и преданности Христу, а не въ отсутствіи иконостасовъ и золотой парчи,—не такъ поступать

слѣдуетъ, какъ люгеране и штундисты, которые столь неудачно пытались возродить времена первыхъ христіанъ чрезъ упраздненіе той красоты церковной, которая отрѣшала умъ вѣрующихъ отъ земли и возносила къ небу, ко Христу, къ ангеламъ и мученикамъ. Утратили протестанты и сектанты эту красоту, утратили и ангеловъ, и мучениковъ, отчудились отъ молитвы къ нимъ и отчудились отъ Христа, хотя и любятъ о Немъ говорить; впрочемъ, говорятъ сухо, необуѣденно, какъ бы самого себя стараясь своими выкрикиваніями увѣрить въ томъ, что Христось живетъ и слышитъ ихъ, а на самомъ дѣлѣ сомнѣваясь во всемъ этомъ и унизивъ религію до степени одного только общественнаго благоприличія.

Впрочемъ, не о такомъ уклоненіи отъ нашего византійскаго и русскаго благолѣпія хотѣли мы говорить обстоятельно: мы имѣли въ виду остановить вниманіе читателя на болѣе частныхъ возраженіяхъ противъ возрожденія нашей церковности, дѣлаемыхъ помимо сознательнаго отступленія отъ православія, а якобы въ пользу его древнѣйшихъ обычаевъ. Вотъ эти возраженія.

„Зачѣмъ закрывать алтарь отъ взора молящихся? зачѣмъ густыми и узкими царскими дверями прятать отъ народа служащаго священника? зачѣмъ тяжелые высокіе иконостасы, раздѣляющіе мірянъ отъ тайносовершителей? Все это появилось уже во второмъ тысячелѣтіи христіанства, — эпоху господства аскетизма и мрачнаго взгляда на жизнь. Католики остались вѣрнѣе святой старинѣ, сохранивъ открытые алтари и давая возможность мірянамъ попрежнему созерцать всѣ дѣйствія священника надъ святыми тайнами“.

По логикѣ подобныхъ заявленій въ Петроградѣ лѣтъ 30 тому назадъ начали строить храмы почти безъ иконостасовъ, съ царскими дверями, въ полтора аршина вышиною, а шириною въ двѣ сажени. Таковъ храмъ Воскресенія въ Сергіевской пустыни, храмъ Троицы на Стремянной и многія

домовыя церкви столицы. Правда, сходство съ древностью здѣсь только въ отрицательной сторонѣ строительства, въ отсутствіи загражденій алтаря, а все, что видитъ взоръ молящихся, чисто-западнаго характера: тутъ и статуи, и лѣпка, и тройныя иконостасы, и нарушенные ряды иконъ, и безконечное обиліе рамъ и всякой другой орнаментуры въ стилѣ рококо. Но все же намъ нужно оцѣнить и то, чѣмъ думаютъ хвалиться наши новаторы—открытость алтаря и видимость священнодѣйствующаго клира. Хорошо ли это?

Не споримъ,—позднѣйшая церковная жизнь менѣе была исполнена того дерзновеннаго приближенія къ святыни и созерцанія священныхъ таинствъ, коимъ отличалось время мучениковъ: постепенно мірянъ лишили причащенія въ алтарѣ, вхожденія въ царскія врата, прикосновенія къ престолу и созерцанія тайносовершенія. Но чѣмъ это вызвано? мы поймемъ это, когда сравнимъ самое содержаніе молитвословій древнѣйшихъ и древнихъ. Въ первые вѣка общественная молитва, кромѣ пѣнія псалмовъ, состояла либо изъ прославленія Творца и Искупителя, либо изъ прошеній о всецѣломъ освященіи всей нашей жизни Божественною благодатію; далѣе, со времени Торжества Христіанства въ молитву церковныхъ общинъ введено поэтическое истолкованіе нашихъ догматовъ съ опроверженіемъ ересей и съ изъясненіями словъ священнаго Писанія. Сверхъ того все больше и больше привносилось моленій и прошеній покаянныхъ. Послѣднія пріобрѣтаютъ уже главенствующее значеніе въ эпоху послѣ Іоанна Дамаскина, когда окончились догматическіе споры: христіанинъ молитъ Господа помочь ему въ тяжелой борьбѣ съ уелекающими его страстями и исправить свою жизнь; въ дальнѣйшіе вѣка церковнаго творчества все чаще раздаются угрозы загробными мученіями и молитвы Пресвятой Богородицѣ объ избавленіи отъ вѣчныхъ мукъ души, уже не могущей бороться съ собою, но умоляющей небо о милосердіи за свою покаянную скорбь. Всѣ эти элементы церковной молитвы встрѣчались понемногу и въ древ-

нѣйшія времена жизни церковной, но самое творчество ихъ имѣло такую приблизительно исторію.

Не значало ли это, что по мѣрѣ удаленія времени отъ земной жизни Спасителя, падала у большинства и нравственная сила и вѣзмѣнъ первоначальнаго озаренія Св. Духомъ, дарами чудесъ и мученическимъ дерзновеніемъ, большинство христіанъ спасалось уже подвигами борьбы съ плотью и другими страстями, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ ослабленіи сердець человѣческихъ,—однимъ покаяніемъ и смиреніемъ,—оставляя только для лучшихъ изъ своей среды духовные дары мучениковъ и древнихъ преподобныхъ отцевъ.

Вотъ это-то сознание своего недостойнства, это-то покаянное настроеніе и отдѣлило святая святыхъ христіанскаго храма отъ молящагося народа, сокрыло отъ его глазъ тайну священнодѣйствій алтарныхъ (кромѣ свѣтлой седмицы), какъ сокрывалось отъ народа покрываломъ лучезарное лицо Моисея. Больному глазу неполезно взирать прямо на солнце, а необходимо отгородиться отъ его пожигающаго свѣта темнымъ стекломъ въ очкахъ. Такъ неполезно многогрѣшной общинѣ послѣ легкомысленно, или даже преступно, проведенной седмицы дерзновенно приближаться къ престолу Божію, видѣть и часто вкушать страшныя тайны. Само церковное сознание, само религиозное чувство церковныхъ строителей постепенно и незамѣтно для себя самихъ довершало то, къ чему первые шаги сдѣлала церковная власть, понуждаемая безчинствомъ многихъ мірянъ, когда она лишила ихъ причащенія вмѣстѣ съ клиромъ, воспретила входъ въ алтарь и прикосновеніе къ св. престолу.

А развѣ священники остались такими же праведными, какъ были при Аѳанасіи Великомъ? спросятъ міряне-читатели. Нѣтъ,—на священниковъ возложены еще болѣе трудныя ограниченія, напоминающія объ ихъ недостойнствѣ. Таковы: продолжительное вечернее и утреннее правило предъ всякимъ служеніемъ, входныя молитвы предъ литургіей, троекратное поклоненіе и исполненное покаянія призываніе

Святаго Духа предъ тайносовершеніемъ, земные поклоны и прощеніе предъ самымъ причащеніемъ. Ничего этого не значится по древнѣйшимъ служебникамъ; все это понадобилось за „жестокосердіе“ наше, чтобы постепенно отрѣшить душу священника отъ грѣха и отъ міра и вознести къ Богу.—И насколько мірянамъ бесполезно молиться въ алтарѣ, ни въ храмѣ при открытомъ алтарѣ, въ храмѣ, лишенномъ напоминанія о нашей грѣховной удаленности отъ Бога, настолько же, или даже гораздо болѣе, все это вредно для предстоятелей общественной молитвы, для священнослужителей. Сознавая, что всѣ ихъ молитвенныя дѣйствія видны народу, іереи уже не заботятся о томъ, что ихъ видитъ Господь Богъ, и ангелы, и святые, а думаютъ о томъ, чтобы аффектировать собою молящихся и, подобно ксендзамъ, постепенно превращаются изъ молитвенниковъ въ актеровъ, въ кривлякъ, и тѣмъ дѣлаютъ свое служеніе мерзкимъ предъ Богомъ, и по слову Спасителя только здѣсь отъ людей „пріемлютъ мзду свою“, а отъ Бога „сего ради лишшее пріимутъ осужденіе“.—Взявшись однажды за такой латинскій способъ воздѣйствія на народъ, они идутъ и дальше: кромсаютъ и коверкаютъ порядокъ нашей службы, обращая ее въ рядъ искусственныхъ эффектовъ, тѣмъ лишая ее, даже въ сознаниіи самихъ молящихся, авторитета священной богоустановленной древности и каноничности, а сохраняя за ней значеніе религіознаго театра, отъ котораго естественно требуются все новые и новые эффекты, въ измышленіи коихъ католики, напр., дошли уже до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ костельныя мистеріи; послѣ этихъ мистерій уже совершенно нечѣмъ развлечь скучающій народъ, такъ что когда ему пріѣлись и эти доховные фокусы, онъ совершенно покинулъ храмы, какъ, напр., въ Парижѣ, этомъ двухмилліонномъ городѣ, гдѣ и пятисотъ человѣкъ не собирается въ главную церковь на воскресную мессу... У насъ на Руси мистерій, слава Богу, нѣтъ, но зато около аффектированнаго актерства священниковъ и монаховъ развелось нѣчто еще

болѣе безобразное, развелась хлыстовщина со всѣми ея скверными развѣтвленіями. Напротивъ, спокойное и убѣжденное храненіе каноническаго вида храма, чисто церковнаго духа иконописи, пѣнія и чтенія, а тѣмъ болѣе, возможной полноты службы,—вотъ вѣрный способъ и Богу угодить искреннею нелицемѣрною молитвою, и въ народѣ хранить убѣжденіе въ томъ, что храмъ и церковная служба предлагають его благоговѣйному вниманію не человѣческіе вымыслы и затѣи, не аффектированное кривляніе маловѣрующаго тщеславнаго лицедеѣя, но священную, вѣчную жизнь непогрѣшимой, благодатной Церкви, гдѣ все личное устраняетъ себя, тушется и уступаетъ мѣсто Тому, Кто сказалъ: „идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ“. Таковъ былъ храмъ, такова была служба въ храмѣ до времени вліянія на нихъ иновѣрцевъ: таковыми должны они оставаться и на будущее время.

Архіепископъ Антоній.

Изъ Галиціи.

(Отрывокъ изъ письма).

Дорогой батюшка о. В.

Пользуюсь, наконецъ, удобнымъ случаемъ исполнить Вашу просьбу и описать болѣе подробно нѣкогда отторженную, а теперь возвращенную матушекъ Россіи Галичину. Не осудите, если мои наблюденія будутъ поверхностны; трудности похода, прямое дѣло и обязанности, неизбежное недовѣріе населенія—все это мѣшаетъ полнотѣ наблюденій. Начну съ того, что вы всегда называете наинужнѣйшимъ и наиглавнѣйшимъ...

Не разъ посѣщаль я во время похода уніатскія церкви (одинъ разъ нашъ священникъ служилъ даже въ уніатской церкви всенощную, а обѣдню побоялся). Уніатскіе храмы

снаружи иные совсѣмъ какъ костелы, другіе совершенно какъ наши; преобладаетъ вопіющая бѣдность. Костелы, а особенно польскіе монастыри поражаютъ богатствомъ, а униатскія церкви страшно бѣдны—если-бы не крестъ на крышѣ, то не отличишь иной разъ отъ простой хаты. Въ самой церкви, если-бы не иконостасъ, то тотъ же костель; въ алтарѣ престолъ на возвышеніи, а жертвенникъ обязательно въ пономаркѣ сбоку; тутъ-же и разный хламъ. Въ алтарѣ сбоку престола—скамьи; тутъ барыни сидятъ съ молитвенниками. Народъ въ храмѣ тоже стоитъ съ молитвенниками.

Ризы у униатскихъ священниковъ почти какъ у насъ, а ряса и шапочка—ксендзовскія; священники—стриженные и бритые. Книги—на нашемъ славянскомъ языкѣ, но читаются по хохлацки. Кромѣ пѣвчихъ поетъ и вся церковь, особенно женщины и дѣти; мнѣ это понравилось. Разъ зашли мы во время утрени; на хорахъ все время поетъ ирмосы дьячекъ; поетъ ужасно,—я съ трудомъ разобралъ ирмосы,—да еще по хохлацки. Когда мы хотѣли уйти, то насъ остановилъ священникъ и сказалъ, что сейчасъ будетъ „спивана мша“. Начало обѣдни—какъ у насъ, но полнѣе, особенно антифоны и блаженны предъ выносомъ евангелія. Евангеліе читается лицомъ къ народу по хохлацки. Во время чтенія всѣ молящіяся стоятъ съ зажженными свѣчами. Во время обѣдни поминаютъ на выходѣ „найяснѣйшаго цезаря нашего Франца—Есефа и его святѣйш. папу Римскаго и митроп. Андрея“. „Вѣрую“ поютъ, прибавляя и „отъ Сына“.

Свѣчей и лампадъ, какъ у насъ, нѣтъ вовсе, въ паникадилѣ свѣчи стеариновыя. Предъ св. причастіемъ становятся вдоль солей на колѣни и священникъ обходитъ и приобщаетъ. Молитвенники, съ какими стоятъ въ церкви, напечатаны по малорусски; масса постороннихъ молитвъ, вродѣ „трактатъ серцю Іисусову“. Для непривычнаго уха какъ-то странно слышать: „Господы помылуй“, „Тоби Господы“, „радуйся, Мыколае великій чудотворче“ и т. п. Послѣ обѣдни нашъ священникъ разговорился съ униатскимъ; въ происшедшемъ

спорѣ по вопросамъ вѣры уніать упрекнулъ нашего батюшку, что онъ окончилъ лишь семинарію, а онъ—Вѣнскій университетъ...

Живутъ священники, какихъ я видѣлъ, хорошо; дома и усадьбы хорошіе. Народъ очень набожный; никто не пройдетъ мимо священника (и нашего), чтобы не подошелъ за благословеніемъ. На дорогахъ масса каплицъ, часовенъ и въ особенности крестовъ—иногда довольно цѣнныхъ. Встрѣчаются и курьезы. Представьте себѣ глубокую нишу; въ глубинѣ господинъ въ цилиндрѣ держитъ на рукахъ барашка—все это обвѣшано цвѣтами, лентами, вѣнками; оказывается—патронъ деревни, какой-то святой. Буквально, не только на каждой хатѣ, но на стѣнахъ сараевъ, заборахъ—лубочныя картины. Священниковъ очень уважаютъ и зовутъ „отецъ духовный“. Большинство священниковъ, какъ поголовно вся интеллигенція теперь—въ бѣгахъ; многіе священники—въ тюрьмахъ за сочувствіе Россіи. Мы ночевали у одного такого и наслушались жалобъ матушки. Народъ забить; на границѣ съ Волынской губерніей живутъ ничего, лучше нашихъ, а на границѣ съ Холмщиной бѣдность поразительная.

Евреи здѣсь—все: чиновники, помѣщики, судьи; торговля и земля—все ихнее; зовутъ ихъ „панъ“ и храни Богъ не снять мужику шапки—будетъ наказанъ. И евреи здѣсь самые типичные, какихъ въ Россіи и не увидишь: лапсердакъ, пантофли, особыя широкополая шляпы и подъ шляпою обязательно ермолка, пейсы до пояса; крестьяне зовутъ ихъ здѣсь „габри“, а крестьянъ здѣсь зовутъ „хлоп“; другого названія не понимаютъ.

Мазепинство въ краѣ развито сильно; бюсты Шевченка и изданія Грушевскаго всюду; въ селахъ вездѣ „просвиты“, а въ городахъ чудныя зданія польскихъ „соколовъ“; буквально въ каждомъ городѣ лучшій домъ непременно „Socol“.

Что касается внѣшняго благоустройства, то сразу замѣтна разница съ нами. Масса чудныхъ шоссейныхъ дорогъ, обсаженныхъ яблонями и черешнями—за дорогами, видно,

очень смотрятъ: на каждомъ перекресткѣ таблицы,—непрѣмѣнно по нѣмецки, польски и руссински, вродѣ того: „звертаты на ливо“, „не ставаты на дорози пидъ карою дви короны“... Въ деревняхъ масса домовъ, крытыхъ черепицей или оцинкованнымъ желѣзомъ.—Колодцы круглые, бетонные, или артезианскіе насосы, но есть и наши „журавли“. Города благоустроены—вездѣ чудныя мостовыя, тротуары плитками съ бордюромъ; фонари вездѣ газолиновые.

О войнѣ изъ газетъ вы, вѣроятно, знаете лучше насъ: бьемъ австріяковъ и не даемъ имъ „очухаться“. Военной добычи—добра всякаго отъ австріяковъ намъ досталось видимо невидимо. Вы себѣ представить не можете, что дѣлается по дорогамъ: ранцы, шинели, ружья, повозки, походныя кухни, снарядные ящики, пушки—горами валяются; иногда обозы стоятъ часами, пока расчистятъ дорогу. Австрійцы до того спѣшно отступаютъ, что цѣлыя палатки со всѣмъ имуществомъ стоятъ оставленныя. Палатки очень хорошія, легкія и практичныя. Шинели идутъ на портянки и попоны; палатки разбираютъ солдаты. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ громадныя запасы овса, муки, кофе, свѣчей, яицъ; табакъ пудами валяется, но паршивый. Яйца мы ѣли цѣлую недѣлю.

Съ начала войны мы на своей дорогѣ насчитали болѣе 100 брошенныхъ орудій; снарядовъ валяется безъ числа. Ружейныхъ патроновъ—точно сметья; костры солдаты разводятъ—прежде всего смотрятъ—нѣтъ-ли близко вражескихъ патроновъ, разбросанныхъ по землѣ.

Звѣрства допускаютъ не одни германцы, но и австріяки. Въ русскомъ пограничномъ селѣ со слезами жители рассказывали, что дѣлали у нихъ австріяки: восемь жителей разстрѣляли, больного старика закололи за то, что отставалъ по дорогѣ; нѣмого мальчика, лѣтъ 12-ти, повѣсили за его будто-бы нежеланіе говорить...

По дорогѣ мы подобрали двухъ русскихъ раненыхъ солдатъ №—полка. Во время боя они были въ цѣпи, въ

секретѣ. Въ темнотѣ подошли два австрійца, переодѣтыхъ русскими офицерами, и приказали идти за собою. Во время разговора отобрали винтовки, а потомъ давай допытывать, гдѣ русскія войска, какія и сколько... Тѣ, конечно, ничего не сказали; тогда они одному выкрутили пальцы, у другого отрубили оба уха и содрали съ лѣвой руки кожу... Когда этихъ несчастныхъ мы сдавали въ подвижной госпиталь, то докторъ намъ разсказалъ, что онъ вчера отправилъ двухъ раненыхъ, отбитыхъ изъ плѣна;—у одного глазъ выкололи, а у другого отрѣзана половина языка: ихъ пытали о нашихъ войскахъ. Теперь наши офицеры не подаютъ руки плѣннымъ австрійцамъ офицерамъ.

Сообщилъ священникъ В. П.

Замѣтки о церковно-общественной жизни.

Успѣхи русскихъ войскъ на войнѣ. Православіе и унія въ Галиціи. Ссылка уніатскаго Львовскаго Митрополита Шептицкаго въ Н. Новгородъ. Новый Львовскій генераль-губернаторъ графъ Г. А. Бобринскій и первые шаги его дѣятельности. Новый римскій папа Бенедиктъ XV.

Съ Божьей помощью русскія войска послѣ многихъ кровопролитныхъ боевъ прошли до самаго сердца Галиціи, древняго стольнаго города Галиціи—Львова. Вся восточная часть Галиціи въ рукахъ русскихъ, и военныя операціи перенесены дальше—въ западную Галицію. Такимъ образомъ есть полное основаніе надѣяться, что галицко-русскій народъ навсегда освободится отъ австрійской неволи, что для него открылась давно жданная возможность сбросить иго навязанной уніи съ Римомъ, возвратиться къ своей древней Православной вѣрѣ и слиться во едино съ роднымъ русскимъ народомъ.

Галиція — страна искони православная и русская. Православная вѣра въ ней была насаждена св. княземъ Владиміромъ, который основалъ здѣсь городъ Галичъ, отъ чего Червоная Русь получила названіе Галицкой Руси. Галицкій народъ оставался неизмѣнно православнымъ отъ временъ Владиміра до Брестской уніи и не малое время послѣ уніи. Изъ русскихъ уніатовъ галицкій народъ дольше всѣхъ и больше всѣхъ отстаивалъ и боролся за свою Православную вѣру. Послѣдній православный Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій принялъ унію уже въ началѣ 18 вѣка, а монастырь Манявскій съ безпримѣрнымъ мужествомъ защищалъ Православіе до самаго конца 18 вѣка. Въ настоящее время по даннымъ официальной статистики за 1910 годъ въ Галиціи считалось 2845 православныхъ и 3,417,000 уніатовъ. Православные имѣли только одинъ храмъ во Львовѣ, до и то признанный правительствомъ въ самое послѣднее время. Уніаты въ церковномъ отношеніи составляли одну провинцію, во главѣ которой стоялъ греко-уніатскій митрополитъ, носившій титулъ митрополита Галицкаго, архіепископа Львовскаго и епископа Каменецъ-Подольскаго. Кромѣ Львовской епархіи, было еще двѣ — Перемышльская и Станиславовская.

Какъ и во время польскаго владычества, такъ и въ періодъ австрійскаго управленія (съ 1772 г.) уніа насаждалась и поддерживалась въ Галиціи съ цѣлью ополячить и окатоличить галицко-русскій народъ и такимъ образомъ отдѣлить и обособить его отъ родного великодержавнаго русскаго народа. Съ той же цѣлью обособленія поощрялось и всѣми средствами распространялось въ Галиціи украинофильство [мазепинство], и, напротивъ, жестоко и неумолимо подавлялось всякое доброе начинаніе, если оно служило дѣлу пробужденія и развитія русскаго національнаго самосознанія, преслѣдовались сношенія съ русскимъ народомъ, уничтожались русскія книги, иконы, внушалась ненависть къ Православію и къ самому имени — Россія, русскій...

Вдохновителемъ и руководителемъ этой человѣконенавистнической политики въ отношеніи къ галицкому народу въ послѣдніе годы былъ митрополитъ графъ Андрей Шептицкій, съ именемъ котораго связана исторія недавнихъ знаменитыхъ судебныхъ процессовъ, тюремныхъ заключеній, страшнаго людскаго горя.

Для русскаго человѣка, воспитаннаго въ духѣ чистаго и святаго Православія, дѣятельность Шептицкаго является непонятной, необъяснимой. При мысли объ истинной цѣли этой дѣятельности и ея смыслѣ и значеніи невольно возникаютъ вопросы: „Какъ можетъ согласиться образованный человѣкъ, католикъ по рожденію и воспитанію, не утратившій совѣсти, хотя немного вѣрующій въ Бога, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ играть роль греко-уніатскаго владыки и въ то же время ненавидѣть свою паству? Какъ можетъ искренній католикъ-папистъ быть въ то же время и полукатоликомъ—полуправославнымъ? Какой человѣкъ способенъ согласиться надѣть на себя личину добраго пастыря русскихъ галичанъ съ исключительной цѣлью—убить въ этой паствѣ самую душу—ея національное самосознаніе и глубокую привязанность къ вѣрѣ предковъ? Нужно быть настоящимъ іезуитомъ, у котораго цѣль оправдываетъ самыя отвратительныя средства, нужно совершенно переработать душу до полной утраты всякой жалости къ людямъ, чтобы протянуть нечистыя руки къ пастырскому жезлу греко-уніатскаго митрополита съ дьявольскими намѣреніями по отношенію къ цѣлому народу“.

Но, благодареніе Богу, дѣятельность Шептицкаго окончилась. Лютый врагъ русской государственности и Православной Церкви теперь обезвреженъ. Послѣ взятія Львова русскими войсками Шептицкій былъ арестованъ и отправленъ въ Нижній-Новгородъ. Эта мѣра наказанія для Шептицкаго является слишкомъ ничтожной въ виду той массы зла, какое онъ причинилъ русскому народу. Во всякомъ случаѣ въ Галиціи Шептицкому нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Тамъ, гдѣ взошло солнце свободы для русскаго народа,

должны исчезнуть и разсѣяться темныя силы, губившія и угнетавшія этотъ народъ.

Въ Галиціи началось и политическое и духовное раскрытіе русскаго народа. По сообщеніямъ газетъ—среди галицкихъ униатовъ началось сильное движеніе къ возвращенію въ Православіе; поэтому вполне правдоподобны предположенія о новомъ устройствѣ высшаго церковнаго управленія въ Галиціи. Не менѣе радостной вѣстью явилось официальное сообщеніе о назначеніи на важнѣйшія административныя мѣста въ Галиціи русскихъ людей, причемъ на постъ Львовскаго генераль-губернатора назначенъ графъ Г. А. Бобринскій.

9-го сентября состоялся у генераль-губернатора во Львовѣ приемъ представителей кореннаго населенія новоприсоединеннаго края. Стоявшій во главѣ депутаціи отъ русскихъ галичанъ извѣстный дѣятель В. Θ. Дудыкевичъ обратился къ графу Бобринскому съ привѣтственной рѣчью, въ которой ярко отразились чувства и настроенія галицко-русскаго населенія, увидѣвшаго на яву осуществленіе своей завѣтной мечты о воссоединеніи своей родины съ великою русскою державой. „Побѣдоносное русское воинство, говорилъ г. Дудыкевичъ, родной кровью смываетъ пятно рабства съ колыбели русскаго народа... Присоединяя къ Державной Руси вотчину святаго Владиміра, Червенскіе города, Русь Ярослава Осмосмысла, Романа, Даніила и Льва, Русскій Царь - окончательно соединяетъ и объединяетъ русскую землю... Червонная Русь всегда чувствовала себя частью русской земли, заселяющее ее коренное населеніе сознавало себя всегда русскимъ народомъ“.

Приемъ галицко-русскихъ представителей не имѣлъ обычнаго въ такихъ случаяхъ официального характера, а скорѣе походилъ на теплую встрѣчу людей близкихъ и родныхъ, свидѣвшихся послѣ долгой вынужденной разлуки. Эта теплота чувства, эта радость свиданія живо сказались и въ привѣтствіи Дудыкевича и въ отвѣтной рѣчи графа Бобрин-

скаго, въ его словахъ: „Всѣ мы дѣти одной матери Руси и мы другъ друга безъ словъ понимаемъ“.

Нѣсколько иной характеръ носилъ пріемъ у генераль-губернатора польской депутаціи, въ составъ которой вошли представители уніатскаго духовенства, евреевъ и армянъ. Рѣчь доктора Рутковскаго, президента Львовскаго городского управленія, не отличалась ни искренностью, ни сердечностью; это была уклончивая и осторожная рѣчь политика. Представитель польскаго общественнаго управленія во Львовѣ однако не преминулъ два раза подчеркнуть, что г. Львовъ не „царственный русскій городъ“, какъ назвалъ его Дудыкевичъ, а „столичный королевскій“, что населеніе въ немъ не „русское“, а „славянское и польское“.

25 августа состоялись выборы новаго римскаго папы. Послѣ трехдневныхъ засѣданій конклавъ, состоявшій изъ 53 кардиналовъ, избралъ на папскій престолъ кардинала архіепископа Болонскаго Делла-Кіеза. Принявъ избраніе, новый папа, согласно правиламъ, заявилъ, что будетъ носить имя Бенедикта XV. Новый папа родился въ Генуѣ 21 ноября 1854 года. Кардиналомъ онъ былъ назначенъ недавно. Долгое время онъ былъ секретаремъ кардинала Рамполлы. Это обстоятельство говоритъ за то, что папа будетъ послѣдователемъ политики кардинала Рамполлы, извѣстнаго своимъ дружественнымъ отношеніемъ къ Россіи.

Избраніе папы съ такими убѣжденіями и симпатіями, несомнѣнно, должно отразиться на внѣшней политикѣ римской куріи.

Священникъ *Платонъ Петровъ*.

Изъ поврежденной печати.*Крушеніе западничества.*

Настоящая противонѣмецкая война имѣетъ глубокой идейный смыслъ, какъ борьба нѣмецкаго міра съ славянскимъ и

романскимъ. Поэтому она должна произвести переворотъ во многихъ нашихъ воззрѣнiяхъ. Начало такого переворота отмѣчаетъ г. Булгаковъ въ „Утрѣ Россiи“ (№ 205), указывая на крушенiе западничества, т. е. безусловнаго преклоненiя значительной части нашей интеллигенции предъ всѣмъ западнымъ. Для православнаго человѣка всегда было ясно превосходство восточнаго, основывающагося на православной вѣрѣ, просвѣщенiя предъ западнымъ, имѣющимъ въ своей основѣ искаженное христіанство въ видѣ католичества и протестантства. Но теперь это превосходство начинаютъ признавать и сами представители нашей интеллигенции—болѣе всего подъ влiянiемъ настоящей войны.

Г. Булгаковъ отмѣчаетъ сильное влiянiе западнаго, преимущественно нѣмецкаго духа (который былъ въ послѣднее время руководящимъ и во всей Европѣ), во всѣхъ областяхъ нашей государственной и культурной жизни. Но теперь нѣмцы обнаружили истинную сущность своей культуры, свое „звѣрное лице“, до сихъ поръ скрывавшееся подъ маской просвѣщенiя. Они показали, что западная культура не дѣлаетъ людей человѣчнѣе и мягче, что она не обезпечиваетъ сохраненiя даже такихъ знаменитѣйшихъ памятниковъ древности и искусства, какъ Реймскiй соборъ. Несовершенство западной культуры должно побудить насъ стремиться къ самостоятельному культурному развитiю. Источникомъ такого развитiя должна быть религiя, которая на западѣ изсушена раціонализмомъ. „Россiя можетъ стать или посредственной Европой второго изданiя, или же искать своего творческаго культурнаго пути, который можетъ оказаться спасительнымъ и для Европы, какъ это грезилось въ Пушкинской рѣчи Достоевскому“.

Внутренний свѣтъ.

А. М. Туберовскiй въ „Богосл. Вѣстникѣ“ (май) даетъ истолкованiе довольно трудному для изъясненiя мѣсту—Мѡ. 6, 23: „аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тьма есть“... Въ дан-

номъ мѣстѣ свѣтъ, „иже въ тебѣ“, сопоставляется съ физическимъ, который воспринимается глазомъ. И дѣйствительно, кромѣ физическаго свѣта, есть особенный свѣтъ, который созерцается только людьми, для этого спеціально подготовленными, но воспріятіе котораго такъ же реально, какъ и воспріятіе свѣта вещественнаго. Въ писаніяхъ св. подвижниковъ (пр. Макарія Великаго, пр. Исаака Сиріанина, особенно пр. Симеона, Новаго Богослова) неоднократно повѣствуется о созерцаніи ими этого невещественнаго, Божественнаго свѣта; объ этомъ свѣтѣ говорятъ также св. Григорій Богословъ, св. Василій Великій, св. Кириллъ Іерусалимскій и другіе отцы Церкви. Возсіяніе этого внутренняго свѣта иногда бываетъ настолько сильно, что онъ излучается во-внѣ и воспринимается подобно свѣту видимому, дѣлая сіяющимъ самое тѣло подвижника. Наиболѣе разительнымъ примѣромъ такого осіянія является случай въ жизни пр. Серафима Саровскаго, описанный свидѣтелемъ этого случая почитателемъ пр. Серафима Мотовиловымъ который, даже самъ заблесталъ отъ свѣта, осіявшаго преподобнаго. Немало подобныхъ случаевъ записано въ „Лучѣ Духовномъ“. Свидѣтельства о внутреннемъ свѣтѣ можно находить даже у нехристіанскихъ мистиковъ (Плотина, буддистовъ и др.), поскольку Божественное Слово и во тьмѣ свѣтитъ и просвѣщаетъ всякаго человѣка. Въ болѣе широкомъ смыслѣ, внутренній свѣтъ „это—озареніе души мыслителя новой плодотворной идеей, это—прозрѣніе таланта, гениальная мысль, творческое вдохновеніе, филосфская интуиція.“

На основаніи сказаннаго, слова: „свѣтъ, иже въ тебѣ“, можно изъяснить такъ. Какъ для правильнаго воспріятія свѣта физическаго и для связаннаго съ такимъ воспріятіемъ тѣлеснаго благосостоянія необходимъ неповрежденный и здоровый глазъ, такъ для правильнаго теченія душевной жизни необходимо сохраненіе въ душѣ „внутренняго свѣта“. Если же этотъ свѣтъ утратится, то для души наступаетъ темнота, которая несравненно ужаснѣе и губительнѣе тѣлесной слѣ-

поты, — „опасность смѣшенія истины съ ложью, добра со зломъ, красоты съ безобразіемъ, божественнаго съ человѣческимъ и даже съ сатанинскимъ“.

Уяснить нѣкоторыя свойства этого внутренняго свѣта можно по аналогіи съ свѣтомъ вещественнымъ. Свѣтовые и цвѣтовые впечатлѣнія нельзя передать слѣпому; такъ и дѣйствія внутренняго свѣта неизреченны и непонятны для того, кто самъ не воспринималъ ихъ, что однако совершенно не говоритъ противъ ихъ реальности. Происхожденіе физическаго свѣта не вполне понятно и объясняется только предположительно; тѣмъ болѣе непостижимо происхожденіе внутренняго свѣта. Внѣшній свѣтъ воспринимается глазомъ, — и для воспріятія внутренняго свѣта въ душѣ долженъ быть органъ; такой органъ называется разумомъ или сердцемъ. Но самъ по себѣ внутренній свѣтъ не можетъ быть отождествляемъ ни съ разумомъ, ни съ сердцемъ, ни съ совѣстью, а онъ выше души, какъ физическій свѣтъ есть нѣчто внѣшнее по отношенію къ глазу. Свѣтъ физическій дѣлаетъ видимыми окружающіе насъ предметы; такъ и свѣтъ духовный вводитъ въ постиженіе религіозныхъ истинъ, умозрѣній, идей, а на высшихъ ступеняхъ приводитъ къ „созерцанію“ Самого Божества. Вещественный свѣтъ согрѣваетъ и оживотворяетъ природу; подобнымъ образомъ, и внутренній свѣтъ не только просвѣщаетъ, но и радуетъ, животворитъ.

Н. Гумилевскій.

**Бесѣда съ народными учителями на курсахъ
Уфимскаго Губ. Земства, 17 іюня 1914 г. ¹⁾.**

Дорогая братія моя.

Очень радъ я, что Господь привелъ меня побесѣдовать съ вами. Одинъ изъ устроителей вашихъ курсовъ былъ такъ

¹⁾ Изъ „Уф. Еп. В.“

добръ, что дважды просилъ меня быть у васъ. Я не могъ отказать себѣ въ радости лишній разъ говорить о томъ, что мнѣ такъ дорого, чему я отдалъ всю свою жизнь. Да, откровенно говоря, я и стремился побывать у васъ потому, что съ 25 іюня я былъ очень заинтересованъ вашими курсами. Дѣло въ томъ, что 25 мая я получилъ безграмотнѣйшее письмо безъ подписи съ жалобою на васъ... Вотъ это письмо: „Ваше Преосвященство. Вы архіерей. Какой же вы архіерей? Воздвигните слово. Въ великую Троицу, когда надо Царю Небесному мольбы возносить, учителя земскіе, во время обѣдни, поѣхали на прогулку со своимъ начальствомъ“. Послѣ этого народнаго голоса о васъ, народныхъ учителяхъ, я заинтересовался вашими курсами и кое что узналъ о нихъ. Узналъ даже многое. Но изъ многого скажу только объ отношеніи вашемъ къ религіознымъ обязанностямъ. Господа! Такъ нельзя! Быть столь вызывающе откровенными въ пренебреженіи къ религіознымъ обязанностямъ—совершенно нельзя. Это неприлично!

Это также неприлично для русскаго народнаго учителя, какъ если бы онъ сталъ откровенно издѣваться надъ своимъ народомъ, глумиться надъ его душою, надъ тѣмъ, что народу дорого, чѣмъ народъ живетъ. Народный учитель—это сынъ своего народа,—конечно, сынъ почтительный, любящій, заботящійся о своемъ родномъ домѣ, о благѣ своихъ отцовъ и братьевъ. Народный учитель *изъ народа* вышелъ и *для народа* живетъ.

Народъ молится—и народный учитель долженъ быть во главѣ молящихся, а не пренебрегать народными праздниками, не поспирать народныя святыни. Но народная молитва неосмысленна?

— Да, можетъ быть это; а ты молись осмысленно; объясни народу, какъ и для чего нужно молиться.

Народная молитва есть отображеніе вѣрованій народныхъ. Господа! Эта вѣра народная, какъ бы она ни была смутна и не ясна, но ею народъ живетъ, она дорога для народа,

любима имъ, и отвергать эти вѣрованія, какъ бы глумиться надъ своимъ роднымъ народомъ,—это безжалостно! Если ты стоишь выше народнаго представленія о вѣрѣ, ты все-таки съ любовію, съ терпѣніемъ, съ полнымъ снисхожденіемъ къ немощамъ народнымъ, *жалтя* его, подойди къ народу. И тогда народъ пойметъ тебя, и полюбитъ тебя, и благословитъ твои труды на его пользу. Но дѣлай все для народа не въ легкомысленномъ пренебреженіи къ народнымъ святынямъ, а съ сыновнею любовію, съ чистымъ сердцемъ и съ уваженіемъ къ родной старинѣ.

Это значить, что народный учитель долженъ не только учить, но и воспитывать своихъ учениковъ. Онъ долженъ добиться, чтобы дѣти уважали и любили свои семьи, своихъ отцовъ и матерей, каковы бы они ни были, какъ бы ни было жалко ихъ міровоззрѣніе, какъ бы ни были убоги ихъ познанія. Если же школа не воспитываетъ, то непременно развращаетъ; если народный учитель, сообщая знанія ариеметивы и грамматики, не умѣетъ привить дѣтямъ уваженія къ старшимъ, любовь къ родителямъ,—это плохой народный учитель...

И если на учителя народъ жалуется, то это не народный учитель, а произведеніе нашей бюрократіи, которую иногда такъ за дѣло порицають. И если инспекторъ народныхъ училищъ, заботясь о прохожденіи программы, въ то же время не заботится о нравственномъ вліяніи учителя на населеніе — это плохой инспекторъ! Это— „бюрократъ“, господа учителя. Я это предъ вами смѣло могу сказать. Поэтому я весьма и весьма склоненъ считать полезнымъ не назначеніе учителей, а выборъ ихъ самимъ населеніемъ того или другого села или деревни. Избраніе должно быть предоставлено приходскому Совѣту. Народъ, дорожа своими дѣтьми и своимъ благополучіемъ, не ввѣритъ случайному учителю своихъ дѣтей. Выборъ будетъ гарантированъ отъ ошибокъ. Я, господа, не философъ, не теоретикъ. Я говорю то, въ чемъ я убѣдился жизненнымъ опытомъ. И я былъ пораженъ грческими учителями на

Кавказъ. Вотъ поистинѣ народныя учителя. Это—воистину плоть отъ плоти и кость отъ кости народной! Большинство ихъ или неофициально одобрено населеніемъ, или извѣстно ему по постоянному и неослабному наблюденію. И это учителя преданнѣйшіе своему народу, исправнѣйшіе учителя дѣтей и прекрасныя воспитатели. Разумѣется, можно наблюдать и исключенія. Но эти исключенія подвергаются всеобщему остракизму; и учитель, нелюбимый населеніемъ греческимъ, гораздо лучше для себя сдѣлаеть, если просто убѣжить, иначе ему грозитъ не жизнь, а мученіе. Но любимый народный учитель въ греческой школѣ это воистину народный благодѣтель и прекрасно цѣнится народомъ.

Господа! Позвольте васъ назвать моими сотрудниками... Позвольте пожелать вамъ всего лучшаго, и, главное, полного довѣрія народнаго къ вамъ, въ отвѣтъ на вашу любовь къ народнымъ вѣрованіямъ. Это мой пріемъ въ моей дѣятельности; и мнѣ никогда, ни одного разу не пришлось въ немъ раскаиваться. Никто меня не упрекнетъ, что я отношусь неуважительно къ чьимъ бы то ни было вѣрованіямъ: ни христіане всего русскаго Приволжья и крестоносной Грузіи, ни мусульмане Казанскіе и Кавказскіе, какъ осетины или абхазцы.

Вѣрованія, чьи бы они ни были, и каковы бы они ни были,—они захватываютъ народную душу и являются содержаніемъ жизни народной.—Къ этимъ вѣрованіямъ нужно относиться съ полною осторожностью, съ глубокимъ вниманіемъ.

Епископъ Андрей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го сентября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская 6.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 42

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевокой духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 12-го октября.

Содержаніе: I. Приходскіе пріюты—„ясли“. С. Н.—II. Бесѣда съ народ-
ными учителями на курсахъ Уфимскаго Губ. Земства 17 Іюня
1914 г. Е. Андрей.—III. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—IV.
Толковый Тинниковъ. М. Скабаллановичъ.—V. Бесѣды по пчеловод-
ству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянской.—

Приходскіе пріюты—„ясли“.

Наблюдая приходскую жизнь, мы замѣчаемъ, какъ часты
и опустошительны бывають въ нашихъ селеніяхъ пожары.
И въ нѣкоторыхъ земствахъ уже подсчитано, сколько по гу-
берніи за годъ приходится выплачивать погорѣльцамъ за
пожары, которые произошли, главнымъ образомъ, въ весеннее
и лѣтнее время отъ баловства и озорства крестьянскихъ дѣ-
тей. Убытки отъ пожаровъ, причиненныхъ дѣтскою шалостью,
за 4 года (1896—1899 г.г.) въ одной, наприм., Симбирской
губерніи исчислены въ 362,204 руб., а въ Воронежской
земство только за три года заплатило 144,000 руб. страховой

преміи за пожары, происшедшіе по той же причинѣ. И если уѣзднымъ Земскимъ Управамъ пожары причиняють одни убытки,—то кто же не знаетъ, что эти „несчастья“—пожары для нашихъ прихожанъ—одно разореніе, одно мученіе: изъ-за шалости ребятъ со спичками нерѣдко выгораетъ вся „соломенная“ деревня, весь приходъ.

Въ виду этого надзоръ за дѣтьми лѣтомъ имѣеть прямое отношеніе къ благосостоянію нашихъ прихожанъ, онъ связанъ съ матеріальной для нихъ выгодой, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и нѣкоторый долгъ человѣколюбія.— „Ясли“—пріюты какъ разъ и удовлетворяють этой задачѣ, они и дол-жны привлекать къ себѣ вполнѣ заслуженное вниманіе

Симпатичное и „святое“ это дѣло, и какъ желательно, чтобы каждый приходскій священникъ постарался объ открытіи у себя въ селѣ этихъ „яслей“!. Въ Западныхъ государствахъ подобныя ясли существуютъ уже давно. Еще въ началѣ прошлаго вѣка одинъ священникъ въ Штейнталѣ (въ Эльзасѣ) устроилъ на собственный счетъ „ясли“, куда и собиралъ оставленныхъ родителями дѣтей. Впослѣдствіи такіе пріюты—„ясли“ стали возникать во многихъ приходахъ Германіи, постепенно совершенствуясь; въ нихъ стали обращать вниманіе не только на физическій уходъ за деревенской дѣтвoroй, но и на ея умственное развитіе.

У насъ, въ Россіи, тамъ, гдѣ земство обратило вниманіе на это дѣло, Уѣздная Земская Управа обычно обращается къ участковымъ врачамъ и просить ихъ намѣтить пунеты, гдѣ на первыхъ порахъ удобнѣе и болѣе необходимо организовать „ясли“. Въ данномъ случаѣ Управа и врачи могутъ сноситься съ приходскими священниками и народными учителями, какъ съ людьми болѣе освѣдомленными въ бытъ нашихъ крестьянъ и приходской нуждѣ. А со стороны, наприм., сельскихъ пастырей было бы здѣсь умѣстно и желательно познакомить съ церковной каѳедры прихожанъ съ предстоящими функціями „яслей“, выяснитъ всю ихъ пользу.

На первых порахъ отношеніе „темнаго“ люда къ этимъ пріютамъ бываетъ какое-то неопредѣленное, легкомысленное, недовѣрчивое; суевѣрныя крестьянки, наприм., говорятъ, что устройство ихъ—*дѣло* „антихриста“, что (будто-бы) дѣтей ихъ увезутъ въ воспитательные дома и т. п. Какъ и всякое новое культурное начинаніе въ деревнѣ съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу, такъ не сразу находитъ себѣ подходящую почву и инициатива объ открытіи въ деревнѣ „яслей“. Малокультурное крестьянское населеніе всякое новшество, вносимое въ его среду интеллигенціей, на первыхъ порахъ встрѣчаетъ съ недовѣріемъ. „Темнымъ“ прихожанамъ какъ-то трудно понять, что есть люди, которые безкорыстно, безъ всякихъ заднихъ мыслей, берутъ на себя заботу объ уходѣ за деревенской дѣтворой въ лѣтнее время. Всѣмъ и каждому достаточно извѣстно, что не мало дѣтей гибнетъ въ это время и вслѣдствіе отсутствія надзора за ними: то съ крыльца, то съ завалинки дитя упало и расшиблось, то въ пруду или рѣчкѣ утонуло и пр. Причину подобныхъ нежелательныхъ явленій легко усмотрѣть именно въ отсутствіи надлежащаго надзора и ухода за сельской дѣтворой. Но той же причинѣ дѣти нашихъ сельскихъ прихожанъ усваиваютъ дурныя навъыки и привычки, и если мы встрѣчаемъ весьма нерѣдкіе примѣры, что даже у людей болѣе достаточныхъ, развитыхъ и интеллигентныхъ, нежели деревенцы, малолѣтнія дѣти, предоставленныя самимъ себѣ во время служебныхъ или домашнихъ занятій ихъ родителей, пріобрѣтаютъ въ дѣтскомъ возрастѣ такія наклонности, съ которыми народной школѣ трудно потомъ бороться, то что же остается сказать о деревенской дѣтворѣ, проводящей все лѣто безъ ухода и надзора? Собираясь гдѣ-нибудь у околицы, на задворкахъ, въ коношляхъ, за амбарами крестьянскія дѣти проводятъ время въ собственныхъ ихъ возрасту играхъ, забавахъ и предосудительныхъ поступкахъ, какъ, наприм., слазить въ чужой огородъ за огурцами, въ садъ за яблоками, при купаніи нырять, прыгать съ берега въ воду и т. п., что, при воспріимчивости ихъ,

можетъ сопровождаться вредными послѣдствіями и дальше. Поэтому и въ данномъ случаѣ деревенскія „ясли“ могутъ принести немаловажную услугу, и, слѣдоват., открытіе ихъ въ селѣ желательно и необходимо, тѣмъ болѣе, что и самое устройство ихъ—дѣло простое, большихъ расходовъ не требуетъ; нужна лишь только инициатива, да поддержка со стороны интеллигентныхъ лицъ прихода. Если въ тѣхъ селахъ, гдѣ „ясли“ открыты, имѣется врачебный пунктъ, то общій надзоръ за ними предоставляется врачу; для наблюденія же, завѣдыванія и веденія отчетности и контроля приглашаются жены приходскихъ священниковъ, учителя и учительницы, фельдшерицы и пр. Вознагражденіе за завѣдываніе яслями обыкновенно опредѣляется въ 15—25 руб. въ мѣсяць, смотря по количеству дѣтей.

Свящ. *Н-овъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ)

Беседа съ народными учителями на курсахъ Уфимскаго Губ. Земства, 17 іюня 1914 г.

(Окончаніе) ¹⁾.

Къ вѣрованіямъ народнымъ нужно относиться съ полною осторожностью, съ глубокимъ вниманіемъ. „Къ вѣрованіямъ?“ —переспросите вы... Къ какимъ вѣрованіямъ? Какія вѣрованія у безграмотной старухи? Какія вѣрованія у того народа, который самъ называетъ себя темнымъ?“

Вотъ это то и замѣчательно, что народъ самъ называетъ себя „темнымъ“, а въ то же время обо всемъ имѣетъ собственное сужденіе, и это сужденіе всегда основано на нравственныхъ принципахъ. Въ данномъ случаѣ вспомните отзывы Толстого о томъ, какъ русскій человѣкъ стремится жить „по Божьему“, какъ народъ поэтому нравственно развитъ и

¹⁾ См. № 41 за 1914 г.

совѣмъ не темень. Постараюсь вамъ нѣсколько подробнѣе развить свою мысль.

Обычное, ходячее и крайне легкомысленное воззрѣніе на нравственную жизнь утверждаетъ, что для нея, для ея утвержденія и развитія не нужны догматы, что нравственность отъ нихъ независима. Эту ошибку поддерживалъ и Толстой во многихъ своихъ сочиненіяхъ. А въ примѣръ, между прочимъ, тотъ же Толстой приводилъ нравственное міровоззрѣніе русскаго народа, будто бы не опирающееся на догматы.

Это—несомнѣнная и грубая ошибка.

Самое стремленіе жить „по Божьему“ (подраз.: закону), на что указываетъ Толстой,—достаточно краснорѣчиво указываетъ, что жизнь человѣка, усвоившаго этотъ принципъ, опирается на догматъ о бытіи Божіемъ, о личномъ Богѣ,—единомъ, всеумудромъ законодателѣ.

Догматъ о Крестѣ Богочеловѣка выразился, по моему мнѣнію, въ своеобразной сентенціи: „Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ“. Такъ народъ осмысливаетъ жизненное страданіе и такъ пребываетъ въ *живомъ общеніи* съ Господомъ-Спасителемъ.

Это живое чувство общенія съ Богомъ опирается на вѣру въ Бога, какъ безграничную Любовь, какъ Всесвятую Волю.

Есть у народа вѣра въ Церковь?—Несомнѣнно есть, и въ этомъ догматѣ о Церкви и особенно о близости къ землѣ Церкви Небесной, т. е. святыхъ. Этотъ догматъ выраженъ въ простыхъ словахъ, что „мы должны жить такъ, какъ жили угодники Божіи“. Тутъ выразилось теплое чувство любви къ „угодникамъ“, живое чувство преклоненія и любви предъ ними и стремленіе подражать имъ. Въ этомъ общеніи съ Церковію святыхъ Божіихъ, народъ черпаетъ силы для перенесенія своихъ многихъ бѣдъ, это для народа источникъ его долготерпѣнія.

И еще одинъ изъ главнѣйшихъ догматовъ прекрасно извѣстенъ народу. Это догматъ о безсмертіи души и ея загробной жизни съ Богомъ. Такъ въ чувствѣ народомъ живутъ всѣ догматы Церкви.

Поэтому, господа, никогда не соглашайтесь съ тѣми, кто унижаетъ нашъ народъ, указывая его темноту. Несомнѣнна у него темнота въ смыслѣ отсутствія практическихъ знаній; но у нашего народа есть вся ясность въ различеніи добра и зла и въ сознаніи своей грѣховности и Божіей правды.

Пользуясь случаемъ, я хочу вамъ, господа народные учителя, сообщить одну мысль, очень мало извѣстную даже и христіанамъ. Это мысль о *нравственномъ значеніи догматовъ*. Помните же: ни одинъ догматъ Церкви не является какъ бы сухою алгебраическою формулою, не имѣющею никакого жизненнаго приложенія. Это не зная, случайно объединяющее случайную группу людей, называемыхъ солдатами.

Нѣтъ, всякій догматъ вѣры есть непременно догматъ благочестія и имѣетъ самое ближайшее отношеніе къ нравственной жизни. На догматахъ церковныхъ основываются всѣ нравственныя требованія христіанскаго закона; догматы—это базисы добродѣтели.

Требованіе о безусловной взаимной любви основывается на догматѣ Трїединой воли Божества, о Трехъ Ипостасяхъ въ Божествѣ, о Трехъ лицахъ Божества, объединенныхъ въ любви.

Безусловность и высота христіанскихъ заповѣдей основывается на догматѣ о Божествѣ Законодавца—Исуса Христа. Общеобязательность для всего человѣчества исполнять заповѣди Христовы базируется на догматѣ о Его, человѣческой природѣ. Догматъ о Божествѣ Св. Духа даетъ намъ полную увѣренность въ постоянную возможность для насъ бесконечно усовершенствоваться и совершенствовать свою природу.

Вѣра въ жизнь вѣчную поднимаетъ на должную высоту наше стремленіе бороться за торжество добра, потому что

временное, не вѣчное добро лишено всякой внутренней цѣнности.

И такъ далѣе: всякій догматъ насъ чему-нибудь непременно учить въ нравственной жизни, къ чему-нибудь обязываетъ.

Въ этомъ пунктѣ я подошелъ къ обсужденію программы вашихъ занятій. Я познакомился съ нею случайно, съ чужихъ словъ: но въ числѣ предметовъ вашихъ занятій я не нашелъ главнаго предмета самообразованія, — философіи. — Между тѣмъ она совершенно почти необходима для учителя и въ гораздо большей степени, чѣмъ, такъ называемыя, опыты науки. Философія касается самого человѣка, самаго смысла человеческой жизни: она учитъ, гдѣ и какъ его искать.

Но самый важный отдѣлъ философіи — это гносеологія, т. е. теорія познанія, для васъ, господа народные учителя, — совершенно необходимъ! Между тѣмъ я встрѣчалъ преподавателей и воспитателей даже среднихъ учебныхъ заведеній, которые ни слова не могли сказать о проявленіяхъ душевной жизни человѣка, не могли опредѣлить, что такое пространство и время, даже не могли объяснить на дѣтскомъ языкѣ, что такое душа и т. п.

И посмотрите, господа, не странна ли такая непослѣдовательность нашего общаго образованія, — у насъ изучаютъ все окружающее человѣка и ни въ малой степени не касаются вопроса, какимъ же способомъ, какимъ органомъ познанія человѣкъ соприкасается съ верховною истиною. Вѣдь странно было бы смотрѣть на машиниста, не знающаго основныхъ началъ техники! Это былъ бы жалкій слѣпецъ, можетъ быть исправный мастеръ — исполнитель чужихъ приказаній, но ужъ никакъ не знатокъ своего дѣла! Совершенно нелѣпое было бы положеніе того астронома, который не заботится о чистотѣ стеколъ въ своихъ астрономическихъ трубахъ. Совершенно такъ же странно быть учителемъ другихъ и не знать, какимъ же органомъ познанія мы можемъ опознать истину, гдѣ тотъ

камень, на которомъ человѣкъ можетъ обосновать болѣе или менѣе надежно всѣ свои познанія.

Своимъ Эвклидовымъ умомъ мы познаемъ таблицу умноженія и приобретаемъ другія „точные“ познанія, а смыслъ жизни, все ученіе о нравственности и нравственномъ чувствѣ человѣка, вся эсхатологія, все ученіе о Богѣ и человѣкѣ—какъ становятся доступны для человѣка?—Какимъ органомъ познанія человѣкъ обладаетъ для того, чтобы знать все, что касается его самого, его собственно человѣческой, а не только животной, стороны жизни.

Господа! Былъ знаменитый философъ, родоначальникъ всѣхъ лучшихъ европейскихъ мыслителей. Это Кантъ. Онъ говорилъ, что кромѣ чистаго разума, у человѣка есть практическій разумъ и вотъ этимъ то практическимъ разумомъ человѣкъ и познаетъ всѣ истины нравственнаго порядка. Я не буду сейчасъ останавливаться на этой чрезвычайно важной, но и очень обширной области. Скажу вамъ только, что мы имѣемъ въ русской философіи нѣчто великолѣпное по содержанию и красотѣ мысли и изложенія. Это—сочиненія Влад. Соловьева.—Кто-то сказалъ о Ломоносовѣ, что онъ былъ первый русскій университетъ; и о Соловьевѣ можно сказать, что съ толкомъ прочитавъ его сочиненія равносильно полученію высшаго образованія. Господа, позвольте себѣ эту роскошь: приобретите сочиненія Владимира Соловьева,—это будетъ для васъ величайшее приобретение. И ваша зимняя страда учебная, и ваше чувство одиночества среди снѣговъ глубокихъ будутъ значительно облегчены, если въ вашей библіотекѣ будетъ находиться Влад. Соловьевъ, этотъ колоссъ русской мысли.—Отъ всей души желаю вамъ этого; одна его „Критика отвлеченныхъ началъ“ есть нѣчто поразительное по обилію научнаго матеріала и силѣ мысли; непременно познакомьтесь, по крайней мѣрѣ, съ этою книгою.

Но я все время говорю о васъ. Хочется сказать теперь нѣсколько словъ о вашемъ дѣлѣ. Воистину—живое дѣло! Живые люди, живыя души вамъ ввѣряются. Каждая дѣтская душа живетъ своею собственною, оригинальною и напряженною жизнію. И на запросъ каждой души вы должны дать отвѣтъ; вы должны быть настолько чутки нравственно и освѣдомлены въ духовной жизни, чтобы удовлетворить каждаго ребенка въ его духовныхъ исканіяхъ и безошибочно направить его на изготавительный путь душевнаго и духовнаго развитія.

И страшно тяжело въ такихъ случаяхъ ошибаться. Говорю это по собственному печальному опыту, потому что въ моей педагогической, хотя и короткой, дѣятельности было много ошибокъ. А всякая ошибка, всякое неосторожное, неровное слово ложится тяжелымъ камнемъ на душу ребенка и даетъ иногда неправильное направленіе всей его жизни. Такіе тяжелые случаи и бывали со мною. Особенно, господа, будьте осторожны съ юношами въ переходномъ возрастѣ 15—16—17 лѣтъ. Это время, когда ребенокъ или юноша растетъ душевно съ удивительнымъ напряженіемъ; запросовъ душевныхъ у него безконечно много! Въ это время воля ребенка и его разумъ, и его физическая природа, переживая глубокое потрясеніе, оказываются въ представленіи дѣтей въ непримиримомъ противорѣчій. Это для многихъ чуткихъ натуръ бываетъ источникомъ мучительнѣйшихъ переживаній и заканчивается иногда тяжелыми катастрофами. Имѣйте это въ виду; наблюдайте за ребятами, вамъ ввѣренными, и помогайте имъ разбираться въ ихъ разладѣ душевномъ. Если вамъ удастся въ этомъ оказать помощь дѣтямъ, тогда вы будете ихъ благодѣтелями и воистину духовными отцами, возродившими къ сознательной жизни. Это, господа, громадное счастье, которое и мнѣ доступно, по милости Божьей.

И когда я живу моими воспоминаніями, я безмѣрно счастливъ: всѣ мои дѣтки, мои нѣкогда мучители, меня

окружаютъ всегда. Но когда мнѣ приходится встрѣчаться вновь съ душами, жаждущими слова поддержки, мнѣ всегда становится страшно, какъ бы мое неосторожное слово не направило чужую жизнь по ложному пути. Тутъ нужны, кромѣ личнаго опыта, и большія знанія и педагогики, и психологіи; къ сожалѣнію, мнѣ отъ моихъ занятій не остается времени для чтенія, для пополненія моихъ знаній, и приходится мнѣ всѣ мои недочеты восполнить только личнымъ опытомъ, собственными переживаніями. Не скажу, чтобы это было легко, хотя смѣло могу сказать, что—это чрезвычайно интересно и наполняетъ жизнь самыми высокими и красивыми мыслями и чувствами. Воистину легко дышется при такой жизни!

Этой жизни, умной, серьезной, полезной для васъ всѣхъ и для народа, которому вы служите, я вамъ и желаю.

Помните ту истину, что жить—значить любить; а любить нужно только то, что выше нашей природы и что облагораживаетъ насъ чрезъ нашу любовь. Вотъ этого я и желаю вамъ всѣмъ, а въ этой чистой любви къ правдѣ Божіей вы найдете достаточно силъ, чтобы любить и вашихъ учениковъ и не скучать около нихъ и около ихъ отцовъ.

Епископъ *Андрей*.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Война и начальная школа.

Въ „Смоленскихъ епарх. Вѣдомостяхъ“ помѣщено интересное и содержательное обращеніе директора народныхъ училищъ Смоленской губ. г. Самойловича къ учащимъ.

Всѣмъ извѣстно ходячее выраженіе, что „нѣмецкій учитель побѣдилъ Францію“. Однако, не всѣ обращаютъ вниманіе на то, что въ этомъ выраженіи не столько подчеркивается дѣятельность нѣмецкаго учителя по насажденію грамотности, сколько его ревность въ воспитаніи дѣтей на на-

чалахъ горячаго патріотизма. Вотъ и на русскомъ сельскомъ учителѣ лежитъ священная обязанность воспитывать вѣрен-ныхъ ему дѣтей въ духѣ любви къ родинѣ и готовностью всѣмъ жертвовать ради ея славы и счастья. Если такая дѣятельность должна имѣть мѣсто всегда, то особенно въ настоящую годину грозной великой европейской войны. Дѣйствуя такъ, учитель выработаетъ изъ дѣтей хорошихъ сознательныхъ гражданъ, такъ какъ впечатлѣнія дѣтства сильны и оставляютъ слѣдъ на всю жизнь ихъ. Въ школѣ не должно быть проповѣди антимилитаризма, незамѣтно иногда приви-ваемого дѣтямъ путемъ такихъ книгъ для чтенія, какъ книга Вахтерова. Напротивъ, любовь къ родному оружію, къ военной русской мощи и уваженіе къ священной борьбѣ за свободу и независимость отчизны должны быть неизмѣнно внушаемы ученикамъ. Въ настоящее время, когда идетъ эпическая борьба союзныхъ государствъ за свою честь съ онаглѣвшими и стремящимися поработить весь міръ тевтонами, названная воспитательная дѣятельность учителя должна выливаться въ слѣдующія приблизительно формы. Познакомивъ учениковъ съ причинами ведущейся войны и указавъ на географической картѣ, гдѣ расположены воюющія державы, учитель знакомитъ дѣтей и съ ходомъ военныхъ дѣйствій, *пользуясь для этой цѣли оффиціальными сообщеніями.* Успѣхамъ русскаго оружія должно быть удѣляемо особенное вниманіе. Помимо такихъ спеціальныхъ бесѣдъ съ учениками, внѣдренія въ нихъ чувства любви къ родинѣ и ея могуществу учитель долженъ пользоваться всѣми предметами обученія и всѣми учебными занятіями. На урокахъ русскаго языка должны заучиваться стихотворенія патріотическаго содержания. Таковы, напр.: „Русь“ Никитина, отрывки изъ „Полтавы“ и „Мѣднаго всадника“ Пушкина, „Москва“ Глинки, „Кіевъ“ Хомякова, „Смерть Ивана Сусанина“ Рылѣва, „Кто онъ?“ Майкова, „Бородино“ и „Два великана“ Лермонтова и др. Въ качествѣ матеріала для чтенія должны браться отрывки, посвященные войнѣ, изъ произведеній рус-

скихъ писателей. Напр., отрывки изъ „Войны и мира“ и „Севастопольскіе рассказы“ Л. Толстого, изъ историческихъ хроникъ Островскаго и т. п. Изъ теоретическихъ статей должны быть предпочитаемы такія, гдѣ говорится о событіяхъ, подобныхъ переживаемымъ теперь. Стѣны класса слѣдуетъ украшать картинами и гравюрами, изображающими славныя страницы русской военной исторіи. „Ледовое побоище“, „Невская битва“, „Куликовская битва“, „Полтавскій бой“, „Взятіе Плевны“ и другія подобныя картины являются лучшими украшеніями классныхъ стѣнъ. На урокахъ географіи удѣляется вниманіе очерку тѣхъ странъ, гдѣ ведется сейчасъ война. Уроки же пѣнія могутъ быть использованы для исполненія гимновъ, военныхъ маршей и пѣсенъ, въ родѣ: „Многи лѣта, многи лѣта“, „Ѣздилъ бѣлый русскій Царь“, „Мы дружно на враговъ“ и т. д. На урокахъ гимнастики предпочтительнѣе всего заниматься строевыми упражненіями и маршировкой подъ барабанъ, при чемъ „потѣшнымъ“ слѣдуетъ внушать, что они—будущая русская армія. Учащіеся обязательно должны присутствовать на молебнахъ по поводу дарованія побѣды, встрѣчать и провожать войска, а при полученіи вѣстей о побѣдѣ русскаго оружія должны устраивать школьное празднество, украшая училище своими руками, какъ только можно. Все это, конечно, должно производиться подъ руководствомъ учителей, которые въ такихъ случаяхъ для приданія этому празднику большей торжественности устраиваютъ чтенія и литературныя утра по соотвѣтствующей программѣ.

Нельзя не привѣтствовать этого обращенія Смоленскаго директора къ своимъ подчиненнымъ учителямъ. Мы нарочно подробно остановились на изложеніи мыслей этого „обращенія“ въ надеждѣ, что ими воспользуются и ихъ осуществятъ на дѣлѣ и учителя церковно-приходскихъ школъ, подъ попечительнымъ руководствомъ о. о. завѣдующихъ. Законъ Божій, какъ предметъ обученія, можетъ также дать обильный и богатый матеріалъ для насажденія въ сердцахъ

дѣтей любви къ родинѣ, и готовности *положить души своя за други своя* на полѣ брани. Дай Богъ, чтобы русскій сельскій учитель побѣдилъ такъ Германію, какъ нѣсколько раньше нѣмецъ учитель побѣдилъ Францію!

Помощь запаснымъ войнамъ.

Преосвященный Андрей, Епископъ Уфимскій, по словамъ Вол. Епарх. Вѣд., обращается къ своему духовенству съ призывомъ воздѣйствовать на прихожанъ, чтобы они праздничные дни посвятили великому дѣлу служенія войнамъ, ушедшимъ на ратный подвигъ. „Дорогіе отцы, употребите все свое краснорѣчіе, соберите всю свою пастырскую любовь для того, чтобы организовать помощь бѣднѣйшимъ семьямъ. Для этого не нужно терять времени въ праздники. Всѣ праздники должны быть отданы на помощь бѣднякамъ“, пишетъ Владыка подвѣдомственному духовенству.

Едва ли можно предположить, что эготъ горячій призывъ останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Онъ найдетъ себѣ откликъ въ сердцѣ каждаго православнаго пастыря Уфимской епархіи, а голосу пастырей духовныхъ подчинятся ихъ насомые и пойдутъ въ праздничные дни на великое дѣло помощи семьямъ христіанскихъ воиновъ. Думаемъ, что даже за предѣлами названной епархіи призывъ Епископа Андрея возымѣетъ свое дѣйствіе, ибо эготъ призывъ исполненъ мудрости и архипастырскаго попеченія о вѣренномъ стадѣ Христовомъ.

Постановленіе багочинническихъ съѣздовъ духовенства Костромской епархіи.

Ведущаяся война принесла намъ одно великое и безцѣнное благо—освобожденіе отъ алкогольнаго яда, вѣроятно, впрочемъ, только на извѣстное время, но какъ бы хотѣлось вѣрить, что навсегда! Уже впрочемъ и передъ войной, какъ извѣстно, лучшіе представители русскаго общества объявили

безпощадную борьбу съ зеленымъ зміемъ, въ результатѣ чего замѣтно сильно понизилось въ разныхъ мѣстахъ Имперіи потребленіе вина и казенныя винныя лавки начали закрываться сотнями. Духовенство въ этомъ походѣ противъ народнаго пьянства сыграло выдающуюся роль, энергично насаждая въ своихъ приходахъ трезвость и побуждая народъ къ закрытію винныхъ лавокъ и трактировъ. Зная, однако, слабость къ вину нѣкоторыхъ своихъ членовъ, духовенство всѣхъ вообще епархій принимало болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы въ своей собственной, такъ сказать, семьѣ уничтожить этотъ порокъ. Но то, что сдѣлало духовенство Костромской епархіи въ этихъ видахъ, оставляетъ за собой позади мѣры, принятыя въ другихъ мѣстахъ. Собравшись на благочинническихъ съѣздахъ, духовенство оной епархіи постановило въ самой категорической формѣ, чтобы духовныя лица не только не употребляли сами спиртныхъ напитковъ, но и не держали-бы ихъ въ своихъ домахъ для угощенія. Виновные подвергаются штрафамъ. Особенно строго будетъ преслѣдоваться принятіе духовенствомъ угощенія водкой при обходѣ своихъ приходовъ со славою. „Проповѣдники такого великаго дѣла, какъ народное отрезвленіе, сами въ этомъ отношеніи должны быть вполнѣ безупречными“, — резонно и справедливо замѣчаетъ одно изъ такихъ постановленій духовенства Костромской епархіи. (Новг. Е. Вѣд.)

Б.

Толковый Тишиконъ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Молитвенное освященіе монастырской трапезы достигаетъ завершенія своего въ „чинѣ о панагії“.

Церковное преданіе этому чину усваиваетъ прямо апостольскую древность. Это преданіе помѣщается въ Псалтири Слѣдован-

¹⁾ См. №. 42 за 1913 г.

ной вслѣдъ за изложеніемъ чина, но оно входитъ составною частью и въ то повѣствованіе объ успеніи пресв. Богородицы, которое дается Четы-минями. По этому преданію, когда апостолы, послѣ сошествія на нихъ Св. Духа и до отправления на проповѣдь въ разныя страны, жили вмѣстѣ, то обычно за обѣдомъ они оставляли за столомъ незанятое мѣсто для Христа, полагая тамъ возглавіе съ укрупомъ хлѣба. По окончаніи обѣда и послѣ благодарственной молитвы они этотъ укрупъ подымали со словами: „Слава Тебѣ, Боже нашъ. слава Тебѣ. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу. Велико имя Св. Троицы. Господи Іисусе Христе помогай намъ“ (замѣняя два послѣдніе возгласа въ пасхальные дни „Христосъ воскресъ“). Этотъ обрядъ совершали апостолы и послѣ разлученія другъ съ другомъ—каждый отдѣльно. Собранные чудесно къ преставленію Божіей Матери, и совершивши погребеніе Ея, они на третій день сидѣли вмѣстѣ за трапезой. Когда послѣ обѣда они, возвышая по обычаю укрупъ хлѣба въ память Христа, произнесли: „Велико имя...“, то увидѣли на воздухѣ пресв. Богородицу, окруженную ангелами и обѣщающую пребыть съ ними всегда; невольно апостолы тогда воскликнули вмѣсто „Господи Іисусе Христе помогай намъ“—„Пресвятая Богородице, помогай намъ“. Отправившись послѣ этого ко гробу Богоматери и открывши его, апостолы не нашли тамъ пречистаго тѣла Ея и увѣрились, что Она вознесена на небо къ Божественному Сыну своему¹⁾.

Молитвенное благословеніе трапезы христіанская церковь могла перенять отъ ветхозавѣтной—еврейской. Какой видъ оно имѣло въ послѣдней, можно отчасти судить по обрядамъ поздняго іудейства (обрядъ вообще устойчивъ): за обычнымъ обѣдомъ, въ составѣ впрочемъ не менѣе 3 человѣкъ, глава семьи или

¹⁾ Этого преданія не приводятъ въ своемъ повѣствованіи объ успеніи Богоматери Симеонъ Метафрастъ (XII в.) и Никифоръ Каллистъ (XIV в.), дающіе сказаніе объ этомъ событіи уже въ нынѣшнемъ законченномъ видѣ. Должно быть, въ Четы-минии это преданіе внесено изъ литургическихъ памятниконъ; при этомъ съ тою частностью сказанія объ успеніи, что гробъ Богоматери открытъ по просьбѣ ап. Фомы, настоящее преданіе примирено такъ, что апостолы, не найдя въ гробу тѣла Богоматери, просили Бога открыть имъ судьбу его и въ отвѣтъ на эту молитву явилась имъ за трапезой Богоматерь.

самое почетное лицо читаетъ формулу благословенія надъ хлѣбомъ, рѣжетъ и раздаетъ куски сотрапезникамъ; часть хлѣба остается до окончанія трапезы, какъ символъ присутствія Божія; такъ же благословляется и вино, причемъ чаша приподнимается надъ столомъ; надъ каждымъ отдѣльнымъ блюдомъ читаются благословенія¹⁾. Христіанскія агапы, особенно когда онѣ не соединялись съ евхаристіей, безъ сомнѣнія дали начало многимъ обрядамъ чина о панагіи²⁾. Замѣчательно, что важнѣйшія изъ молитвъ этого чина почти въ нынѣшнемъ ихъ видѣ даются памятниками IV в: у св. Златоуста и въ сочиненіи псевдо-Аѳанасія „О дѣвствѣ“. Именно здѣсь дана въ качествѣ молитвы предъ обѣдомъ молитва: „Благословенъ Богъ милууй и питай насъ“, только у Златоуста ед. ч., нѣтъ „милууй“ и „поклоненіе“, у Аѳанасія нѣтъ „вѣковъ“. Молитва „Слава тебѣ, Господи“ только у Златоуста безъ разностей съ нынѣшней³⁾.

Съ возникновеніемъ монастырей, трапеза въ нихъ сразу получила особенно молитвенную обстановку и разсматривалась, какъ краткая церковная служба. Въ Пахоміевскихъ монастыряхъ эта служба состояла изъ псалма и молитвы, иногда изъ нѣсколькихъ псалмовъ и молитвъ⁴⁾.

Древнѣйшій памятникъ Студійскаго устава *Ипотипосисъ* о трапезѣ говоритъ: „когда братія идутъ на завтракъ, на устахъ у нихъ стихъ (изъ псалма, конечно); садятся за столы по 9. Таксіархи совершаютъ служеніе за трапезой благочинно безъ шума. Бываетъ же и чтеніе, на которомъ братія сидятъ зимой въ кувукліяхъ на головѣ. Знакомъ же конца этого чтенія бываетъ на послѣднемъ блюдѣ звукъ ложекъ, вмѣстѣ всѣми бросаемыхъ въ миску. Равнымъ образомъ и на смѣшеніе (на вино) и на блюда бываетъ (знакъ) ударомъ“. По *Диатипосису* сверхъ этого „братія идутъ на трапезу по звуку колокола... со стихомъ на устахъ, также и когда встанутъ (изъ за стола), пока не дойдутъ до притвора, чтобы совершить благодареніе за то, что приняли. Бываетъ и чтеніе по

¹⁾ *Вухторфъ J.*, *Synagoga indaica*, 1680, 263. *Карабиновъ И.* Евангелистическая молитва (анафора). Спб. 1908, 10.

²⁾ Толковый Типиконъ I, 51—53. 78. 82—84.

³⁾ *Златоустъ*, Бес. на Мѳ. 56. *Ис.—Аѳанасій*, О дѣвствѣ, 13.

⁴⁾ Толк. Тип. I, 231.

назначенію еклісiарха, который заботится и о томъ, чтобы не было оставлено то, что не успѣли прочитать въ церкви“, 1) т. е. для трапезы былъ свой кругъ чтеній и, кромѣ того, на ней дочитывались положенныя на сutoчныхъ службахъ чтенія, неоконченныя въ храмѣ 2).

Дальнѣйшею ступенью въ развитіи Студійскаго чина трапезы въ сохранившихся памятникахъ можно признать чинъ, даваемый *Синаксаремъ Аэно-Иверскаго* монастыря въ грузинской рукописи начала XII в. Здѣсь сначала древнѣйшее краткое замѣчаніе о трапезѣ. „Братія входятъ въ трапезную, имѣя на устахъ своихъ пѣснь и разсаживаются безъ спора за трапезой по 9 человекъ. Во время ѣды бываетъ чтеніе патерика тихо, по окончаніи же ѣды, узнаваемомъ по стуку складываемыхъ вмѣстѣ ложекъ, поученіе“. Вслѣдъ за этимъ, несомнѣнно позднѣе, записанъ сложный чинъ трапезы. „По окончаніи литургіи ликостоятели (пѣвцы) входятъ въ діаконникъ къ пресвитеру (служившему), котораго еклісiархъ (какъ завѣдующій пѣвцами и представитель ихъ) привѣтствуетъ по чину. Входитъ трапезарь и спрашивается, свободны ли они (кончилась ли литургія). Узнавъ, онъ уходитъ и звонитъ въ малые колокола. Пресвитеръ и братія собираются въ притворѣ; пресвитеръ произноситъ: „Слава Тебѣ, Христе Боже нашъ, слава Тебѣ“; всѣ стройно и умирительно начинаютъ псаломъ: „Вознесу Тя, Боже мой“ и идутъ въ трапезную. По благословеніи (стола) разсаживаются по 9 человекъ за трапезой безъ спора и шума. Когда всѣ сидутъ, трапезарь, поклонившись предстоятелю и получивъ отъ него благословеніе, приводитъ чтеца. Когда чтець назоветъ зачало чтенія, трапезарь возглашаетъ громко: „Господи благослови. Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь“. Всѣ повторяемъ тихо то же; такъ и другіе возгласы братія повторяютъ за трапезаремъ. Предъ каждымъ блюдомъ трапезарь говоритъ: „Господи Иисусе Христе“. Надсмотрщикъ ходитъ по трапезной и напоминаетъ братіи о тишинѣ. Предъ собираніемъ ложекъ трапезарь говоритъ: „Господи Иисусе Христе“; чтець подходитъ къ настоятелю и, получивъ благословеніе, начинаетъ со-

1) *Дмитріевскій, Тълкѣ, 234—235. 251.*

2) *Виноградовъ В. Уставныя чтенія. Серг. Пос. 1914, 32.*

бирать чаши, потому что на его обязанности лежитъ промываніе ихъ. Когда братія (прислуживающіе?) окончатъ діаконію и по волѣ Божіей насытятся (всѣ), трапезарь говоритъ: „Господи Іисусе Христе“... и, поставивъ предъ настоятелемъ плетеную корзину, возглашаетъ: „Господи благослови“. Всѣ говорятъ: „Благословенъ еси, Господи, иже насытилъ еси насъ... Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ“... и опускаютъ въ корзину оставшіеся на столѣ ук-рухи. Когда трапезарь воздвигнетъ Богородицу (папагію), всѣ встаютъ и начинаютъ: „Милостивъ и щедръ... (Пс. 110, 5), Возвеселихся о рекшихъ мнѣ... (Пс. 121), Святыи Боже... Отче нашъ... Господи помилуй 12, Благослови“¹⁾.

Въ *полныхъ Студійскихъ уставахъ* находимъ уже и чинъ о анагіи, недалекій отъ нынѣшняго. Въ древнѣйшей изъ полныхъ рукописей Студійско-Алексіевскаго устава (XII—XIII в.) такъ говорится о трапезѣ. Послѣ литургіи или въ постные дни послѣ 9-го часа и блаженнъ и по „благословеніе братіи пріяти“, ударяютъ убо въ било трижды, абіе же на трапезу приходятъ, въ устѣхъ 144 псаломъ имуще „Вознесу тя Боже мой“, „поюще его“. Предъидеть же предъ всѣми служивый попъ, близъ же его идетъ игуменъ. Егда же приблизится къ степенемъ попъ, къ вышніи трапезѣ возводящи(мъ), стоитъ долѣ таковыхъ степеній, на деснѣй странѣ, на востокъ зри, и сію молитву о себѣ глаголя: „Господи Боже нашъ, небесный и животворящій хлѣбъ“, ици ея въ евхолои. И вступльшю убо игумену, поклониться; тому же вступльшю и на своемъ чину ставшю, и егда реченый кончается псаломъ, тогда на 1 и 2 трапезу спасенный образъ креста попъ знаменавъ, приречетъ возглашеніе явленныя молитвы и рекше братія аминь сядетъ игуменъ и по немъ прочіи. Сѣдшемъ же всѣмъ, начатіе чтенія творить чтець. И служивый попъ простъ ставъ благословить сие глаголя: „Благословенъ Богъ нашъ нынѣ и присно и во вѣки“ и братіи рекши аминь, всѣмъ умолчати повелитъ иже служитъ трапезѣ первый, иже убо и старѣйша именуютъ. По молчаніи же начнетъ чтець чести“. Вносятъ первое блюдо—„вариво“, старѣйшій возглашаетъ возгласно и „составно“:

¹⁾ *Кекелидзе К. прот.*, Литург. груз. памятники, Тифл. 1908, 307—308.

„Господи благослови, помолися“, братія встають; служившій священникъ благословляетъ брашно: „Христе Боже, молитвами отецъ нашихъ, благослови брашно и питіе наше нынѣ и присно“.; братія, сказавши аминь, садятся; „и не жеже игуменъ брашно руку наложить, тогда и прочіи вси ясти начнутъ“. Игумену подають ложечку („льжицу“), ударомъ которой онъ подаетъ знакъ за столомъ для смѣны блюдъ и для благословенія ихъ. Взявъ ложечку, игуменъ ударяетъ ею, подавая знакъ разносить вино: послѣ удара старѣйшина возглашаетъ: „Господи благослови“ безъ „помолися“; къ игумену подходитъ кутникъ (завѣдующій кладовой) и „отъ него молитву примь и обходитъ съ обоухю (о двухъ ушкахъ) чашею и даетъ комуждо въ чяшу вина“; за нимъ идутъ другіе съ укропомъ и почерпаютъ каждому. Такое обношеніе виномъ или „почерпаніе“ бываетъ трижды за обѣдомъ: по внесеніи „варива“ (жидкаго блюда), по внесеніи „сочива“ (каши) и по яденіи его; на каждое почерпаніе отъ игумена дается знакъ ударомъ ложки. При первомъ почерпаніи братія встають и, держа чаши, протягивають ихъ съ мѣстъ своихъ игумену для благословенія, при остальныхъ почерпаніяхъ каждый самъ благословляетъ свое литіе крестнымъ знаменіемъ на немъ. Въ отсутствіе игумена знакъ ударомъ ложки и благословеніе даетъ эконоомъ, но если послѣдній не имѣетъ священнаго сана, то благословеніе даетъ старшій или служившій священникъ; на игуменское мѣсто никто не садится. По снѣденіи перваго блюда старѣйшій (изъ служащихъ трапезѣ) „повелѣваетъ умолчати всей братіи“ и вносится второе блюда—„сочиво“; старѣйшій говоритъ: „Господи благослови, помолися“, всѣ встають, „и благословится поставленное не отъ первѣе благословившаго, но отъ иного попа, явленую рекше молитву (Христе Б., молитвами отецъ нашихъ благослови брашно...“), яже глаголется не исперва точію надъ варивомъ, но (и) на инѣхъ брашньнѣхъ“. Если блюдо нѣсколько, весь этотъ обрядъ благословенія совершается надъ каждымъ. По окончаніи послѣдняго почерпанія старѣйшій ставитъ на краю перваго (игуменскаго) стола особое блюдо и ударяетъ въ него трижды большою ложкою и тотчасъ чтець прекращаетъ чтеніе; другое пустое блюдо ставитъ келарь на нижнемъ столѣ; братія складываютъ ложки въ эти блюда. Теперь и начинается обрядъ, соотвѣтствующій „чину возвышенія панагіи“, могуцій быть названнымъ „возвышеніемъ ук-

руховъ“. Игумень произноситъ стихъ: „Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“; всѣ повторяютъ этотъ стихъ. Игумень кладетъ на миску оставшійся у него укрухъ хлѣба, говоря „Господи благослови“. Старѣйшій начинаетъ велегласно: „Благословенъ Богъ, питай насъ“, прочіе поютъ съ нимъ эту молитву, кладя свои укрухи на миску. Эти укрухи предназначаются для раздачи келаремъ нищимъ и ихъ запрещается предлагать братіи на слѣдующей трапезѣ. Къ вышеуказанной молитвѣ служившій священникъ присоединяетъ, творя крестъ надъ мискою, и другую: „Христе Боже, исполни избытки рабъ своихъ и насъ помилуй, яко святъ еси, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Послѣ „аминь“ старѣйшій (изъ служащихъ трапезѣ), поклонившись (игумену) у края стола и произнеся велегласно: „Благослови, помолися о мнѣ“, на что игумень тихо отвѣчаетъ: „Богъ спаси тя“, взявъ миску съ укрухами, творитъ крестъ ею, говоря велегласно: „Велико имя“; всѣ отвѣчаютъ: „Святые и единосущія Троицы сохранить всѣхъ насъ, аминь“. Игумень: „Да помянетъ Господь всѣхъ духовныхъ отецъ и братію нашу“; братія: „аминь“. По знаку игумена старѣйшій велегласно начинаетъ: „Милостивъ и щедръ Господь“ (Пс. 110, 5), всѣ встаютъ и поютъ дальше. Служившій священникъ: „О всѣхъ благодаримъ Господа“. Братія: „Господи помилуй“ трижды. Священникъ: „Надъ всѣми благодаримъ Отца и Сына и Святому Духу нынѣ и присно и во вѣки“... Братія: „Аминь“ и начинаютъ псаломъ 121 „Возвеселихся о ревшихъ мнѣ“, который и поютъ, идя предъ игуменомъ изъ трапезы, присоединяя и псаломъ 83 „Коль возлюблена селенія твоя“. Шестіе изъ трапезы направляется въ „предбожницу“ (притворъ), гдѣ священникъ, ставъ предъ царскими дверьми, творитъ молитву: „Тебе истинному челоуколюбцу Богу мы грѣшніи“... „По кончаніи молитвы рекшемъ Славу, бываетъ реченія молитвы отъ попа отпущеніе“. Послѣ „аминь“ священникъ и братія дѣлаютъ три поклона. Священникъ, обратившись, говоритъ: „Благословите, святіи“. Братія падаютъ на колѣни, говоря: „Благослови, отче“. Священникъ: „Христе Боже, молитвами пресв. Богородицы и св. Предтечи (храмовой святой) и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ души наша“. Послѣ „аминь“ каждый идетъ въ свою келью ¹⁾.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ркн. Моск. Синод. библ. № 330/380, л. 197 об.—201.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

Когда слѣдуетъ выставлять пасѣку.

Вопросъ о томъ, когда слѣдуетъ выставлять пасѣку, разрѣшается на мѣстѣ самимъ пчеловодомъ; однако не слѣдуетъ думать, что такое или иное разрѣшеніе его зависитъ отъ произвола пасѣчника или отъ какого-либо опредѣленнаго чила марта мѣсяца; случается иногда, что *оказія* сія происходятъ и въ первыхъ числахъ апрѣля, и въ началѣ марта. Малороссы, правда, очень довѣряютъ дню *Теплаго Олексы* (17 марта), но ни одинъ порядочный украинскій *пасишникъ* не *выкыне* пчиль даже въ этотъ день, *якъ на двори хуртовына гуде* ²⁾, но зато и раньше *Олексы* врядъ-ли кто изъ нихъ сіе сотворить. Намъ-же случилось выставлять пчель и 12 марта, какъ, напр., въ этомъ 1914 году, и 1-го апрѣля, какъ это было въ 1909 году. Какими соображеніями руководиться долженъ въ данномъ случаѣ пчеловодъ, сейчасъ поговоримъ съ читателемъ.

Благополучная семья, съ хорошимъ запасомъ меда и при хорошихъ условіяхъ зимовки ³⁾, можетъ безъ особаго вреда для себя пробыть въ омшаникѣ и до половины апрѣля, семья же не благополучная тяготеетъ уже и февралемъ. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что благополучныя семьи нужно держать въ погребѣ подольше, а неблагополучныя поскорѣе выставлять; не благополучная семья, выставленная преждевременно, безъ уважительной на то причины и безъ разумно-заботливаго ухода пчеловода, неукоснительно повергается въ новую пучину бѣдствій. Въ ранней и поздней выставкѣ пчель есть свои удобства и неудобства. Ранняя

¹⁾ См. № 37 за 1914 г.

²⁾ „Шумить гуде хуртовына..“ (непогодъ), такъ начинается одна малороссійская пѣсенка.

³⁾ См. 151—170 стр. 1 ч. „Бесѣды по пчеловодству“.

выставка хороша тѣмъ, что пчелы, освободившись отъ накопившагося за зиму кала, немедленно принимаются за устройство своихъ домашнихъ дѣлъ, а матка—за кладку яицъ, что очень хорошо для своевременнаго развитія рабочей силы, худа же ранняя выставка въ томъ отношеніи, что отсутствіе взятка (особенно перги) въ это время скверно влияетъ на успѣшное развитіе червы, а нагрывшіе послѣ преждевременнаго тепла продолжительные холода могутъ убить широко разложенную черву, неприкрытую въ достаточной степени стянувшейся отъ холода въ клубъ пчелой. Да кромѣ того, въ холодное время много гибнетъ летной мухи, вышедшей изъ улья за водой, весьма необходимой пчеламъ во время выкормки большого количества червы. Поздняя же выставка тѣмъ хороша, что пчелы сразу идутъ на взяткъ, не подвергая свою дѣтку опасности погибнуть отъ остуженія гнѣзда, а летную муху—затеряться въ поискахъ воды. При всемъ томъ, однако, поздно выставленныя пчелы не успѣваютъ развить должную силу ко времени хорошаго взятка, что неблагоприятно отзывается на коммерческой сторонѣ пчеловоднаго дѣла. Словомъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь лучше держаться золотой середины; пчель слѣдуетъ выставлять не очень рано и не очень поздно, т. е., между 15 и 25 марта въ нашемъ юго-западномъ краѣ, но и въ выборѣ одного изъ этихъ десяти дней мы должны руководиться состояніемъ погоды, отмѣчаемой въ нашихъ ежедневныхъ бюллетеняхъ по таблицѣ № 1. Если наши бюллетени показываютъ, что температура съ каждымъ днемъ имѣетъ склонность къ повышенію, а погода стоитъ сравнительно хорошая, это значить, то день выставки пасѣки уже не за горами. Хорошимъ показателемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить и пень, зимующій на дворѣ, каковой всегда долженъ быть у рачительнаго пчеловода. Если пчелы этого пня уже облетѣлись, если онѣ идутъ днемъ въ поле, хотябы даже за водой, если на ножкахъ ихъ вы замѣтите хоть маленькіе, едва замѣтные шарики пыльцы, если термометръ

въ тѣни показываетъ 8—10° тепла по Реомюру,—съ общей выставкой пасѣки медлить нельзя, это вопросъ завтрашняго дня. Но вотъ пришелъ и завтрашній день. Погода стоитъ теплая и тихая, и пчеловодъ, во всеоружіи полной готовности, идетъ въ омшанникъ съ тѣмъ, чтобы немедленно, боясь пропустить удобный день, устроить праздникъ на пчельникѣ.

Выставка пчелъ.

Выставка пчелъ на точекъ—постинѣ праздникъ для пчеловода; въ это время и старикъ, дремлющій на печкѣ, оживаетъ, и больной ревматикъ чувствуетъ себя непримѣръ здоровѣе. В. О. Ващенко, подорвавшій свои могучія силы въ непрерывномъ трудѣ отъ юности своя, каждую весну заявляетъ:

— Якъ выставивъ пчелочокъ, то ажъ отживъ..; думавъ, що не перезимую.., а теперь ничего..!

Но чтобы праздникъ удался пчеловоду на славу, онъ долженъ все устроить съ болішой предусмотрительностью и вящей осторожностью. Наканунѣ предполагаемой выставки пчеловодъ договариваетъ потребное количество людей, а если пасѣка отъ пчельника не близко, то и подводы,—заготавливаетъ мохъ или сѣно, замѣшанную глину и всѣ необходимыя инструменты (клещики, молотокъ, гвозди) и пчеловодныя принадлежности (дымарь, вуалевую шляпу и пр.); если же въ числѣ пней есть и дупляки, то и мѣшки или холстинки съ веревочками.

Какъ только утромъ, въ день выставки пасѣки, погода будетъ стоять хорошая, т. е., тихая и ясная, а ртуть въ термометрѣ, поднявшись до 8° въ тѣни, обнаружитъ наклонность продолжать и дальше свое теченіе вверхъ,—мѣшкать нечего, нужно дѣйствовать съ такимъ расчетомъ, чтобы между 11 и 2 часами дня пасѣка уже стояла на точкѣ. Пригласивъ людей и захвативъ все приготовленное, пчеловодъ идетъ въ омшанникъ, осторожно открываетъ дверь, и,

освѣщая по временамъ себѣ путь электрическимъ фонарикомъ, подходитъ къ ближайшимъ пнямъ и закрываетъ у нихъ летки, но не заколачиваетъ пока, чтобы стукомъ не потревожить другихъ пней; операція-же заколачиванія летковъ производится внѣ омшанника. Если омшанникъ устроенъ на пчельникѣ или вблизи его, летки заколачиваются совсѣмъ легко, и дѣло обходится безъ подвода, если-же онъ находится въ полуверстѣ отъ пчельника и даже дальше отъ него, пчелъ перевозятъ на площадкахъ или на возахъ, туго набитыхъ соломой, да и летки заколачиваются покрѣпче двумя—тремя штукатурными гвоздями. Въ томъ случаѣ, когда летки устроены круглыми или треугольниками, ихъ можно заткнуть смоченнымъ въ водѣ мхомъ. Растревоженныя пчелы стануть сосать воду изъ мха и успокаиваться. Летки дуплянокъ почти всегда затыкаются мокрымъ мхомъ или даже сѣномъ, но, конечно, если у васъ есть проволочныя сѣточки для зарѣшеиванія, то лучше летки зарѣшетить, особенно въ томъ случаѣ, когда ульи не переносятся, а перевозятся, и мховымъ загычкамъ угрожаетъ опасность совсѣмъ вывалиться. Открытые низы дуплянокъ закутываются мѣшками, холстинками, платками и обвязываются по краямъ шпагатомъ, но если дуплянки перевозятся на возахъ, холстинки, кромѣ обвязки шпагатомъ, прибываются еще и гвоздиками въ 5—6 мѣстахъ. Рамочный улей несутъ два человекъ, взявъ его руками подъ низъ, но если у этихъ ульевъ есть желѣзные ушки, какъ это, напр., устроено у меня, тогда два улья ставятъ рядомъ, продѣваютъ сквозь ушки палки и несутъ ихъ на носилкахъ; дуплянку же можетъ и одинъ человекъ *воспріять на рамо* ¹⁾ свое и нести, куда укажетъ пчеловодъ; дуплянку при этомъ кладутъ на плечо съ такимъ расчетомъ, чтобы соты обращены были ребрами книзу, т. е., перпендикулярно плечу несущаго. Точно такъ-же дуплянку кладутъ и на телѣгу.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продлженіе слѣдуетъ).

¹⁾ На плечо.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 5-го октября 1914 г.

Цензоръ протоіерей Николай Грозсу.

ГОДЪ

LV.

УЧЕБНОЕ ПРАВОСЛАВІЕ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 43

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевокой духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 19-го октября.

Содержаніе: I. Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи. Е. Андрей.—II. Приходскіе пріюты—„ясли“. (Продолженіе). Свящ. Н—овъ.—III. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—IV. Толковый Типиконъ. (Продолженіе). М. Скабаллановичъ.—V. Замѣтки: а) Небесное знаменіе побѣды.—Богъ не безъ милости, люди не безъ жалости.—

Письма къ пастырямъ Уфимской Епархіи.

IX¹⁾.

Исполненіе славянофильскихъ предсказаній.

Едва ли кто-нибудь такъ сознательно и свято любилъ нашу православную Русь, какъ, такъ называемые, славянофилы. Едва ли когда-нибудь найдутся другіе русскіе поли-

¹⁾ Вмѣсто обычнаго письма помѣщаю дѣлаю статью, освѣщающую съ нравственной точки зрѣнія современныя политическія событія.— Прошу пастырей передать школьникамъ превосходныя стихотворенія Хомякова и поощрить ихъ къ изученію этихъ стихотвореній, чтобы и родители утѣшались ими.

тические мыслители, которые смотрѣли бы на служеніе своему отечеству, какъ на служеніе самой правдѣ Божіей; а славянофилы именно такъ и смотрѣли на свое служеніе *святой* Руси. Для нихъ Русь была только *святой* Русь; другой Руси они не знали и знать не хотѣли; никакихъ партій политическихъ они не знали и признавали всякую политическую партійность за политическій развратъ. Единственный принципъ въ служеніи отечеству считали славянофилы—это принципъ церковности, безусловной, церковно-общественной правды и справедливости. На этомъ основаніи славянофилы отрицали логическую возможность развитія на Руси социализма. Социализмъ—это антиподъ клерикализма и мыслимъ въ Западной Европѣ, которая привыкла воевать съ воинствующимъ католицизмомъ. Православная Церковь ни съ кѣмъ не воюетъ, а всѣмъ служить и по преимуществу обиженнымъ бѣднякамъ.

Славянофилы и признавали государственность лишь какъ защиту Божіей святой правды отъ всякой земной неправды. И ничего такъ не боялись славянофилы, какъ нравственнаго растлѣнія Россіи, оскудѣнія въ ней Правды Божіей. Никакое политическое униженіе они не считали такимъ страшнымъ бѣдствіемъ для своего отечества, какъ измѣну нравственнымъ принципамъ.

Въ настоящей маленькой замѣткѣ мы и хотимъ привести мнѣнія родоначальника славянофильскаго движенія Алексѣя Степ. Хомякова, выраженные имъ въ стихотворной формѣ. И какъ, несомнѣнно, нынѣ великія души славянофиловъ въ загробномъ мірѣ радуются, что лучшія ихъ чаянія о братскихъ объятіяхъ всѣхъ славянъ православныхъ уже сбываются!—Посмотримъ же, какъ думалъ и что предчувствовалъ Алекс. Ст. Хомяковъ въ будущихъ судьбахъ Россіи, чего онъ для нея желалъ.

Ближайшія судьбы своей родины Хомяковъ изложилъ въ возвышеннѣйшемъ стихотвореніи подъ заглавіемъ: „*Раскаившейся Россіи*“.—Вотъ оно:

Не въ пьянствѣ похвалы безумной,
 Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
 Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
 Не съ звономъ чаши круговой;
 Но въ силѣ трезвенной смиренья
 И обновленной чистоты,
 На дѣло грознаго служенья
 Въ кровавый бой предстанешь ты,
 О, Русь моя! Какъ мужъ разумный
 Сурово совѣсть допросивъ,
 Съ душою свѣтлой, многодумной,
 Идешь на Божескій призывъ:
 Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
 Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
 Предъ міромъ станешь ты высоко
 Въ сіяньи новомъ и святомъ!
 Иди! Тебя зовуть народы,
 И, совершивъ твой бранный пиръ,
 Даруй имъ даръ святой свободы,
 Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
 Иди! Свѣтла твоя дорога:
 Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
 Грозна, прекрасна—Ангель Бога
 Съ огнесверкающимъ челомъ!

Хомяковъ зналъ великіе грѣхи русской жизни и немолчно обличалъ ихъ; за это онъ выносилъ негодованіе даже своихъ друзей, но оставался твердъ въ своемъ пророческомъ обличеніи. Онъ жилъ во времена императора Николая Павловича, который пользовался въ Европѣ огромнымъ вліяніемъ. Нѣмецкіе генералы при встрѣчѣ съ русскимъ Императоромъ

цѣловали у него руку. И великій Государь пользовался своими силами для политическаго возвеличенія Россіи.

Хомяковъ не могъ отнестись равнодушно къ развитію народной гордыни и послѣ одного блестящаго парада русскихъ войскъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Россіи.

„Гордись!“ тебѣ льстецы сказали:
 „Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
 „Земля несокрушимой стали
 „Полміра взявшая мечомъ!
 „Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
 „И прихотей твоихъ раба,
 „Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
 „Тебѣ покорная судьба.
 „Красны степей твоихъ уборы,
 „И горы въ небо уперлись,
 „И какъ моря твои озера“...
 Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны
 Какъ волны синія морей,
 И нѣдра горъ алмазовъ полны,
 И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей,
 Пусть предъ Твоимъ державнымъ блескомъ
 Народы робко клонятъ взоръ,
 И семь морей немолчнымъ плескомъ
 Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
 Пусть далеко грозой кровавой
 Твои перуны пронеслись:
 Всей этой силой, этой славой
 Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
 Царь семихолмнаго хребта,
 Желѣзныхъ силъ и воли дикой

Осуществленная мечта;
 И нестерпимъ былъ огонь булата
 Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
 И вся зарылась въ груди злата
 Царица западныхъ морей.
 И что же Римъ? И гдѣ монголы?
 И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
 Куетъ безсильныя крамолы,
 Дрожа надъ бездной Альбионъ!

Безплоденъ всякій духъ гордыни
 Невѣрно злато, сталь хрупка:
 Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
 Сильна молящихся рука!

И вотъ за то, что ты смиренна,
 Что въ чувствѣ дѣтской простоты
 Въ молчаньи сердца сокровенна,
 Глаголь Творца пріяла ты, —
 Тебѣ Онъ далъ твое призванье,
 Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣль:
 Хранить для міра достоянье
 Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
 Хранить племень святое братство,
 Любви живительный сосудъ,
 И вѣры пламенной богатство,
 И правду, и безкровной судъ.

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
 Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
 Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится.
 Начало славы и чудесь!...

О, вспомни свой удѣль высокой,
 Былое въ сердцѣ воскреси,
 И въ немъ сокрытаго глубоко
 Ты духа жизни допроси!

Внимай ему—и всѣ народы
 Обнявъ любовію своей,
 Скажи имъ тайнство свободы,
 Сіянье вѣры имъ пролей;
 И станешь въ славѣ ты чудесной
 Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
 Какъ этотъ синій сводъ небесный,
 Прозрачный Вышняго покровъ!

О, если бы Хомяковъ и другіе славянофилы дожили до нынѣшнихъ святыхъ дней, когда *святая* Русь, безропотно покорясь волѣ Божіей, смиренно и молитвенно пошла спасать остатки православныхъ славянъ отъ гнета ихъ враговъ! Воистину нынѣ

.....духъ святится

И сердцу слышенъ гласъ небесъ!

Но это смиренное служеніе Божіей правдѣ въ народной жизни и во всей международной политикѣ славянофилы возводили вообще въ норму жизни народовъ. На эту тему у Хомякова имѣется стихотвореніе безъ заглавія слѣд. содержанія:

«Мы—родъ избранный», говорили

Сіона дѣти въ старину:

«Намъ Божьи громы осушили

„Морей волнистыхъ глубину“,

„Для насъ Синай одѣлся въ пламя,

„Дрожала горь кремнистыхъ грудь,

„И дымъ и огонь, какъ Божье пламя,

„Въ пустыняхъ намъ казали путь“.

„Намъ камень лилъ воды потоки,

„Дождили манной небеса;

„Для насъ законъ, у насъ пророки,

„Въ насъ Божьей силы чудеса“!

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
 Не съ тѣми Онъ, кто говорить:
 „Мы—соль земли, мы—столбъ святыни,
 Мы—Божій мечъ, мы—Божій щитъ“!

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
 Ленечетъ рабскимъ языкомъ,
 И, мертвенный сосудъ живого,
 Душою нѣмъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
 Животворящая струя,
 Живую душу пробудила
 Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
 Въ слова смиренья не радилъ,
 Людскою не хвалился славой,
 Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
 Ему возносить ейміамъ;
 Онъ съ тѣмъ, кто всё зоветъ народы,
 Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

Само собою разумѣется, что это всемірно-историческое служеніе человечеству Хомяковъ всецѣло поручалъ своему любимому отечеству, святой Руси, родному православію. Онъ не только предсказывалъ Россіи ея великое будущее въ исторіи православнаго славянства, но и требовалъ отъ нея исполненія ея великой миссіи. На эту тему у Хомякова остались три великолѣпныя стихотворенія подъ заглавіями: „Орель“, „Не гордись передъ Бѣлградомъ“ и „Вставайте, оковы распались“. Вотъ первое изъ нихъ:

Орель.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
 Славянъ полунощныхъ орель,

Широко крылья ты расправилъ,
 Глубоко въ небо ты ушелъ!
 Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
 Гдѣ силой дышущая грудь
 Разгуломъ вольности согрѣта,
 О младшихъ братьяхъ не забудь!
 На степь полуденнаго края,
 На дальній западъ оглянись:
 Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
 Гдѣ Альпы тучей обвились,
 Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
 Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
 Въ сѣтяхъ тевтона вѣроломныхъ,
 Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ...
 И ждуть окованные братья—
 Когда же зовъ услышать твой,
 Когда ты крылья, какъ объятья,
 Прострешь надъ слабой ихъ главой?
 О, вспомни ихъ, Орель полночи!
 Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
 Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
 Твоей свободы яркій свѣтъ!
 Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
 Питай надеждой лучшихъ дней,
 И хладъ сердцецъ единокровныхъ
 Любовью жаркою согрѣй!
 Ихъ часъ придетъ: окрѣпнуть крылья,
 Младые когти подростутъ,
 Вскричатъ орлы,—и цѣпь насилья
 Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

г.

Такъ А. С. Хомяковъ и всѣ его послѣдователи ждали,
 когда русскій Двуглавый Орель спасетъ своими мощными
 крыльями славянъ, томившихся и томящихся въ неволѣ. Съ

трепетной надеждой на эту свободу славянофилы еще въ пятидесятихъ годахъ XIX столѣтія ждали свободы славянъ; но, кажется, только сейчасъ, въ 1914 году, загорѣлась заря полнаго ихъ раскрѣпощенія изъ подъ тяжкаго ига. Вотъ что писалъ Хомяковъ, воспѣвая надежду на торжество славянъ; вотъ слѣдующее изъ его произведеній на эту тему.

Вставайте! Оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!

Вставайте, Славянскіе братья,
Болгаринъ и Сербъ и Хорватъ!
Скорѣ другъ къ другу въ объятъя,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: „Намъ въ старыя годы
Въ наслѣдство Господь даровалъ
И степи и быстрыя воды,
И лѣсъ и ущелія скаль!“

Скажите: „мы люди свободны,
Да будетъ свободна земля,
И горы, и глубы подводны,
И доли, и лѣсъ, и поля!“

Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
Намъ Богъ разрываетъ оковы,
Намъ Богъ закаляетъ булатъ!“

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ.

Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!...
Вскипите жъ, Славянскія волны!
Проснитесь, гнѣзда орловъ!

Но никогда Хомяковъ не переставалъ опасаться развитія среди русскихъ народной гордости, грѣшнаго превозношенія Руси надъ слабѣйшими ея братьями. Для великой души Хомякова его отечество представлялось какъ бы сосудомъ, наполненнымъ благодатною, животворящею струею; и онъ цѣнилъ этотъ сосудъ, пока въ немъ хранится благоуханная влага любви христіанской. Иначе онъ не мыслилъ своего отечества; онъ не признавалъ въ его жизни не только возможности нравственнаго разложенія, но и просто нравственной безпринципности. Опасаясь даже этого, Хомяковъ пишетъ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы родные братья,
Дѣти матери одной;
Братьямъ—братскія объятія,
Къ груди грудь, рука съ рукою!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби—кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!

Пронесется мракъ ненастный,
И ожидаанный давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно:

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ—побѣдный строй,
Полны мыслью благородной
Крѣпки вѣрою одной!

Такъ Хомяковъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ воспѣвалъ то, чему свидѣтелями являемся мы, счастливые современники полного освобожденія славянъ, цѣлые вѣка томившихся „въ сѣтяхъ тевтона вѣроломныхъ, въ стальныхъ татарина (т. е. турка) цѣпяхъ“.

Но всѣ славянофилы, какъ люди пламенно преданные служенію идеѣ любви и добра, очень часто расходились во взглядахъ съ сильными міра сего. За то они (и Хомяковъ) подвергались большимъ непріятностямъ, но всегда оставались вѣрными своимъ идеямъ. Въ частности они всегда рѣзко расходились во взглядахъ на такъ называемый „польскій вопросъ“. Они не считали, что здѣсь имѣется наличность какого-либо „вопроса“. Они твердо и опредѣленно всегда говорили объ автономіи Польши, о необходимости для общеславянскаго дѣла русско-польскаго полного примиренія. Поэтому когда началось польское возстаніе, устроенное врагами Россіи, то Хомяковъ разразился громовымъ проклятіемъ братоубійственной распрѣ. Онъ пишетъ стихотвореніе: „Ода“ — такого содержанія:

Внимайте голосъ истребленья!
 За громомъ громъ, за крикомъ крикъ,
 То звуки дальняго сраженья,
 Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.

Вотъ ружей звонкіе раскаты,
 Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
 Вотъ натискъ конницы крылатой,
 Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ.

О замолчите, битвы громы!
 Остановись, кровавый бой!
 И крикъ торжествъ, мнѣ крикъ знакомый,
 И смерти стонъ, мнѣ плачь родной...

Потомства пламеннымъ проклятьемъ
 Да будетъ проклять тотъ, чей гласъ

Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручяль въ преступный часъ!

Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ.
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленный позоръ!

Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья, —
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесь...
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесь,

Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ—Сѣвернымъ орломъ.

Ихъ твердь союзъ, горять перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

И вотъ, читатель, то, что видѣлъ только „взоръ поэта вдохновенный“, то, что Хомяковъ еще ожидалъ, какъ „новый вѣкъ чудесь“, — это уже почти совершилось предъ нашими глазами... Нашъ Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ уже сказалъ великое слово братской любви братьямъ полякамъ. Читатель! сбывается пророчество славянофиловъ: „Орлы Славянскіе взлетаютъ“... Начинается новая страница всемірной исторіи, полное освобожденіе славянъ, эпоха ихъ самостоятельнаго политическаго бытія, полное нравственное торжество Россіи въ международной политикѣ.

Остается теперь пожелать и ждать на Руси торжества церковныхъ началъ, отрезвленія русскаго народа, свободнаго голоса Церкви въ церковныхъ дѣлахъ и прекращенія партійной брани.—Если исполняются всѣ святыя чаянія славянофиловъ относительно славянства, то пусть они исполнятся и относительно нашего отечества! Пусть святая Русь пребудетъ дѣйствительно святою, осуществленіемъ въ жизни великихъ завѣтовъ Христовыхъ. (Уфим. Е. Вѣд.)

Епископъ *Андрей*.

Приходскіе пріюты—„ясли“.

(Продолженіе) ¹⁾.

Помѣщеніями для приходскихъ пріютовъ-„яслей“ могутъ служить, главнымъ образомъ, школьныя зданія; если же въ намѣченной деревнѣ нѣтъ школы, то подъ ясли можно нанять случайно пустующую избу. Со стороны завѣдующихъ нужно: 1) сердечное отношеніе къ дѣтямъ, 2) умѣніе ихъ сплотить въ стройное дѣтское общество, 3) умѣніе расположить крестьянское населеніе и сельскую интеллигенцію къ новому дѣлу и 4) желаніе вести и хозяйственную часть. Если ясли устраиваются въ первый разъ, то необходимо, намѣтивъ помѣщеніе, сдѣлать закупку предметовъ обзаведенія для нихъ. Такими предметами по расчету на 50—60 дѣтей являются: 3 большихъ чугуна на 1 руб; 3 горшка для кипяченія молока и для варки по 15 коп.; 10 большихъ глиняныхъ мисокъ по 10 коп. и 5 маленькихъ по 5 к., деревянныя ложки, 2 ведра по 40 коп., 10 кружекъ по 10 коп., кувшинъ и тазъ для мытья въ 2 руб., и комплектъ разнаго дѣтскаго бѣлья на 5 рублей. Итого на обзаведеніе „яслей“ нужно затратить не менѣе 15—20 рублей. Остальные предметы обзаведенія какъ-то: скамейки, столы, люльки, нары и т. п., могутъ быть

¹⁾ См. № 42 за 1914 г.

или приобретаемы особо, или взяты у крестьянъ на прокатъ, или найдены въ приходской школѣ. Затраты на обустройство яслей являются единовременными, такъ какъ предметы инвентаря могутъ служить нѣсколько лѣтъ; нужно только ихъ сберечь; въ послѣдующіе годы инвентарь только пополняется или ремонтируется.

Слѣдующимъ дѣйствіемъ для завѣдующихъ „яслями“ (мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ предполагать, что приглашена жена приходскаго священника или учительница церковной школы) является оповѣщеніе прихожанъ (черезъ церковныхъ старостъ и сторожей) о предстоящемъ открытіи приходскихъ яслей и запись дѣтей, которыхъ можно принять. Если средствъ достаточно и помѣщенія хватаетъ, то предѣльный возрастъ дѣтей можно повысить до 8—9 лѣтъ. По составленіи списка (который потомъ можетъ и измѣниться) крайне необходимо пригласить доктора для осмотра дѣтей; больныхъ слѣдуетъ отдѣлить или отдать роднымъ. Одновременно съ производствомъ записи дѣтей, завѣдующей необходимо подыскать за вознагражденіе, за время „яслей“, няню и кухарку, а затѣмъ одну или двухъ помощницъ нянѣ изъ числа взрослыхъ дѣвочекъ.

Обыкновенно въ „ясли“ принимаются дѣти отъ 3 до 8—9 лѣтъ, но желательно и необходимо сюда принимать и грудныхъ дѣтей; послѣднимъ особенно плохо приходится лѣтомъ въ страдную пору. Въ жаркое время они подолгу хвораютъ поносомъ, а тутъ еще „пришла дѣлова пора“; крестьянки—матери несутъ съ собой въ поле младенцевъ, кладутъ ихъ гдѣ-нибудь подъ снопами, за копнами, а сами усиленно работаютъ: имъ не до дѣтей!.. Жарко, душно бѣдному малюткѣ, облѣпленному назойливыми мухами и комарами; онъ и накричится, и осипнетъ, и посинѣетъ, и наголодается, а у матери отъ скудной и непитательной пищи и молока немного. Чтобы „какъ-нибудь“ успокоить ребенка она сунетъ въ ротъ ему пресловутую грязную, прокисшую, „изжеванную“ соску, начиненную и „красными“ пряниками, и горохомъ, и

опять за работу. А отъ этой жвачки — „простокваши“ у младенца и закиснетъ въ ротикѣ, и въ желудкѣ пойдутъ колики; и захворало дитя поносомъ. Лѣчить некогда лѣтомъ, больница и докторъ—далеко отъ села. И помираетъ дитя, помираетъ зря, только потому, что хорошаго ухода за нимъ не было, да въ ротъ ему изжѣванную кашку давали и оставляли младенца на рукахъ 7--9 лѣтней няньки-сестренки или 70-ти лѣтней слѣпой бабушки. И вотъ, то и дѣло въ нашихъ сельскихъ приходахъ лѣтомъ гробика за гробикомъ несутъ на кладбище младенцевъ. И много такъ поживаетъ дѣтей главнымъ образомъ въ страду деревенскую, когда нѣтъ времени для отдыха, когда всѣ въ полѣ, когда дома остаются одни лишь дѣти подъ присмотромъ бабушекъ и маленькихъ сестреночъ—„нянекъ“, за которыми самими нуженъ бдительный надзоръ.

Поэтому, каждый, близко знакомый съ бытомъ и положеніемъ крестьянъ, согласится, что помянутые „ясли“—пріюты являются благодѣяніемъ для прихода не только какъ противодѣйствіе распространенію пожаровъ въ селеніяхъ, но и какъ лучшее средство къ болѣе правильному воспитанію деревенской дѣтвораы.

Для наглядности приведемъ нѣкоторыя статистическія данныя, по которымъ оказывается, что изъ 1000 новорожденныхъ до года умираетъ: въ Швеціи 129, въ Англіи 145, Франціи 163, Германіи 235, въ Россіи же 305 человекъ! Отсюда и общая смертность (34, 2 на тысячу) у насъ высокая, какъ нигдѣ въ Европѣ, а, пожалуй, и во всемъ свѣтѣ. Высокій % смертности населенія въ Россіи зависитъ отъ дѣтскихъ эпидемій, но главнымъ образомъ, отъ дѣтскихъ поносовъ на первомъ году жизни ребенка, которые, по словамъ Д-ра П. Ф. Кудрявцева, нужно назвать бытовою болѣзнью русскаго православнаго населенія.

Для большинства губерній Д-ръ Кудрявцевъ считаетъ доказаннымъ: 1) что дѣтская смертность *лѣтомъ* сильнѣе именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе больше занимаетъ

ся земледѣліемъ (гдѣ, слѣдоват., женщины лѣтомъ работаютъ въ полѣ); 2) что дѣтская смертность maximum падаетъ именно на лѣтніе самые рабочіе мѣсяцы; 3) наибольшая (въ ужасающихъ размѣрахъ) смертность дѣтей въ лѣтніе мѣсяцы зависитъ отъ дѣтскихъ поносовъ; 4) *наибольшая* дѣтская смертность лѣтомъ наблюдается въ *православномъ* населеніи, гдѣ, кромѣ указанныхъ причинъ, мы встрѣчаемся съ крайне неразумными, рутинными способами вскармливанія грудныхъ дѣтей; между тѣмъ, въ магометанскомъ населеніи, гдѣ каждая мать, по предписанію Корана, вскармливаетъ своего ребенка грудью, дѣтская смертность вообще и отъ дѣтскихъ поносовъ въ частности несравненно меньше православнаго населенія.

Единственное средство для борьбы съ безпризорностью сельской дѣтвора—пріюты-„ясли“. Одновременно съ производствомъ записи дѣтей нужно озаботиться закупкою ржаной муки для „ясельниковъ“, гречневой и манной крупы, пшеничной муки, картофеля, масла, соли, чая и сахара; молоко покупается ежедневно на мѣсть. Деньги на расходы завѣдующая получаетъ отъ врача или отъ Управы авансомъ за мѣсяць или за весь періодъ яслей. Расходу денегъ и провизіи должна вестись завѣдующей ежедневная записъ на отдѣльныхъ листахъ бумаги съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ: расписокъ, счетовъ и т. п. Списки же дѣтей, съ обозначеніемъ ихъ возраста и пола, вносятся въ особую таблицу, разграфленную по днямъ, и въ этой таблицѣ отмѣчается число приходящихъ въ ясли дѣтей и число отсутствующихъ.

Для кормленія дѣти раздѣляются по возрастамъ на 2 категоріи: въ первую войдутъ грудныя и вообще дѣти, для которыхъ главную часть пищи составляетъ молоко. Кормить ихъ надо 6—7 разъ въ день прокипяченнымъ молокомъ или жидко сваренной молочной манною кашей. Соски и вообще посуда для молока и для стола моются возможно тщательнѣй. Остальнымъ дѣтямъ варятъ супъ картофельный, лапшу,

пшеничную кашу и пр., ежедневно разнообразя блюда. Для кормленія время дня распредѣляется приблизительно такъ: въ 7—8 часовъ утра дѣтямъ даютъ завтракъ, состоящій изъ пшеннаго или гречеваго „кулеша“ (кашицы) съ масломъ; въ 12—1 час. дня обѣдъ, состоящій изъ какого-либо горячаго и каши; на ужинъ, часовъ въ 7—8, готовится какое либо одно горячее или холодное блюдо. Всѣхъ дѣтей маленькихъкупаютъ каждый день въ чистомъ корытѣ или желѣзной ваннѣ. Завѣдующая постоянно должна слѣдить, чтобы няни какъ слѣдуетъ смотрѣли за „ясельниками“, чтобы они были накормлены, напоены, чисто вымыты, чтобы ихъ не обижали. Качество и количество служебнаго персонала играетъ огромную роль въ „ясленномъ“ дѣлѣ, особенно, конечно, тамъ, гдѣ много грудныхъ дѣтей. Зоркій глазъ долженъ быть при заболѣваніяхъ „ясельниковъ“; и какъ только кто-нибудь захвораетъ изъ дѣтей, такъ сейчасъ же завѣдующая даетъ лекарства, чтобы не запустить болѣзнь, или прямо посылаетъ за докторомъ. Послѣдній осматриваетъ всѣхъ „ясельниковъ“, и если кто захваралъ, предписываетъ лекарство. При уходѣ, чистотѣ, при питательной пищѣ и надзорѣ, они хвораютъ очень рѣдко, скоро выздоравливаютъ даже тѣ дѣти, которыя были раньше больны дома. А если „ясельники“ хвораютъ, то, какъ намъ думается, виноваты въ этомъ сами родители; возьмутъ ребенка изъ яслей домой къ вечеру или на праздникъ, накормятъ „всякой всячиной“ (ягодами, овощами, яблоками), груднымъ дадутъ все ту же грязно-прокисшую соску, начиненную неопредѣленными суррогатами, и приходятъ ясельники изъ дома опять хворенькими; поэтому лучше дѣтей не брать изъ яслей на все время рабочей поры. Чтобы они здѣсь не скучали (и не просились домой), завѣдующая устраиваетъ имъ игры, няни рассказываютъ сказки, учатъ молитвамъ, показываютъ картинки, чтонибудь по-проще рассказываютъ (завѣдующія) изъ событій Свящ. Исторіи. Чтобы игры дѣтей имѣли образовательное значеніе, необходимо, во 1-хъ, чтобы игрушки были, по возможности, просты,

незатѣйливы и, такъ сказать, незаконченны, чтобы предоста-
вить болѣе простора дѣтской самодѣятельности. Кусокъ де-
рева, палка, плитка, камешки, оберточная бумага и т. п.
представляютъ такіе предметы, изъ которыхъ ребенокъ, подѣ
вліяніемъ воображенія, можетъ устроить многое, подобное
тому, что онъ видитъ въ дѣйствительности. Во-вторыхъ, дѣт-
скія игры должны быть разнообразны и соответствовать
склонностямъ каждаго ребенка. Замѣчено, что только та игра
занимаетъ ребенка, которая свойственна его природнымъ
склонностямъ, и только въ томъ случаѣ можетъ оказывать
благодѣтельное вліяніе на умственное и нравственное разви-
тіе его, если она (игра) представляетъ собой непосредствен-
ное проявленіе собственныхъ влеченій дитяти. А рисованіе
въ „ясляхъ“ развѣ не интересно дѣтямъ? Уже въ иностран-
ной педагогической литературѣ послѣдняго времени обраще-
но большое вниманіе на дѣтскіе рисунки, т. е. на тѣ край-
не простые примитивные рисунки, которые выходятъ изъ
подъ руки ребенка дошкольнаго и первоначальнаго возраста.
И это вниманіе къ рисункамъ объясняется замѣчательною
ихъ интересностью: они пріоткрываютъ прямо и непосред-
ственно нѣкоторую сторону дѣтской души и дѣтской жизни
во всемъ ея своеобразіи; кромѣ этого общаго значенія изу-
ченіе рисунковъ можетъ имѣть педагогическое значеніе:
оно должно повліять на методическую постановку рисованія
въ начальной школѣ. Наболѣе основательное ислѣдованіе
дѣтскаго (не школьнаго) рисованія можно найти у Американ-
скаго психолога Дж. Селли въ его книгѣ: „Очерки по пси-
хологіи дѣтства“ (Рус. перев. Ал. Громбаха. Москва. 1901).

Свящ. Н-овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.).

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Нищенство.

„Новгор. Епарх. Вѣдомости“ останавливаютъ свое вниманіе на одномъ изъ выдающихся золь нашего времени-нищенствѣ. Кто не знаетъ, какъ у насъ много теперь „нищей братіи“? Но не всѣ обращаютъ вниманіе на то, насколько нынѣшніе нищіе отличаются отъ нищихъ добраго стараго времени по своему нравственному состоянію. Послѣдніе почти всѣ были людьми, дѣйствительно, нуждающимися и неспособными къ труду, вслѣдствіе болѣзни, или тѣлесныхъ поврежденій и недостатковъ. Питаясь милосынней въ силу печальной необходимости, они съ кротостью, смиреніемъ и съ полной удовлетворенностью принимали всякое даваніе и глубоко были благодарны даже за малѣйшую жертву. Вслѣдствіе этого и отношеніе къ нимъ общества было совсѣмъ иное, чѣмъ теперь. Въ глазахъ людей нищій былъ „Божій человекъ“, самое появленіе котораго въ домѣ служило знакомъ милости Божіей, а подаваніе ему милостыни почиталось дѣломъ „ради Христа“, поступкомъ въ высшей степени благочестивымъ и христіанскимъ. Но вотъ съ теченіемъ времени нравственный обликъ нищихъ началъ рѣзко измѣняться: вмѣсто человека, дѣйствительно нуждающагося въ помощи, неспособнаго своими силами добыть насущный кусокъ хлѣба, предъ нами въ роли нищаго зачастую выступаетъ тунеядецъ, лѣнтяй, не желающій приложить руки къ труду и считающій за лучшее жить спокойно на чужой счетъ. Нищенство развилось до такой степени, что стало не въ моготу обывателямъ. Послѣдніе перестали подавать съ охотой милостыню, невольно подозревая во многихъ нищихъ простыхъ тунеядцевъ. На вопросъ: гдѣ же причина такого громаднаго роста нищенства?— „Новгородскія Епарх. Вѣдомости“ отвѣчаютъ, что она кроется, во-первыхъ, въ испорченности (лѣни работать) очень многихъ отдѣльныхъ личностей изъ русскаго народа, а во-

вторыхъ—въ частной благотворительности добросердечныхъ русскихъ православныхъ людей, которые не перестаютъ подавать, хотя, въ виду указанной причины, часто и съ неохотой. Борба съ нищенствомъ и должна начаться съ прекращенія частной благотворительности, какъ неправильной и поддерживающей зло и безнравственность. Эта благотворительность должна быть безповоротно замѣнена общественной, при которой только и можно установить, кто въ самомъ дѣлѣ нуждается въ сторонней помощи и не можетъ самъ зарабатывать на себя. При частной же благотворительности такое правильное и цѣлесообразное распредѣленіе помощи не возможно. Въ цѣляхъ широкой помощи общественная организація создаетъ богадѣльни и разнаго рода пріюты, которые будутъ содержаться на счетъ частныхъ отзывчивыхъ жертвователей и въ которыхъ найдутъ себѣ пристанище лица дѣйствительно безпомощныя и бездомныя. Тунеядцы волей-неволей исчезнутъ, а для упорствующихъ изъ нихъ могутъ и должны быть учреждены дома принудительнаго труда.

Трудно не признать, скажемъ съ своей стороны, что настало время обратить вниманіе, и серьезное при этомъ, на злобу дня—нищенство и попрошайничество. Въдѣ нищенство у насъ обратилось просто въ промыселъ, иногда очень даже выгодный. На улицу за сборомъ милостыни стали выходить, какъ на биржу. Во имя христіанской любви и милосердія нищіе выпрашиваютъ часто не на кусокъ хлѣба, а на водку, папиросы, развратъ; а болѣе разсудительные изъ нихъ на пріобрѣтеніе недвижимой собственности и на увеличеніе своихъ сбереженій. Среди попрошаекъ попадаются люди съ очень солиднымъ состояніемъ, равно какъ и встрѣчаются среди нихъ преступныя личности съ очень темнымъ прошлымъ. Въ селахъ нищенство еще не такъ замѣтно, но въ городахъ, да еще въ большихъ, оно поразительно развито. Кіевъ и Москва въ этомъ отношеніи особенно отличаются, такъ что обиліемъ нищихъ въ этихъ городахъ поражаются не только иностранцы, но и русскіе туристы, прі-

взжающіе сюда для обзора мѣстныхъ достопримѣчательностей. Общественная благотворительность, выступившая на мѣсто частной, уменьшитъ, по крайней мѣрѣ, наполовину число нищихъ, удалить изъ числа ихъ всѣхъ тунеядцевъ, лежебокъ, преступниковъ, и среда нищихъ будетъ опять въ глазахъ добрыхъ русскихъ людей средой „Божьихъ человѣковъ“, подать которымъ будетъ значить то же самое, что подать Самому Христу. Бояться того, что, съ удаленіемъ нищихъ съ глазъ общества, оно забудетъ объ ихъ существованіи, забудетъ о существованіи нужды и горя среди людей, нѣтъ основаній. Добрыя отзывчивыя души, которыя никогда не переводились на свѣтѣ, вспомнятъ о меньшихъ своихъ обездоленныхъ братьяхъ и, не видя ихъ на улицахъ и площадяхъ, найдутъ ихъ въ стѣнахъ пріютовъ. Существуютъ же у насъ пріюты для больныхъ и бѣдныхъ дѣтей, лѣчебницы для страдающихъ нѣкоторыми болѣзнями и содержатся они специально на частныя пожертвованія. Почему же нельзя рассчитывать на такія же пожертвованія на столь святое дѣло, какъ помощь нищимъ? Такія жертвы польются широкой рѣкой, а въ городахъ, безъ сомнѣнія, очень многіе согласны будутъ обложить себя даже добровольнымъ ежегоднымъ взносомъ въ пользу бѣдныхъ, лишь бы деньги эти шли на помощь дѣйствительно нуждающимся и неспособнымъ къ личному труду.

Деревенскій тотализаторъ.

Подъ такимъ заглавіемъ въ „Московскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ появилась замѣтка священника Н. Величина, въ которой изображается увлеченіе сельскаго люда разнаго рода азартными играми.

На смѣну запрещенной водки и изгнаннаго зеленого змія появились въ деревнѣ въ большомъ изобиліи карты и лото. Играютъ днемъ, играютъ ночью, проигрываютъ обувь, одежду, шапки, недѣльный и дневной заработокъ, оставляютъ семью безъ хлѣба, безъ пропитанія, сами сохнутъ надъ кар-

тами и лото, но упорно отсиживаютъ дни и ночи въ надеждѣ — не улыбнется ли счастье, не удастся ли партнера обыграть начисто. Такъ дѣлаютъ отцы — главы семействъ, а за ними, какъ водится, потянулись и дѣти, сбывающія въ играхъ деньги, добытыя сборомъ ягодъ и грибовъ, а иногда и путемъ кражи у отца и матери. А дома плачь, а дома голодъ и холодъ, такъ какъ некому и не на что купить хлѣба и дровъ. Пастырскія мѣры противъ новаго зла не дѣйствуютъ. „Говоримъ съ амвона, жалуется о. Величинъ, ходимъ на мѣста игрищъ; мимо ристалища проходимъ, и хоть бы что! Одной проповѣди мало, нужно властное слово“, нуженъ запретъ этихъ игръ.

Надо замѣтить, что подобныя жалобы несутся не изъ одной лишь Московской епархіи, а изъ многихъ и другихъ мѣстъ. Отъ сѣвера не отстаетъ и югъ. Очевидно, стремленіе къ дурному развлеченію внѣдрилось въ сердца русскаго человѣка слишкомъ глубоко. Лишились возможности убивать время за пьянствомъ, надо, значить, найти другое подходящее „занятіе“. А для этой цѣли карты и лото, какъ нельзя лучше, подходящія вещи. Нѣтъ надобности распространяться, до чего можетъ дойти и какіе пышные плоды принести зарождающееся новое зло на Руси святой, если дать ему возможность укорениться. И правъ о. Величинъ, утверждающій, что для уничтоженія этого зла, кромѣ пастырскихъ мѣръ, нуженъ и строгій запретъ азартныхъ игръ со стороны гражданской власти. Запрещено же лото въ клубахъ большихъ городовъ, запрещены же вездѣ въ городскихъ клубахъ всякія азартныя игры. Почему же не принять такихъ же мѣръ и въ селахъ, гдѣ эти игры принимаютъ явно публичный характеръ и разоряютъ крестьянъ не въ меньшей степени, какъ москвичей пресловутый московскій тотализаторъ?

Б.

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Почти буквально сходенъ съ этимъ чиномъ трапезы чинъ, даваемый Типикономъ *Константинопольскаго Пандократорскаго монастыря* 1136 г. (въ рукописи только XVIII в.). Разница въ слѣдующемъ. Отправлялись въ трапезу получая антидоръ послѣ троекратнаго удара въ древо. Священникъ про себя произносилъ ту же молитву, но которая приводится здѣсь полностью: „Господи Боже мой, животворящій хлѣбъ, истинная пища всего міра, направляющій настоящую нашу жизнь и обѣщавшій намъ причастіе будущей, самъ благослови пищу нашу и питіе и сподоби неосужденно причаститися ихъ насъ, славящихъ, и благодарящихъ подателя всѣхъ благихъ даровъ“; затѣмъ священникъ, дѣлая крестъ надъ столомъ, возглашаетъ конецъ молитвы: „Яко благословися и прославися всечестное и великолѣпное имя Твое“. Знакъ на перемѣну блюдо подается ударомъ по столу деревяннымъ молоточкомъ. Въ возгласъ „(Велико имя) Святыя единосущныя“ прибавка „животворящія“. По возвышеніи укрузовъ игумень благословляетъ всѣхъ; поется „Милостивъ и щедръ“, Ис. 121 и 83, іерей говоритъ молитву; остального, что въ Студ. Ал. уст., здѣсь нѣтъ ²⁾.

Въ сохранившихся греческихъ памятникахъ *Іерусалимскаго Типикона* нѣтъ чина трапезы. Въ *славянскихъ рукописяхъ* (XIV—XV в.в.) этотъ чинъ сходенъ со Студійскимъ-Алексіевскимъ, но вмѣсто возвышенія укрузовъ уже возвышеніе панагіи по нынѣшнему чину съ небольшими отличіями. Различіе общаго чина трапезы отъ Студійско-Алексіевскаго въ слѣдующемъ. „По отпустѣ литургіи исходитъ служивый іерей и по немъ слѣдуетъ игумень и прочая братія тѣми же дверьми, глаголюще псаломъ 144. Иными же дверьми никто же да исходитъ; идутъ же каждо ихъ единъ по одному, якоже и на трапезѣ сидятъ; не бесѣдуютъ межю собою отнудъ; ни два въ рядъ идутъ“. Трапезы 1-я и 2-я благословляются не при возгласѣ молитвы „Господи Боже

¹⁾ См. № 42 за 1914 г.

²⁾ *Дмитріевскій*, Типикъ, I, XXVI—VII. 664—6.

нашъ, небесный и животворящій хлѣбъ“, а при непосредственно присоединяемой молитвѣ (нынѣшней): „Христе Боже, благослови ястїе“... Предъ обрядомъ благословенія вина замѣчено: „Егда же есть утѣшеніе“ „Испиваютъ каждо свою чашу, глаголя: „Господи Исусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, аминь“. (не говорится объ осѣненіи чаши крестнымъ знаменіемъ). „По обѣдѣ же возьметъ игумень хлѣбець всесвятѣй Богородицѣ и положить на мисѣ и прекрестить рукою, аще есть попь. Абіе же ударяеть и престанеть чтай и вставаяй игумень речеть: „Господи Исусе Христе Боже нашъ помилуй насъ“. Братія: „Слава и нынѣ“. Игумень: „Благословенъ Богъ милуяй... Слава тебѣ Господи, слава тебѣ Царю, слава тебѣ святый... Слава и нынѣ. Господи помилуй 3“. Хотяй воздвигнути діаконъ или чтець или келарь или который братіи: „Благословите мя“... Отвѣщаютъ: „Богъ спаси тя“. И подымая хлебець речеть: „О велико имя“. Братія. „Всесвятая Троица“. И абіе онъ прекращая панагію хлѣбомъ речеть: „Всесвятая Богородица 1) помогай намъ“. Мы же глаголемъ: „Тоя молитвами“ (въ позднѣйшихъ рукописяхъ: + „Блажимъ ты вси роди“). Таже возьмутъ хлѣбъ всесвятѣй глаголюще: „Богъ нашъ чрево твое“ 2)... И абіе вси отъ трапезы рекутъ: „Милостивъ и щедръ Господь, пс. 121, глаголемъ его до конца, идя къ церкви; тажъ пс. 83. Трисвятое по Отче нашъ“ въ недѣлю инакои, аще нарочита святаго—кондакъ, во инъ день тролари гласъ 6: „Яко посредѣ ученикъ... Слава и, нынѣ. Молитвами Господи всѣхъ святыхъ... Господи помилуй 3“. Іерей: „Тебѣ истинному челоулюбцу мы грѣшніи и недостойніи раби твои хвалу приносимъ, насыщесея богатыхъ благъ твоихъ, съ земными блага и небесными твоими дарми причастники ны яви Христе Боже, молитвами святая Богородицы и всѣхъ святыхъ твоихъ и нынѣ присно“... Іерей: „Благословенъ Богъ милуяй“... Игумень: „Богъ простить и помилуетъ послужившихъ намъ“. И братія поклонятся до земли. И идемъ въ келія наша“ 3).

Въ *позднѣйшихъ рукописяхъ, въка XVI*, чинъ панагіи упоминается въ чинѣ трапезы и послѣдній дается въ самомъ крат-

1) Это въ Студійскихъ на вечерней трапезѣ вмѣсто „Велико имя“.

2) Это нынѣ на вечерней трапезѣ.

3) Ркп. Моск. Синод. библ. № 328/383, л. 37—39; ср. № 329/384, л. 31.

комъ видѣ: указывается согласно съ древними рукописями порядокъ шествія въ трапезу и разсаживанія въ ней; затѣмъ: „начинати же абіе чтущему предисловію чтенію, его же хочеть чести, тажъ благословити стихомъ предложенная чести; на коеждо же послуженіе предлагаемыхъ (при подачѣ каждаго блюда) глаголати: „Слава ти, Христе Боже упованіе наше, слава ти“; объ испрошеніи прощенія чтецомъ говорится какъ въ нынѣшнемъ Типиконѣ гл. 35, только прибавлено замѣчаніе объ обязанности чтеца мыть посуду¹⁾.

Старопечатные уставы и Старообрядческій въ гл. 53 даютъ такой же чинъ, какъ въ рукописяхъ XIV—XV в. съ слѣдующими отличіями. Послѣ молитвы: „Господи Боже нашъ, небесный, животворящій хлѣбъ“... „іерей, выимая хлѣбець Пречистыя глаголетъ тропарь „Днесъ спасенію (—я)“... и положи часть на длани знакъ и рѣжа часть ножемъ крестообразно и полагаетъ на панигарѣ и поставитъ его на мѣстѣ; трапезѣ же уготованнѣй сущи и на ней положеное брашно, хлѣбъ теплый и соль и питье уже принесено есть“. По благословеніи чтенія и внесеніи варива келарь и „инахось сирѣчь чашникъ“, взявши у игумена благословеніе, подноситъ ему „варива въ сосудѣ, иже на мисъ“, а второй—квасъ²⁾ въ чашѣ: братіямъ также раздается по чашѣ квасу; „аще ли владычень праздникъ, или отъ христолюбива нѣкоего (поступитъ пожертвованіе), то по двѣ чаши квасу (браги), аще ли нѣсть праздника, то квасъ житной“ (о винѣ не упоминается здѣсь, но въ синаксарной части—неоднократно). По первомъ ударѣ ложечкой или въ кандію, предваряемомъ возгласомъ „старѣйшаго“: «Господи благослови помолися» глаголетъ начальнѣй іерей: «Отче нашъ, Слава и нынѣ, Господи помилуй 2, Господи благослови»; игумень: «Христе Боже, благослови ястіе»; чтець «аминь». Въ отсутствіе игумена положенное ему совершаетъ „церкви начальникъ“ или „ороть сирѣчь строитель“ или „первый попъ или отслужившій“. „Игумень назнаменуя въ кандію и престанеть чтай; таже, ставъ предъ образомъ, и творитъ 3 поклоны и прощенье къ настоятелю. Внегда же восташи отъ трапезы, возгласитъ старѣйшій, сирѣчь келарь, велегласно или трапезарь: «За

¹⁾ Ркн. музея К. Д. Академін Аа 194, стр. 98—99.

молитвъ св. отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Абіе же ударить игумень въ кандію, и возметъ хлѣбець пресвятыя Богородицы, и отдасть діакону и держить. И воставая игумень речеть: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ». Кълирицы же рекутъ: «Аминь. Слава и нынѣ. Господи помилуй 2. Господи благослови: Благословенъ Богъ милуя и питая насъ»... и далѣе какъ нынѣ Воздвигающій просить прощенье у игумена: «Прости мя Отче святыи и благослови, елико согрѣшихъ словомъ и дѣломъ и помышленіемъ и всѣми моими чувствами». Игумень: «Благодатію своею Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ». Діаконъ воздвигая снимаетъ куколь. «Святыя Троицы» говоритъ игумень. «Пресвятая Госпоже Богородице помогай намъ». «Кълирицы же рекутъ: «Тоя молитвами»... таже «Блажимъ тя»... писанъ въ полуношницы. И посемъ кълирицы поють: «Блажимъ тя вси роди, Богородице Дѣво, преблаженную и непорочную Матерь Бога нашего, тебе Богородице блажимъ вси роди, ты бо молиши за насъ Христа Бога нашего», таже «Достойно есть»; аще ли господскій праздникъ, поемъ ирмосъ 9 пѣсни праздника: таже глаголетъ игумень: «Милостивъ и щедръ Господь, пищу далъ есть бояющимся его»; тоже и кълирицы глаголютъ. Игумень же раздробляетъ святыи хлѣбъ и раздаетъ братіи. Кълирицы же глаголютъ трисвятое; по Отче нашъ, аще есть недѣля, глаголется инакой настоящаго гласа; аще ли господскій праздникъ, глаголемъ вмѣсто инакой кондакъ праздника или великому святому, иже имать поилелеосъ¹⁾ «Въ обычныи дни тропари, какъ у насъ: послѣ «Господи и благослови» молитва «Тебѣ истинному челоуѣколюбцу»... Игумень—даетъ отпустъ и послѣ отвѣта братіи „аминь“ — “Богъ проститъ“¹⁾...

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Старообр. уставъ л. (48. 49) 95—98. Старообрядческій уставъ присоединяетъ и „чины панагіи на пути по уставу св. горы“. Находясь въ пути надо носить съ собою „пречистыи образъ панагіи“ (панагіаръ) и, взявши изъ церкви „хлѣбець богородичный“. совершить хотя бы одному весь чинъ, начиная съ „Велико имя“; если нѣсколько братіи въ пути, совершаетъ старѣйшій, но не раздробляетъ хлѣбець другимъ, что имѣетъ право дѣлать только іерей и діаконъ, а каждый огламываетъ себѣ часть

ЗАМѢТКИ:

а) Небесное знаменіе побѣды.

Въ столичномъ обществѣ съ захватывающимъ интересомъ говорятъ о чудесномъ видѣніи на небѣ, бывшемъ въ томъ районѣ театра войны, гдѣ одержана нашими доблестными войсками блестящая сентябрьская побѣда подѣ Августовымъ. О видѣніи этомъ свидѣтельствуеъ генераль Ш., командующій отдѣльной частью на прусскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Написано письмо 18-го сентября, почти наканунѣ битвы подѣ Августовымъ.

Въ „Бирж. Вѣдом.“ приведена изъ этого документа выдержка слѣдующаго содержанія.

„...Послѣ нашего отступленія нашъ офицеръ, съ цѣлымъ полуэскадрономъ, видѣлъ видѣніе. Они только-что расположились на бивуакѣ. Было 11 час. вечера. Тогда прибѣгаетъ рядовой съ обалдѣлымъ лицомъ и говоритъ: „Ваше высокородіе, идите“. Поручикъ Р. пошелъ и вдругъ видитъ на небѣ Божию Матерь съ Іисусомъ Христомъ на рукахъ, а одной рукой указывающую на Западъ. Всѣ нижніе чины стоятъ на колѣняхъ и молятся. Онъ долго смотрѣлъ на видѣніе. Потомъ это видѣніе измѣнилось въ большой крестъ и исчезло“...:

Если нѣтъ панатіара, хлѣбецъ кладется на правую руку со словами „Благословенъ Богъ милуй и питай“; „таже учинивъ руку персты, якоже іерей, крестъ дѣеть, а хлѣбецъ въ руцѣ держа, крестъ своею рукою назнаменуетъ и хлѣбецъ воздвигнувъ высотъ, глаголя «Велико имя»; а не будетъ прочей братіи, и онъ самъ глаголетъ „Пресвятая Троица“ и всѣмъ вмѣстѣ (на этомъ мѣстѣ?) образъ свой (иконку?) крестить рукою, ею же хлѣбецъ держитъ глаголя: „Пресвятая Госпоже“; и къ челу руку: „Богородице“, къ персемъ руку: „помогай“, на правое рамо руку: „намъ“, на лѣвое рамо руку; таже глаголетъ: „Тоя молитвами“ и т. д.; вмѣсто «милостивъ и щедръ» пс. 121, трисвятное и т. д. (л. 50/99 об.—100).

Послѣ этого разыгралось большое сраженіе подъ Августовымъ, ознаменовавшееся большой побѣдой.

Дивныя дѣла Твои, Господи! Исторія Церкви и св. Руси знаетъ подобныя знаменія свыше и сохранила неложныя свидѣтельства о нихъ, начиная съ видѣнія на небѣ Креста Господня, съ священными словами „симъ побѣдиши“, императоромъ Константиномъ Великимъ.

Вѣрующіе русскіе люди примутъ это сообщеніе съ благоговѣйнымъ чувствомъ благодаренія Господу, благодарѣвшему и нынѣ св. Руси (Кол.).

в) Богъ не безъ милости, люди не безъ жалости.

Въ вятской „Крест. с.-хоз. газетѣ“ кр-нъ Садаковъ описываетъ помощь, оказываемую однодеревенцами солдаткамъ.

Хозяева ушли въ ряды армій, дома остались солдатки съ малолѣтними ребятишками. Остались и сельско-хозяйственныя работы не выполнены. Надо жать, пахать, сѣмена добывать, сѣно возить. Но Богъ не безъ милости, а народъ не безжалости. Собрались сосѣднія бабы и траву въ полѣ выкосили. Ржаная страда не торопила. Солдатки сами выжали все. Но настала озимовый сѣвъ, а у солдатокъ работниковъ нѣтъ. Одинъ сосѣдъ говоритъ солдаткѣ: „Не горюй, — твоя лошадь да моя, вотъ и посѣмъ“. Намолотила солдатка сѣмянъ, а дошло время сѣять, сосѣдъ посѣялъ прежде своего. Другой убиралъ суслоны перѣе своихъ. Этотъ же сосѣдъ сѣвдилъ въ луга за сѣномъ. Покосы у насъ дальніе, въ пятнадцати верстахъ отъ дому. Третій сосѣдъ сѣвдилъ на другую пожню, зародъ загородилъ (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 14-го октября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссъ*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 44

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 26-го октября.

Содержаніе: I. Памяти Преосвященнаго Θεодосія, епископа Оренбургскаго и Тургайскаго. К.—II. Приходскіе пріюты—„ясли“. (Окончаніе). Свящ. Н—овъ.—III. Изъ повременной печати. Н. Гумилевскій.—IV. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—V. Толковый Типиконъ. (Продолженіе). М. Скабаллановичъ.—VI. Весѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.

Памяти Пресвященнаго Θεодосія, епископа Оренбургскаго и Тургайскаго.

26 іюля с. г. въ Эссентукахъ, на Кавказѣ, скончался Преосвященный Θεодосій, еп. Оренбургскій и Тургаискій. Покойный епископъ Θεодосій хорошо извѣстенъ г. Кіеву и кіевской епархіи, и вѣсть о смерти его, безъ сомнѣнія, отозвалась искреннею и глубокою скорбью въ сердца всѣхъ знавшихъ его. Преосвященный Θεодосій, въ міру Петръ Олтаржевскій, былъ сынъ священника с. Жорновки, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ., Наркиса Олтаржевскаго, бывшаго потомъ въ м. Ильинцахъ, а затѣмъ въ г. Умани, гдѣ онъ и скончался

въ санѣ протоіерея. Образование Преосвящ. Θεодосій получилъ сначала въ Уманскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Кіевской духовной семинаріи, въ которой окончилъ курсъ въ 1888 г. Высшее образование онъ получилъ въ Кіевской духовной академіи, курсъ которой окончилъ въ 1893 г. Послѣ окончанія курса академіи онъ назначенъ былъ на должность учителя русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ родное ему Уманское духовное училище. Въ 1895 году онъ оставилъ службу и поступилъ въ число братіи Кіево-Печерской лавры, куда влекла его склонность къ жизни уединенной, сосредоточенной на высшихъ вопросахъ бытія человѣческаго, преимущественно на вопросахъ о жизни загробной, которые не оставляли его во всю послѣдующую жизнь, а въ послѣдніе годы ея сдѣлались господствующими въ его душевномъ настроеніи. Поступленіе въ Лавру произошло въ м. іюль 1895 г., а въ м. августъ того же года онъ принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Θεодосія. Въ м. декабрь того же года іеромонахъ Θεодосій назначается на должность смотрителя Кіево-Подольскаго духовнаго училища; а въ м. май онъ получилъ назначеніе на должность инспектора Кіевской духовной семинаріи, въ которой оставался до 1898 г. включительно. Указомъ Св. Синода отъ 7 января 1899 г. іеромонахъ Θεодосій назначенъ на должность ректора Волынской духовной семинаріи съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита. Въ 1900 году архимандритъ Θεодосій за сочиненіе „Палестинское монашество въ IV—VI в.“ совѣтомъ Кіевкой духовной академіи удостоенъ ученой степени магистра богословія. Въ 1901 году указомъ Св. Синода архимандритъ Θεодосій перемѣщенъ на должность ректора Кіевской духовной семинаріи, въ которой оставался до 1903 г. Въ м. ноябрь этого года состоялось Высочайшее повеленіе о бытіи архимандриту Θεодосію епископомъ Елисаветградскимъ, вторымъ викаріемъ Херсонской епархіи. Въ 1905 г. епископъ Θεодосій переводится въ Казань и назначается ректоромъ Казанской духовной академіи и первымъ викарі-

емъ Казанской епархіи, епископомъ Чистопольскимъ. Болѣзненное состояніе Преосвященнаго Θεодосія, признаки котораго уже тогда проявлялись и беспокоили его, смиренное сознаніе своего недостойнства, естественное смущеніе вслѣдствіе этого предъ высокимъ и труднымъ подвигомъ предстоявшаго ему служенія не позволили ему отправиться въ Казань и принять на себя обязанности новаго служенія, и онъ былъ уволенъ на покой, для котораго мѣстопробываніемъ своимъ онъ избралъ Бизюковъ монастырь въ Херсонской епархіи. Уединенная монастырская жизнь, которую такъ любилъ покойный владыка, прекрасныя климатическія условія мѣстности, въ которой находится монастырь, душевное успокоеніе скоро подкрѣпили его, освѣжили, подняли его силы душевныя и тѣлесныя, въ короткое время онъ совершенно оправился и въ томъ же 1905 г. принялъ назначеніе на мѣсто викарія Полтавской епархіи, епископа Прилукскаго. Въ 1908 году Преосвященный Θεодосій былъ перемѣщенъ на должность ректора Кіевской духовной академіи и второго викарія Кіевской епархіи, епископа Уманскаго. Въ академіи покойный владыка не пробылъ и 3-хъ лѣтъ, и въ 1910 г. былъ назначенъ на самостоятельную кафедру епископа Оренбургскаго и Тургайскаго. На этомъ мѣстѣ и протекли послѣдніе годы жизни Преосвященнаго Θεодосія до его кончины.

Не долга была жизнь Преосвященнаго Θεодосія; не особенно продолжительна была и его служебная дѣятельность: прожилъ покойный владыка около 47 л., а прослужилъ 21 годъ, но къ нему вполне приложимы слова: „мало прожито, но много пережито“... Рано у него стали появляться недомоганья, и намъ нерѣдко приходилось слышать жалобы его на плохое состояніе здоровья, хотя видъ его не свидѣтельствовалъ о немощахъ его; разныя шереховатости на жизненномъ пути сильно беспокоили и огорчали его; трудная служебная дѣятельность его, протекавшая въ смутное для нашихъ школъ время,—все это дѣлало жизнь его не-

легкою. Жалобъ, впрочемъ, никто не слышалъ отъ него на положеніе свое, и только въ особенно трудныя минуты покойный владыка говорилъ въ кругу близкихъ лицъ: „Охъ, если бы въ монастырь! Если бы пожить еще монастырскою, уединенною, иноческою жизнью“!.. Тяжести жизни были особенно чувствительны для покойнаго владыки потому, что обладалъ онъ сильною впечатлительностью, чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ, въ которомъ находили глубокой отелкь всѣ явленія окружавшей его дѣйствительности. Простота, сердечность, задушевность привлекали къ нему всякаго, кому приходилось такъ или иначе соприкасаться съ нимъ. Съ этой стороны его особенно хорошо знаютъ сослуживцы его по Кіевской духовной семинаріи. Въ лицѣ своего ректора они видѣли добраго, простаго, сердечнаго товарища, въ присутствіи котораго они не стѣснялись высказывать все, что можно высказать въ кругу лицъ близкихъ, которымъ можно все говорить, все открывать безъ боязни какого-бы-то ни было злоупотребленія откровенностью, прямою и совершеннымъ довѣріемъ. Пишущему эти строки невольно приходитъ на память прощаніе бывшаго ректора Кіевской духовной семинаріи архимандрита Θεодосія съ корпораціей, когда онъ, будучи назначенъ викаріемъ Херсонской епархіи, оставлялъ Кіевскую семинарію. Это было 18 ноября 1903 г. Въ день отъѣзда бывшаго о. ректора былъ отслуженъ въ семинарской церкви напутственный молебенъ, на которомъ присутствовала вся корпорація и всѣ воспитанники семинаріи. Въ краткой, но замѣчательно сердечной рѣчи онъ выразилъ свои чувства при разставаніи съ родной ему семинаріей и завѣты, которые онъ вынесъ изъ родной своей семьи, воспитатель въ себѣ въ родной Кіевской семинаріи и оставляетъ своимъ питомцамъ, какъ лучшее и священное достояніе своего сердца и души своей. Прощаніе затѣмъ происходило въ ректорской квартирѣ. Отъ воспитанниковъ ему была поднесена икона св. Θεодосія, а отъ корпораціи сослуживцевъ альбомъ съ фотографическими карточками ихъ, какъ этого

самъ онъ желалъ. Въ 2 ч. дня состоялась очень скромная прощальная трапеза, за которой говорилось не мало искреннихъ, задушевныхъ рѣчей. Вечеромъ также собралась вся семья семинарская и проводила своего бывшаго начальника въ путь-дороженьку. Новоназначенный владыка уѣхалъ въ Почаевъ, а оттуда въ Одессу, къ мѣсту новаго своего служенія. Все прощаніе носило замѣчательно сердечный, благородный характеръ, и въ немъ какъ нельзя лучше отразилась и свѣтлая личность епископа Θεодосія, и добрыя, чистосердечныя отношенія къ нему окружающихъ его лицъ. Лучшей характеристикой еп. Θεодосія могутъ служить слова одного изъ сослуживцевъ его, сказанныя во время прощальной трапезы. „Скоро и не замѣтно, сказалъ онъ, протекло 2½ года служенія вашего въ нашей семинаріи и пребыванія вашего въ нашемъ кругу, и время это оставляетъ намъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Такого сослуживца—товарища, такого благороднаго, добраго, сердечнаго начальника мы, кажется, еще не имѣли да едва ли и будемъ имѣть. Никогда такъ легко не дышалось, такъ хорошо не чувствовалось, какъ при васъ, когда вы были во главѣ нашей семинарской семьи и умѣли своимъ добрымъ сердцемъ объединить ее даже при такихъ обстоятельствахъ, когда, казалось, это сдѣлать было весьма трудно. Вы были сердцемъ этой семьи“... Такъ приблизительно говорилось тогда... И дѣйствительно покойный еп. Θεодосій былъ такимъ обятельно сердечнымъ человѣкомъ. Такимъ онъ остался и потомъ, до конца своей жизни. Въ отношеніяхъ своихъ къ питомцамъ семинаріи онъ былъ такимъ же мягкимъ, сердечнымъ и снисходительнымъ, и въ настоящее время въ Кіевской епархіи находится не мало его бывшихъ воспитанниковъ, которые отлично помнятъ снисходительнаго, милостиваго, добраго своего бывшаго ректора, такъ какъ сами на себѣ испытали его чисто отеческую доброту при разныхъ обстоятельствахъ своей школьной жизни. Въ послѣдующіе годы намъ не разъ приходилось встрѣчаться съ покойнымъ владыкой и видѣть, что это свой-

ство его души, такъ привлекавшее къ нему всѣхъ, осталось въ немъ и еще больше какъ-то умягчилось, освѣщенное свѣтомъ какой-то святости, являвшейся вѣроятно слѣдствіемъ того высокаго духовнаго роста, который совершался въ немъ по мѣрѣ приближенія его къ смерти, о которой онъ все больше и больше думалъ. Въ послѣдніе два-три года покойный все больше и больше жаловался на серьезные недуги свои, часто заговаривалъ о смерти, мысль о которой не оставляла его даже и тогда, когда онъ, посѣщая Кавказъ для лѣченія, физически, повидимому, укрѣплялся. Эссентуки были обычнымъ мѣстомъ лѣченія его. Сюда онъ обыкновенно пріѣжалъ одинъ, не имѣя даже келейника при себѣ, устраивался просто въ какой-нибудь сенаторіи, но покойно и удобно, строго подчиняясь режиму, назначенному врачами. Совершенно одинокимъ въ такихъ случаяхъ, впрочемъ, онъ не оставался, такъ какъ его друзья и знакомые, бывавшіе на кавказскихъ курортахъ, часто посѣщали его и съ готовностью оказывали ему услуги, какъ и чѣмъ могли, во всемъ для него необходимомъ. Своею простотою, привѣтливостью и добротою онъ здѣсь умѣлъ привлечь и привязать къ себѣ всѣхъ, начиная съ высокопоставленныхъ лицъ, посѣщавшихъ его, и кончая прислугой сенаторіи, которая души не чаяла въ своемъ владыкѣ. Такъ было и въ настоящемъ году. Покойный владыка лѣчился у лучшихъ врачей, велъ тихую жизнь и чувствовалъ себя не хуже прежнихъ лѣтъ; видъ у него былъ хорошій. Когда мы ему говорили объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что „видъ“ ничего не значитъ, и что здоровье его все же плохо. Неоднократно онъ говорилъ, что скоро умретъ; мысль его была, повидимому, этимъ постоянно занята, такъ какъ очень часто рѣчь свою, о чемъ бы она ни зашла, онъ сводилъ къ этому предмету; въ комнатѣ у него на столѣ лежали книги, содержаніе которыхъ относилось также къ этому (о смерти, о загробной жизни, объ умершихъ). Я обращалъ вниманіе на эти книги, и владыка, замѣтивъ это, съ едва замѣтной улыбкой говорилъ: „пора...

надо готовиться“, и владыка дѣйствительно „готовился“... Въ настроеніи его также замѣтна была значительная пере- мѣна сравнительно съ прошлыми годами: не было уже того жизнерадостнаго, свѣтлаго душевнаго состоянія, которое по- сѣщало его, когда собирались къ нему его старые знакомые по Кіеву, товарищи по академіи и друзья—односельцы по Оренбургу, а если покойный владыка и оживлялся на корот- кое время въ такихъ случаяхъ, то, промелькнувши искрой, оживленіе это какъ бы закрывалось дымкой грусти и какой- то серіозной думы, отражавшейся на лицѣ и въ кроткихъ глазахъ его. 18-го іюля мнѣ пришлось видѣться съ владыкой, который въ это время готовился къ отъѣзду домой, въ Орен- буръ. Владыка чувствовалъ себя не хуже, чѣмъ всегда, даже лучше. Когда я собрался уходить, онъ изъявилъ желаніе пройтись со мной, и мы прошли до вокзала въ Эссенукахъ. Владыка шелъ обычной своей медленной походкой, нигдѣ не останавливаясь и не присаживаясь для отдыха, хотя раз- стояніе мы прошли довольно большое. Мы распрощались возлѣ вокзала, и владыка, не присѣвши отдохнуть, такой же медленной, спокойной походкой пошелъ домой. Это и была послѣдняя прогулка покойнаго владыки. 19-го іюля онъ по- чувствовалъ недомоганье; 20-го это недомоганіе усилилось, затѣмъ осложнилось дизентеріей, быстро приведшей къ роко- вому концу: 26-го іюля владыки не стало. Болѣзнь проте- кала тяжело, дѣятельность сердца, всегда оч. слабого у по- койнаго, быстро ослабѣвала, помощь врачей была безсильна. и болящій владыка, повидному, понималъ это, молился, часто осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и „готовился“, терпѣливо перенося страданія. Незадолго предъ смертію онъ попросилъ призвать священника. Священникъ явился, и вла- дыка благоговѣнно принялъ исповѣдь и св. Тайны. Въ день смерти онъ опять попросилъ священника, принялъ св. Тайны и, высказавъ свои желанія, какъ и гдѣ похоронить его, просилъ читать „отходную“. Минута была тяжелая... Бывшіе при владыкѣ опустились на колѣни. съ глубокимъ благого-

вѣніемъ священникъ читалъ молитвы, умирающій неслышно провзносилъ слова молитвы, и ослабѣвшая рука его силилась подняться для крестнаго знаменія. Владыка скончался въ полномъ сознаніи и до послѣднихъ минутъ не переставалъ молиться.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней во время болѣзни покойнаго еп. Ѳеодосія при немъ неотлучно находился предсѣдатель окружнаго суда въ Оренбургѣ д. т. сов. г. Башкировъ.

Не могу не остановиться въ своихъ воспоминаніяхъ на этой необычайно свѣтлой, благородной личности, близко стоявшей къ покойному владыкѣ, проявившей столько самой сердечной, нѣжной заботливости къ нему и пользовавшейся со стороны владыки столь глубокимъ уваженіемъ и чистородственной любовью, что умолчать объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ и истинномъ христіанинѣ, когда рѣчь идетъ о послѣднихъ дняхъ жизни Преосвященнаго Ѳеодосія, было бы непростительно. Неоднократно я посѣщалъ въ Эссентукахъ Преосвящ. Ѳеодосія и каждый разъ встрѣчалъ у него этого любимаго имъ друга и его супругу, столь же привлекательную по своимъ высокимъ душевнымъ качествамъ, какъ и онъ. Надо было видѣть этихъ прекрасныхъ людей у владыки, чтобы судить о той любви и уваженіи, которыми онъ пользовался со стороны своихъ „родныхъ оренбуржцевъ“, какъ онъ выражался о нихъ. Съ перваго же дня болѣзни владыки г. Башкировъ переселился изъ Кисловодска въ Эссентуки. занялъ комнату рядомъ съ комнатой болящаго владыки и ни днемъ ни ночью не оставлялъ его. Всѣ страданія болящаго владыки въ дни его тяжелой болѣзни протекли на глазахъ его. Уходъ за больнымъ онъ всецѣло принялъ на себя, не отступая отъ него ни на минуту и употребляя всѣ средства для того, чтобы облегчить положеніе болящаго. И болящій съ своей стороны проявлялъ столько глубокой, сердечной благодарности къ своему другу, что не въ силахъ былъ выразить ее на словахъ, и только его безконечно добрые глаза выражали то, что чувствовала душа

его. На рукахъ своего друга владыка и скончался. Всѣ заботы по устройству похоронъ г. Башкировъ взялъ также на себя. Онъ очень желалъ, чтобы покойнаго владыку перевезти въ Оренбургъ. „Это нашъ родной владыка; мы всѣ любили его, и онъ насъ любилъ, и мы всѣ желаемъ, чтобы онъ почивалъ у насъ, дома“, говорилъ онъ. Но было время военное, крайне тревожное, и изъ Петрограда получено было распоряженіе временно похоронить владыку въ Эссен-тукахъ. Владыку и похоронили въ Эссенкукахъ, въ большомъ храмѣ свят. Пантелеймона, въ средней части, по правую сторону его, передъ солеей, противъ иконы Христа Спасителя. Современемъ предполагается перевезти прахъ владыки въ Оренбургъ, который онъ любилъ всей душой, такъ что неоднократно выражалъ желаніе никуда не уходить оттуда и тамъ сложить свои кости.

Похороны владыки Феодосія отличались необычайною скромностью, которую такъ любилъ владыка и которою отличался въ своей жизни. Умилительную картину представляла эта простота, когда усопшій лежалъ въ убогомъ сельскомъ храмѣ (св. Николая) станицы. Деревянная сельская церковъ, густая толпа сельскихъ жителей, преимущественно женщинъ и дѣтей, такъ какъ мужское населеніе все поглощено было въ это время мобилизаціей, одинокій священникъ, читавшій Евангеліе у гроба усопшаго, бѣдная обстановка храма, слабое освѣщеніе храма, въ которомъ царилъ какой-то печальный полумракъ,—все это такъ подходило къ этому металлическому очень скромному гробу, полуприкрытому убогимъ старенькимъ покровомъ. гдѣ лежалъ усопшій владыка, на которомъ, кромѣ митры, не было никакихъ регалій его архіерейскаго сана. Невольно проносился въ памяти и образъ незабвеннаго владыки, и очень скромная, простая, непритязательная жизнь его и та столь же простая обстановка, которую покойный такъ любилъ въ своей жизни. Такимъ онъ явился и по кончинѣ своей. Знавшія владыку лица, присутствовавшія на похоронахъ, дѣлились между со-

бою мыслями объ усопшемъ владыкѣ, и изъ этихъ бесѣдъ мы узнали, что онъ и въ годы служенія своего въ Оренбургѣ оставался такимъ же, какимъ онъ былъ и въ ранніе годы своего служенія въ Кіевѣ. Одно высокопоставленное лицо говорило о владыкѣ Θεодосіи: „мы горячо любили нашего владыку. Это былъ для насъ всѣхъ дивный образецъ высокой жизни,—образецъ скромности, чистоты, простоты, любви ко всѣмъ и совершенной нестяжательности. Изъ получаемого содержанія и доходовъ онъ ничего не сберегалъ для себя и очень мало расходовалъ на свои потребности, если не считать расходовъ на лѣчение въ послѣдніе годы его жизни, которые составляли самую крупную трату у него. Но и тутъ покойный владыка готовъ былъ ограничить себя, если являлась настоятельная необходимость въ помощи другимъ“. Вотъ фактъ, ярко характеризующій владыку Θεодосію съ этой стороны. Года два или три тому назадъ онъ собирался ѣхать на Кавказъ для лѣченія. Незадолго до этого всегда заботливо слѣдившій за состояніемъ здоровья владыки другъ его г. Б-въ зашелъ къ нему и завелъ рѣчь о необходимости для него этой поѣздки. Владыка отвѣчалъ: „да поѣдемъ,—я уже и денегъ привасть для того“. При этомъ показалъ ему нѣскольکو сотенныхъ и сказалъ, что поѣдетъ не такъ скоро, потому что его задерживаютъ дѣла. Владыка затѣмъ поѣхалъ по епархіи и скоро возвратился домой. Когда при свиданьи г. Б-ва съ владыкой опять зашла рѣчь о Кавказѣ, владыка говорилъ какъ-то уклончиво, неопредѣленно, а затѣмъ такъ и остался дома, на Кавказъ не ѣздилъ, хотя это ему было необходимо. Что же было причиной этого? Дѣло, оказалось, было въ слѣдующемъ. Въ этомъ году въ оренбургской епархіи былъ большой недородъ хлѣба. Преосвященному Θεодосію пришлось проѣзжать по уѣздамъ, гдѣ особенно велика была нужда вслѣдствіе неурожая, и владыка не могъ удержать своихъ сотенныхъ въ карманѣ, припасенныхъ на лѣчение, и всѣ онѣ остались тамъ, гдѣ владыка встрѣтилъ крайнюю нужду,—ни конейки не уцѣлѣло, и владыка такъ и остался

безъ Кавказа и безъ лѣченья въ этомъ году. На своемъ высокомъ посту владыка Θεодосій оставался такимъ же милостивымъ, добрымъ, отзывчивымъ, до самопожертвованія любящимъ ближняго, какимъ онъ былъ и въ молодые годы жизни своей и занималъ скромныя мѣста по педагогической службѣ. По этому поводу припоминаются намъ нѣкоторые случаи изъ времянь его ректорства въ Кіевской духовной семинаріи. И тогда владыка былъ такимъ же нестяжательнымъ, такимъ же безсребренникомъ, ничего не отлагавшимъ изъ своего содержанія для личныхъ нуждъ своихъ и, казалось, совсѣмъ не думавшимъ объ этихъ нуждахъ. Занимал положеніе ректора Кіевской духовной семинаріи, владыка получалъ сравнительно хорошее содержаніе, а между тѣмъ намъ хорошо извѣстны случаи, когда онъ буквально нуждался въ рублѣ. Бывали случаи, когда онъ, желая оказать пособіе нуждавшимся въ его помощи, вынужденъ были обращаться къ эконому семинаріи и заимствовать у него денегъ въ счетъ будущаго жалованья и отдавалъ обращающемуся къ нему за помощью до копейки все, что самъ занималъ. Припоминается мнѣ, какъ покойный владыка, будучи еще ректоромъ Кіевской семинаріи, задумалъ поѣхать на Кавказъ, такъ какъ здоровье его начало пошатываться и требовало, какъ онъ выражался, нѣкотораго ремонта. Много у насъ было разговоровъ о предполагавшейся поѣздкѣ, о средствахъ для этого, о жизни на курортахъ. Когда приближалось время осуществленія этого предпріятія и сборовъ въ дорогу, владыка разспрашивалъ, что нужно брать съ собою, какія вещи, сколько ихъ и т. д. и когда я сказалъ, что необходимъ достаточный запасъ бѣлья, владыка почувствовалъ какъ бы неловкость и нѣкоторое смущеніе, такъ какъ и дома у него запасъ бѣлья былъ болѣе, чѣмъ скуденъ, и расходъ предстоялъ такой, который для него представлялся обременительнымъ, хотя вся сумма его не превышала какихъ-нибудь двухъ десятковъ рублей. И на этотъ разъ пришлось обратиться къ займу, который далъ возможность купить для владыки нѣсколько паръ необ-

ходимаго бѣлья. И такъ было всегда. Средства свои покойный отдавалъ нуждающимся, отдавалъ на разныя добрыя дѣла, а о своихъ нуждахъ онъ и не думалъ. Когда, кому владыка раздавалъ, Богу вѣдомо; самъ же онъ никогда не говорилъ о своихъ дѣлахъ благотворенія. У насъ такъ часто любятъ говорить и писать о несмѣтныхъ богатствахъ нашихъ монастырей, о капиталахъ, накапливаемыхъ нашими архіереями, что не мѣшало-бы въ печати чаще напоминать объ этихъ монастыряхъ и объ этихъ архіереяхъ, ихъ дѣяніяхъ и ихъ жизни, чтобы тѣ, кому эти богатства такъ завидны, знали, каковы эти богатства въ дѣйствительности и каковы ихъ обладатели. Такихъ лицъ, какъ покойный епископъ Θεодосій, можно указать не единицы, а десятки, а то и сотни. Если средства и бывають у нихъ, то средства эти только проходятъ черезъ ихъ руки и отдаются русскимъ людямъ, русской землѣ и Церкви Православной.

К.

Приходскіе пріюты—„ясли“.

(Окончаніе) ¹⁾.

Особое вниманіе завѣдующей „яслями“ слѣдуетъ обратить на то, чтобы весь день, проводимый дѣтьми въ „ясляхъ“, былъ распредѣленъ по часамъ и чтобы это распредѣленіе дня строго соблюдалось, иначе въ ясляхъ не будетъ порядка. День въ ясляхъ обыкновенно начинается очень рано, приблизительно въ 5—6 час. утра, когда матери, идущія на работу, приносятъ или присылаютъ въ ясли дѣтей. И какъ только они соберутся, нужно накормить дѣтей завтракомъ, для маленькихъ дѣтей дается молоко. Послѣ завтрака устраивается прогулка съ болѣе взрослыми дѣтьми въ лѣсъ, въ поле; въ полдень дѣтей ведутъ купаться; если же рѣки или

¹⁾ См. № 43 за 1914 г.

пруда нѣтъ, то дѣтей нужно просто вымыть; послѣ обѣда они отдыхаютъ (грудныя обыкновенно спать въ люлькахъ).

При разнообразномъ возрастномъ составѣ дѣтей, какой наблюдается въ „ясляхъ“ деревенскихъ, нѣтъ никакой возможности занять ихъ чѣмъ-либо однообразнымъ: что будетъ интересно дѣтямъ 8—10 лѣтъ, то не въ состояніи развлечь пятилѣтокъ и наоборотъ; а для дѣтей 3—5 лѣтъ нужны тоже особыя игры и занятія. Послѣ или до игръ, должно завѣдующему заняться дѣломъ церковно-религіознаго воспитанія съ дѣтьми. Когда дитя очень мало, еще не умѣетъ ходить, ему, по ученію Св. Церкви, нужно дать ноги другихъ, чтобы ходило, сердце другихъ, чтобы вѣровало, языкъ другихъ, чтобы молилось. Такъ религіозное образованіе должно вступать въ силу съ того времени, когда сознаніе только-что начинаетъ мерцать въ дѣткахъ. Собразовать съ этимъ внѣшнюю обстановку—комнату „яслей“, видоизмѣнить и приспособить къ воспитательной цѣли образъ жизни и поведенія „ясельниковъ“, умѣло внѣдрить въ дѣтскія души чувство и чаяніе Божественнаго чрезъ благоговѣйное осѣненіе ихъ крестнымъ знаменіемъ,—все это долгъ и дѣло завѣдующихъ приходскими пріютами—„яслями“.

Въ каждой отдѣльной мѣстности у деревенскихъ дѣтей имѣется цѣлый рядъ игръ, которыя съ незапамятныхъ временъ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и интересъ къ нимъ у дѣтей не ослабѣваетъ ничуть, и они увлекаются ими гораздо больше, чѣмъ играми позднѣйшаго происхожденія. Къ такимъ играмъ принадлежатъ: игра въ жмурки, гуси—лебеди, въ перегонки, чижики, рѣдку, кошки-мышки и т. п. У дѣтей 3, 4—5 лѣтъ есть только забавы. Они очень любятъ, наприм., картинки и цвѣтныя бумажки; съ какимъ стараніемъ и тщательностью они собираютъ и хранятъ обертки отъ конфектъ, не говоря уже о такой рѣдкости, какъ картинка изъ книжки, календаря и пр. Нужно дѣтямъ достать большее количество иллюстрацій отъ старыхъ журналовъ, и выбравши изъ нихъ наиболѣе подходящія и понятныя для

дѣтей, время отъ времени раздавать для разсматриванія; изъ цвѣтныхъ обложекъ, исписанныхъ тетрадей надо нарѣзать квадратиковъ, кружечковъ, трехъугольниковъ и пр. и раздать имъ для складыванія разноцвѣтныхъ фигуръ. Камушки и раковины представляютъ собою тоже очень хорошій матеріалъ для выкладыванія мозаичныхъ и другихъ фигуръ. Роль завѣдующаго приходскими яслями будетъ заключаться только въ указаніяхъ, какъ дѣлать ту или другую работу; онъ обязанъ самъ организовать игры, и еще лучше, если приметъ въ нихъ болѣе близкое, непосредственное участіе. При подборѣ игръ завѣдующему слѣдуетъ принимать во вниманіе полъ и возрастъ дѣтей; ёсть игры, которыя одинаково могутъ быть пригодны какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ; но есть также и такія игры, которыя будучи, пригодны для первыхъ, не вполне пригодны для вторыхъ и обратно. Мальчики предпочитаютъ игры, требующія быстроты движенія и смѣлости, дѣвочки же предпочитаютъ игры, требующія болѣе правильныхъ движеній, находчивости и душевности. Игры съ пѣніемъ чаще устраиваются дѣвочками, чѣмъ мальчиками. При выборѣ игръ нужно давать предпочтеніе играмъ, хотя и простымъ, не требующимъ большихъ приготовленій, но, по возможности, разнообразнымъ, т. е., вызывающимъ къ дѣятельности различныя силы и органы „ясельниковъ“. И такія игры обыкновенно нравятся имъ и имѣютъ болѣе широкое образовательное и воспитательное значеніе; онѣ должны отличаться еще чистотою содержанія; игры грубыя или съ „неблагозвучнымъ“ напѣвомъ не должны имѣть мѣста въ „ясляхъ“.

Итакъ, отъ устройства въ нашихъ сельскихъ приходахъ пріютовъ — „яслей“ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, ожидать огромной пользы для крестьянъ: дѣти здѣсь — подъ присмотромъ и надзоромъ, за ними все время уходъ, ихъ во-время напоить, накормить и въ чистое бѣлье одѣнуть. Здѣсь они не такъ скоро могутъ и захворать, такъ какъ у завѣдующей яслями всегда есть лекарство для предупрежденія болѣзней, и при-

томъ, „ясельниковъ“ навѣщаютъ врачъ. Открытіе, устройство сельскихъ яслей—дѣло *святое*: и дѣткамъ они помогаютъ и „отцамъ“ прихожанамъ; ясли сохраняютъ тысячи жизней и берегаютъ милліоны рублей трудовыхъ крестьянскихъ денегъ, добытыхъ потомъ и кровью; устройство ихъ есть настоятельная нужда деревни, расчетъ хорошаго хозяина, вѣрная выгода и въ то же время непремѣнная нравственная обязанность каждаго сельскаго прихода, каждой деревенской общины.

Стоимость содержанія яслей находится въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ условій, но, въ общемъ, большой разницы въ стоимости содержанія ихъ не будетъ. Изъ общей суммы, ассигнованной на содержаніе яслей, на пищевое довольствіе „ясельниковъ“, тратится 50—60%, остальные же средства идутъ на вознагражденіе завѣдующему, наемъ прислуги, на кухню и т. п., суточный расходъ на „ясельника“ равняется 8—9 коп.

Кромѣ своего прямого назначенія ясли имѣютъ много положительныхъ сторонъ, полезныхъ для жизни и школы. Такъ, наприм., выдѣливъ „ясельниковъ“ 7—10 лѣтняго возраста въ особую группу, можно повести съ ними дошкольныя, систематическія занятія, подготавливая ихъ къ вступленію въ школьную семью, въ школьную обстановку. Дѣтей можно познакомить съ назначеніемъ классной мебели, научить держать въ рукахъ карандашъ, ручку, дать имъ бумаги, раздать карандаши, пусть эти будущіе школьники, путемъ навыка, пишутъ палочки, полуовалы, кружечки,—показывать имъ картинки, на которыхъ нарисованы звѣри, горы, города, моря и рѣки, научать дѣтей молитвамъ и правильному крестному знаменію... Послѣ 3—4 недѣль такихъ занятій умственный кругозоръ „ясельниковъ“ станетъ значительно шире. И осенью, придя въ школу учиться, они будутъ уже чувствовать себя много свободнѣй и легче и скорѣй, конечно, усвоятъ первыя бесѣды учителя въ классѣ и быстро освоятся со школьной жизнью.

Итакъ, лѣтніе пріюты—ясли доброе дѣло въ приходѣ, и нужно сельскимъ священникамъ приложить стараніе, чтобы ихъ въ рабочее время устраивать въ каждомъ приходѣ. Одному земству устроить вездѣ ясли совсѣмъ не подъ силу, потому что на всѣ приходы и приходскія деревни понадобится много денегъ; отдѣльные добрые люди, которые устраиваютъ ясли, могутъ тоже ихъ открыть немного. А потому, чтобы ясли стали устраиваться повсемѣстно, нужно, чтобы сами прихожане начали помогать Уѣздной Земской Управѣ и отдѣльнымъ лицамъ устраивать ихъ. Одному или нѣсколькимъ домохозяевамъ трудно, конечно, устраивать ясли; но что не подъ силу одному двумъ, то можетъ быть легко цѣлому, наприм., приходу, всему сельскому обществу. „Мірѣ—большой человѣкъ“, говорятъ сами же крестьяне про все общество. И правда: дружная работа всѣмъ міромъ многое можетъ сдѣлать, что не подъ силу одному; слѣдоват., прихожане могутъ и сами открыть „ясли“ у себя, въ селеніи, если только поймутъ пользу этого дѣла. Какъ ни дешево „ясли“ обходятся, однако, за отсутствіемъ денегъ, они устраиваются въ слишкомъ ограниченномъ числѣ; о повсемѣстномъ устройствѣ ихъ приходится только мечтать. Съ крестьянскою же помощью они обойдутся много дешевле, и на тѣ же деньги, которыя теперь тратятся земствомъ на ясли, можно устроить ихъ въ пять, въ десять разъ больше числѣ селеній. Сельскому старостѣ не трудно, наприм., подыскать подъ ясли квартиру, если нѣтъ школы, нанять избу и дать для отопленія дровъ, нанять прислугу (стряпку-кухарку и няньку), сдѣлать по приходу сборъ провизіей—хлѣбомъ, пшеномъ, яйцами. И все это, кажется, очень много сэкономитъ денегъ, которыя земствомъ расходуются на одни ясли, а потому на отпускаемая Уѣздною Земскою Управою деньги можно будетъ устроить много больше яслей. Чѣмъ, слѣдоват., больше прихожане станутъ имъ помогать, тѣмъ больше можетъ яслей открываться въ епархіи. Если цѣлыя сельскія общества изъявляютъ готовность помогать къ откры-

тію ихъ, то и земство и отдѣльные добрые люди всегда охотно, съ своей стороны, помогутъ, въ такихъ случаяхъ, устроить ясли. Инициаторами открытія въ приходсахъ яслей могутъ быть сельскіе пастыри и народныя учителя: живя въ деревнѣ, соприкасаясь близко съ крестьянами, сельскою ителигенціею и мѣстными землевладѣльцами, они легко могли-бы ихъ привлечь къ устройству яслей и, такъ образомъ, увеличить по приходскимъ деревнямъ ихъ количество. И Уѣздная Земская Управа съ сочувствіемъ, какъ намъ думается, отнесется къ этому доброму и полезному дѣлу и не откажется, съ своей стороны, дополнить недостающую сумму Отчетъ объ устройствѣ, веденіи и расходованіи суммъ представляется завѣдующими помѣсячно въ Управу; послѣдняя не оставитъ безъ вниманія труды завѣдующихъ и тѣмъ или инымъ способомъ выразитъ имъ свою благодарность; лучше всего изъ остаточныхъ суммъ выдать имъ денежныя награды. Но, конечно, самую лучшую благодарностью для нихъ будетъ сознательная благодарность самихъ крестьянъ.

Заканчивая настоящій очеркъ, мы не можемъ не высказать пожеланія о томъ, чтобы, прочтя объ устройствѣ приходскихъ пріютовъ яслей въ лѣтнюю страдную пору, сельскіе пастыри и учителя ц.-приходскихъ школъ сдѣлали попытку заинтересовать этимъ добрымъ дѣломъ мѣстное земство, предложивъ свои услуги, въ рабочее время, для завѣдыванія этими яслями.

Свящ. Н-овъ.

Изъ повременной печати.

Война и социализмъ.

Настоящая война вызвала глубокий переворотъ во многихъ воззрѣнiяхъ. Между прочимъ, „Москов. Вѣдомости“ (№ 207) отмѣчаютъ перемѣну, происходящую въ воззрѣнiяхъ социаль-демократовъ. Прежде у нихъ господствовали космополитическiя представленiя, отрицанiе патрiотизма и военной

службы, вражда къ правительствамъ,—даже къ республиканскому правительству Франціи. Теперь и въ Россіи, и во Франціи соціалъ-демократы обнаружили воинственный энтузіазмъ и стремленіе защищать свою родину хотя бы цѣной своей крови и жизни; совершенно измѣнились ихъ отношенія къ правительству, и даже замѣчается перемѣна въ ихъ отношенія къ вѣрѣ христіанской. Французскіе радикалы теперь иначе смотрятъ даже на такъ называемый „русскій царизмъ“: „и радикалы теперь говорятъ, что нашъ Государь Императоръ стоитъ во главѣ глубокочеловѣчной и культурной борьбы“. Все это вызвано враждой къ германизму, который наложилъ свой отпечатокъ на прежнюю соціалъ-демократію (вѣдь творцомъ соціалъ-демократическаго ученія былъ нѣмецкій еврей Карлъ Марксъ).

Особенно характерно отношеніе къ войнѣ нашихъ революціонныхъ эмигрантовъ. Яснѣе всего это отношеніе выражается въ словахъ извѣстнаго Бурцева: „чѣмъ страстнѣе я прежде боролся противъ русскаго правительства, тѣмъ болѣе я считаю своимъ долгомъ заявить теперь, что я всѣмъ сердцемъ стою за русское правительство въ его борьбѣ противъ нѣмецкаго нашествія, сходясь въ этомъ со всѣми русскими людьми, ясно понимающими положеніе дѣла“. И другіе наши прежніе космополиты, съ презрѣніемъ и враждою относившіеся къ русскому націонализму, теперь говорятъ о великомъ призваніи Россіи и славянства почти буквально словами славянофиловъ.

Остается только пожелать, чтобы указанная перемѣна не была мимолетнымъ явленіемъ, а окончательно укоренилась. Какъ тевтонскіе товары теперь не только вышли изъ моды, но и подвергаются энергическому бойкоту, такъ сфабрикованный въ Германіи соціалъ-демократизмъ долженъ быть окончательно брошенъ, какъ недоброкачественная дешевка. Пора и нашимъ интеллигентнымъ изгоямъ зажить своимъ здравымъ русскимъ смысломъ и руководиться своимъ національнымъ самосознаніемъ.

Армія и евреи.

Въ журн. „Мирный Трудъ“ (№ 6—7) А. П. Липранди, говоря о вредномъ влияніи евреевъ въ разныхъ областяхъ государственной жизни, между прочимъ, выясняетъ отношеніе евреевъ къ военной службѣ. Прежде всего авторъ останавливается на томъ обстоятельстве, что при ежегодныхъ призывахъ на военную службу большой % недобора падаетъ на долю инородцевъ, а болѣе всего—евреевъ: чисто русское населеніе даетъ недобора 0, 3 %, а евреи—33 % (напр., въ 1912 г. изъ 70 тысячъ подлежащихъ призыву евреевъ не явилось 23 тысячи). Тѣ же евреи, которые попадаютъ въ армію, стараются по возможности не попасть въ строй; многіе изъ нихъ идутъ въ музыканты, въ швальни или наполняютъ госпитали. Но и попавшіе въ строй евреи, въ значительномъ количествѣ своемъ, мало приносятъ пользы арміи. Въ русско-японскую войну изъ 18 тысячъ бывшихъ въ дѣйствующей арміи евреевъ 12 тыс. оказались въ плѣну у японцевъ, причемъ нѣкоторые изъ этихъ плѣнныхъ даже открывали врагамъ военныя тайны. Одинъ изъ участниковъ названной войны ген. Е. И. Мартыновъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ, что въ состоявшемъ подъ его командованіемъ Зарайскомъ полку было 300 евреевъ, которые „за рѣдкимъ исключеніемъ, по своей физической слабости и крайней трусливости, представляли элементъ, совершенно непригодный для боевой службы; не желая подвергать свою жизнь опасности, они обыкновенно старались устроиться на всевозможныя нестроевыя должности, а если это не удавалось, то симулировали разныя болѣзни и даже нарочно совершали преступления“. Ген. А. Н. Куропаткинъ пишетъ, что въ японскую войну начальники боевыхъ частей были даже довольны побѣгами солдатъ—евреевъ, такъ какъ „съ очисткой полковъ отъ евреевъ, хотя они (полки) и стали слабѣе численно, но, по мнѣнію начальства, стали сильнѣе въ боевомъ отношеніи“. Кромѣ того, 1905—1906 годы показали, что евреи въ арміи могутъ быть

положительно вредны: военныя возмущенія въ эти годы вызывались подстрекательствами евреевъ—солдатъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, авторъ разсматриваемой статьи приходитъ къ вполне основательному выводу, что евреевъ слѣдуетъ освободить отъ личнаго отбыванія воинской повинности и замѣнить его соответствующимъ налогомъ.

Весьма интересно и полезно было бы знать, какъ проявили себя запасные и состоящіе на дѣйствительной службѣ евреи въ настоящей противонѣмецкой войнѣ.

Н. Гумилевскій.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Характеръ нашей православной миссіи.

„Тверскія Епарх. Вѣдомости“ находятъ, что публичныя собесѣдованія съ сектантами и старообрядцами составляютъ отрицательную сторону нашей миссіи, поскольку эти собесѣдованія запечатлѣны состязательнымъ, полемическимъ характеромъ. Полемическое направленіе бесѣды вноситъ только ненужное раздраженіе въ среду инако вѣрующихъ противъ Православной Церкви и ея служителей и нисколько не сближаетъ сектантовъ и старообрядцевъ съ православными. Теперь, когда съ объявленіемъ вѣротерпимости, всѣ отпавшіе отъ православія потеряли поводъ считать Православную Церковь виновницей своихъ стѣсненій, когда, стало быть, вражда ихъ къ Церкви значительно ослабѣла, не слѣдуетъ возбуждать вновь эту прежнюю вражду путемъ религіозныхъ диспутовъ. Теперь гораздо полезнѣе и лучше говорить не о томъ, что разъединяетъ, а о томъ, что хоть сколько-нибудь служить къ сближенію и единенію и можетъ помочь устроенію братской христіанской жизни. При полемическомъ характерѣ собесѣдованій, не удивительно, если сектанты и раскольники уклоняются отъ нихъ, боятся ихъ. Зная, что миссіонеры стремятся ихъ поставить втупикъ, одержать надъ ними по-

бѣду, посрамить ихъ въ ихъ упованіи, заблудшіе весьма неохотно собираются на бесѣду. Потерпѣвъ же и въ дѣйствительности поражение на собесѣдованіи, отпавшіе отъ Церкви проникаются самымъ сильнымъ желаніемъ постоять за униженную вѣру, отомстить обидчикамъ, а для этого еще съ большей энергіей предаются дѣлу пропаганды своего вѣроученія. Но, можетъ быть, такая пропаганда послѣ публичной миссіонерской бесѣды обречена на полную неудачу? Обыкновенно, эти бесѣды и рассчитаны на то, чтобы воочію показать православнымъ всю неправду заблуждающихся и тѣмъ укрѣпить ихъ въ православіи. Однако, такъ какъ у колеблющихся православныхъ бываетъ много всякихъ недоумѣній, которыя всѣ не могутъ быть разрѣшены въ одинъ пріѣздъ миссіонера, то и случается нерѣдко, что вскорѣ же послѣ бесѣды сектантство пріобрѣтаетъ новыхъ прозелитовъ. Къ тому же миссіонерская полемика часто не попадаетъ въ цѣль. Извѣстно, что она направляется противъ тѣхъ или другихъ пунктовъ старообрядческихъ или сектантскихъ вѣрованій. Но эти пункты являются часто только простыми и при томъ нерѣдко неудачными символами сущности того или другого вѣрованія, за которые хватается сектантство или старообрядчество, будучи не въ силахъ выразить свои вѣрованія болѣе точно и правильно. Ударъ, занесенный миссіонеромъ надъ тѣмъ или другимъ пунктомъ сектантскаго или старообрядческаго мудрованія, не касается, такимъ образомъ, самой сути и не достигаетъ намѣченной цѣли. Лучше, по мнѣнію сотрудника „Тверскихъ Епарх. Вѣдомостей“, публичныя пренія замѣнить домашними миссіонерскими бесѣдами, во время которыхъ можно безъ задора, безъ взаимнаго раздраженія, искренно и миролюбиво подѣлиться мыслями объ упованіи. Только въ обстановкѣ миролюбивой домашней бесѣды можно добиться отъ заблудшаго искренности, понять его душевныя переживанія, узнать сомнѣнія и вопросы, которыми занята его мысль и, наконецъ, уловить тотъ идеалъ, къ которому стремится его душа. Въяснивъ все это, миссіонеръ и долженъ умѣло

показать, что чистая, святая истина, которой ищет и душа заблудшаго, есть только въ Православной Церкви. Вотъ это положительное раскрытіе истинъ православнаго вѣроученія, чуждое полемики и полное любви и снисходительности, и есть наилучшее средство для возвращенія заблудившихся овецъ въ стадо Христово.

Мысль сотрудника „Тверскихъ Епарх. Вѣдомостей“ о домашнихъ миссіонерскихъ бесѣдахъ, безъ сомнѣнія, цѣнна, но едва-ли практически осуществима для миссіонеровъ, въ виду множества сектантскихъ и старообрядческихъ домовъ и крайне ограниченномъ числѣ миссіонеровъ. Посѣтить даже три-четыре дома въ приходѣ въ одинъ пріѣздъ для миссіонера будетъ затруднительно. Скорѣе домашнія бесѣды можетъ вести приходскій священникъ, приглашая заблудшихъ или къ себѣ въ домъ или же посѣщая ихъ. Что же касается публичныхъ бесѣдъ, то миссіонеръ при выдержкѣ характера, при тактичности и христіанскомъ смиреніи можетъ и ихъ вести безъ всякаго раздраженія съ своей стороны. Правда, это часто нисколько не удерживаетъ старообрядцевъ и сектантовъ отъ запальчивости и даже ругательства, но зато тѣмъ большее для слушателей получается моральное впечатлѣніе отъ истинно христіанскаго поведенія миссіонера. Нѣсколько страннымъ является утвержденіе автора, что взаимныя опровергаемыхъ символовъ и вообще міровоззрѣнія сектантовъ и старообрядцевъ наши миссіонеры не даютъ имъ ничего лучшаго и не имѣютъ даже намѣренія къ тому. Ясно, что православная миссія стремится не къ одному только разрушенію мудрованій заблудшихъ, но и къ замѣнѣ этихъ мудрованій чистымъ ученіемъ Церкви. Она не только разрушаетъ, но и созидаетъ, иначе дѣятельность миссіи была бы безцѣльна. Но эта дѣятельность была бы даже вредна, если бы въ погонѣ за взаимнымъ братствомъ и единеніемъ и изъ боязни вызвать раздраженіе въ отпадшихъ, миссіонеръ сталъ бы, по совѣту сотрудника „Тверскихъ Епарх. Вѣдомостей“, щадить „невинныя ошибки и недоумѣнія въ догматахъ“.

Признаться, „невинныхъ ошибокъ въ догматахъ“ мы не знаемъ; и всякое извращеніе того или другого догмата, допущенное сознательно и обдуманно, какъ это мы видимъ у сектантовъ, ставить виновнаго въ этомъ виѣ спасительной ограды Церкви. Въ виду этого, разъ дѣло касается догматическаго ученія, надо со всей прямою и настоятельностью обличать заблужденія сектантовъ, чтобы кому-нибудь не показалось, что наша миссія готова поступаться православной истиной.

Къ вопросу о матеріальномъ обеспеченіи духовенства.

Въ Тульской епархіи (да и въ одной-ли Тульской?) въ послѣднее время наблюдается нерѣдко во многихъ приходяхъ стремленіе крестьянъ имѣть у себя діакона. Стремленіе само по себѣ хорошее, къ сожалѣнію, осуществляется прихожанами, большей частью, безъ всякихъ справокъ о томъ, достаточно-ли наличныхъ приходскихъ средствъ на содержаніе новаго члена причта и не отразится-ли открытіе діаконскаго мѣста отрицательнымъ образомъ на матеріальномъ положеніи прочихъ членовъ причта. Прихожанъ это меньше всего интересуеть, тѣмъ болѣе, что они всегда преувеличиваютъ доходы своего духовенства. На самомъ же дѣлѣ появленіе въ приходѣ діакона подрываетъ матеріальное благосостояніе такого причта, который доселѣ считался обеспеченнымъ. вмѣсто ненуждающагося причта получается въ епархіи лишній голодающій причтъ. Но это еще не все. Ухудшеніе матеріальнаго положенія одного причта роковымъ образомъ связано съ таковымъ же ухудшеніемъ и цѣлаго ряда другихъ причтовъ, такъ какъ удаляетъ отъ нихъ на долгое время возможность получить казенное жалованье. Это послѣднее распределяется между приходами по мѣрѣ ихъ бѣдности, въ силу чего наибѣднѣйшіе изъ нихъ получаютъ пособіе отъ казны въ первую очередь. Но само собой понятно, что бѣднѣйшіе двухчленные причты остаются за бортомъ, разъ по-

явился въ епархіи новый трехчленный причтъ въ какомъ-нибудь приходѣ, который раньше свободно обходился безъ жалованья, а теперь, съ появленіемъ діакона, нуждается въ таковомъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ Тульскій Епархіальный Съездъ духовенства постановилъ ходатайствовать предъ епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы просьбы прихожанъ объ открытіи новыхъ штатныхъ мѣстъ въ причтѣ были отклоняемы или, въ крайнемъ случаѣ, чтобы прихожане давали обязательство обезпечить вновь назначаемаго по ихъ ходатайству члена причта вполне достаточнымъ содержаніемъ.

Б.

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Монастырская трапеза въ древности.

Какъ показываютъ свидѣтельства бл. Симеона Солунскаго и Марка Ефесскаго, въ Греціи въ XV в. существовалъ чинъ о панагіи, должно быть вполне тождественный съ нынѣшнимъ. Симеонъ Солунскій упоминаетъ на немъ „Отче нашъ“, молитву «Слава тебѣ Святый, слава тебѣ Царю»... 4 возгласа «Велико имя» и т. д., пѣснь «Блажимъ тя»..., «Достойно есть». Чинъ этотъ тамъ имѣлъ даже болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ нынѣ: онъ совершался не только въ монастырскихъ трапезахъ, но многими священниками и за литургіей послѣ „Изрядно о пресвятѣй“... ²⁾ постоянно или по просьбѣ нѣкоторыхъ. Бл. Симеонъ

¹⁾ См. № 43 за 1914 г.

²⁾ Обычай возвышенія панагіи на литургіи нечуждъ былъ и славянскимъ церквамъ. Такъ, въ одномъ славянскомъ чинѣ архіерейской литургіи по рукописи XVII в. послѣ „Изрядно“ и указанія на поминовеніе живыхъ и умершихъ есть замѣчаніе: „потомъ возвышаетъ панагію, сирѣчь висома („возвышеніе“), аще хочетъ въ помощь душа (—и) и тѣлесе; бываетъ же сице: возьмъ архіерей часть просфоры крайми двоиухъ перстовъ

Солунскій о себѣ говоритъ, что онъ „учредилъ, чтобы въ соборныхъ церквахъ ежедневно совершаемъ былъ упомянутый обрядъ, именно, чтобы іерей на каждой утрени въ концѣ 9 пѣсни возносилъ сей хлѣбъ“. Возвышалась въ Греціи не вся просфора, а изъятая изъ нея трехсторонняя (въ честь св. Троицы) частица. На монастырской трапезѣ предъ сосудомъ съ панагіей ставился свѣтильникъ. Возвышеніе совершалъ чтець, читавшій за трапезой ¹⁾).

Чинъ трапезы и возвышенія панагіи у грековъ описываетъ и Арсеній Сухановъ въ своемъ „Проскинитаріи“ (XVII в.). По окончаніи литургіи въ трапезу приносятъ „хлѣбъ Богородицы“, и „старецъ простой“ или священники попросту вынимаютъ частицу изъ него; когда патріархъ, отдохнувъ отъ литургіи ²⁾ въ своей кельи, придетъ въ трапезу и сядетъ, недѣльный священникъ ударяетъ въ кандію и говоритъ „Отче нашъ“; патріархъ благословляетъ столъ сидя. Онъ сидитъ за отдѣльнымъ столикомъ и подають ему кушанья діаконы, а вино архидіаконы, которые въ присутствіи его не садятся за столъ, а обѣдаютъ послѣ. „Егда же время пить, архидіаконъ наполни сосудъ, а недѣльный поивъ ударитъ въ кандію, таже востанутъ вси, а чтець перестанетъ

обью руку творить крестъ съ нею верхъ пречистыхъ тайнъ святыхъ чаши и святаго дискаса, глаголя сипе: Велико имя святыхъ Тройцы, пресвятая Богородице помогай рабу твоему благовѣрному царю нашему Алексѣю и избави и отъ всякаго обстоянія, сподоби его и деснаго предстоянія Сына и Бога твоего; тако творитъ и въ прочихъ именахъ, елико хоцетъ: и хранятъ ю въ пользу всякія нужды и немощи“ (Рки. Моск. Синод. биб. № 670/368, л. 47, *Невоструевъ К. и Горскій І. прот.* Описание славянск. рукописей Моск. Син. библ., М. 1869, III, 107).

¹⁾ *Симеонъ Сол.*, О бож. мол. гл. 322—324. *Маркъ, м. Ефес.*, Изъясненіе церковнаго послѣдованія о панагії. Писанія свв. отцовъ и учит. церкви, относ. къ истоку правосл. богосл. Спб. 1856 II, 510,—517. Спб. 1857, III 274—276.

²⁾ А отдыхъ этотъ описывается такъ. Послѣ литургіи патріархъ идетъ въ свою келью, а за нимъ идутъ „власти (духовенство) служащія и неслужащія и ипоцы, и мірскіе попы и мірскіе люди, и кто случится отъ частныхъ людей“; въ кельи патріархъ садится и съ нимъ всѣ; „потомъ патріархъ выпьетъ самъ кубочекъ склянничной вина и винограднаго, якожь и наше хлѣбное, по ихъ языку раки, потомъ и прочимъ подносятъ діакони; и тако по праздникамъ, или суббота и недѣля; и братія вся вшедь на погребъ и пьютъ тамъ по чаши того же вина изъ винограда выжанаго.

чести. А архидіаконъ говорить: „За молитвъ св. владыки нашего Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ“. И рекутъ вси „аминь“. Патріархъ, пріемъ сосудъ, говорить ко всѣмъ: «Евлогите патересъ» («благословите отцы») и пьеть; прочіи же вси стоя говорятъ: «За молитвъ св. владыки»..., таже «Тон деспотинъ» и мало поклонятся. И какъ выпьеть, сядуть вси; и кто хочеть пить, нальеть чашу вина изъ своего сосуда и постави молвить патріарху гласно: «Евлогисон деспота» («благослови, владыко»), а патріархъ осѣняетъ рукою глаголя: «О Θεосъ» («Богъ») и выпивъ стоя сядеть; и тако вси первую чашу пьютъ, благословляя, стоя, а какъ другую, и третью, и четвертую кто захочеть, пьютъ сидя и безъ благословенія». Если патріарха нѣтъ, то „у недѣльнаго благословляются и пьютъ сидя. Егда же отъядять, поведить патріархъ ударить въ кандію и чтець преставъ говоритъ: «Ди евхонъ» («За молитвы») и пришедъ поклонится патріарху съ прощеніемъ; а патріархъ подаетъ ему чашу вина и урѣзочикъ хлѣба положить на чашу. Таже опять ударитъ въ кандію; потомъ трапезаръ вземъ кошницу и говорить гласно: «За молитвъ св. владыки»..., аще ли патріарха нѣтъ, то: «За молитвъ св. отецъ нашихъ»... и идетъ къ патріарху и говорить (въ переводѣ съ греческаго): «Благослови, владыко, остатки кусковъ»; а патріархъ со стола своего положить въ кошницу часть хлѣба и говорить: «Христе Боже, благослови остатки кусковъ и сотвори ихъ богатствомъ для святой обители сей яко святъ еси всегда». Трапезаръ ходитъ съ кошницею и собираетъ укрупы, говоря: «благословите, отцы», а ему отвѣчаютъ: «О Θεосъ схореке елеисисе» (Богъ да проститъ и помируетъ?). По удару въ кандію встають всѣ, кромѣ патріарха, и говорятъ: «Благословенъ Богъ милуий... Слава тебѣ Господи... Слава и нынѣ»... Діаконъ или монахъ воздвигаетъ хлѣбъ, приподнимая его съ блюда, говоря тихо: «Велико имя». Патріархъ вставъ отвѣчаетъ: «Святыи Троицы». Два другіе возгласа произносятъ епископъ и братіе. При «Достойно» патріархъ, а за нимъ всѣ отламывають кусочекъ отъ подносимаго епископомъ на панатіарѣ хлѣба, причемъ трапезаръ, иди вслѣдъ, кадитъ у каждаго держимую крошку хлѣба. Съѣвши хлѣбъ, запиваютъ его виномъ патріархъ изъ одной чаши, а прочіе изъ двухъ другихъ, передаваемыхъ другъ другу. Епископъ и трапезаръ просятъ прощенія у патріарха поклономъ,

онъ осѣняетъ ихъ рукою, говоря: «Богъ проститъ и помилуетъ». Далѣе «Милостивъ и щедръ»... трисвятое, тропарь или кондакъ, «Господи помилуй» 2, «Господи благослови», патриархъ—«Благословенъ Богъ милуи»... «Тон деспотинъ»... Еккліасіархъ, трапезарь, повара и столъники, выйдя изъ трапезы тотчасъ послѣ испрошенія прощенія у патриарха (до «Милостивъ и щедръ»...), при выходѣ патриарха падаютъ на землю, говоря: «Прости мя, владыко», на что онъ отвѣчаетъ: «Богъ проститъ и помилуетъ васъ»: они продолжаютъ лежать на землѣ и при выходѣ всей братіи, говоря каждому выходящему: «Благословите отцы», на что проходящій отвѣчаетъ: «Богъ проститъ и помилуетъ» 1). Совершенно такъ же совершается обрядъ прощенія послѣ трапезы и доньяѣ на Аѳонѣ.

Надписанія надъ чиномъ о панагии и отдѣльныя молитвы чина въ нѣкоторыхъ рукописяхъ показываютъ, что онъ совершался и внѣ монастырей по слѣдующимъ поводамъ: при вступленіи кого-либо на службу или должность при отправленіи въ путешествіе, особенно водное 2). Совершался этотъ чинъ и при Византійскомъ дворѣ послѣ обѣда. По описанію Кодина (XIV в.), «послѣ снятія со стола кушаній, domestici приносятъ хлѣбъ на панагіарѣ; императоръ встаетъ; первый изъ присутствующихъ за столомъ, принявъ панагіаръ, ставитъ его на столѣ, и возвысивъ хлѣбъ, подаетъ его domesticу, а тотъ императору; какъ только императоръ поднесетъ хлѣбъ къ устамъ, всѣ громогласно поютъ ему: «Многая лѣта» 3).

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) *Арсеній Сухановъ*, Проскинитарій, гл. 46. Правосл. Палестинскій Сборникъ, Сиб. 1889, VII, III, 279—289.

2) *Архиеп. Веніаминъ*. Новая Скрижаль, Сиб. 1858, IV, 177.

3) *Кодинъ*, De officialibus palatii Constantinopolitani, с. 7.

Въ р.-католической церкви есть тоже чинъ благословенія трапезы, напоминающій нашъ. Чинъ особый для обѣда (prandium, собств. завтрака) и ужина (coena). Каждый состоитъ изъ 2 частей: молитвы до принятия пищи и послѣ. Чинъ начинается возгласомъ священника «Благословите» (Benedicite), повторяемымъ присутствующими. Предъ *обѣдомъ* (или *завтракомъ*) священникъ начинаетъ: «Очи всѣхъ»..., присутствующіе оканчиваютъ это мѣсто изъ Пс. 144, 15. 16. «Слава и нынѣ. Kyrie eleison, Christe eleison, Kyrie eleison, Отче нашъ». Молитва съ обычнымъ

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

У пчеловода и у его помощниковъ все должно быть подъ руками. Раскуренный дымарь у меня всегда стоитъ вѣшанникомъ и можетъ быть поданъ по первому требованію. Предположимъ, напр., что вы, снимая съ верхнихъ урусовъ ульи, потревожили пчелъ въ нижнихъ рядахъ и на-

возгласомъ предъ нею «Помолимся»: «Благослови, Господи, насъ и сіи твои дары, которые мы имѣемъ принять отъ Твоей щедрости, чрезъ Христа Господа нашего, аминь». Чтець: «Сонзволь (jube), владыко, благословить». Благословеніе: «Трапезы небесной участниками да сдѣлаетъ насъ Царь вѣчной славы, аминь». Послѣ обѣда (или завтрака): „Когда чтець скажетъ: «Ты же, Господи, помилуй насъ», респонсоріи: «Богу благодареніе», всѣ поднимаются“. Священникъ: «Да исповѣдятся тебѣ Господи всѣ дѣла твоя»... (Пс. 144, 10) «Слава и нынѣ» и молитву (absolute): «Благодаримъ Тебя, всемогущій Боже, за всѣ благодѣянія Твои, Который живешь и царствуешь во вѣки». Произносится попеременно Пс. 66 или 163 «Слава и нынѣ. Kyrie eleison» и т. д., «Отче нашъ» (тайно, съ возглашеніемъ конца). Респонсоріи изъ Пс. 111, 9, («Расточи, даде убогимъ»...) 23, 2—4; 112, 2 («Буди имя Господне благословено»...). Молитва (безъ «Помолимся»): «Воздать удостой, Господи, всѣмъ намъ благодѣющимъ имени ради твоего жизни вѣчную, аминь». Респонсоріи: «Благословимъ Господу. Богу благодареніе. Вѣрныхъ души по милосердію Божию да упокоятся въ мирѣ». «Отче нашъ»... (тайно). Священникъ: «Богъ да дастъ намъ свой миръ, аминь». Предъ *ужиномъ* священникъ, послѣ такого же какъ предъ обѣдомъ вступленія начинаетъ: «Ядятъ убозін»... (Пс. 21, 27) (ср. у насъ!) «Слава и нынѣ» и далѣе, какъ на обѣдѣ, только заключительное благословеніе: «Къ вечери жизни вѣчной да проведетъ насъ Царь вѣчной славы». На концѣ ужина говорится «Память сотворилъ... (Пс. 110, 5), Слава и нынѣ». Священникъ: «Благословенъ Богъ въ дарахъ своихъ и святъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, Который живешь и царствуешь во вѣки вѣковъ, аминь». Пс. 116 и все далѣе, какъ на обѣдѣ. Если трапеза одна въ день, то совершается второй чинъ. Для трапезы великихъ четверга, пятницы, субботы, пасхальной недѣли и дней отъ Вознесенія до отданія Пятидесятницы на дни Рождества Христова и Богоявленія съ ихъ по-празднествами. особый чинъ—съ особыми респонсоріями въ началѣ и концѣ и псалмъ. (Breviarium romanum, Ratisb. 1897, I, (238)—(270). II, (247)—(250); III и IV (233)—(234).

¹⁾ См. № 42 за 1914 г.

столько сильно, что онѣ начнутъ выкопаться наружу; вотъ тутъ и нуженъ дымарь, нѣсколькими *пуфками* дымаря вы сразу собьете пчелиную спесь, и разсерженные пчелки черезъ одну—двѣ минуты уберутся восвосяи, а тѣмъ временемъ вы успѣете закрыть летокъ у этого пня и у его сосѣдей. Какъ только въ дымарѣ минуетъ надобность, его опять уносятъ изъ омшанника. Далѣе, отправляете вы, скажемъ, людей съ ульями на точекъ, вдругъ по дорогѣ вываливается мховая затычка и пчелы фонтаномъ ударили наружу... Что дѣлать?

— А що?—отвѣтитъ вамъ съ улыбкой малороссъ,—вулій обь землю, тай драла мерщій!

Да такъ ваши помощники и сдѣлаютъ непременно, но если вы ихъ снабдите комкомъ размѣшанной глины и разъясните, что, въ случаѣ несчатья, сейчасъ же нужно залѣпить летокъ, они такъ и сдѣлаютъ. *Байдууже, якъ яка шкварне котрою въ нисъ, або въ око!* Дѣло будетъ сдѣлано, и пчелы не разлетятся по дорогѣ. Все это, конечно, мелочи, но и мелочи нужно знать въ большомъ дѣлѣ!

Такъ, постепенно омшанникъ начнетъ освобождаться и пустѣть; все его зимнее богатство уйдетъ на точекъ. Самому пчеловоду лучше всего, конечно, присутствовать въ омшанникѣ при выдачѣ носильщикамъ пней, но и на пчельникѣ долженъ быть опытный глазъ, хотя бы, скажемъ, его помощникъ, если таковой имѣется; людямъ, вѣдь, нужно показывать куда ставить пни. Въ противномъ же случаѣ, т. е., когда нѣтъ помощника, ульи устанавливаются до поры до времени рядами прямо на землѣ, и только тогда, когда пасѣчникъ освободится, имъ дается должный распорядокъ по желанію хозяина. Лучше всего пни ставить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были осенью, такъ какъ пчелы отлично помнятъ прошлогоднія мѣста и при внезапномъ вылетѣ могутъ ошибиться своимъ новымъ мѣстомъ и налетать на чужіе ульи; но если бы вамъ прошлогоднее расположеніе пней почему-либо не нравилось, потому-ли, что номера ихъ оказались-бы

очень перенутанными или по какой-либо иной причинѣ— безразлично, ставьте пни прямо по порядку, номеръ за номеромъ, допуская исключеніе лишь для ульевъ. предназначенныхъ ко взаимному присоединенію. Безматки, напр., лучше всего ставить рядомъ со слабыми семьями, но съ хорошими матками; двѣ очень слабыя семьи тоже слѣдуетъ поставить вмѣстѣ: вѣдь, ихъ все равно придется соединить другъ съ дружкой. У себя на пчельникѣ мы послѣ каждой перевозки пасѣки на новое мѣсто устанавливаемъ пни по порядку номеровъ.

Если пасѣка у васъ не особенно большая, ульевъ, примѣрно, въ сто, ее можно къ двумъ часамъ дня всю перенести на точку и окончательно установить по своему желанію. Солнце въ это время свѣтитъ еще очень ярко, и вы, не рискуя запоздать съ первымъ облетомъ, сегодня же можете имъ (облетомъ) полюбоваться, не теряя хорошей погоды, такъ капризной въ мартовскіе дни. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда пасѣка огромна, и пчеловодъ запоздаетъ съ выставкой и установкой пней часовъ до четырехъ, или погода внезапно испортится, лучше обождать съ откупоркой летковъ до позднего вечера, а съ первымъ облетомъ— до слѣдующаго дня, ибо послѣ четырехъ часовъ по полудни естественнаго облета у пчелъ почти никогда не бываетъ, развѣ что *отъ лукаваго*. т. е., по нуждѣ, хотя и то нужно сказать, что перенесенныхъ и обезпеченныхъ переноской пчелъ лучше выпустить на облетъ въ день выставки; говоримъ мы это, руководясь слѣдующими соображеніями: потревоженные пчелы, какъ намъ это уже извѣстно, всегда спѣшатъ набрать въ зобикъ по возможности больше медку; процедура же набиранія меда въ это время, когда кишечники пчелъ переполнены скопившимся за зиму каломъ, не особенно для нихъ легка; многія изъ нихъ, испытывая давленіе экскрементовъ, не выдерживаютъ и преждевременно испражняются на сотахъ, не дождавшись облета. Вотъ почему мы настоятельно совѣтуемъ пчеловедамъ постараться успѣть выставить пасѣку къ двумъ часамъ дня,

чтобы дать возможность растревоженнымъ пчелкамъ полетать и освободиться отъ своего непріятнаго бремени сегодня же. Если же пасѣба настолько велика, что за одинъ день нельзя успѣть выставить ее всю, выставляется только половина и устанавливается по одной только сторонѣ пчельника, предположимъ, правой, причемъ предоставляется ей возможность и облетѣться. На другой день точно такъ же выставляется и другая половина.

Первый облетъ на второй день выставки только то имѣетъ несомнѣнное преимущество, что успокоившіяся за ночь пчелы вылетаютъ въ свою пору и совершенно спокойно, а не скопомъ, причемъ хорошо замѣчаютъ свой улей и не попадаютъ по ошибкѣ въ чужой. Пчеловодъ, однако, долженъ помнить при этомъ, что летки съ соблюденіемъ полнѣйшей тишины открываются еще съ вечера, когда совершенно стемнѣетъ, въ томъ же случаѣ, когда пчеловодъ рѣшилъ выпустить пчелъ въ день выставки, летки откупориваются уже послѣ того, какъ будутъ поставлены на своихъ мѣстахъ всѣ ульи: несоблюденіе этого правила можетъ разстроить все дѣло. Выпущенныя преждевременно пчелы будутъ летать, жалить рабочихъ, теряться между вновь поставленными ульями и производить общій безпорядокъ.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Деревня и война.

Въ селеніи Уколово, Курской губ., по словамъ „Курской Были“, крестьяне живо откликнулись на войну. Инициаторы и руководители дѣла—мѣстные священникъ, матушка, старшина, старосты и т. д. Въ деревню прибылъ окрашенный въ темно-красный цвѣтъ фургонъ съ красными крестами съ 3 сторонъ, съ развѣвавшимися національнымъ и Краснаго Креста флагами впереди и вышитымъ краснымъ на бѣломъ коленкорѣ воззваніемъ: „жертвуйте на раненыхъ воиновъ“—сзади.

Собранное и сложенное въ амбарѣ при волостномъ правленіи поражаетъ обиліемъ и разнообразіемъ жертвъ нашей поистинѣ щедрой и отзывчивой на страданія ближняго деревни. Здѣсь было болѣе 1000 пуд. зерна—ржи и овса, болѣе 10 тюковъ набитыхъ холстомъ, полотенцами, готовыми подушками и пр., которые, по распоряженію попечительницы, были отправлены въ свободное помѣщеніе школы, гдѣ ожидала уже толпа женщинъ, явившихся, по предложенію членовъ попечительства, за матеріаломъ для шитья...

Въ школѣ началась сортировка добротныхъ даяній. Тысяча полотенець, масса холста, десятки паръ теплыхъ чулокъ, большіе клубки суровыхъ нитокъ. Много было и купленного: купила другая женщина себѣ на праздничную рубашку хорошаго мѣткаля,—но теперь не до щегольства, и она, не задумываясь, жертвуетъ на раненыхъ воиновъ, болѣзненные раны коихъ нуждаются въ болѣе нѣжномъ бѣльѣ. Было нѣсколько десятковъ готовыхъ рубашекъ и кальсонъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что жертвователи считали нужнымъ дать самое лучшее, болѣе мягкое изъ того, что имѣли. Были здѣсь хорошіе купленные платки, скатерти, простыни.

По разборкѣ и сортировкѣ собраннаго началась раздача пришедшимъ женщинамъ работы. Одна бралась спать нѣсколько матрасовъ, наволочекъ для подушекъ, другая—нѣсколько рубашекъ, третья—кальсоны, образцы коихъ здѣсь же были показаны.

Явившійся староста сообщилъ о томъ, что привезены со станціи кровати.

— Ну, вотъ, дня черезъ два у меня будутъ вполнѣ оборудованы 12 кроватей для раненыхъ,—торжествующе говоритъ распорядительница В. Н.—Принесите завтра, бабочки, работы, уберемъ настоящія кровати и посмотримъ, на какихъ кроватяхъ будутъ лежать наши страдальцы... (Совр. лѣт.).

Отъ редакціи.

При семъ №-рѣ разсылается подписчикамъ бесплатное приложение къ журн. „Р. д. с. п.“ „Разборъ основныхъ положеній Хлыстовства“ и Объявленіе „Проповѣдническаго Листка“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го октября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
пять руб., съ пересылкою шестъ
рублей.

№ 45

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 2-го ноября.

Содержаніе: I. На приходскую помощь. Н. С.—II. Апологія вѣры. Свящ. Ал. Введенскій.—III. Письма къ пастырямъ Уфимской Епархіи. Е. Андрей.—IV. Запѣтка о ц.-общественной жизни. Свящ. Пл. Петровъ.—V. Толковый Тишиковъ. (Продолженіе). М. Скабаллаповичъ.—VI. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Діаковъ Г. Лисянскій.—VII. Запѣтка. Вахмистръ Василій Васильевичъ.

На приходскую помощь.

Страшное испытаніе пало на Св. Русь. Водворотомъ міровой войны захвачена наша родина, и только во всенародномъ воодушевленіи найдетъ она силу преодолѣть грозное бѣдствіе.

И велики страданія проливающихъ кровь на поляхъ сраженій; неизбывно горе тысячъ осиротѣвшихъ и обездоленныхъ семей, и мы всѣ съ любовнымъ порывомъ идемъ исполнить нашъ долгъ—залечить сражающихся, дать и хлѣбъ, и кровь, и работу ихъ семьямъ, пріютить оторванныхъ военными дѣйствіями отъ разоренныхъ очаговъ своихъ. Поискомъ огненнымъ охватилъ міровой пожаръ наши границы, и толь-

ко геніи свободнаго строительства народнаго можетъ провести благополучно Русь чрезъ всѣ грядущія испытанія.

Сомкнутыми рядами всѣхъ селеній мы должны пойти на помощь раненымъ солдатикамъ, необходима напряженная работа всѣхъ силъ сельскихъ нашихъ приходоѡ, необходима широкая самодѣятельность населенія во всѣхъ епархіяхъ. Церковь и приходъ, въ „години“ испытаній, всегда отдавали свои силы и средства на дѣло излеченія раненыхъ воиновъ. Поѣзда съ ранеными катятся непрерывно съ западной границы по всѣмъ дорогамъ. Вся Москва, весь Кіевъ поставлены на ноги, встрѣчаютъ, провожаютъ, размѣщаютъ больныхъ. Въ настоящія минуты нужна такая быстрота дѣйствій, такое напряженіе силъ и жертвъ, какихъ наша родина не понесла съ 1812 года, да и тогда арміи не были такъ велики, а оружіе такъ смертоносно.

Развернуть моментально всѣ тѣ тысячи лазаретовъ, которые были бы нужны, мы не можемъ. Но дѣло, какъ намъ думается, упрощается тѣмъ, что огромное большинство раненыхъ—легкораненые, которымъ нужны только теплый кровъ, столъ и отъ времени до времени перевязка раны. И всѣ затрудненія, кажется, могутъ уладиться, если всѣ сельскіе наши приходы, въ особенности пригородныя села, примутъ живое участіе въ великомъ и „святомъ“ дѣлѣ—сострадательности къ раненымъ солдатамъ. Во многихъ, вѣдь, близъ лежащихъ отъ губернскихъ городовъ (и уѣздныхъ, гдѣ проходитъ желѣзн. дорога) приходахъ легко найти пять—десять квартиръ, гдѣ лежали-бы легкораненые воины. Пусть заявятъ прихожане своимъ батюшкамъ,—кто можетъ взять къ себѣ въ домъ легкораненаго воина. На церковно-приходскомъ сходѣ прихожане, при воздѣйствіи на нихъ пастыря, думаютъ, не откажутся приютить въ селѣ раненыхъ. Мы увѣрены, что немедленно могъ-бы быть разобранъ въ рукамъ если не весь составъ городскихъ госпиталей, то значительная часть ихъ, кромѣ, конечно, тяжелораненыхъ: при послѣднихъ должно быть дежурство фельдшеровъ. Приходское попеченіе

о раненыхъ это—простая форма выполненія христіанской заповѣди братской любви и такъ хорошо соотвѣтствуетъ привычекъ русскаго народа къ *мірской* помощи въ трудахъ и дѣлахъ. И если теперь дорога помощь и жертва, какъ бы она ни была скромна, то *приходскія* организациі, къ которымъ принадлежатъ и крестьянскіе кооперативы, могутъ сослужить Родинѣ существенную службу тѣмъ, что примутъ, при ближайшемъ участіи священника своего, къ себѣ домой, въ деревню, раненыхъ воиновъ. Уже теперь изъ Москвы, Тамбова и др. въ наши села прибываютъ „на побывку“ легкораненые и выздоравливающіе. И какая „суматоха“ въ приходѣ! Начиная съ батюшки, всѣ идутъ къ нимъ; разспросамъ нѣсть конца... Деревня, при приходѣ раненыхъ, проводитъ день какъ-бы по праздничному. Не говоря о томъ уже, что никто изъ родныхъ и знакомыхъ въ этотъ день не принимается за работу, въ домѣ у нихъ стоить праздничный. Крестьяне, исполненные невыразимой радости отъ посѣщенія ихъ села раненымъ, угощаются, спѣша наперерывъ подѣлиться мыслями и чувствами, возникшими вслѣдствіе такого необычайнаго для деревни событія—прихода легкораненаго солдата.

При размѣщеніи больныхъ солдатъ въ приходсахъ городскія койки, въ коихъ теперь большая нужда, естественно, освободятся, и окажется возможнымъ принять въ губернской городъ еще новый персоналъ раненыхъ и вновь, послѣ 3—4 сутокъ отдыха и леченія, размѣстить ихъ не только по уѣзднымъ городамъ, но и по селамъ, откуда уже опять, по заявленіямъ, наприм., приходскихъ священниковъ о желаніи крестьянами принять раненыхъ, явится приходская, такъ сказать, *мірская* работа находить кровь солдатикамъ... Съ мужествомъ и бодростью пошли они на войну! Мы же, остающіеся дома, и должны бы, кажется, всѣ силы свои употребить на то, чтобы вернувшіеся съ поля битвы ранеными, нашли въ селеніяхъ, среди своихъ же крестьянъ, уходъ и помощь врачебную. И правительство, и земство, и города, и

различныя учрежденія всѣ объединились какъ одинъ человекъ, и щедрою рукою отпускаютъ средства на помощь раненымъ. Земство образовало Всероссійскій Земскій Союзъ помощи раненымъ, собравшій въ одну недѣлю 12 миллионъ рублей. Губернскія Земскія Кассы Мелкаго Кредита призываютъ теперь же всѣхъ кооператоровъ присоединиться къ общему дѣлу и пожертвовать часть ожидаемыхъ прибылей своихъ кооперативовъ на доброе это дѣло. И въ губернскихъ и въ уѣздныхъ городахъ образованы Комитеты помощи раненымъ. И есть сельскіе пастыри, которые у себя, въ приходѣ, оборудовали маленькіе госпитали. *Миромъ*, цѣлымъ приходомъ, мы легко можемъ справиться съ надвинувшейся грозой, только бы не мѣшкать и не спорить о подробностяхъ. Миръ—великъ человекъ и, какъ легкое бремя, спасетъ, онъ тѣ тысячи раненыхъ, которыхъ мы и *должны* вернуть нашему воинству здоровыми, чтобы сразиться опять со врагомъ. И вѣдь—все можетъ статься, раненые размѣстятся даже въ родныя деревни—именно въ тѣ селенія, откуда они были мобилизованы. И поэтому нужно стараться, чтобы маленькіе приходскіе лазареты устраивались въ каждомъ селѣ или по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога и вблизи города.

Н. С.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Апология вѣры.

Цѣлесообразно ли устроенъ міръ?

Люди долгое время вѣрили, учили и говорили, что міръ сотворенъ Господомъ Богомъ въ высшей степени разумно, цѣлесообразно, что все въ немъ идетъ по разъ намѣченнымъ законамъ. И этимъ законамъ подчинена вся міровая жизнь— какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, жизнь солнца и океана, жизнь былинки и капельки воды. И что въ громадной міровой машинѣ каждая гайка, винтикъ и нарѣзка подчинены Высшему Разуму.

Но вотъ въ послѣднее время на книжномъ русскомъ рынкѣ появляются всевозможнаго рода книги, брошюры и листки, авторы которыхъ—ученые съ крупнымъ европейскимъ именемъ—стараются доказать противное, именно, что міръ не такъ ужъ мудро устроенъ, какъ объ этомъ обыкновенно говорятъ, что и въ жизни, и въ строеніи его есть масса крупныхъ и мелкихъ недочетовъ, число которыхъ, по мѣрѣ развитія естественныхъ наукъ, увеличивается, можно сказать, съ каждымъ годомъ и съ каждымъ днемъ.

Къ числу вотъ такихъ явно тенденціозныхъ книгъ нужно отнести и книгу пресловутаго матеріалиста Бюхнера „Богъ и наука“, услужливо переведенную на русскій языкъ какимъ-то Ф. Маркусомъ, видимо евреемъ.

Въ этой книгѣ, представляющей собою конспектъ извѣстной всѣмъ апологетамъ вѣры книги „Сила и матерія“, Бюхнеръ, подвергая рѣзкой критикѣ телеологическое доказательство бытія Божія, категорически заявляетъ, что „если съ одной стороны мы замѣчаемъ въ природѣ или въ нашей жизни своего рода цѣлесообразность, то съ другой—можно указать на такое-же (если не большее) количество безцѣльнаго, прямо таки вреднаго, которое уже отнюдь не согласуется ни съ предположеніемъ о цѣлесообразности въ природѣ, ни со вмѣшательствомъ въ земную жизнь Творца.

Вспомнимъ только, продолжаетъ Бюхнеръ, о червеобразномъ отросткѣ слѣпой кишки, служащемъ часто причиною воспаленія брюшины, кончающейся часто смертью, особенно у дѣтей. Вспомнимъ слѣпую кишку, которая часто вызываетъ подбрюшныя сгущенія. Вспомнимъ о нашихъ миндалевидныхъ железахъ, которыя, какъ будто, только на то и существуютъ, чтобы вызывать непрерывныя ангины и воспаленія горла. Припомнимъ лежація по обѣ стороны нашей гортани щитовидныя железы, съ ихъ склонностью вытягиваться въ безобразный зубъ. Вспомнимъ“ ¹⁾...

¹⁾ Стр. 48.

Словомъ, Бюхнеръ на протяженіи нѣсколькихъ страницъ ¹⁾ массою всевозможныхъ примѣровъ доказываетъ отсутствіе цѣлесообразности въ мірѣ. И всѣ эти примѣры заключаетъ не въ его пользу говорящими словами:

„Представляется невѣроятнымъ, чтобы міръ, состоящій сплошь изъ образованій нецѣлесообразныхъ, могъ просуществовать такое долгое время и не пасть жертвою всѣхъ этихъ несовершенствъ“ ²⁾.

Посмотримъ теперь, насколько убѣдительны примѣры Бюхнера, насколько основательны его разсужденія и насколько правдоподобны его выводы.

Мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе каждаго приводимаго Бюхнеромъ примѣра: ихъ, вѣдь, съ добрую сотню можно насчитать, и потому пришлось-бы затратить на это массу времени, силъ и труда; для экономіи мѣста, мы коснемся вопроса цѣлесообразности вообще.

Бюхнеръ говоритъ, что міръ устроенъ нецѣлесообразно, ибо можно указать множество такихъ фактовъ, примѣровъ и явленій, которыя исключаютъ всякую мысль о мудромъ устройствѣ нашей вселенной.

Такъ можетъ разсуждать, скажемъ мы, только поверхностный наблюдатель, только тенденціозный мыслитель, только тотъ, кто мало знаетъ исторію естественныхъ наукъ.

Вѣдь то, что въ глазахъ нашихъ предковъ было нецѣлесообразнымъ, теперь стало вполне цѣлесообразнымъ. То, что прежде было не на мѣстѣ, теперь оказалось на своемъ мѣстѣ. То, что считалось излишнимъ, теперь признало необходимымъ.

Все это говоритъ о томъ, что современная картина міра не даетъ намъ права дѣлать окончательныхъ выводовъ по вопросу о цѣлесообразности, ибо впоследствии придется горько разочароваться въ своихъ итогахъ.

¹⁾ Стр. 39—51.

²⁾ Стр. 51.

Вотъ примѣры. Бюхнеръ и его единомышленники указываютъ на бесполезность такъ называемыхъ щитовидныхъ железъ, съ ихъ склонностью вытягиваться въ безобразный зобъ. Между тѣмъ въ „Запискахъ врача“ Вересаева по данному вопросу читаемъ слѣдующее. „Среди жителей многихъ гористыхъ мѣстностей распространена своеобразная болѣзнь—зобъ, заключающаяся въ опуханіи лежащей надъ нижней частью горла щитовидной железы. Въ числѣ различныхъ способовъ леченія зоба было, между прочимъ, предложено полное удаленіе всей щитовидной железы, какъ рудиментарнаго органа, не имѣющаго никакого значенія. И что-жь? Результаты этой операціи оказались очень хорошими. Больные выписывались здоровыми. Лишеніе щитовидной железы (назначенія которой совершенно неизвѣстно), повидимому, не вызывало никакихъ вредныхъ послѣдствій. Но вотъ, въ 1883 году бернскій профессоръ Кохеръ опубликовалъ статью, гдѣ сообщаетъ слѣдующее. Онъ произвелъ 34 полныхъ изсѣченія зоба и былъ очень доволенъ результатами. Но однажды одинъ его знакомый врачъ рассказалъ ему, что онъ пользуется дѣвушкой, которой 9 лѣтъ тому назадъ Кохеръ вырѣзалъ зобъ. Врачъ этотъ рекомендовалъ Кохеру посмотрѣть больную теперь. И вотъ что увидѣлъ Кохеръ. У больной была младшая сестра. Девять лѣтъ назадъ, обѣ они такъ были похожи другъ на друга, что ихъ часто принимали одну за другую. „За эти 9 лѣтъ,—разсказываетъ Кохеръ,—младшая сестра превратилась въ цвѣтущую, хорошенькую дѣвушку, оперированная же осталась маленькою и являетъ отвратительный видъ полуидіотки“. Тогда Кохеръ рѣшилъ навести справки о судьбѣ всѣхъ оперированныхъ имъ зобатыхъ. Всѣ 27 человекъ, у которыхъ было сдѣлано лишь частичное вырѣзываніе щитовидной железы, были найдены совершенно здоровыми. Изъ восемнадцати же человекъ, у которыхъ была вырѣзана вся железа, здоровыми оказалось только двое. Остальные представляли своеобразный комплексъ симптомовъ, который Кохеръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: Задержаніе

роста, большая голова, шишковатый носъ, толстыя зубы, неуклюжее тѣло, неповоротливость мысли и языка при сильной мускулатурѣ,—все это съ несомнѣнностью указываетъ на близкое родство описываемаго состоянія съ идиотизмомъ "... Въ настоящее же время ни одинъ хирургъ уже не рѣшится произвести полнаго вылущенія щитовидной железы, если ея заболѣваніе не грозитъ непосредственно больному неминуемою смертью.

Итакъ, прежде (а Бюхнеръ и теперь) смотрѣли на щитовидную железу, какъ на излишній органъ, теперь же оказывается, что это не только не бесполезный органъ, но весьма важный въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія.

Другой примѣръ. Прежде поголовно всѣ ученые смотрѣли на мозговую железу, какъ на бесполезный органъ, теперь же Сун доказалъ, что она является важнымъ органомъ равновѣсія.

Третій примѣръ. Прежде всѣ безъ исключенія указывали на пыль, какъ на нѣчто не только безусловно бесполезное, но даже во всѣхъ отношеніяхъ вредное. Теперь же точка зрѣнія по вопросу о значеніи пыли совершенно измѣнилась. Теперь всѣ отъ мала до велика знаютъ, что пыль имѣетъ громаднѣйшее значеніе въ исторіи жизни земли. Что безъ пыли никогда бы не было дождя, ибо только пыль концентрируетъ вокругъ себя влагу, образуетъ капельки и способствуетъ разрѣженію атмосферы. А не такъ давно еще установили, что пыль способствуетъ чрезъ преломленіе солнечныхъ лучей освѣщенію мало доступныхъ для солнца мѣстъ.

Словомъ, съ теченіемъ времени мало-по-малу выясняется, что то, что кажется бесполезнымъ и бессмысленнымъ въ нашихъ глазахъ, не можетъ говорить противъ цѣлесообразнаго устройства міра. Оно говоритъ только о томъ, что мы еще не знаемъ и не понимаемъ того, что считаемъ вреднымъ, пустымъ и опаснымъ.

Безспорно, настанетъ время, когда и бесполезное станетъ полезнымъ и бессмысленное окажется со смысломъ и вредное—полезнымъ.

Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о нашихъ волосахъ на головѣ и на бородѣ и вообще на всемъ тѣлѣ. Тоже, вѣдь, говорили о ихъ бесполезности. И только въ послѣднее время напали на слѣдъ, ведущій къ окончательному разрѣшенію этого интереснаго вопроса.

Оказывается, что наши волоса имѣютъ громаднѣйшее значеніе и въ физиологическомъ, и въ біологическомъ отношеніи.

Въ энциклопедіи естественныхъ наукъ доктора Антона Рейхенова, томъ 3-й, стр. 614, читаемъ:

„Въ физиологическомъ отношеніи волосы представляютъ собою защищающій и согрѣвающій слой, такъ какъ не только волосы—плохіе проводники тепла, но также и воздухъ, находящійся между ними. Съ другой стороны—холодъ является возбудителемъ роста волосъ.

Біологическое значеніе волосъ состоитъ отчасти въ томъ, что каждому вѣдомо изъ насъ, т. е. въ защитѣ тѣла. Болѣе активная дѣятельность въ этомъ направленіи была открыта въ послѣднее время Фрицемъ Мюллеромъ сначала у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, а потомъ Г. Егеромъ у всѣхъ волосатыхъ животныхъ, именно—значеніе волосъ какъ „*органовъ запаха*“.

Ф. Мюллеръ доказалъ (см. Kosmos), что самцы нѣкоторыхъ бабочекъ на опредѣленныхъ мѣстахъ тѣла имѣютъ пушокъ волосатыхъ чешуекъ: при спокойномъ состояніи бабочки онѣ бездѣйствуютъ, въ другое же время издаютъ сильный специфическій запахъ, назначеніе котораго Мюллеръ совершенно правильно опредѣлилъ, какъ возбужденіе любви другого пола. Позднѣе Г. Егеръ указалъ, что всѣ волосы имѣютъ значеніе органовъ запаха и, именно, слѣдующимъ образомъ: волосы млекопитающихся животныхъ имѣютъ особенную способность поглощать благоуханныя вещества (химически родственныя мускусу), которыя издаютъ нѣкоторые животныя, причемъ волосы ихъ почти не поглощаютъ дурныхъ испареній самого животнаго. Поэтому о волосахъ можно говорить, что онѣ распространяютъ вокругъ cadaго существа (въ томъ

числѣ и человѣка) специфическій запахъ и вліяють имъ на всѣ существа, которыя вдыхаютъ насыщенный этимъ запахомъ воздухъ. Этимъ путемъ можно устанавливать симпатію не только между людьми, но также между людьми и животными. Такимъ образомъ, у пріобрѣтенной собаки или лошади легко вызвать симпатію, если дать ей проглотить нѣсколько своихъ волосъ. Этотъ пріемъ весьма распространенъ среди дикарей и совершенно далекъ отъ суевѣрія, такъ какъ этотъ, вызывающій симпатію, запахъ дѣйствуетъ не только чрезъ вдыханіе изъ воздуха, но и черезъ облизываніе (поцѣлуи). Далѣе, Егеръ обнаружилъ извѣстные факты, до сихъ поръ остававшіеся незамѣченными физиологіей, именно, что этотъ запахъ волосъ не только возбуждаетъ нервы, но представляетъ собою также специфическое вещество, важное для каждаго. При этомъ для него самого оно есть собственное лекарство, для другихъ же существъ—лекарственное вещество съ властнымъ специфическимъ дѣйствіемъ, но крайней мѣрѣ равносильное специфическимъ лекарственнымъ веществамъ растительнаго міра. Егеръ выражаетъ даже предположеніе, что средство, которымъ современные магнетизеры достигаютъ своихъ исцѣленій и которое они называютъ магнетизмомъ, есть ничто иное, какъ специфическое и индивидуальное пахучее вещество, содержащееся въ кожномъ жирѣ и эпидермическихъ образованіяхъ (наружная кожица).

Вотъ какое огромное значеніе имѣють волосы въ физиологическомъ и въ біологическомъ отношеніи. И можетъ быть еще не все мы знаемъ о пользѣ ихъ. А между тѣмъ долгое время смотрѣли на нихъ, какъ на совершенно излишній придатокъ къ человѣческому тѣлу.

Посему, не будемъ смущаться кажущеюся нецѣлесообразностью многихъ явленій и предметовъ. Время покажетъ, что мы ошибаемся, что все, что казалось неразумнымъ, излишнимъ и пустымъ, впослѣдствіи окажется и разумнымъ, и необходимымъ, и важнымъ.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи,

Свящ. Ал. Введенскій.

Письма къ пастырямъ Уфимской Епархіи.

X.

*Тема для слѣдующей проповѣди: о самопожертвованіи,
„горю и мѣлимъ сердца“.*

Братіе! Недавно Владыка — митрополитъ Московскій Макарій говорилъ рѣчь, касающуюся войны; онъ сказалъ, что послѣ какого то безнадежнаго блужданія во тьмѣ нравственной распущенности и домашнихъ ссоръ, наша родина пережила всенародное покаяніе и въ своемъ обновленіи духовномъ должна идти на поле брани, въ сраженіе со свирѣпымъ и вѣроломнымъ врагомъ — нѣмцемъ.

Да, братіе, правда, что нашей дорогой Россіи теперь и не узнать! — Все измѣнилось, переродилось, обновилось! Тамъ, гдѣ было пьянство и скверная брань, — теперь святая молитва; гдѣ были ссоры, тамъ теперь братскія объятія; тѣ, кто бездѣльничалъ и отъ бездѣлія грѣшилъ, — теперь неустанно работаютъ на пользу ближняго...

Вотъ что сдѣлала любовь христіанская, вѣра въ Бога и святая преданность волѣ Божіей и повелѣнію Царя-Помазанника Божія! — Эти святые чувства заглушили все дурное, все грѣховное въ русскихъ сердцахъ, отмыли грѣхи наши и дали намъ какъ-бы народное воскресеніе отъ земной печали и грѣшной тоски.

Радость покаянная убила грѣховность нашу!

Но эту радость святую мы должны сохранить, сберечь ее, спрятать ее подальше въ сердце, чтобы не растерять этой святости и снова чтобы не погрузиться въ грѣховное уныніе. Да, велико наше счастье обновленія духовнаго, прекрасна душа того народа, который беззавѣтно преданъ волѣ Божіей; но и цѣна этого счастья велика! Море крови и слезъ, тысячи сиротъ и вдовъ долго-долго будутъ говорить намъ, какую цѣною мы купили свое духовное обновленіе. „Гласъ

въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ и не хотяше утѣшиться, яко не суть“. И долго Рахиль будетъ плавать...

Но, отцы святыя!—Утѣшайте несчастныхъ матерей, утѣшайте всѣхъ скорбящихъ вѣрою, что ихъ любовь пройдетъ небеса и предстанетъ предъ престоломъ Божиимъ и будетъ звать къ Богу о помилованіи... „Любовь покрываетъ множество грѣховъ“, говоритъ св. Апостолъ. Но чтобы эта любовь прошла небеса и нужно ее къ небу направить. „Горѣ имѣемъ сердца!“ Горѣ! Къ престолу Божию, а не къ землѣ должны быть обращены сердца наши, „долу поникшія“.— Въ этомъ заключается все великое утѣшеніе Рахили. всѣхъ вдовъ и сиротъ.

Къ великой радости нашей не оскудѣла на Руси эта вѣра!—При внимательномъ чтеніи извѣстій съ войны всякая душа русская должна наполниться восторгомъ отъ описаній геройскихъ подвиговъ родителей. Вездѣ русскіе люди проявляютъ столько любви и вѣры, столько самопожертвованія, что остается только молиться намъ всѣмъ, „яко да челоуѣколюбець Богъ нашъ, пріемъ я во святыи и пренебесный и мысленный свой жертвенникъ, въ вою благоуханія духовнаго“,—умножилъ эти Свои небесные дары и сдѣлалъ насъ подражателями этихъ героевъ духа.

Вотъ два примѣра.

На полѣ сраженія былъ подобранъ убитый солдатикъ. На его груди было найдено письмо его матери. И вотъ что писала мать въ послѣднемъ письмѣ къ сыну. „Твой отецъ былъ убитъ въ Манчжуріи, въ битвѣ съ японцами, тебя я отдала теперь на борьбу съ другимъ страшнымъ врагомъ родины. Помни: ты сынъ героя отца. Будь достоинъ его. Мое сердце сжимается, глаза не просыхаютъ отъ слезъ; я знаю, что значать эти слова мои: „Будь достоинъ отца своего“. Я посылаю тебя на смерть, но мы всѣ умремъ; насъ всѣхъ не будетъ. Что наша жизнь? Цѣлую тебя и благословляю тебя на подвижъ святой. Не помни моихъ слезъ, а помни

мое благословеніе. Да хранить тебя Богъ, мой дорогой, любимый сынъ“!

И Господь сохранилъ любимаго сына великой матери отъ всякаго зла! Господь въ Царство Небесное принялъ этого героя, положившаго жизнь свою за вѣру, Царя и отечество. Воистину вѣчная ему память! И вѣчная наша благодарность матери, воспитавшей такого сына, съумѣвшей дать ему такую великую душу.

И еще примѣръ.

Старикъ полковникъ во время страшнаго сраженія подъѣзжаетъ къ полку своему, чтобы ободрить одну часть. Спрашиваетъ, сколько раненыхъ солдатъ и офицеровъ. Ободряетъ оставшихся. Въ это время ему докладываютъ, что только что въ нѣсколькихъ шагахъ убитъ его сынъ-офицеръ.

— „Гдѣ убитый?“ спросилъ старый полковникъ.

Ему показали теплое тѣло его единственнаго сына...

Отецъ сошелъ съ коня, приподнялъ голову убитаго сына, поцѣловалъ ее, благословилъ и... поскакалъ снова въ сраженіе.

И сколько такихъ героевъ нынѣ! И какъ родина наша должна благодарить ихъ и благославлять ихъ! Ихъ святой подвигъ насъ зоветъ на святые дѣла любви и самопожертванія.

Призывайте же, отцы-пастыри Церкви Христовой, свою паству къ этимъ подвигамъ; говорите имъ о примѣрахъ героизма, какъ выше описанные. Неумолчно твердите своей паствѣ, что любовь къ Церкви и отечеству—это дверь въ Царство Небесное; а печаль и горе тамъ, гдѣ забываютъ о Небѣ, гдѣ любятъ только землю. „Горѣ имѣнимъ сердца“, будемъ радоваться въ Богѣ! (Уфим. Е. Вѣд.).

Епископъ Андрей.

Замѣтки о церковно-общественной жизни.

Державная воля о казенной продажѣ спиртныхъ напитковъ. Воззваніе Холмскаго Братства о помощи пострадавшимъ отъ войны. Бѣдствія Іерусалимской миссіи. Энциклика папы Бенедикта XV.

Въ настоящую тяжелую годину, переживаемую нашей родиной, великимъ утѣшеніемъ, между прочемъ, является то обстоятельство, что съ самаго начала войны Высочайшимъ указомъ повелѣно по всей Россіи прекратить торговлю спиртными напитками. Это обстоятельство является утѣшительнымъ потому, что оно служитъ залогомъ новой лучшей жизни для нашей родины. И сейчасъ мы можемъ видѣть, какъ велико и благотворно вліяніе этого запрещенія. Прошло немного времени со дня изданія запретительнаго указа и процентъ преступности замѣтно понизился. Этого мало. Всѣ тѣ деньги, всѣ тѣ сбереженія, какія народъ раньше тратилъ на пьянство, теперь, несомнѣнно, идутъ на улучшеніе хозяйства и питанія, на приобрѣтеніе необходимыхъ и полезныхъ вещей.

Предполагается также, что оставшіеся свободными казенные винные склады и лавки будутъ использованы для военныхъ надобностей, т. е., или для раненыхъ или на устройство складовъ для сбора пожертвованій, или будутъ обращены въ квартиры для семействъ запасныхъ и ратниковъ, ушедшихъ на войну. Такимъ образомъ, тѣ помѣщенія, которыя раньше являлись источникомъ величайшаго зла для народа, были одной изъ причинъ его нравственной гибели и обнищанія, теперь послужатъ такъ или иначе на пользу тому же народу.

Можетъ, конечно, явиться вопросъ: не на короткое-ли время запрещена продажа питей? Не вернется-ли опять то зло, какое такъ долго и такъ ужасно угнетало народъ? Не подниметъ-ли опять ядовитую голову тотъ зеленый змій, который своимъ ядомъ губилъ народъ, затемняя его здравый

смысль и убивая его христіанскую совѣсть? Не начнутъ-ли снова литься слезы женъ, матерей и дѣтей, у которыхъ отцы и мужья не устоятъ предъ соблазномъ заманчивой „винополиа“.

Есть, однако, надежда, что эти страхи напрасны. Отъ 8 окт. с. г. газеты сообщили слѣдующую радостную вѣсть. Состоящій подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Константиновича Всероссійскій трудовой союзъ христіанъ трезвенниковъ обратился къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о воспрещеніи производства водки въ Россіи навсегда. Его Императорскому Величеству благоугодно было на имя Августѣйшаго покровителя союза трезвенниковъ отвѣтить телеграммой слѣдующаго содержанія: Великому Князю Константину Константиновичу. Искренно благодарю Всероссійскій союзъ христіанъ трезвенниковъ. Я уже предрѣшилъ навсегда воспретить въ Россіи казенную продажу водки. Николай.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что запрещеніе казенной виноторговли—это величайшая побѣда Россіи надъ опаснѣйшимъ ея врагомъ, это новое раскрѣпощеніе народа, и притомъ болѣе важное, чѣмъ бывшее въ 1861 году. Тогда пали цѣпи экономическаго и юридическаго рабства, а теперь должны разбиться оковы еще болѣе позорнаго и унижительнаго вѣковаго рабства, угнетавшаго не только тѣло, но и душу народа. Вотъ почему, всякій человѣкъ, прочитавши слова Высочайшей телеграммы, долженъ повторить историческіе слова манифеста: Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій человѣкъ, и призови Божіе благословеніе на свой свободный, а отнынѣ—и трезвый трудъ!

Если такъ будетъ рѣшена участь виноторговли, если такова Высочайшая воля относительно продажи водки, то вопросъ о продажи пива, кажется, получаетъ иное рѣшеніе. Уже давно, т. е., по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ тому назадъ, газеты, особенно лѣваго направленія, хотя не прямо, а въ видѣ предположеній, высказывались, что поставленный на

обсужденіе въ совѣтѣ министровъ и въ медицинскомъ совѣтѣ вопросъ о дозволении производства и продажи пива можетъ получить благопріятное рѣшеніе. При этомъ не было и нѣтъ недостатка въ попыткахъ оправдать и обосновать такое рѣшеніе вопроса. Стараются, напр., представить потребление пива дѣломъ безвреднымъ, ссылаются на медицинскіе авторитеты, признающіе пиво не только не вреднымъ, а полезнымъ и даже питательнымъ продуктомъ, обращаютъ вниманіе и на тѣ убытки, какіе потерпѣли собственники пивоваренныхъ заводовъ и которые (убытки) исчисляются у нихъ (собственниковъ) десятками и сотнями тысячъ рублей, а чтобы успокоить тѣхъ, кого не легко убѣдить словами, предлагаютъ обставить продажу пива различными ограничительными законами. Словомъ, газетные работники стараются обработать общественную мысль въ извѣстномъ направленіи.

Не трудно, однако, видѣть что всѣ эти доводы не выдерживаютъ и самой легкой критики. Относительно питательности пива можно говорить только тогда, когда оно употребляется по рецепту врача и въ количествѣ, опредѣленномъ врачомъ, но развѣ можетъ быть рѣчь о такомъ употребленіи, когда добиваются разрѣшенія продажи пива для широкой публики. Убытки заводчиковъ—это убытки отдѣльныхъ лицъ, и потому ихъ нужно признать ничтожными предъ той общенародной пользой, какая должна произойти отъ совершеннаго запрещенія спиртныхъ напитковъ. Къ этому нужно еще прибавить, что производители и продавцы пива только въ исключительныхъ случаяхъ люди русскіе, а подавляющее большинство ихъ нѣмцы, среди которыхъ навѣрное найдутся и нерусско-подданные. Такъ или иначе, но рѣшительно нѣтъ смысла печалиться объ убыткахъ и заботиться о выгодахъ тѣхъ людей, которые собираются наживаться на спаиваніи народа. Но, говорятъ, о спаиваніи не можетъ быть и рѣчи, ибо продажа пива будетъ организована такъ, какъ это практикуется сейчасъ съ отпускомъ виноградныхъ винъ. На это отвѣтимъ словами пословицы: лиха бѣда начало... И въ

самомъ дѣлѣ, если разрѣшать продажу пива въ городахъ, то почему не разрѣшать и въ деревняхъ? А тутъ то и есть корень зла. Люди, близко знакомые съ деревней, прямо говорятъ, что именно пивныя по деревнямъ и явились источникомъ пьянства и хулиганства среди деревенской молодежи. Въ этомъ случаѣ не нужно доказательствъ, достаточно сопоставить двѣ даты: разрѣшеніе открывать пивныя по деревнямъ дано было въ 1906 году и хулиганство началось не ранѣе этого года.

Что особенно гнусно и возмутительно въ данномъ вопросѣ—это поведеніе лѣвыхъ газетъ. Кто, какъ не онѣ, раньше вопилъ и призывалъ всѣ громы на наше правительство за его пьяную политику, пьяный бюджетъ и т. п.? И что же? Какъ только правительство пошло навстрѣчу истиннымъ нуждамъ и интересамъ народнымъ, поставило себѣ цѣлью добиться отрезвленія народа, газетные писатели льютъ слезы о бѣдныхъ пивоварахъ, усчитываютъ ихъ убытки и приходятъ въ ужасъ при мысли о паденіи пивоваренной промышленности. Нѣтъ, истинные друзья народа должны употребить всѣ доступные средства, должны изыскать всѣ возможные пути и способы, чтобы поддержать правительство въ его заботахъ объ отрезвленіи народа, чтобы это великое дѣло не остановилось на полдорогѣ и не ограничилось полумѣрами.

Наряду съ борьбой за трезвость, такой же святой обязанностью для русскаго общества является широкая помощь жертвамъ войны. Число этихъ жертвъ велико и разнообразно. Такими жертвами оказалось между прочимъ, мирное населеніе нашихъ пограничныхъ съ Австріей и Пруссіей губерній: Холмской, Люблинской, Варшавской и др.

Совѣтъ Холмскаго Свято-Богородицкаго Братства обратился къ представителямъ различныхъ городскихъ и общественныхъ учреждений съ просьбою оказать посильную помощь несчастнымъ жителямъ Бѣлгорайскаго, Томашовскаго и Замостскаго уѣздовъ Холмской губерніи, пострадавшихъ отъ

вражескаго нашествія. Въ своемъ воззваніи Совѣтъ Братства указываетъ, что въ этихъ раіонахъ непріателемъ выжжены цѣлыя деревни, народъ живетъ въ землянкахъ, питается только картофелемъ и совершенно лишень хлѣба, теплой одежды, такъ какъ все имущество было разграблено и сожжено непріятельскими войсками. Между тѣмъ наступаетъ осень, приближается зима, которая грозитъ народу голодомъ и холодомъ. Требуется скорая помощь деньгами, теплой одеждой, обувью и другими предметами. Общественныя и частныя организациі. Холмской губерніи не въ состояніи удовлетворить всѣхъ несчастныхъ жертвъ войны предметами первой необходимости. Нужна помощь всѣхъ русскихъ людей. Пожертвованія нужно направлять въ Совѣтъ Холмскаго Свято-Богородицкаго Братства въ г. Холмъ.

Бѣдствія войны затронули и нашу Палестинскую миссію, находящуюся въ далекой отъ насъ Св. Землѣ. Императорское Палестинское общество получило отъ настоятеля Іерусалимской миссіи увѣдомленіе о положеніи русскихъ въ Палестинѣ. Миссія испытываетъ крайнее денежное затрудненіе, такъ какъ Ліонскій кредитъ прекратилъ выдачу денегъ по ассигновкамъ, а между тѣмъ на попеченіи миссіи осталось до 200 человекъ паломниковъ безъ всякихъ средствъ въ существованію. Въ миссіи рѣшено на случай войны съ Турціей все имущество Палестинскаго общества и миссіи передать подъ охрану представителя нейтральной державы, школы въ Палестинѣ закрыты, а изъ Сиріи перевести на Ливанъ, гдѣ онѣ могутъ быть въ полной безопасности.

Въ настоящее время весь католическій міръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ обнародованія первой энциклики новаго папы Бенедикта XV-го. Эта энциклика ожидается къ ноябрю мѣсяцу текущаго года и будетъ имѣть програмный характеръ; въ ней папа выскажетъ свои взгляды на положеніе католической церкви и ея задачи въ отношеніи къ другимъ церквамъ.

Свящ. *Платонъ Петровъ.*

Толковый Типиконъ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Окидывая однимъ взглядомъ все развитіе чина монастырской трапезы, нельзя не отмѣтить въ исторіи его, въ качествѣ наиболѣе характерныхъ явленій, нѣкоторыя частности. Еще до христіанства сознавалась необходимость молитвеннаго благословенія трапезы и важнѣйшая изъ молитвъ трапезы въ нынѣшнемъ ея видѣ извѣстна IV в. Агапа, а вслѣдъ затѣмъ монашество придали трапезѣ настоящій богослужебный характеръ. Начало самаго чина о панагії, являющагося нынѣ средоточіемъ трапезы, скрыто въ глубинѣ исторіи. Но то обстоятельство, что онъ неизвѣстенъ общераспространенному на греческомъ востокѣ студійскому уставу, имѣя здѣсь вмѣсто себя возвышеніе укруповъ, это обстоятельство заставляетъ предполагать, что чинъ этотъ появился впервые въ Іерусалимскомъ уставѣ и могъ возникнуть въ нѣдрахъ Іерусалимской церкви очень рано. Лишь только Богоматерь получила въ Церкви всю свою славу и честь, должна была возникнуть идея нѣкоторой евхаристіи и въ имя Ея. Въ цѣляхъ рѣзче отличить эту евхаристію отъ настоящей, возвышеніе поручается діакону и простому иноку (у грековъ даже чтецу). Замѣчательно сходство чина трапезы въ студійскомъ и Іерусалимскомъ уставѣ иногда до буквальности во всемъ, кромѣ этой частности, (возвышеніе укруповъ вмѣсто панагії) правда, самой важной. Очень характерно, что студійскій уставъ поминаетъ Богоматерь только за вечерней трапезой. Замѣчательно, что студійскій уставъ не имѣетъ молитвы Господней въ началѣ трапезы, замѣняя ее другою, естественно потомъ уступившей мѣсто величайшей изъ молитвъ, такъ идущей трапезѣ 4-мъ прошеніемъ.

Пѣсни въ честь Богоматери постепенно растутъ въ количествѣ. Конечные псалмы болѣе поздніе уставы изстари пытаются оставлять, результатомъ чего явилось въ нынѣшнемъ уставѣ исчезновеніе 83-го псалма. Въ замѣнъ этого въ этихъ уставахъ стремленіе къ увеличенію числа краткихъ молитвословій. Позд-

¹⁾ См. № 44 за 1914 г.

нѣйшіе уставы ограничиваютъ участіе братіи въ пользу игумена и вообще излишне осложняютъ чинъ (греки и старообрядцы).

Почтеная древность чина, показывающая, насколько всегда онъ считался необходимой принадлежностью всякой благочестиво-торжественной трапезы, могла бы говорить подлѣ его безспорной умиленности—за большее практическое примѣненіе его и нынѣ и за желательность его распространенія за стѣны монастырей. А между тѣмъ и въ послѣднихъ онъ, кажется, не всюду читается.

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

Первый весенній облетъ.

Первый весенній облетъ, когда истомленные зимнимъ сидѣніемъ пчелки толпами стремятся къ летку, спѣша насладиться прогулкой въ яркихъ лучахъ пріятливаго солнышка, когда на пчельникѣ слышится радостное жужжаніе получившихъ свободу плѣнницъ,—большой эпизодъ въ жизни пчелы; для пчеловода же этотъ день поистинѣ праздничный. Да и какъ не радоваться пчеловоду! почти цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ онъ былъ въ разлукѣ со своими друзьями—труженицами и вотъ онъ опять среди нихъ, опять слышитъ ихъ пѣніе и видитъ ихъ слабенькими, но веселыми и здоровыми! Не злы въ этотъ день пчелки; онѣ десятками садятся пчеловоду на шляпу и на прочую одежду, но ни одна изъ нихъ, безъ уважительной на то причины, не обнажитъ свою ядовитаго жала. Пчелки садятся скромно, какъ овечки, лишь щедро украшаютъ вашу верхнюю одежду восклицательными знаками. Зная все это, Проф. Цесельскій,

¹⁾ См. № 44 за 1914 г.

вопреки настроенію, не совѣтуетъ въ день перваго облета надѣвать праздничное платье., и, дѣйствительно, не стоитъ надѣвать, если не хотите, чтобы оно было исписано іероглифами пчелинаго усердія. Испражняются пчелки во время своего облета, какъ намъ уже извѣстно, по преимуществу на лету, и ихъ вѣдливья отбросы дождемъ падаютъ сверху внизъ и покрываютъ грязно-коричневыми пятнами всѣ расположенные внизу предметы. Особенно не совѣтуемъ хозяйкамъ вѣшать вблизи пчельника бѣлье на просушку въ этотъ день, иначе все оно изъ бѣлаго цвѣта превратится въ пестрый. Однако все это, такъ сказать, аксессуары перваго облета, намъ-же нужно повѣдать читателю о практическихъ приемахъ дѣйствій пасѣчника, предваряющихъ и сопровождающихъ первый облетъ, къ изложенію каковыхъ сейчасъ и перехожу.

Какъ только ульи будутъ поставлены на мѣстахъ, пасѣчникъ со своимъ помощникомъ или безъ онаго, если онѣй *въ нѣтъхъ обрѣтается*, взявъ клещики, начинаетъ готовить летки къ моментальному открытію ихъ; онъ постепенно подходитъ къ каждому улью и вынимаетъ гвозди, послѣ чего остается открыть подлетокъ¹⁾, если онъ такъ открывается, какъ это показано на моихъ рисункахъ (см. Т. 4 рис. В—2), или выдвинуть задвижку, каковая устроена вмѣсто подлетка въ моихъ ульяхъ новѣйшаго образца, или просто вытянуть мховую затычку, если ни подлетка, ни задвижки у летка не имѣется. Когда всѣ эти приготовленія будутъ закончены, пчеловодъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, совершаетъ послѣдній актъ своей работы на пчельникѣ въ этотъ торжественный день, а именно: открываетъ подлетки, задвижки и затычки и выпускаетъ на свѣтъ Божій своихъ дорогихъ работницъ. Но и эту послѣднюю операцію выставочнаго дня произвести нужно не какъ-нибудь, а какъ слѣдуетъ, на каковой случай мы и дадимъ читателю практи-

¹⁾ Подлеткомъ я называю ту дверцу, которой закрывается летокъ.

ческій совѣтъ. Пчеловодъ долженъ, прежде всего выпустить пчелъ изъ ульевъ передняго ряда, затѣмъ, второго, третьяго и т. д. до конца, но и здѣсь я вамъ посоветую кой-что полезное. Если пни у васъ на пчельникѣ будутъ обращены летками на востокъ, начинайте открывать летки съ южной стороны рядовъ. Дѣлайте сіе такъ: подойдя къ улью, становитесь съ боку (съ южной стороны), а не передъ леткомъ; положивъ, затѣмъ, лѣвую руку на крышку улья, наклоняйтесь и быстро, увѣренно открывайте правой рукой подлетку, послѣ чего руку прочь и отходите за спину улья, чтобы не увязались къ вамъ вылетѣвшія пчелы, что непременно случится, если вы перейдете къ слѣдующему улью передъ открытымъ уже леткомъ. Съ соблюденіемъ того же правила, подходите къ слѣдующему улью того-же перваго ряда, точно такъ-же открывайте летокъ и точно такъ-же переходите за спиной къ третьему улью и т. д. до конца ряда. Покончивъ съ переднимъ рядомъ, переходите опять на южную сторону и съ соблюденіемъ тѣхъ же предосторожностей открывайте летки пней второго ряда и т. д. Если же у васъ есть помощникъ, или просто любитель захочетъ вамъ помочь, можно открывать летки вдвоемъ, причемъ вы открывайте въ первомъ ряду, а онъ во второмъ, но только пусть онъ не начинаетъ одновременно съ вами, а послѣ того, какъ вы уже откроете два—три улья. Почему мы совѣтуемъ начинать съ передняго ряда, вы, читатель, вѣроятно, понимаете: вѣдь, въ противномъ случаѣ вамъ бы пришлось ходить, наклоняться и открывать летки передъ ульями, изъ которыхъ пчелы уже выпущены; вы-бы тогда и пчелъ безпокоили, и себя подвергали-бы опасности нападенія, что ни для васъ, ни для пчелъ особенной выгоды не представляетъ. Въ томъ случаѣ, когда пасѣка раздѣлена въ пчельникѣ на двѣ половины, причемъ летки одной половины обращены, скажемъ, на востокъ, а другой—на западъ, сначала выпускаютъ пчелъ на правой сторонѣ, а потомъ на лѣвой или наоборотъ, какъ кто найдетъ для себя болѣе удобнымъ. При откупориваніи летковъ

лѣвой стороны пчельника, гдѣ ульи обращены летками на западъ, начинать нужно тоже съ передняго ряда, но только не съ южной, а съ сѣверной стороны. Итакъ пчелы выпущены; дружно идуть онѣ съ летковъ, осторожно взлетаютъ на воздухъ, замѣчаютъ хорошо свои ульи и, подымаясь все выше и выше, радостно поютъ весеннюю пѣсню и въ то же время съ величайшимъ удовольствіемъ очищаются отъ накопившагося за зиму кала, а пчеловодъ со своими друзьями и помощниками стоитъ въ сторонѣ и любитъ зрѣть зрѣлищемъ.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Вахмистръ Василій Васильевичъ.

Въ нашей батарее есть охотникъ—старикъ-вахмистръ, 60 лѣтъ. Онъ отбылъ уже всѣ сроки службы, но такъ настойчиво просилъ военное начальство пустить его на войну, такъ убѣдительно указывалъ на свою бодрость и удивительно сохранившіяся силы, что его взяли. Онъ съ нами. А что это за человекъ, судите сами: въ дѣлѣ подъ N батарея должна была выѣхать на позицію подъ жестокимъ огнемъ нѣмцевъ. Орудія вынеслись на указанное мѣсто, снялись съ передковъ, а затѣмъ передки пошли за прикрытіе, но галопомъ. Такое нарушеніе устава не понравилось нашему Василію Васильевичу, онъ рявкнулъ: „Налѣво, кругомъ“, и повелъ передки такъ, что огонь имъ былъ прямо въ лобъ. Довелъ ихъ до линіи орудій, снова скомандавалъ: „налѣво, кругомъ“, и спокойною рысью направилъ къ закрытію. За необычайное самообладаніе и лихость представленъ къ Георгію и, конечно, его получить.

Во время боя артиллерійская прислуга укрывается за щитами, но Василій Васильевичъ еще ни разу за щитъ не

становился, не смотря на то, что и офицеры и солдаты не разъ ему говорили, что не слѣдуетъ себя выставлять подъ огонь. Пролетающимъ снарядамъ Василій Васильевичъ, иногда раскланивается, а когда его офицеры спрашиваютъ, зачѣмъ ихъ привѣтствуетъ, онъ спокойно отвѣчаетъ: „Такъ способнѣе“.

Своей женѣ Василій Васильевичъ пишетъ: „Славу Богу, живъ и здоровъ, сегодня черезъ мою старую голову пролетѣло болѣе полторы тысячи пудовъ стали и свинцу“.

У Василя Васильевича есть свой любимецъ: восемнадцатилѣтній юноша, тоже охотникъ, питомецъ одного изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній Петрограда. Онъ постоянно участвуетъ въ развѣдкахъ и лихо воюетъ. Василій Васильевичъ прозвалъ этого юнца на нѣмецкій ладъ— „кинда“. Нячнется съ нимъ, когда только можно, и очень волнуется, если онъ долго не возвращается съ развѣдки. Однако старикъ при другихъ постоянно трунить надъ юношей:

— Вамъ бы лошадку со стриженной гривкой да по манежу, а онъ тутъ на развѣдку (Совр. лѣт).¹.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го октября 1914 г.

Цензоръ протоерей *Николай Гроску.*

Кіевъ. Тип. Авт. Общ. печат. и изд. дѣла П. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсто
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 46

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 9-го ноября.

Содержаніе: I. Уроки войны. Н. Гумилевскій.—II. Гдѣ и какъ выковы-
вается побѣда. Прот. І. Восторговъ.—III. На приходскую помощь.
(Окончаніе). Н. С.—IV. Апологія вѣры. Свящ. Ал. Введенскій.—V.
Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—

Уроки войны.

1.

Уже четвертый мѣсяць идетъ не имѣющая себѣ равной
въ исторіи міровая война; цѣлыя области, имѣвшія несчастье
быть мѣстомъ военныхъ дѣйствій, совершенно опустошены;
наши герои проявляютъ сверхчеловѣческое напряженіе силъ,
отбиваясь цѣлыми недѣлями въ окопахъ, сражаясь по грудь
въ ледяной водѣ, десятками тысячъ принося себя въ жертву
для блага родины. Допустимо ли, чтобы эти жертвы остались
безрезультатными?—Къ великому счастью нашему, можно
сказать, что [благотворныя послѣдствія для Россіи этихъ

обрушившихся на нее испытаній ясно намѣчаются уже теперь. Таковы прежде всего результаты политическіе—освобожденіе оставшейся до сихъ поръ подъяремною Галицкой Руси и намѣчающееся возстановленіе другихъ славянскихъ народовъ, какъ чехи, хорваты, поляки. Не менѣе важны и тѣ результаты войны, которые теперь уже замѣтны во внутренней жизни Россіи. Но результаты эти еще не окрѣпли, находятся еще въ зачаточномъ состояніи; поэтому передъ русскимъ обществомъ открывается величайшая задача—сохранить и укрѣпить ихъ; иначе кровь десятковъ тысячъ воиновъ нашихъ, положившихъ души свои за благосостояніе Россіи, будетъ вопіять противъ насъ къ небу. Если даже теперешній подъемъ, вызванный столь тяжкими испытаніями, окажется безсильнымъ залечить обнаружившіяся въ нашей жизни язвы и снова смѣнится прежнимъ бездѣтельнымъ опусканіемъ рукъ, то можно будетъ усумниться въ томъ, способны ли мы вообще къ совершенствованію.

Наиболѣе поразительнымъ результатомъ войны является небывалое въ нашей исторіи всенародное отрезвленіе. Едва ли возможно въ достаточной мѣрѣ оцѣнить все благотворное вліяніе этого отрезвленія во всѣхъ областяхъ народной жизни. Но тѣмъ болѣе глубочайшимъ позоромъ было бы возвращеніе къ прежнему пьянству. Теперь много говорятъ о томъ, возможно ли навсегда воспретить торговлю спиртными напитками. Но такое воспрещеніе—только виѣшняя сторона дѣла. Пользуясь теперешнимъ духовнымъ подъемомъ народа, нужно спѣшить выяснить ему всю нелѣпость пристрастія къ алкоголю: вѣдь теперешній, хотя бы и вынужденный, отказъ отъ пьянства яснѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что трезвый образъ жизни не только не представляетъ никакого лишенія, а, наоборотъ, неизмѣримо счастливѣе, чѣмъ пьянственный. Было бы преступно пропустить настоящій моментъ, такъ какъ ожидать повторенія его едва ли возможно.

Война вызвала у насъ сильный подъемъ патріотизма. Опять таки нужно всемѣрно стараться, чтобы этотъ подъемъ

не былъ мимолетнымъ, такъ какъ едва ли когда нибудь будутъ болѣе подходящія условія для доказательства важности и величія истинной любви къ родинѣ. Давно ли большинство нашихъ „передовыхъ“ дѣятелей съ пренебреженіемъ отзывалось о патріотизмѣ, какъ о представленіи крайне узкомъ и отжившемъ? А теперь во всѣхъ воюющихъ державахъ даже такіе космополиты, какъ социалисты, жертвуютъ всѣмъ для своего отечества, при чемъ весьма сомнительно, чтобы германскіе социалисты были искренно убѣждены, что правда на сторонѣ Германіи. Очевидно, произведенная самой исторіей анкета (если можно такъ выразиться) подтвердила, что любовь къ отечеству (хотя бы правда была и не на сторонѣ послѣдняго) глубоко коренится въ сознаніи человѣка и въ случаѣ нужды естественно выступаетъ изъ-подъ поверхностнаго налета космополитизма. Если любовь къ родинѣ вообще присуща человѣку, то тѣмъ болѣе должна быть обязательна для всякаго русскаго любовь къ Россіи, которая въ настоящую войну еще разъ подтвердила свою готовность самоотверженно защищать слабыхъ и служить торжеству правды. Чтобы поддержать, закрѣпить и сдѣлать сознательнымъ патріотизмъ въ народѣ, руководителямъ послѣдняго нужно выяснять духовныя особенности Россіи, ея величіе и мощь, тѣ высокія качества, которыми она выдѣляется среди другихъ странъ и которыя выяснены славянофилами (смиреніе, покорность волѣ Божіей, стремленіе жить „по-Божіи“, самоотверженность, терпѣніе, любовь къ Царямъ своимъ и т. п.).

Н. Гумилевскій.

Гдѣ и какъ выковывается побѣда ¹⁾).

За все столѣтіе, протекшее съ того времени, какъ въ Филяхъ знаменитый князь Кутузовъ предрѣшилъ побѣдонос-

¹⁾ Сказано въ с. *Фили*, близъ Москвы, по случаю крестнаго хода въ *Кутузовскую избу* при поминовеніи кн. М. Кутузова и героевъ Отечественной войны,—по случаю побѣды русской арміи въ Галиціи.

ное завершение Отечественной войны, не было времени, столь близкаго къ священной памяти двѣнадцатаго года, какъ переживаемые дни нашей теперешней войны съ Германіей. Еще не нашлось слова, которое точно и всесторонне опредѣлило бы въ краткомъ и мѣткомъ названіи значеніе и характеръ настоящей войны. Но въ наименованіи ея „второю отечественною“, несомнѣнно, много правды, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ самой Россіи: ибо и тогда и теперь врагъ хотѣлъ поразить Россію въ самое сердце и стереть ее съ лица земли, какъ самостоятельное и отдѣльное государство.

На этихъ поляхъ (въ Филяхъ), нѣкогда видѣвшихъ шествіе русской арміи Кутузова, мы поздравляемъ васъ, православные русскіе люди, столько лѣтъ неизмѣнно собирающіеся здѣсь для воспоминаній о герояхъ Отечественной войны, — поздравляемъ съ великою побѣдою въ полномъ смыслѣ доблестной арміи русской въ славянской Галиціи, въ старой Червонной Руси. Двадцать дней, въ безпримѣрномъ, по огромному трехсотверстному пространству, полѣ битвы, предъ которымъ Бородино кажется узкою полоскою, по огромному миллионному составу непріятельской арміи, по напряженію силъ воюющихъ, — сражались наши вожди и воины, и нынѣ увѣнчаны побѣдой. Слава и благодареніе Богу, честь и хвала нашему воинству, и да будетъ данъ скорый и почетный миръ нашему миролюбивому христіанскому народу!

Но, — какъ ни странно, и какъ ни противорѣчиво это звучитъ, — миръ есть цѣль брани и дается побѣдою. Гдѣ же и какъ, такъ сказать, выковывается побѣда на брани? На этомъ вопросѣ, дѣйствительно, полезно и поучительно намъ теперь остановиться.

Гдѣ и какъ выковывается побѣда? Конечно, скажутъ намъ, отвѣтъ здѣсь ясенъ, и незачѣмъ даже спрашивать о томъ, что всѣмъ открыто и само собою понятно: конечно, побѣда выковывается на полѣ брани трудомъ, подвигомъ, воодушевленіемъ воиновъ, искусствомъ военачальниковъ; побѣда, далѣе, зависитъ и отъ усовершенствованныхъ орудій.

борьбы: эти военные аэропланы, блиндированные поѣзда и автомобили, броневыя вращающіяся башни, поставленные на нихъ усовершенствованные пулеметы, эта артиллерія, достигшая страшной, разрушительной силы въ своихъ снарядахъ, эта мѣткость стрѣльбы,—вотъ что, по общему и безспорно принятому мнѣнію, создаетъ, подготовляетъ, обуславливаетъ побѣду!

Такъ ли это?

И такъ, и не такъ! Неоспоримо, все перечисленное нужно для арміи, какъ нужна и самая армія для того, чтобы была побѣда.

Но признать только эти одни причины и условія побѣды, значило бы осудить весь народъ и государство на бездѣйствіе во время брани и свести его къ положенію только безучастнаго и безличнаго зрителя совершающихся событій. Нѣтъ, есть нравственныя условія побѣды, гораздо болѣе широкія, гораздо болѣе возвышенныя и достойныя человѣка, чѣмъ численность и сила орудій современнаго боя. Они, эти нравственныя условія, владѣютъ и побѣдоноснымъ воинствомъ, которому нужно откуда-то взять воодушевленіе, нужно получить готовность перенести всѣ и всякія жертвы, лишенія, раны и самую смерть; они, эти нравственныя условія, нужны и для народа, оставшагося внутри страны, который и до войны породилъ и воспиталъ армію и во время войны питаетъ ее духовно, служитъ для нея источникомъ высокаго воодушевленія.

Да, воодушевленіе воинства опирается на воодушевленіе народа и изъ него исходитъ. Воинство должно знать, что война, которую оно ведетъ, которая требуетъ отъ него столько трудовъ и несетъ ему столько опасностей,—что эта война не есть война и счеты только одного правительствa съ другимъ, а война народная, война отечественная, захватывающая всѣхъ отъ мала до велика. Связь войска съ народомъ,—то же самое, что кровообращеніе въ тѣлѣ: съ его прекращеніемъ останавливается самая жизнь.

Но единеніе бываетъ непрочнымъ и даже грѣховнымъ, если оно исходитъ изъ цѣлей обмана, хищничества, захвата чужого достоянія. Таково единеніе воровскихъ и разбойничьихъ шаяекъ. Таково теперь единеніе и германское: оно основано на зависти къ чужому достоянію, оно бросаетъ жадные взоры на земли и достояніе сосѣднихъ народовъ. Горе, если народъ охваченъ такимъ единеніемъ! Оно разсыплется при первой неудачѣ, оно разсыплется и при удачѣ, при первомъ дѣлежѣ неправеднаго стяжанія. На совѣсти народной, въ такомъ случаѣ, остается всегда упрекъ за такое нарушеніе правды. Война никогда не станетъ тогда священной, она не дастъ и здороваго воодушевленія ни народу, ни войску. Въ опьяненіи зависти, жадности, злобы и ненависти бываетъ то же, что и при обыкновенномъ опьяненіи; послѣ возбужденія, искусственнаго и нездороваго, наступитъ состояніе слабости, глубокаго недовольства и отвращенія къ самому себѣ. Вотъ почему такъ отрадно и такъ бодро звучитъ для насъ слово нашей православной молитвы во дни брани: „Ты же, Господи, вся вѣдый, вѣси, *яко неправедно* возсташа на насъ“: на это слово отзывается наше сердце, въ немъ находятъ глубокое удовлетвореніе народная совѣсть. Но сознаніе *правды* всегда коренится въ религіи, отъ нея получаетъ и содержаніе, т.-е. указаніе того, что есть правда и неправда, и побужденіе къ подвигу ради правды и самыя силы для исполненія подвига. Всякій другой источникъ — ненадеженъ и измѣнчивъ. И вотъ почему война, какъ и теперь мы видимъ, всегда поднимаетъ религіозныя настроенія и арміи, и народа, и въ этомъ—ея очистительное дѣйствіе. Съ грустью вспоминаемъ, какъ девять лѣтъ назадъ мы читали въ ежедневной прессѣ сужденія тѣхъ же самыхъ авторовъ, что нынѣ пишутъ уже совершенно другое,—сужденія, говорившія тогда вообще противъ всякой войны, хотя бы и правой, авторовъ, принижавшихъ народный духъ, убивавшихъ воодушевленіе въ арміи; удивляемся мы радостнымъ удивленіемъ, смотря на этихъ авторовъ, которыхъ теперь какъ-

будто кто-то подмѣнилъ, которые теперь пишутъ и говорятъ въ одно съ народнымъ сознаниемъ, въ одно съ сердцемъ народа и его воинства. Мы должны всѣми молитвами благодаренія возблагодарить Господа за это всеобщее единеніе наше, и хранить, питать, возгрѣвать его всѣми силами, религіозно освящая и осмысливая его. Вотъ одно изъ главныхъ условій созданія побѣдоноснаго духа и побѣды на войнѣ!

При такомъ единеніи и воодушевленіи армія чувствуетъ, сознаетъ и видитъ, что она любима народомъ, что она—его любимое дѣтище. Мы встрѣчаемъ идущаго на войну воина—съ горящими взорами любви, благожеланія; мы восторгаемся нашими вождями и арміей; мы относимся къ раненому воину, какъ къ своему пострадавшему брату дорогому, притомъ пострадавшему за насъ, и готовы оказать ему всѣ знаки вниманія, всякія отъ насъ зависящія услуги. Вѣдь воины—это цвѣтъ жизни народа, это—лучшіе его сыны, а тѣ, которые испытали смертельныя опасности, которые подставляли свою грудь и голову подъ удары, которые имѣютъ раны, эти почетныя и вѣрныя свидѣтельства своего подвига, это—люди, достойные всякаго уваженія, это—люди, не способные на что-либо низкое, этими людьми мы должны дорожить. Какъ гордимся мы доброю гордостью, зная и видя, что наши раненые всѣ имѣютъ раненія въ руки, въ голову, въ грудь, въ ноги: знакъ, что они шли впередъ, наступая или защищаясь, что они не поворачивали спины въ бѣгствѣ; какъ гордимся мы, узнавая, что у нашихъ воиновъ нѣтъ штыковыхъ и сабельныхъ ударовъ: знакъ, что они даже не допустили до себя непріятелей и сразу обратили ихъ въ бѣгство при встрѣчѣ одинъ на одинъ. И рядомъ съ этимъ приобретаетъ особое значеніе то обстоятельство, что у раненыхъ непріятелей нашихъ, которые попали къ намъ десятками и даже сотней тысячъ въ плѣнъ, мы видимъ то самое, чего нѣтъ у нашихъ русскихъ воиновъ... Да, армія должна быть любима, и нынѣ дѣйствительно любима всѣмъ народомъ!

Вотъ когда воочию мы убѣдились, что значитъ это единеніе народа и арміи! Знаютъ наши воины, стоя подъ губительнымъ огнемъ врага, стоя предъ лицомъ ежеминутно и ежесекундно грозящей смерти, стоя на рубежѣ и за рубежомъ родины,—знаютъ, что позади ихъ великая Россія, любимая и любящая, родной, дорогой, прекрасный душою русскій народъ, знаютъ, что позади нихъ—родная Церковь съ ея молитвами и благословеніемъ. „Убьютъ—Церковь Бога молить“, говорилъ нашъ славный Суворовъ своимъ чудо-богатырямъ, и онъ зналъ, что говорилъ имъ въ самое сердце! Знаетъ воинъ, что убитымъ будетъ вѣчная память въ молитвахъ святой Церкви, а о семьяхъ ихъ позаботятся тѣ, ради кого они принесли себя въ жертву. Знаютъ воины, что въ случаѣ пораненій, болѣзней, они встрѣтятъ теплый и сердечный пріемъ среди русскихъ людей, куда бы ихъ не послали въ Россіи,—найдутъ уходъ, покой, получаютъ всѣ знаки почета, любви... Когда теперь мы наблюдаемъ въ Москвѣ эти трогательныя встрѣчи многочисленныхъ раненыхъ, когда видимъ это множество открываемыхъ для нихъ лазаретовъ, когда слышимъ о крупныхъ и малыхъ жертвахъ на содержаніе лазаретовъ, когда замѣчаемъ поразительную готовность и отзывчивость всѣхъ на святое дѣло любви и попеченія о войнахъ: то воистину чувствуемъ себя присутствующими какъ бы при нѣбомъ великомъ и всенародномъ священнодѣйствіи! Слава Богу, слава Богу! Такія переживанія и такія чувства несказанны по величію, безмѣрны воспитательному дѣйствію на духъ и жизнь народа!

Если жизни вѣчной нѣтъ, если вѣчной силы Божества нѣтъ, если человѣкъ есть только умное животное, если земля есть первое и послѣднее поприще жизни человѣка, и за могилой нѣтъ ничего, то можетъ ли тогда война, всякая война, быть иною, какъ не животною? Можно ли тогда говорить о войнѣ правой и священной? И можно ли тогда ожидать, что воинъ безтрепетно и даже радостно умретъ за отечество? Если жизнь земная—одна, и она не повторится,

другой же нѣтъ никакой жизни, — то не ясно ли, что человекъ станетъ цѣпляться судорожно за эту именно земную жизнь и ее захочетъ сохранить во что бы то ни стало, цѣною всякихъ униженій предъ врагомъ, цѣною бѣгства, предательства и измѣны, — всякою цѣною?

Здѣсь и видимъ, что значить религіозная вѣра вообще, и въ частности — религіозное воодушевленіе народа во время войны. Оно разрѣшается *въ молитву*. Ибо если Богъ — Промыслитель о мірѣ, если въ Его рукахъ судьбы народовъ, то отъ Его Всемогущества и Благости прежде всего дается побѣда. Исторія міра не разъ видѣла, какъ рушились самыя горделивыя человѣческія замыслы, какъ погибали сильныя арміи и державы, какъ торжествовали слабыя, имѣя на своей исторіи, на своихъ дѣянiяхъ печать Божественнаго Промысла. Исторія міра знаетъ и гибельныя побѣды и спасительныя пораженія, и развѣ теперь есть человекъ въ Россіи, который усумнится въ томъ, что неудача нашей русско-японской войны оказалась теперь благодѣльна для насъ, для созданія нашего бодрого и единоподушнаго настроенія, для созданія этой жажды побѣды, для искусныхъ дѣйствій нашей арміи?

Видимъ мы, съ утѣшеніемъ видимъ, что нынѣ *Русь стала на молитву*, что полны храмы, что молитвенное настроеніе охватило всѣхъ, что даже извѣстія о побѣдахъ не вызываютъ въ Россіи шумныхъ, чисто-мірскихъ и тщеславныхъ манифестацій, выкриковъ, шумныхъ знаковъ радости, а приводятъ насъ къ умиленной молитвѣ, къ тому, чтобы мы тихо и вдумчиво, въ умиленіи и благоговѣнiи „слагали у себя въ сердца“ всѣ эти знаки и явленія Божественнаго о насъ Промышленія. И будемъ молиться, рцемъ вси, отъ всея души, отъ всего помышленія нашего рцемъ: Господи помилуй!

Глаголетъ древній пророкъ: „Трубите трубою на Сіонѣ, и бейте тревогу на святой горѣ Моей; да трепещутъ всѣ жители земли, ибо наступаетъ день Господень, ибо онъ близокъ, день тьмы и мрака, день облачный и туманный: какъ утrep-

няя заря, распространяется народъ многочисленный и сильный. Предъ нимъ пожираетъ огонь, а за нимъ палить пламя; предъ нимъ земля—какъ садъ Едемскій, а позади его будетъ опустошенная степь, и никому не будетъ спасенія отъ него“ (Юил. II, 1—3).

Такъ изображаетъ пророкъ нашествіе страшнаго Вавилона.

И, однако, даже предъ такимъ грознымъ нашествіемъ пророкъ находитъ спасеніе—въ *молитвъ* и въ *подвигъ покаянія*,—въ подвигъ, который силенъ умиловитъ Бога, силенъ дать народу побѣду, если только этотъ подвигъ будетъ искреннимъ и сердечнымъ, если онъ будетъ не въ словахъ только, а на дѣлѣ. Читаемъ у пророка:

„*Пробудитесь, пьяницы, плачьте и рыдайте всѣ пьющіе вино!* Препояшьтеся вретischemъ и плачьте, священники, рырайте, служители алтаря, войдите, ночуйте во вретисахъ, служители Бога моего!

„И нынѣ еще говоритъ Господь: *обратитесь ко Мнѣ въ постъ*, плачѣ и рыданія... Вострубите трубою, *назначьте постъ*, объявите торжественное собраніе, соберите народъ, пригласите старцевъ, соберите отроковъ и грудныхъ младенцевъ; пусть выйдетъ женихъ изъ чертога своего и невѣста изъ своей горницы... созовите всѣхъ жителей страны въ домъ Господа Бога вашего и зывайте ко Господу!“ (Юил. I, 5, 13; II, 15—16; I, 14).

Слава Богу! Видимъ и мы теперь всенародныя молитвенныя собранія и въ сѣверной столицѣ, и въ нашемъ первопрестольномъ градѣ, и по всей Россіи; видимъ,—какъ недавно было у насъ на Красной площади,—въ дождь и холодъ сотни тысячъ молившихся!

И *подвигъ* видимъ: подвигъ всенароднаго отрезвленія. Я прочиталъ въ газетѣ, какъ офицеръ съ казаками въ непріятельскомъ городѣ долженъ былъ занять одинъ домъ. Тамъ хозяинъ предложилъ ему и воинамъ, съ нимъ бывшимъ, сравнительно шевинный напитокъ—пиво. Офицеръ за себя и за своихъ под-

чиненныхъ отвѣтилъ: „Намъ Государь повелѣлъ во время войны не употреблять акоголя“. Такъ глубоко захватилъ теперь Россію подвигъ отрезвленія, какъ бы знакъ покаянія нашего предъ Богомъ, это наше вретисце, эта жертва сердца, трезвеніе души и тѣла...

И если въ такомъ священномъ настроеніи мы пребудемъ здѣсь, внутри Россіи, позади нашего воинства,—вѣрьте, скоро Господь дастъ намъ хребетъ нечестивыхъ супостатовъ: однимъ путемъ пришедши въ намъ, седмію путями они будутъ бѣжать отъ насъ, какъ бѣгутъ теперь австрійцы. Но не въ дикой похвальбѣ, не въ упоеніи отмщенной злости, не въ животной радости встрѣтимъ мы побѣдныя вѣсти, въ молитвѣ и умиленіи, въ рѣшимости служить Богу добрымъ житіемъ представимъ мы лицу Божію. За побѣдами вѣдь стоятъ и виднѣются намъ тысячи нашихъ братьевъ... Читаемъ о торжественномъ погребеніи славнаго летчика Пестерева. Героя въ молчаливой сосредоточенной молитвѣ провожаютъ къ самому почетному въ Россіи мѣсту погребенія, въ Кіевѣ, сотни тысячъ народа. Красуются вѣнки; на нихъ—надписи, говорящія о талантѣ, мужествѣ, о заслугахъ покойнаго. Но есть тамъ скромный вѣнокъ, и на немъ краткая надпись: „Милому Петѣ отъ матери и жены“...

Сколько здѣсь, въ этихъ словахъ, сокрыто горя! Сколько здѣсь захватывающей печали! Ужъ онъ здѣсь не знаменитый авіаторъ, не герой, онъ—сынъ, онъ—мужъ... И у всѣхъ нашихъ дорогихъ воиновъ, на полѣ брани смерть пріавшихъ, есть матери, или жены, или дѣти, или иные близкіе... Господу помолимся! Пусть Онъ утѣшитъ, пусть Онъ залѣчитъ эти горящія раны сердца у близкихъ и родныхъ, у нашей Россіи, пусть Онъ отретъ безутѣшныя слезы!

И этою тихою молитвою, поминовеніемъ нашихъ воиновъ, провозглашеніемъ вѣчной памяти на брани животъ свой положившимъ за вѣру, за Царя и отечество мы воистину возвысимъ нашу побѣдную радость и приуготовимъ себѣ ту радость окончанія брани, о коей молить Господа наше сердце, о коей

глаголетъ пророкъ: „Се на горахъ ноги *благовѣствующаго*
и возвѣщающаго миръ. Празднуй, земля, праздники твои,
исполняй обѣты твои. Ибо не будетъ проходить по тебѣ не-
честивый; онъ *совѣмъ уничтоженъ*“!.. (Наум. I, 15). (Провосл.
Благовѣстн.).

Протоіерей *I. Восторговъ*.

На приходскую помощь.

(Окончаніе)¹⁾.

Съ крестьянскою помощью маленькіе деревенскіе лазареты и обойдутся недорого: все есть и все подъ рукой. И кто, напримѣръ, мѣшаетъ состоятельнымъ прихожанамъ принести въ этотъ госпиталь, открытый гдѣ-нибудь въ пригородномъ селеніи, бѣлаго хлѣба, яицъ, масла, молока, цыплятъ и пр.? Также всему сельскому обществу не трудно, какъ намъ думается, во главѣ съ приходскимъ пастыремъ, подыскать для 3—5 раненыхъ квартиру: нанять просторную, чистую, свѣтлую избу, привезти дровъ, найти для ухода за ними прислугу, приготовить (ассигновать на это мірскія суммы) все, что требуется для больныхъ—имѣть во-время обывательскихъ лошадей для поѣздки за врачомъ, фельдшеромъ и за лекарствами, равно и за покупкою необходимѣйшихъ предметовъ (и медикаментовъ) въ городъ. Мѣшкать въ настоящіе дни—нечего,—мечъ уже занесенъ надъ нашими головами. Священная война народовъ уже идетъ, неслыханная по размѣрамъ своимъ, великая по своему внутреннему значенію. И много героевъ погибнетъ, но не забудутся святые ихъ имена, и благословятъ ихъ наши дѣти. Но еще гораздо большее ихъ число раненыхъ.

Великое счастье—сразиться за Русь Святую и отстаять родину, и воочію убѣдиться въ томъ, что Богъ посылаетъ намъ жизнь не только для „сѣраго“ будничнаго труда, но

¹⁾ См. № 45 за 1914 г.

и для того, чтобы мы любили близкихъ нашихъ— „душу положили бы за други своя“. И нѣтъ, кажется, болѣе благодарной формы помощи, какъ непосредственное попеченіе о больномъ у себя дома, въ деревнѣ, и никакой, хотя бы и дивизионный, лазаретъ, гдѣ сотни лежатъ солдатиковъ, не можетъ дать истомленному раненому воину того уюта и душевнаго покоя, какъ частныя семьи, люди *свои*, домашніе. И это, какъ намъ думается, дороже лекарствъ для поправленія здоровья. Возможно, что *приходскіе* кооперативы найдутъ и другіе пути для своего участія въ обслуживаніи разнообразныхъ нуждъ и потребностей, вызванныхъ военными дѣйствіями. И пусть прихожане сами собою объ этомъ подумаютъ и, выбравъ какое-либо посильное для своей общины дѣло, постараются, при содѣйствіи своихъ пастырей, его выполнить безкорыстно, душевно и усердно, памятуя, что они этимъ самымъ отдають, вѣдь, сыновній долгъ матери— Русской землѣ. Теперь, говоримъ, всѣ несутъ посильныя жертвы: кто деньгами, кто разными предметами, а кто и личнымъ трудомъ,— всѣ граждане живутъ одною жгучею мыслью—свести побѣдоносный счетъ съ врагомъ. Надъ нашимъ, повторяемъ, отечествомъ нависли грозовыя тучи, враги зажгли страшное пламя мірового пожара. И что-жъ? Если исторія зоветъ насъ совершить великій подвигъ, мы встанемъ подъ боевыя знамена и будемъ бороться, пока Господь дастъ силы, за освобожденіе челоуѣчества отъ грубаго ига германскаго, за осуществленіе братства во Христѣ всѣхъ народовъ. И сплотимся всѣ! Мечъ занесенъ надъ нашими головами,—встанемъ, какъ одинъ, на защиту противъ наглого посягательства на нашу національную честь, на нашу свободу, на нашу жизнь со стороны заклятаго врага всего славянства.

Стоимость содержанія раненаго въ деревнѣ, у себя, въ семьѣ—совсѣмъ невелика, лишь бы былъ уходъ, покой, утѣшеніе; здоровая; питательная пища подъ рукой—въ городъ не посылать: молоко, масло, яйца, свѣжее масло, куры, въ

изобиліи; да притомъ, во многихъ селеніяхъ открыты „общественныя“ лавки, гдѣ нетрудно для больныхъ купить и муку, и „перловку“, и чай—сахаръ. А главное—въ нерѣдкихъ многолюдныхъ селахъ имѣются „пріемные покои“ (фельдшерскіе пункты), есть и больницы, всегда, слѣдов. фельдшера—къ услугамъ; они не замедлятъ прибыть въ деревню и сдѣлать солдатику перевязку.

При этомъ, приходскіе священники, какъ-никакъ знакомые съ медициной и освѣдомленные въ болѣзняхъ по лечебникамъ (и имѣющіе свои аптечки), могутъ больнымъ солдатамъ оказать помощь, всегда дадутъ распоряженіе сельскимъ властямъ о покупкѣ въ ближайшей аптекѣ извѣстныхъ медикаментовъ (для измѣренія температуры термометровъ, марли, ваты, іедоформу) и о вызовѣ къ раненымъ врача (въ крайнемъ случаѣ). А безбѣдные и бездѣтные сельскіе батюшки развѣ не дадутъ для больныхъ кровъ въ церковной своей квартирѣ? Не будетъ отказа!.

Въ покрытіи расходовъ по оборудованію деревенскихъ лазаретовъ можетъ оказать помощь Земскій Комитетъ Всероссийскаго Союза. Да и въ пригородныхъ селахъ и поселкахъ при станціяхъ желѣзно-дорожныхъ есть кое-какая интеллигенція: священники, учителя, помѣщики, купечество, торговцы, агенты всевозможныхъ фирмъ (страховые, по продажѣ с.-хоз. орудій), волостные старшины, писаря и пр. И развѣ эти лица обѣдняютъ, если стануть, для открытія деревенскаго госпиталя, отчислять хотя бы 2⁰/₀ изъ жалованія и доходовъ... И надо-ли и на этотъ разъ призывать къ жертвѣ, говорить о долгѣ, возбуждать добрыя чувства трогательными словами, живыми образами, неотразимыми доводами? Кажется, нѣтъ... Всѣ слова сказаны, и всѣ чары художественной фантазіи, вся мощь изощреннѣйшаго ума не можетъ дать больше того, что даетъ простое напоминаніе объ общемъ нашемъ русскомъ испытаніи... Копѣйка нищаго, рубль труженика и тысяча богача сольются въ одномъ потокѣ сочувствія къ раненымъ; всѣ приходы, и паства и

пастыри, безчисленное море людскихъ сердецъ, составляющихъ Русь Святую, объединятся въ одномъ помыслѣ, въ одномъ порывѣ, въ одномъ святомъ дѣлѣ. Эти жертвы и приношенія всѣхъ будутъ утѣшеніемъ для безотвѣтныхъ и безропотныхъ жертвъ борьбы, которая неудержимымъ потокомъ стекаются теперь съ обогранныхъ кровью полей борьбы. смерти и... воскресенія.

Н. С.

Апологія вѣры.

(Пророчество Исаи о рожденіи Еммануила).

Въ большомъ ходу теперь книга И. Тенеромо: „Живыя рѣчи Л. Н. Толстого“. Помимо своего разнообразнаго содержанія, она еще подкупаетъ своею цѣною. Въмѣсто прежнихъ 1 р. 50 коп. стоитъ всего-на-всего 30 коп. Ну, какъ не прельститься такою цѣною? Естественно, что каждый, у кого только заведется лишняя копѣйка, и кто слыхалъ и читалъ Толстого, пожелаетъ пріобрѣсти заманчивую книгу. И пріобрѣтаютъ. А между тѣмъ книга въ высшей степени соблазнительная. Въ ней есть много такихъ мыслей, которыя съ точки зрѣнія христіанской науки не выдерживаютъ никакой критики.

Вотъ возьмемъ хотя бы всѣмъ извѣстное пророчество Исаи о рожденіи Еммануила: „Се дѣва во чревѣ приметъ и родитъ Сына и нарекутъ ему имя Еммануиль, еже есть сказанное—съ нами Богъ“. Всѣ христіане относятъ его къ Иисусу Христу. А Толстой не только оспариваетъ это, но и не признаетъ за означенными словами ничего пророческаго.

Вотъ его разсужденія по одному вопросу.

„При царѣ Іудей Ахазѣ на Іерусалимъ предприняли походъ царь Сирійскій и царь Израильскій. Оба они остановились по близости въ землѣ Ефремовой и ждали удобнаго случая для нападенія.

Испугался царь Ахазъ и былъ въ большомъ уныніи.

Тогда Исаія, пророкъ того времени, вышелъ къ нему на встрѣчу со своимъ сыномъ и сталъ утѣшать царя.

— Ты не смущайся, сказалъ онъ ему, не страшись и да не унываетъ сердце твое отъ двухъ концовъ этихъ дымящихся головней. Господь не дастъ имъ власти надъ тобой, и эти враги скоро разсѣятся.

И тутъ пророкъ прибѣгаетъ къ образному указанію ерока, когда царь избавится отъ нашествія своихъ враговъ.

— Вотъ, говорить, моя молодая жена зачнетъ и родить сына, которому дадутъ особое имя „Съ нами Богъ“ и не успѣетъ этотъ ребенокъ быть отнятымъ отъ груди, какъ „Земля та, которой ты страшись, будетъ оставлена обоими царями“... ¹⁾ И такъ далѣе.

Въ виду того, что означенное толкованіе Толстого общезвѣстнаго пророчества ошибочно и въ виду того, что оно, благодаря книгѣ Тенеромо, сдѣлается достояніемъ многихъ слоевъ русскаго общества, подвергнемъ его критической оцѣнкѣ, чтобы во-время можно было заградить уста соглашающимся съ толстовскимъ пониманіемъ.

Толкованіе Толстого не ново. Его давнымъ давно высказывали древне-іудейскіе толковники: Раши, Ярхи, Абенъ-Эзра и христіанскіе: Кнобел, Ольсгаузенъ, Гитцигъ, Гендеверкъ и мн. др. Не смотря на то, что оно встрѣчаетъ многочисленныхъ сторонниковъ, его нельзя назвать основательнымъ, прежде всего, потому, что жена пророка, какъ имѣвшая взрослого сына Шеаръ-Ясува, ни въ какомъ случаѣ не могла быть названа „дѣвою“, или даже молодою женщиною; во-вторыхъ—потому, что когда заходитъ рѣчь о женѣ пророка Исаія, то пророкъ самъ называетъ ее „пророчицею“, а не „дѣвою“; наконецъ, и самъ пророкъ Исаія не дѣлаетъ никакого намека на то, что мать Еммануила есть его жена. Последнее соображеніе. Если Исаія разумѣлъ подъ Дѣвою свою жену, то почему онъ, какъ справедливо замѣтилъ Генстенбергъ ²⁾, такъ увѣренно говоритъ о рожденіи сына? А,

¹⁾ Тенеромо... стр. 82.

²⁾ Christologie des Alten Testaments... Berlin. стр. 94.

можетъ быть, дочь родилась? Независимо отъ этого, какъ замѣчаетъ Волнинъ, ¹⁾, трудно допустить со стороны пророка публичное разоблаченіе факта беременности своей жены: это было бы съ его стороны нескромною и ничѣмъ не оправдываемою нескромностью“. Вотъ всѣ эти соображенія говорятъ о несостоятельности толстовскаго объясненія пророчества Исаи о рожденіи Еммануила.

Далѣе. Толстой и Тенеромо недоумѣваютъ—можно-ли хоть какое-нибудь выраженіе означеннаго пророчества отнести къ предмету евангельскаго повѣствованія?“ ²⁾ „Что тутъ общаго съ рожденіемъ Христа и можно-ли отсюда, при всемъ желаніи и при богословскомъ умѣніи, дѣлать отдаленныя сближенія?“ ³⁾. Не только можно, скажемъ мы, но даже должно. Ибо въ самомъ пророчествѣ есть такія основанія, которыя прямо таки вынуждаютъ насъ отнести пророчество Исаи къ рожденію Мессіи. Основанія эти таковы.

1) Въ еврейскомъ текстѣ поставлено слово *алма*, которое въ строгомъ смыслѣ означаетъ только дѣву, чистую, непорочную, никогда не знавшую мужа. И, слѣдовательно, рѣчь здѣсь идетъ о безсѣменномъ зачатіи „отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы“. Въ противномъ случаѣ поставлено было бы слово либо „*на ара*“, либо „*бетула*“, означающія молодую или старую замужнюю женщину.

2) Историческія обстоятельства тоже за православное пониманіе. Напомнимъ ихъ.

Рацинъ, царь Сирійскій, и Факей, царь Израильскій, заключили между собою союзъ и двинулись на Іудею съ тою цѣлью, чтобы, овладѣвши ею, свергнуть съ престола царя Ахаза и возвести новую династію—Тавеилову. Въ переводѣ на языкъ тогдашнихъ обычаевъ это значило: умертвить Ахаза и истребить весь его родъ, весь домъ Давидовъ, всѣхъ пре-

¹⁾ „Мессія по изображенію пр. Исаи“. Кіевъ. 1908 г. стр. 105.

²⁾ Тенеромо... стр. 83.

³⁾ тамъ-же.

тендентовъ на престолъ какъ по прямой линіи, такъ и по окольной. Конечно, такое намѣреніе привело въ ужасъ рѣшительно всѣхъ: и царя, и весь домъ Давидовъ, и весь народъ. Вотъ для всеобщаго успокоенія является къ Ахазу пророкъ Исаіи и говоритъ ему отъ имени Божія: „не пребудетъ совѣтъ сей, ниже сбудется“. Желая еще сильнѣе закрѣпить эти слова въ сердцѣ царя, пророкъ предлагаетъ ему просить у Бога какого бы то ни было знаменія. Ахазъ отказывается, не желая искушать Бога своего. Тогда Исаія, обратившись ко всему роду Давидову, которому угрожала опасность, произнесъ многознаменательныя слова: „Слышите убо, доме Давидовъ: еда мало вамъ есть трудъ даяти челоувѣкомъ, и како даете Господеви трудъ; сего ради Господь Самъ дастъ вамъ знаменіе: се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родить Сына, и наречеши имя Ему Еммануиль“.

Вотъ величайшее и успокоительное знаменіе для дома Давидова. Какъ видно, оно имѣло своею ближайшею цѣлью поднять упавшій духъ царя и поддержать ослабѣвшія ¹⁾ силы народа. Теперь спросимъ вмѣстѣ съ св. Иринеємъ и Тертуллианомъ ²⁾: предсказаніе о рожденіи простою, обыкновенною женщиною простого, обыкновеннаго младенца, какъ думаетъ Толстой и Тенеромо, могло-бы успокоить царя и народъ, могло-бы ихъ укрѣпить, утѣшить, ободрить?—Нисколько. Трудно, невозможно представить себѣ что-нибудь болѣе нецѣлесообразное, какъ утѣшеніе потерявшагося царя и взволнованнаго народа пророчествомъ о рожденіи младенца. Напротивъ, если признаемъ, что Исаія имѣлъ въ виду роженіе Дѣвою и, притомъ, роженіе Мессіи, тогда обстоятельства совершенно мѣняются; тогда его пророчество для народа и царя является знаменіемъ и, притомъ, знаменіемъ весьма убѣдительнымъ и утѣшительнымъ. Оно какъ-бы такъ гово-

¹⁾ Adversus haeres. III, 27,

²⁾ Adversus Judaess, гл. 9.

рить всѣмъ трепетавшимъ и боявшимся: вы думаете, что замысль союзныхъ царей удался, что весь родъ Давидова будетъ истребленъ, что на престолъ будетъ возведена династія Тавеиловъ? Нѣтъ, этого не будетъ. Этого не бойтесь. И вотъ вамъ знаменіе отъ Бога: Мессія произойдетъ изъ царскаго рода Давидова. Его родитъ алма (дѣва) и нарекутъ Ему имя Еммануиль. Если такъ, то бояться истребленія и прекращенія рода Давидова—нечего.

Есть еще одна черта, побуждающая насъ отнести пророчество Исаіи къ Мессіи—І. Христу. Это тѣ наименованія, какія усвоаетъ пророкъ имѣющему родиться Младенцу. Такъ, сначала пророкъ называетъ Младенца Еммануиломъ, что значитъ—„съ нами Богъ“, каковое наименованіе указываетъ на такое лицо, въ которомъ Самъ Богъ поживетъ среди людей. Затѣмъ, въ 8-мъ ст. 8 гл. Исаія называетъ Его владыкою Израіля. Въ 6 ст. 9 гл. пророкъ изображаетъ Еммануила еще болѣе возвышенными чертами. „Отроча родися намъ, Сынъ и дадеса намъ, егоже начальство бысть на рамя его: и нарицается имя его велика совѣта Ангель, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь міра, Отецъ будущаго вѣка“. Все это такія имена, которыя могутъ быть приложимы только къ Божественному лицу, а отнюдь не къ человѣческому.

Наконецъ, надо обратить вниманіе на слова пророка: „и вотъ вамъ знаменіе“. Св. Іоаннъ Златоустъ ¹⁾ по поводу сихъ словъ пишетъ: „если-бы здѣсь рѣчь была о женѣ, которая рождаетъ по законамъ природы, то зачѣмъ пророкъ называетъ знаменіемъ то, что ежедневно бываетъ? Поэтому то и говоритъ въ началѣ своей рѣчи не просто: вотъ одна дѣва (παρθένος), но—вотъ сія дѣва (ἡ παρθένος), показывая чрезъ прибавленіе члена, что дѣва сія была извѣстная и одна она“.

¹⁾ Patrolog. Migne. 1862 г. DXI. стр. 83.

Вотъ всѣ эти признаки убѣждаютъ насъ въ томъ, что пророчество Исаи надо относить только къ Мессіи и ни къ кому другому.

Тенеромо со словъ Толстого замѣчаетъ: „въ оригиналѣ по древне-еврейски о дѣвѣ даже и не упоминается. Тамъ имѣется слово алма, которое значить молодца, молодая замужняя женщина ¹⁾).

Неправда. Всякій разъ, какъ только въ ветхозавѣтно-библейскомъ текстѣ идетъ рѣчь о молодой, чистой, еще не знавшей мужа отроковицѣ, то всякій разъ ставится слово алма. Если же богодухновеннымъ авторамъ приходилось говорить о пожилой или старой дѣвѣ, тогда употребляли слово бетула. Когда же рѣчь шла вообще о молодой особѣ, какъ замужней ²⁾, такъ и незамужней ³⁾, тогда въ Библии ставилось слово наара. Алма же, повторяемъ еще разъ, всегда стоитъ въ Библии въ значеніи дѣвицы, не знавшей мужа; и ни одного исключенія. А если такъ, то развѣ можно отнести это слово къ женѣ пророка, которая уже имѣла одного мужа?—Нѣтъ.

Тенеромо, ссылаясь не превосходное знаніе Толстымъ древне-еврейскаго языка, позволявшее ему читать въ оригиналѣ пятокнижіе и пророковъ ⁴⁾, утверждаетъ, что алма въ Библии всегда обозначаетъ молодую замужнюю женщину и только въ Исходѣ, во 2 главѣ, въ 8 ст. говорится, что „дѣвица (алма) пошла и призвала мать младенца“ ⁵⁾.

То, что Толстой будто-бы зналъ въ совершенствѣ древне-еврейскій языкъ, неправда. Объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ хотя-бы и данный фактъ. Толстой говорить, будто алма въ значеніи дѣвицы, не знавшей мужа,

¹⁾ „Живыя рѣчи Толстого“... стр. 84.

²⁾ Руѣв 2 гл. 5 ст. 4 гл. 12 ст.

³⁾ Есѣ. 2 гл. 3—4 ст.

⁴⁾ см. 84 стр. примѣчаніе.

⁵⁾ стр. 84.

употреблено только одинъ разъ въ Исх. 2 гл. 8 ст. Между тѣмъ мы еще можемъ насчитать 5 такихъ случаевъ. Перечислимъ ихъ.

1) Въ кн. Бытія словомъ алма названа невѣста Исаака—Ревекка. Бытописатель такъ выразился о ней: „дѣвица бѣше доброзрачна зѣла; дѣво бѣ, мужъ не позна ея“ (24 гл. 16 гл. 43 ст.).

2) Въ книгѣ „Пѣснь пѣсней“ словомъ алма дважды названы дѣвушки, не знавшія мужа. Такъ, въ 1-й гл. читай: это „отроковицы, которыя возлюбили чуднаго жениха и которыя были невинными“ (ст. 3). Въ 6-й же главѣ алма—невѣста, возлюбленная, которая непорочна и которую намѣреваются сватать женихъ.

4) Въ LXVII псалмѣ словомъ алма (множ. число) названы дѣвицы, идущія съ тимпанами, и проводившія, по мнѣнію ученыхъ, строго дѣвственную жизнь.

5) Въ XXX главѣ книги притчей Соломона названіе алма приложено только къ дѣвицѣ.

Значить, и послѣдняя оговорка Тенеромо и ссылки на великолѣпное знаніе Толстымъ еврейскаго языка тоже не выдерживаютъ критики.

Весьма прискорбно, что ложное толкованіе Толстымъ означеннаго пророчества Исаи при посредствѣ книги Тенеромо распространяется по всѣмъ градамъ и весямъ нашей матушки—Руси.

Пусть же пастыри Церкви противопоставляютъ ему истинное пониманіе, согласное и съ исторіей, и съ Словомъ Божиимъ, и съ здравымъ смысломъ.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи,

Свящ. *Александръ Введенскій.*

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе)¹⁾.

Наблюденія пчеловода за первымъ облетомъ.

Пчеловоду, однако, не слѣдуетъ слишкомъ долго предаваться пассивному удовольствію созерцанія перваго облета; какъ ни пріятно ему любоваться на своихъ пчелокъ, но у него есть дѣло къ нимъ и притомъ первостепенной важности. Не всѣ, вѣдь, семьи одинаково совершаютъ облетъ и притомъ въ одно и то же время; однѣ изъ нихъ, напр., очень дружно вышли изъ улья и такъ же дружно вернулись обратно; другія такъ же охотно и дружно вышли съ улья, какъ и первыя, зато вяло возвращаются; третьи вяло выходятъ и вяло возвращаются; четвертыя, хотя и вышли хорошо, но съ немалымъ опозданіемъ; будутъ и такіе пни, гдѣ пчелы совсѣмъ не покажутся. Всѣ свои наблюденія пчеловодъ долженъ отмѣчать въ пчеловодномъ журналѣ, составленномъ изъ таблицъ № 2, съ отдѣльнымъ листомъ для каждаго улья²⁾. Чтобы сократить себѣ трудъ, пчеловодъ можетъ опредѣлить качество облета пятибальной системой³⁾, лишь изрѣдка отмѣчая сжатыми и мѣткими фразами то, что оч. характерно и пятибальной системой выражено быть не можетъ.

Пчеловодъ, однако, даже въ этотъ день перваго облета не можетъ ограничиться однѣми только наблюденіями и записью ихъ; бываютъ случаи, когда ему слѣдуетъ перейти отъ наблюденій къ дѣйствию и чѣмъ скорѣе онъ это сдѣлаетъ, тѣмъ лучше. Вотъ, напр., замѣчаетъ пчеловодъ, что въ одномъ ульѣ пчела совсѣмъ не показывается, и онъ дол-

¹⁾ См. № 45 за 1914 г.

²⁾ Номера журнальныхъ листовъ помѣщаются на особыхъ прорѣзахъ, какъ это дѣлается въ алфавитныхъ каталогахъ.

³⁾ Какъ это дѣлается, напр., авторъ.

женъ сейчасъ къ нему направить стопы свои, разузнать причину такого непріятнаго казуса и дать скорую помощь. Прежде всего нужно развѣдать, не забить-ли трупами летокъ; развѣдка производится очень легко при помощи самага обыкновеннаго крючка изъ проволоки. Въ полъ минуты летокъ будетъ расчищенъ и пчелы, если онѣ только потому и не показывались, что не могли проложить себѣ дорогу въ толщѣ труповъ, немедленно явятъ себя міру. Но вотъ подошли вы къ безмолствующему улью., смотрите,—свободенъ летокъ: почистили крючкомъ,—нѣтъ труповъ! что за оказія? наклонились., прислушиваетесь.,—чуть слышно жужжать бѣдняжки.; подули въ летокъ раза два, да сильно.,—во всѣ легкіе., постучали кулакомъ въ стѣнку., анъ смотрите, показалась на леткѣ пчелка, за ней другая, третья и пошла потѣха.; такъ и запишемъ въ первую строку журнала, но лаконически: *О (ноль), подулъ, постучалъ, облетѣлись на 2.*—Это значитъ, что пень безмолствовалъ, и потому мы отмѣтили его облетъ нодемъ (0), но потомъ мы подули въ летокъ, постучали въ стѣнку, и пчелы вышли и облетѣлись, хотя и весьма слабо—на два съ минусомъ. Такой пень долженъ быть пересмотрѣнъ въ первую очередь, и хорошо еще, если такъ окончилось дѣло. Случается же иногда, что пчелы и на стукъ не выходятъ. Въ этомъ случаѣ нужно немедленно разобрать гнѣздо и точно развѣдать, въ чемъ дѣло, а затѣмъ поступить съ нимъ такъ, какъ того требуетъ состояніе пня, т. е., или подать ему скорую помощь по „способу оживленія полуокоченѣлыхъ семей“, если пчелы еще живы, или убрать его совсѣмъ съ пчельника, если семья погибла окончательно. Скорая помощь бѣдняку подается сегодня-же, ибо случиться можетъ, что завтра она уже и не понадобится. Само собою разумѣется, что брать неблагополучный пень въ комнату сейчасъ, когда его пчелки вышли наружу и хоть какъ-нибудь совершаютъ облетъ, нельзя; нужно подождать, пока онѣ опять соберутся. Хорошо, однако, сдѣлаемъ, если въ середину гнѣзда голодающаго бѣдняка вставимъ рамку съ

кормушкой, хотя бы съ маленькимъ количествомъ теплаго меду, покрытаго нарѣзанной соломкой. Ульи погибшихъ семей очищаются такъ, какъ объ этомъ уже было говорено.

Какъ видите, хорошему пасѣчнику некогда долго любоваться первымъ облетомъ, у него по горло найдется дѣла., но и это еще не все. Прислушиваясь къ радостному жужжанію летающихъ пчелъ, пасѣчникъ долженъ обратить свое слуховое вниманіе и на слѣдующее обстоятельство: не поютъ-ли вмѣстѣ съ пчелами трутни; ихъ безшабашную музыку, вѣдь, всегда можно отличить.

— Да что вы говорите?! спросить удивленный читатель, развѣ и трутни есть въ это время?

Да, могутъ быть, отвѣчу., они могутъ вывестись въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ завелась еще съ осени трутовка или трутневая матка, и въ подтвержденіе сказаннаго расскажу вамъ случай изъ своей-же практики, имѣвшій мѣсто у меня на пчельникѣ весной сего-же 1914 года въ присутствіи моихъ слушателей семинаристовъ—пчеловодовъ любителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го ноября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу*.

Бѣвъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 47

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевокой духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 16-го ноября.

Содержаніе: I. Уроки войны. Н. Гумилевскій.—II. Радость подвига. Прот.
I. Восторговъ.—III. Приходскія санитарныя попечительства. Свящ.
Н—овъ.—IV. По опустошенной Холмщинѣ.—V. Бесѣды по пчело-
водству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Замятка. По-
хороны на войнѣ.—VII. Отъ Редакціи. При семъ № разсылается
бланкъ о подпискѣ на ж. „Руководство для сельскихъ пастырей“
въ 1915 году.

Уроки войны.

II.

Вильгельмъ II, нападаая сразу на нѣсколько могуще-
ственныхъ державъ, рассчитывалъ, очевидно, на внутреннюю
слабость своихъ враговъ. По отношенію къ Россіи такіе раз-
счеты были не безосновательны: одной изъ основъ мощи
государства является единодушіе его членовъ, а Россія въ
последніе годы (была раздираема враждой партій и народно-
стей, чѣмъ въ значительной степени обусловливалось и не-
счастное для насъ окончаніе русско-японской войны. Однако

вызванная кайзеромъ война и въ этомъ отношеніи оказалась для Россіи благотворной: вслѣдствіе этой войны, распри совершенно прекратились. Наиболѣе ярко это проявилось въ засѣданіи Гос. Думы 26 іюля с. г., когда представители различныхъ партій и народностей высказывались вполне единодушно. Грозная опасность, нависшая надъ государствомъ, ясно показала всѣмъ, имѣющимъ очи, чтобы видѣть, что въ общественно-государственной жизни есть высшія блага, предъ которыми частные программы и интересы должны отступить на задній планъ.

Дальнѣйшее теченіе событій подтвердило, насколько такое единодушіе оказалось, благодѣтельнымъ. Поэтому великимъ благомъ для Россіи было-бы, если бы это единодушіе сохранилось и послѣ войны, навсегда, и необходимо употребить всѣ усилія для этого, хотя послѣ войны и возможны отрицательныя явленія въ этомъ отношеніи: слишкомъ различны тѣ міровоззрѣнія, изъ которыхъ исходятъ противоположныя партіи, и тѣ интересы, которыми живутъ отдѣльныя народности, входяція въ составъ Русскаго государства. Насколько трудно ожидать, чтобы лѣвыя партіи ради прекращенія партійныхъ разногласій поступились своими программами, настолько и правымъ партіямъ невозможно отказаться отъ исповѣдуемыхъ ими положеній, тѣмъ болѣе, что изъ современной войны слѣдуютъ выводы, болѣе благоприятные именно для послѣднихъ, чѣмъ для первыхъ. На самомъ дѣлѣ, война показала, что нашъ государственный организмъ, при теперешнемъ устройствѣ, несмотря на нѣкоторые недостатки послѣдняго, не отрицаемые и правыми, обладаетъ высокою степенью мощи и устойчивости, вопреки утвержденіямъ, что „самодержавный режимъ“ обязательно ведетъ къ полному развалу и безсилію. Во всякомъ случаѣ, обнаружилось, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ возможно согласіе даже прямо противоположныхъ по своимъ воззрѣніямъ партій. Этимъ на насъ налагается обязанность изыскать почву, на которой было бы возможно сближеніе стремленій къ преобразованіямъ

съ стремленіемъ къ сохраненію въ цѣлости исконно-русскихъ началъ.

Повидимому, болѣе благопріятно обстоитъ дѣло съ инородческимъ вопросомъ. Когда предъ нами встала опасность, угрожающая независимости Русскаго государства и самому существованію его въ прежнихъ предѣлахъ, входящіе въ составъ этого государства инородцы обнаружили достаточное здравомысліе для того, чтобы понять, что ихъ собственное благо связано съ благосостояніемъ Россіи, и что переходъ подъ власть нѣмцевъ былъ бы непоправимымъ бѣдствіемъ. Прежнія жалобы о невыносимыхъ будто бы угнетеніяхъ разсѣялись, и большинство нашихъ инородцевъ дѣйствуетъ совсѣмъ не такъ, какъ оказавшіяся пасынками въ Австро-Венгріи славянскія племена. Проявленія патріотизма со стороны инородцевъ могутъ повести къ значительному измѣненію въ отношеніи къ послѣднимъ нашего законодательства: вѣдь существующіе по отношенію къ нимъ запретительные законы объясняются здравыми соображеніями государственной безопасности и вызваны нежелательными стремленіями самихъ инородцевъ къ обособленію, къ преобладанію надъ русскимъ народомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямою враждою къ русской государственности. Если русскій народъ и вынужденъ бороться въ разныхъ областяхъ жизни съ инородцами, то это—борьба оборонительная, а не наступательная. Если же теперь инородцы обнаруживаютъ болѣе здоровое отношеніе къ государству и русскому народу, то надобность въ запретительныхъ законахъ прекращается. Только требуется государственная мудрость для того, чтобы опредѣлить, насколько проявляемый инородцами патріотизмъ искрененъ и проченъ.

Относительно, въ частности, поляковъ, которымъ уже даны высокія обѣщанія, нужно сказать, что въ ихъ воззрѣніяхъ замѣчаются весьма разумныя измѣненія: польскіе дѣятели (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые) уже не требуютъ восстановленія Польши „отъ моря до моря“, со включеніемъ Малороссіи, Бѣлороссіи и Литвы, а довольствуются областями съ корен-

нымъ польскимъ населеніемъ, изъявляя согласіе на отказъ даже отъ такихъ городовъ, какъ Львовъ и Вильна. Только на такой почвѣ и возможно соглашеніе съ поляками.

Совершенно не потерявшимъ своей остроты слѣдуетъ признать еврейскій вопросъ. Наши юдофилы, пользуясь благоприятными обстоятельствами, снова высказываютъ пожеланія объ уравниніи евреевъ въ правахъ съ русскими. Но эти пожеланія слабо обосновываются: говорятъ, что теперь, когда поднять вопросъ о расширеніи правъ, напр., поляковъ, совершенно несправедливо лишать правъ евреевъ. Какъ будто русскія законодатели стѣсняють права евреевъ изъ любви къ притѣсненіямъ! Противники еврейскаго равноправія указываютъ вредное вліяніе евреевъ въ различныхъ областяхъ общественной и государственной жизни, и потому защитникамъ евреевъ нужно опровергнуть приводимые факты, а не ограничиваться ссылками на одни общія положенія. Въ печати промелькнулъ слухъ (нуждающійся въ подтвержденіи), что среди евреевъ явилась мысль просить часть венгерской территоріи, куда могли бы выселиться евреи изъ Россіи. Такое разрѣшеніе еврейскаго вопроса было бы наилучшимъ; въ силу своей особой исторической судьбы, евреи въ теченіе многихъ вѣковъ привыкли жить паразитами на организмѣ другихъ народовъ, и потому для этихъ послѣднихъ жить совмѣстно съ ними не легко.

Н. Гумилевскій.

Радость подвига ¹⁾).

Пѣснь церковная говоритъ намъ:

„Днесъ, — нынѣ, день Господень: радуйтесь, людіе“!

Что можетъ быть желаннѣе, что можетъ быть возвышеннѣе, какъ доставлять и рожденіемъ, и жизнью, и даже

¹⁾ Рѣчь при открытіи приходскаго лазарета для раненныхъ воиновъ 8 сентября 1914 года.

смертью своею радость людямъ, радость всему живущему! Такова была Богоматерь, таковы и для насъ уроки и завѣты Ея жизни.

Слава Богу, есть народы, есть и отдѣльные люди, которые ставятъ себѣ именно такія цѣли существованія; есть, напротивъ, народы и люди, которыхъ чужая радость только раздражаетъ, повергаетъ въ злобу и ненависть, для которыхъ жить не значитъ—любви служить, ближнихъ радовать, а значитъ—служить только себѣ, причиняя другимъ возможно больше зла.

Не таковъ ли оказался нынѣшній вождь Германіи и самый его народъ? Ему тѣсно не только въ родной странѣ, но и во всей вселенной. Ему представляется, что міръ существуетъ только для Германіи; ему кажется, что никто, кромѣ нѣмцевъ, не имѣетъ права существовать на свѣтѣ. Отсюда эта всѣмъ надѣвшаяся нѣмецкая кичливость, это постоянное надменное и властное вмѣшательство въ дѣла другихъ государствъ, эта нестерпимая зависть къ чужому благосостоянію, это презрѣніе ко всѣмъ народамъ. Отсюда эта жестокость на войнѣ, добиваніе раненыхъ, разстрѣлы мирныхъ жителей, уничтоженіе цѣлыхъ городовъ. Отсюда это желаніе подчинить себѣ всѣ народы, лишить ихъ радости свободы, самостоятельнаго государственнаго существованія, радости самаго бытія.

Не обратное ли явленіе представляетъ народъ русскій, воспитанный въ духѣ любви и смиренія Православною Церковью? Не одинъ, а нѣсколько народовъ обязаны Россіи своимъ существованіемъ, своимъ воскресеніемъ въ жизни. И теперь русскій народъ борется за правду и право, за миръ міра, за свободу славянскихъ племенъ. Онъ желаетъ дать радость людямъ, радость родственнымъ по вѣрѣ и крови, племенамъ, обезпечить мирный порядокъ жизни въ Европѣ и во всемъ мірѣ, чтобы люди безпрепятственно пользовались радостями мірнаго преуспѣянія жизни. И жизнь, и смерть, и здравіе, и самыя болѣзни свои отъ ранъ наши войны

посвящаютъ этому высокому назначенію челоуѣка—давать радость другимъ,—назначенію, которое осватила своимъ примѣромъ Пресвятая Богородица.

Они, войны наши, тамъ, на полѣ брани, свершаютъ свой подвигъ любви,—и, какъ слышимъ и видимъ, многіе дѣйствительно совершаютъ въ радости, а мы свершаемъ его здѣсь, вдали отъ нихъ, но для нихъ, и тѣмъ пріобщаемся къ ихъ великому дѣлу. И сегодня мы открываемъ здѣсь церковно-приходскій лазаретъ, и притомъ столь значительный—для 40 раненыхъ воиновъ. Мы желаемъ страдальцамъ облегчить страданія, мы желаемъ „имъ радость въ печали мѣсто даровать“, мы желаемъ лѣченіемъ, уходомъ, теплою ласкою, теплымъ участіемъ загладить тѣ муки, которыя имъ пришлось перенести.

Да будетъ же благословенъ этотъ радостный подвигъ любви, и да покроетъ его небеснымъ покровомъ благоволенія Та, рожденіе и жизнь, и смерть Которой принесли міру вѣчную радость! Да будетъ радость, которая будетъ витать въ этихъ стѣнахъ, и нашею радостью, нашимъ счастьемъ и глубокимъ удовлетвореніемъ нашей совѣсти. Вотъ гдѣ—дѣятельное христіанство, вотъ гдѣ приходъ, какъ учрежденіе христіанское,—малая церковь, живущая и движущаяся духомъ любви и радостнаго подвига, по образу Главы и Подвигопомощника Христа; вотъ гдѣ истинное основаніе и истинное возрожденіе прихода, о которомъ нынѣ такъ много пишутъ и говорятъ. Вѣра и любовь, смиреніе и упованіе даютъ вѣчную основу дѣятельности прихода, и въ радости подвига вѣры и любви дадутъ радость и всей окружающей насъ жизни. (Православн. Благовѣстн.).

Протоіерей *И. Восторговъ.*

Приходскія санитарныя попечительства.

Жизнь деревни, при первомъ взглядѣ, должна-бы быть особенно блаприятной для здоровья ея населенія. Благодатный

воздухъ полей, работа крестьянина-хлѣбороба подѣ открытымъ небомъ—все, кажется, должно-бы обезпечить ему долгую жизнь. Между тѣмъ, извѣстно, что дѣти въ нашихъ сельскихъ приходахъ умираютъ, какъ мухи; по количеству дѣтской смертности деревенская Россія стоитъ впереди другихъ государствъ, да и взрослое населеніе въ сельскихъ приходахъ гибнетъ отъ разнаго рода заразныхъ болѣзней больше, чѣмъ въ скученныхъ большихъ городахъ Европы. Наприм., сводка матеріала объ инфекціонныхъ (заразныхъ) заболѣваніямъ въ одномъ изъ небольшихъ уѣздовъ Саратовской губерніи показала, что за одинъ только 1911 годъ въ уѣздѣ заболѣло скарлатиной, дифтеритомъ, сифилисомъ, лихорадкой, трахомой—болѣзью глазъ, тифомъ брюшнымъ, кровавымъ поносомъ, чахоткой свыше 30 тысячъ человекъ. А по даннымъ санитарнаго бюро Губернскаго Земства за этотъ же 1911 г. въ Пермской, напримѣръ, епархіи заболѣло тифомъ, оспой, корью, скарлатиной, дифтеритомъ, дизентеріей, рожей, сибирской язвой, лихорадкой, чахоткой—119,453 чел. Чахотка составляетъ настоящее народное бѣдствіе, а вѣдь эта болѣзнь, при освѣдомленности населенія о причинахъ ея распространенія, не должна-бы имѣть мѣста въ сельскихъ приходахъ.

Та же неосвѣдомленность деревенскаго населенія о причинахъ другихъ заболѣваній и порой даже грубое пренебреженіе деревенцевъ къ мѣрамъ своей санитарной охраны способствуютъ гибели крестьянскаго населенія отъ перечисленныхъ выше болѣзней въ такомъ количествѣ, какое не уносятъ даже страшныя болѣзни—чума и холера.

Во многихъ епархіяхъ земства, какъ уѣздныя, такъ и губернскія, уже принимаютъ возможныя съ ихъ стороны мѣры для санитарнаго оздоровленія деревни, и за послѣдніе годы, рядомъ съ медицинскими участками, учреждаются должности санитарныхъ врачей; земскими собраніями издаются обязательныя постановленія объ охранѣ труда въ неблагопріятныхъ условіяхъ промышленности, но какъ во всѣхъ

другихъ областяхъ своей работы, такъ и въ области мѣропріятій по охранѣ народнаго здравія, земства, прежде всего, рассчитываютъ на самодѣятельность самого населенія крестьянскаго. И правительство сознало, что успѣшно бороться съ такими, наприм., болѣзнями, какъ холера, чума, возможно лишь при тѣхъ условіяхъ, когда наши сельскіе прихожане сами сознаютъ необходимость издаваемыхъ правительствомъ обязательныхъ мѣръ по охранѣ населенія и когда наши деревенцы добровольно исполняютъ предписанія врачей.

Именно эти мотивы и соображенія заставляютъ, въ последнее время, всѣхъ общественныхъ дѣятелей внѣзъ говорить о значеніи для „темныхъ“ нашихъ крестьянъ санитарныхъ приходскихъ попечительствъ, содѣйствовать ихъ повсемѣстному возникновенію и расширенію задачъ ихъ полезной дѣятельности. Въ настоящее время нѣтъ, кажется, земской губерніи или уѣзда, гдѣ-бы вопросъ о санитарныхъ попечительствахъ не обсуждался, какъ необходимая общественная мѣра борьбы съ санитарными неурядицами русской деревни.

Разсмотрѣнію и обсужденію участковаго санитарнаго попечительства подлежатъ всѣ вопросы по состоянію здоровья населенія участка, обезпеченію его надлежащей врачебной помощью, по улучшенію водоснабженія нашего грязнаго села, по изысканію способовъ лучшаго примѣненія санитарныхъ мѣръ вообще и въ частности—въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, по надзору за исполненіемъ санитарныхъ постановленій въ предѣлахъ участка, по изысканію путей къ проведенію въ населеніе здравыхъ гигиеническихъ понятій, устройству доступныхъ медицинскихъ чтеній, по раздачѣ, чрезъ приходскихъ священниковъ и народныхъ учителей, листовокъ и брошюръ медицинскаго характера, по организаціи въ деревняхъ лѣтнихъ дѣтскихъ яслей-пріютовъ, горячаго приварка въ школахъ, ночлежекъ при нихъ, по изысканію мѣръ борьбы съ высшей дѣтской смертностью и алкоголизмомъ, по устройству въ селеніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая или пораженныхъ эпидеміями, а также въ мѣстахъ скопленія

пришлаго люда, чайныхъ, столовыхъ, ночлежекъ, по устройству въ деревнѣ организаціи денежной помощи въ острыхъ случаяхъ нужды.

Тамъ, гдѣ эти приходскія попечительства существуютъ, они частично выполняютъ свою программу, оказывая земскому врачу незамѣнимую услугу.

Заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія постановленіе областного Съѣзда юга Россіи по борьбѣ съ эпидеміями, состоявшагося въ г. Кіевѣ 16—25 Августа 1913 г.

Членъ съѣзда г. Павловскій, поднявши вопросъ о санитарномъ состояніи селъ, о санитарныхъ попечительствахъ, заявилъ: „Проведеніе санитарныхъ мѣропріятій и противоэпидемическая борьба возможны только при сознательномъ отношеніи населенія и общества. Врачебный персоналъ можетъ идти наравнѣ съ требованіями жизни только при живой связи съ населеніемъ, а это возможно при существованіи санитарныхъ общественныхъ организацій, каковыми и являются санитарныя попечительства“.

Изъ напечатанныхъ „Отчетовъ“ помянутыхъ приходскихъ санитарныхъ попечительствъ мы узнаемъ, что послѣднія открывали пріюты-ясли, устраивали чайныя-столовыя, завтраки для учащихся, распространяли листки Пироговскаго о-ва врачей, обследовали свой районъ въ санитарномъ отношеніи и содѣйствовали здоровому водоснабженію крестьянъ, предупреждая загрязненіе питьевой воды. Этою дѣятельностью программа санитарныхъ попечительствъ, конечно, не исчерпывается; предъ ними стоитъ полное переустройство санитарнаго быта деревни: музеи, лекціи, разумныя народныя развлеченія, совмѣстная дружная работа въ этомъ направленіи съ другими культурными организаціями прихода,—все это должно заинтересовать санитарныя организаціи и найти то или иное осуществленіе въ бѣдной событіями приходской жизни.

Далѣе необходимо приходскимъ санитарнымъ попечительствамъ, по примѣру хотя-бы пожарныхъ организацій,

заняться устройствомъ своихъ помѣщеній—избъ общественныхъ на случай вспышки какой-нибудь заразной болѣзни (особенно среди деревенской дѣтвора); эти дома „пріюты“ для больныхъ дѣтей были-бы своими для прихода; прихожанки наши, какъ еще народъ „темный“, не чуждались бы ихъ и не сочиняли-бы тѣхъ „небылицъ“, какія по сіе время распространяются о земскихъ дѣтскихъ баракахъ. Въ будущемъ—эти приходскія избы-бараки будутъ являться настоящими деревенскими больницами и, слѣдов., такимъ путемъ можно содѣйствовать быстрому расширенію правильной медицинской помощи среди деревенцевъ. Стоитъ только подсчитать въ каждомъ районѣ попечительства ежегодныя жертвы нашихъ сельскихъ эпидемій,—и плодотворность работы въ области народнаго санитарнаго оздоровленія будетъ, кажется, вполне ясной и очевидной для cadaго прихожанина-деревенца.

Свящ. Н—овъ.

По опустошенной Холмщинѣ ¹⁾).

Нашъ епархіальный миссіонеръ священникъ о. Іосифъ Захарчукъ помѣстилъ на страницахъ «Новаго Времени» слѣдующее описаніе жестокостей австрійцевъ при нашествіи на Холмщину.

11 сентября сопутствуя преосвященному Анастасію, епископу Холмскому и Люблинскому, при посѣщеніи имъ наиболѣе пострадавшихъ отъ войны селеній своей искони многострадальной епархіи, я услышалъ о душу потрясающихъ ужасахъ текущей войны. Хочу повѣдать всему міру о безумной жестокости австрійскихъ швабовъ и великихъ бѣдствіяхъ русскаго пограничнаго населенія. Первымъ посѣщено въ этотъ день село Верещица, Томаповскаго уѣзда. Довольно большое

¹⁾ Изъ „Холм. церк. жизни“.

и богатое село въ половинѣ минувшаго августа обращено австрійскими войсками въ кучу развалинъ. Дома и строенія православнаго населенія уничтожены огнемъ, хлѣба и сѣно частью сожжены, частью забраны вмѣстѣ со скотомъ. Австрійцы поджигали хаты и забирали въ плѣнъ православныхъ; 99 человекъ угнаны въ Австрію, и неизвѣстно, что съ ними враги сдѣлали. Говорятъ, что многихъ разстрѣляли. Не пощадили ни стариковъ, ни дѣтей, забрали даже двухнедѣльнаго ребенка.—А гдѣ живете вы теперь?—спросилъ Владыка крестьянъ.—„Живемъ, кто въ шалашѣ, кто въ погребѣ, кто въ ямѣ. Питаемся исключительно картофелемъ; нѣтъ ни хлѣба, ни молока. Наихуже съ маленькими дѣтьми, безъ молока они еле дышать“... Подлѣ церкви уцѣлѣла и церковная школа. Учитель показалъ намъ слѣды хозяйничанья австрійцевъ. Стѣны изрѣсечены пулями, шкафъ разбитъ, книги изорваны, мебель разломана и изрѣзана. Крайне тяжелое впечатлѣнiе производитъ изнуренная голодомъ, холодомъ и болѣзнями уцѣлѣвшая горсточка полунагихъ вершинцевъ, но не поддается описанію то, что пришлось узнать въ с. Юровѣ. Отъ красиваго, зажиточнаго, многолюднаго села остался лишь длинный рядъ почернѣвшихъ дымовыхъ трубъ. Здѣсь нѣмецъ неистовствовалъ съ особой злобой. Еще при появленіи первыхъ отрядовъ юровцы услышали угрозу: „Здѣсь изъ москалей надѣлаемъ ветчины“. И надѣлали. Учинивъ поджоги въ 40 мѣстахъ, швабы стали стрѣлять въ тѣхъ, кто кидался спасать имущество. Перепуганное населеніе, выскакивая изъ объятыхъ пламенемъ жилищъ, подлѣ пулями спасалось, куда попало. Нѣкоторыя семьи запрятались въ погреба, иныя въ картофельныя ямы. Замѣтивъ это, швабы стали зажигать солому и бросать ее въ ямы на живыхъ людей. Обезумѣвшіе отъ ужаса, несчастные стали выползать изъ ямъ, но тутъ встрѣчали ихъ штыки и пули. Изъ одной ямы выползъ какой-то 7-лѣтній мальчикъ и бросился бѣжать, но вражья пуля насквозь пронзила ему грудь. Онъ упалъ, но остался живъ. Погибшихъ лютою смертію въ погребахъ

насчитываютъ 42 человѣка. Обугленные, безформенныя тѣла ихъ положены безъ гробовъ въ двухъ могилахъ, на огородѣ, противъ церковной школы. Въ плѣнъ уведено до 80 человѣкъ, изъ коихъ многіе разстрѣляны, а остальные неизвѣстно, гдѣ обрѣтаются. Среди обносившихся, босыхъ, раненыхъ, голодныхъ юровцевъ ходитъ разсказъ о мужествѣ плѣннаго старика, Базарника. Швабы, по словамъ бѣжавшихъ изъ плѣна, присудили его къ разстрѣлу, выполняющемуся у нихъ въ 4 приема: сначала даютъ залпъ по ногамъ, затѣмъ—по животу, потомъ стрѣляютъ въ грудь и, наконецъ, въ голову. Залпы раздѣляются значительными интервалами. Послѣ второго залпа 80-лѣтній Базарникъ промолвилъ: „Я умираю за святую православную вѣру и за родную Русь, но знайте, враги, что не сломить вамъ русской силы. Русскій Царь вотъ такъ разотретъ васъ!“. Базарникъ сложилъ руки ладонями и сдѣлалъ выразительный жестъ растиранія. Послѣдовалъ третій залпъ, и старикъ умолкъ. Такою же смертью умеръ и церковный учитель Гиль, до самой смерти ободрившій товарищей своихъ по несчастью. Горсть юровцевъ ютится возлѣ уцѣлѣвшаго своего храма въ церковной школѣ. Только сила Божія могла сохранить святыню, со всѣхъ сторонъ окруженную моремъ пламени. Краска на стѣнахъ вспузырилась, но угасилъ Господь пламень и церковь сохранилъ. Послѣднимъ въ этотъ день посѣщено село Ходыванцы. Здѣсь 15 августа швабы сожгли нѣсколько домовъ, выломали церковныя двери, вѣзжали на лошадяхъ въ церковь и выгоняли оттуда перепуганный народъ. Люди бросились къ выходу черезъ ризницу. По уходившимъ раздались выстрѣлы. Церковный староста убитъ на погостѣ, жена настоятеля ранена въ голову, дочь-ученица убѣжала въ поле, но пуля попала ей въ лѣвую руку, и она упала безъ чувствъ. Очнулась страдальца отъ удара праптели въ ту же руку. Съ раздробленной рукой еле доползла несчастная къ своему дому, гдѣ въ погребѣ сестра ея кое-какъ перевязали ей руку. Въ плѣну ей ампутировали руку по плечо. Отбитая казаками, она возвращена домой къ

отцу, служившему уже по ней панихиды. Батюшка, въ свою очередь, одновременно съ семейю попалъ въ руки швабовъ въ сосѣдней деревнѣ. Онъ ѣхалъ съ мальчикомъ сыномъ. Австрійскій разъѣздъ настигъ его, накинули на него арканъ и съ криками: „попа, попа!“ повлекли по землѣ. Казаки подняли его и доставили на пограничный постъ, гдѣ и привели въ чувство. Сынокъ оказался раненымъ въ ногу. Всѣхъ ихъ пострадавшихъ видѣли мы въ ихъ домѣ, пробитомъ снарядами и загаженномъ швабами. О. Андрей жалуется на боль въ шеѣ. Кромѣ своихъ раненыхъ онъ принялъ на попеченіе и раненаго въ грудь сиротку, который выползъ изъ ямы въ Юровѣ. Какъ и юровцы, жители Ходыванцевъ первоначально обречены были мечу и пожару, но по позднѣйшему распоряженію австрійскаго штаба разстрѣляно только 18 человекъ и душъ 70 забрано въ плѣнъ.

Подобное-же описаніе звѣрствъ австрійцевъ помѣщено въ «Колоколъ» (№ 2351). Разсказъ касается с. Оцова, Княжполя и др. изъ Бѣлорайскаго уѣзда.

Наше село, на самой границѣ Холмщины и Галиціи, переходило семь разъ изъ нашихъ рукъ въ руки австрійцевъ. Сначала вломились къ намъ мадьяры. Прискакали и прежде всего спрашиваютъ: гдѣ „козя“? (казаки).

Стали обыскивать и шарить по хатамъ, по садамъ, по ригамъ. Во время обысковъ начались издѣвательства и звѣрства. Мадьяры убили крестьянина В. Арбузова, на глазахъ всего села, недалеко отъ церкви. Вслѣдъ за этимъ полкомъ прибыло восемь полковъ конницы, пѣхоты и артиллерія.

Что тутъ происходило—трудно описать. Прежде всего ворвались въ приходской домъ, все искали священника.— „Дайте намъ попа, мы ему бороду обрѣжемъ“—говорили они-- шарили по всѣмъ комнатамъ и по всѣмъ закоулкамъ. Обыскивали и въ селѣ.

Въ эту ночь начались насилія. У одного крестьянина была шестнадцатилѣтняя дочь. Почти весь взводъ совершилъ надъ ней насиліе. Отецъ бросился на-земь, цѣловалъ имъ

сапоги и просилъ: „Убейте меня, не трогайте только ее“. Но ничего это не помогло. Мадыяры крестьянина убили, а надъ дѣвушкой совершили гнусное насиліе до полнаго обморока. Бѣдную дѣвушку въ обморочномъ состояніи держали двое за руки, двое за ноги на воздухѣ и насиловали. Когда другія женщины увидѣли эти издѣвательства, на нихъ напалъ панической страхъ. Женщины бросились ко мнѣ, чтобы я ихъ заперъ въ церкви. И вотъ тогда крестьяне обступили меня и спрашивали, что дѣлать дальше. Я сказалъ: „Одна надежда на Господа Бога, будемъ молиться, чтобы Господь скорѣе прислалъ нашихъ на помощь“. Тутъ прибѣжали австрійскіе солдаты и стали спрашивать: „Что вамъ попъ говорить?“—Просить помощи у Бога, отвѣчали имъ.

Тогда солдаты схватили меня и съ паперти приволокли въ домъ, посадили подъ арестъ, гдѣ я просидѣлъ двое сутокъ. Австрійцы не позволили мнѣ подавать пищи, и только одна баба черезъ окно бросила мнѣ нѣсколько сливъ, и этими сливами я просуществовалъ два дня и двѣ ночи. Мое положеніе стало затѣмъ еще болѣе опаснымъ, но тутъ меня выручилъ одинъ чехъ унтеръ-офицеръ.

При нѣмцахъ онъ кричалъ, сердился и распоряжался, какъ будто былъ злѣйшимъ врагомъ русскихъ, а когда нѣмцы ушли, онъ тихонько явился ко мнѣ, поцѣловалъ мнѣ руку, сказалъ: „Мы знаемъ, что русскій Царь величайшій славянинъ, и что борется за славянъ; мы, чехи, тоже славяне, и мы въ душѣ-то всѣ вамъ сочувствуемъ“.

И вотъ, когда мнѣ угрожалъ конецъ, онъ опять явился во главѣ цѣлаго взвода, съ палашемъ наголо и вывелъ меня изъ моего плѣна и перевелъ въ церковь. Самъ же сталъ на караулъ у церкви и никого не пускалъ говоря, что онъ сторожитъ важнаго преступника.

Въ церкви находились наши плѣнные казаки. Мы въ томительномъ ожиданіи просидѣли еще нѣсколько часовъ, пока не послышалась пальба съ юга. Это подходили наши войска послѣ занятія Львова. Нашъ сторожъ со своимъ от-

рядомъ сдался въ плѣнъ, и мы были спасены и вышли вмѣстѣ съ казаками изъ церкви.

Другимъ священникамъ пришлось гораздо хуже. Священника изъ сосѣдняго села постигла тяжелая участь. Его больная жена лежала въ Люблинѣ, а онъ остался дома. Австрійцы нагрянули и взяли его въ плѣнъ. Малыя дѣти его заголосили и съ версту бѣжали за своимъ отцомъ, все кричали: „Папа, папа, не покидай насъ“.

Наши войска, когда вернулись къ намъ, удивлялись страшному опустошенію. Пребываніе врага въ нашемъ селѣ въ продолженіе одной недѣли отразилось ужасно на населеніи. Появились умалишенные и идиоты.

Русскіе офицеры, прибывшіе изъ-подъ Львова, рассказывали, что они въ Галиціи не видали русскихъ священниковъ, не только православныхъ, но даже униатовъ, такъ какъ всѣ русскіе священники были арестованы, а мазепинскіе священники сами бѣжали.

Одинъ полковникъ, который участвовалъ въ бояхъ подъ Львовомъ, рассказывалъ, что онъ освободилъ не далеко отъ Каменки 44 русскихъ униатскихъ священника, которые были угнаны австрійцами. Австрійцы связали ихъ въ одну цѣпь, такъ что они не могли разомкнуться. Если одинъ захотѣлъ спать, то всѣ должны были ложиться на мокрую землю рядомъ.

Также поступили и съ нашими крестьянами. Изъ сосѣдняго села нѣсколькихъ нашихъ крестьянъ увели и также приковали другъ друга къ рукѣ. Ни спать, ни сѣсть, ни лечь не могъ никто отдѣльно, говорили крестьяне.

При посѣщеніи Преосвященнымъ Анастасіемъ города Замостья представилась такая картина. Городъ представлялъ настоящую пустыню, въ которой нельзя было ничего найти. Грозилъ опасность ночевки въ пустомъ городѣ подъ открытымъ небомъ. Къ счастью, нашелся человекъ, проводившій владыку и его спутниковъ въ помѣщеніе, занимаемое начальникомъ земской стражи. Тамъ удалось отдохнуть, а на слѣдующій день помолиться въ замостскихъ храмахъ съ собрав-

шимися православными жителями. Изъ {Замостья владыка выѣзжалъ въ Бѣлгорай, которому пришлось перенести ужасы варварскаго нашествія. Мѣстные священники о. В. Козловскій и о. А. Лебедевъ были приговорены къ смерти, и только Господь спасъ своихъ служителей, не оставившихъ своей паствы даже предъ опасностями явной смерти. Въ Бѣлгораѣ владыка видѣлся и съ священниками окружныхъ сель, которые собицали ему о тѣхъ ужасныхъ минутахъ, какія имъ пришлось пережить. Нѣсколько священниковъ уведены въ плѣнъ. Нѣтъ извѣстій о судьбѣ о. М. Охотскаго, о. М. Лаца, о. В. Иванова.

Передаютъ слѣдующій любопытный инцидентъ о пребываніи австрійцевъ въ Замостьѣ. Во время пребыванія своего въ Замостьѣ они пытались взять съ города 40.000 р. на военные расходы, для чего были вызваны ими нѣкоторые городскіе обыватели и имъ предложено немедленно собрать эти деньги съ жителей и представить командиру австрійскаго отряда. Одинъ изъ обывателей замѣтилъ, что городъ въ русскую казну платитъ ежегодно всего лишь 18.000 р. въ видѣ налога съ недвижимыхъ имуществъ и назначенной въ такомъ большомъ количествѣ суммы въ пользу австрійцевъ уплатить не можетъ. Австрійцы сначала не повѣрили его словамъ, но потомъ удалось ихъ убѣдить представленными магистратскими раскладками. Засимъ австрійцы согласились получить съ города только 20.000 р. Но тогда выяснилось, что и этой суммы городъ не въ состояніи собрать, такъ какъ всѣ богатые горожане покинули городъ, а осталась только одна бѣдность; австрійцы начали угрожать взятіемъ десяти заложниковъ. При этомъ разыгралась довольно интересная сцена. Одинъ изъ обывателей заявилъ австрійцамъ: „Вы хотите десять заложниковъ, а мы вамъ предлагаемъ 20. Но не надо забывать, что обыватели, не покинувшіе города, всѣ бѣдные и нѣкоторые изъ нихъ, пожалуй, голодаютъ. Если вы ихъ заберете, то они вамъ будутъ обязаны тѣмъ, что вы ихъ будете кормить“. Это сильно озадачило австрійцевъ, и они

не знали, что дѣлать дальше. Переговоры велись дня два и неизвѣстно, чѣмъ бы кончились, если бы австрійцамъ удалось остаться дольше въ Замостьѣ. Къ счастью, они получили свѣдѣнія о наступленіи нашихъ войскъ, оставили городъ и удалились во-свояси.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе)¹⁾.

12 марта 1914 г. къ часу дня я пригласилъ къ себѣ на пчельникъ семинаристовъ—пчеловодовъ посмотрѣть и полюбоваться первымъ весеннимъ облетомъ. Пришли мои слушатели; помогли установить пни по мѣстамъ и пчель выпустить. Стоимъ всѣ въ сторонѣ, любуемся облетомъ, какъ вдругъ слышу трутни звенять, да какъ еще.., совсѣмъ полѣтному! Что за оказія?! Обратилъ я на это обстоятельство вниманіе семинаристовъ и попросилъ наблюдать, не увидятъ-ли кто проказника, но проказникъ собственной персоной пожаловалъ къ намъ и преважно усѣлся у меня на рукѣ; это былъ хорошій экземпляръ трутня—карлика. Семинаристы обступили меня тѣснымъ кольцомъ и съ большимъ интересомъ стали разсматривать пчелинаго кавалера, но когда кто-то изъ нихъ вздумалъ взять трутня въ руки, онъ взвился, зазвенѣлъ и былъ таковъ. Всѣ пожалѣли, что не удалось вдоволь налюбоваться красавчикомъ, но оказалось, что трутни дѣлали облетъ цѣлымъ выводкомъ. Вопросъ, откуда вылетаютъ трутни, заинтересовалъ и меня, и моихъ слушателей; я зналъ, что у меня есть два пня—безматка, разворованныхъ какими-то негодяями еще осенью, но въ которомъ изъ нихъ работаетъ трутовка, оставалось не выясненнымъ. За подозрительными пнями (6 и 17-мъ) установили

¹⁾ См. № 45 за 1914 г.

наблюденіе, но оно не дало положительных результатов; вопросъ такъ и остался открытымъ. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что 6 и 17 пни тутъ были не причемъ, трутней производилъ пенъ, купленный мною на выставкѣ у крестьянина Николенко, если помнитъ читатель. Мужичокъ таки постоялъ за себя., наградилъ таки покупателя трутневой маткой.

— Якъ мае, мовъ, у мене трутовка буты, то нехай буде въ кого иншого!—Обычная логика нашихъ крестьянъ...

Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что трутовку свою Николенко демонстрировалъ на выставкѣ, за что и получилъ бронзовую медаль. Случай этотъ является хорошимъ образчикомъ того, какъ отнеслась къ своимъ обязанностямъ экспертиза.

Случай, подобные выше описанному, должны быть занесены въ дневникъ, причемъ пчеловоду слѣдуетъ высказать о нихъ свои соображенія, а, затѣмъ, по провѣркѣ, отмѣтить на поляхъ, ошибся-ли онъ въ своихъ сужденіяхъ или нѣтъ, и если ошибся, то почему именно.

Что же еще можетъ наблюдать пчеловодъ въ день перваго облета? Просторъ для наблюденій не малый въ этотъ день; въ этотъ день каждая семья себя, такъ сказать, аттестуетъ, и уже по наружному виду и характеру облета можно почти безошибочно судить о ея благосостояніи. Вотъ, напр., вы открыли летокъ № 1-го, и пчелы неудержимымъ потокомъ устремились наружу, идутъ, толкаются, падаютъ на землю, взлетаютъ, но многія изъ нихъ собираются кучей тутъ же около летка, образуя роекъ немалой величины. Проходить часъ—полтора, пчелы другихъ пней пошумѣли, полетали и попрятаться успѣли, но у № 1-го положеніе остается почти безъ перемѣнъ: сидятъ, понемножку летаютъ, и какъ-бы заявляютъ вамъ, что имъ и здѣсь хорошо. Подходите вы къ этому пню, рассматриваете сидящихъ пчель, берете ихъ въ руки съ цѣлью, такъ сказать, поставить діагнозъ ихъ жизненной энергіи, рассматриваете и тѣхъ пчель, которыя ва-

ляются на землѣ у летка, опредѣляете степень ихъ болѣзненного состоянія и типичныя формы его проявленія, словомъ, обращаете вниманіе на все, что по вашему мнѣнію можетъ имѣть значеніе въ данномъ случаѣ. Всѣ свои наблюденія, равно какъ и вѣроятныя предположенія о причинахъ, вызвавшихъ такое явленіе, заносите въ первую строку пчеловоднаго журнала подъ № 1-мъ, въ графу подъ рубрикой „Особыя замѣчанія“.

Какія же предположенія относительно степени благополучія данной семьи можетъ высказать пчеловодъ въ своемъ журналѣ? Предположенія въ данномъ случаѣ могутъ быть двоякаго рода. Первое предположеніе: пчелы, вѣроятно, потому не хотятъ идти домой, что ихъ жилище, вслѣдствіе развившагося поноса, крайне загажено и имъ пріятнѣе сидѣть наружу, гдѣ такъ привѣтливо свѣтитъ и грѣетъ солнышко, чѣмъ идти въ свое жилище, сырое и липкое, покрытое зловонными изверженіями. Второе предположеніе: пчелы выкопились наружу вслѣдствіе начавшейся голодовки. Какому же изъ этихъ двухъ вѣроятныхъ предположеній отдать первенство, будетъ зависѣть отъ изученія наличныхъ, внѣшнихъ признаковъ. Если сидящія наружу пчелы такъ слабы, что едва передвигаютъ членами, причѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ безпомощно сваливаются на землю—вѣрный признакъ начавшейся голодовки. Въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только однимъ наблюденіемъ и записью въ журналѣ; голодающему улью слѣдуетъ немедленно оказать скорую помощь по способу, намъ уже извѣстному. Въ томъ же случаѣ, когда сидящія наружу пчелы еще достаточно сильны, хотя и вяловаты въ своихъ движеніяхъ, а у валяющихся вздуты животики, причѣмъ на подлеткѣ и около летка на ульѣ видны кляксы жидкихъ изверженій, можно предположить поносъ. Съ подачей врачебной помощи такому цню можно и повременить 2—3 дня.

Наблюдаемъ дальше. Со втораго номера, скажемъ, пчелы вышли дружно, бодро полетали, и дружно спрятались, лишь

изрѣдка продолжаютъ вылетать изъ него небольшими партиями и очень охотно возвращаться домой. Въ этомъ случаѣ, не обинуясь, можно отмѣтить полное благополучіе. Замѣчаемъ, далѣе, что около летка № 5-го какая-то необыкновенная суета: пчелы вышли гурьбой, долетали, возвратились, но не идутъ въ улей и не сидятъ спокойно, бѣгаютъ, суетятся, какъ-бы что-то разыскиваютъ; пчелы другихъ ульевъ давно уже успокоились, а эти все еще суетятся... Наблюдая такое явленіе, можно безошибочно предугадать безматокъ.

Но что это за толчея у № 8-го?! Обступили тѣсной толпой пчелки какую-то горемыку и ну ее обнюхивать, общупывать и дергать за всѣ членики, а та бѣдняжка и не сопротивляется, только брюшко малость поджала, защитивъ отъ жаль талійку—самое уязвимое мѣсто. Толкуются пчелки со своей жертвой на подлеткѣ, хотя и не примѣняютъ рѣшительныхъ мѣръ, а она все ближе да ближе продвигается къ летку, пока, наконецъ, совсѣмъ не войдетъ въ него. Не успѣла эта избѣгнуть опасности, какъ появилась другая, третья, и толчеи конца нѣтъ. Новичекъ, види такую суету на леткѣ, можетъ принять ее за безпокойство безматка, какъ и я ошибочно думалъ въ началѣ своей пчеловодной практики, но это совсѣмъ не то, это заблудилась бѣдняжка, не можетъ разыскать свое родное жилище и вращивается къ сосѣдямъ. Толчея въ первые дни послѣ выставки—явленіе не особенно опасное, но и не желательное, такъ какъ со временемъ можетъ перейти въ открытый грабежъ и быть причиною гибели матки. Смиренно впросившіяся сегодня пчелки, завтра могутъ разыскать собственный улей, но помня, что въ чужомъ ульѣ вкусные запасы лежатъ въ изобиліи, попробуютъ проникнуть туда и набрать полный зобикъ чужого добра; такія продѣлки имъ и удаются иногда, ибо онѣ идутъ въ пріютившую ихъ семью смѣло, на правахъ знакомства. Сколько я ни замѣчалъ, но усиленная толчея очень скоро переходитъ въ открытый грабежъ, хотя и не продолжительный. Вращивающіяся къ сосѣдямъ пчелки могутъ и иныхъ хлопотъ надѣлать своимъ

покровителямъ и при томъ гораздо худшихъ, чѣмъ небольшой грабежъ: онѣ войдутъ въ улей, но встрѣтятся съ чужой маткой, могутъ ее немедленно сокрушить, т. е., сдѣлать то, что онѣ у себя дома непременно сдѣлали-бы со всякой случайно попавшей къ нимъ чужой маткой. Вотъ это уже совсѣмъ плохо! нанося смертельный ударъ маткѣ, случайная пчелка наноситъ таковой же ударъ цѣлой семьѣ.

Узнавъ отъ автора такъ много страшнаго про толчею, читатель, вѣроятно, заинтересуется спросить у него: „какія же мѣры пасѣчникъ долженъ предпринять, замѣтивъ у себя на пасѣкѣ такое нежелательное явленіе“. Удовлетворяя вполне понятное любопытство читателя, охотно подѣлюсь съ нимъ своимъ опытомъ. Толчею лучше всего предупредить, избѣгая тѣсноты на пчельникѣ; въдѣ выращивающіяся пчелки заблудились именно отъ этой причины. Помните, читатель, что минимальной нормой пространства для одного пня считается квадратная сажень; затѣмъ, при отпорѣ летка нельзя отвлекать вниманіе пчелъ своей персоной, ибо въ противномъ случаѣ пчелы къ вамъ увяжутся и такъ увлекутся преслѣдованіемъ мнимаго врага, что и пень свой послѣ не найдутъ. Какіе-же приемы при отпорѣ летковъ долженъ примѣнять пасѣчникъ, читатель уже знаетъ. Въ томъ же случаѣ, когда толчея начинаетъ принимать угрожающіе размѣры, и пчелы хозяйки, вмѣсто того, чтобы летѣть въ поле за взяткомъ, только то и дѣлаютъ, что играютъ на леткѣ въ *тиснои бабы*, пчеловодъ долженъ принять мѣры, какія обыкновенно примѣняются для прекращенія грабежа, о чемъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи; на первый же случай будетъ достаточно сузить летокъ до прохода одной-двухъ пчелъ.

Діаконъ Г. Лицянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Похороны на войнѣ.

Подходить кто-то изъ завѣдующихъ хозяйствомъ отряда и говорить:

— Не хотите ли видѣть братскія похороны? Сейчасъ будемъ хоронить троихъ. Умерли здѣсь отъ ранъ,—вчера принесли. Только-что пришли на позицію, разорвалась шрапнель и всѣхъ ранила.

Опять удивительное упрощеніе во времени. Вчера днемъ пришли, къ вечеру ранило, сегодня хоронять.

Проходимъ черезъ училище, заваленное соломой; вмѣсто двора огородъ. Что-то росло, — все затоптано. Лежать сотни круговъ колючей проволоки. Часть изгороди-преграды уже обтянута проволокой. На ней пока солдаты развѣсили для сушки рубахи, портянки, стиранные штаны.

Въ концѣ колючаго забора солдаты копаютъ могилы.

— Казберюкъ,—выпрямляется одинъ изъ могилы и кличетъ здоровеннаго солдата отъ сосѣдняго двора,—поди сюда. Ты былъ въ японской войнѣ,—какъ копаютъ братскія могилы?

Вопросъ строго-дѣловой. Какъ о фасонѣ и формѣ платья:

— Ты — человѣкъ бывалый, — какъ шьютъ подобныя вещи?

Казберюкъ подходитъ. Хозяйскимъ глазомъ глянулъ на вырытую землю и сказалъ:

— Песокъ... Копать легко... И сухо,—воды не будетъ.

Потомъ дѣловито, съ привкусомъ замѣтной гордости, что онъ-де это дѣло знаетъ, добавилъ:

— Братскую могилу копаютъ такъ: квадратная сажень и поглубже. Кладутъ рядами. Положилъ рядъ и засыпалъ известью. Потомъ опять рядъ... накрестъ.

Подошелъ фельдфебель, заглянулъ въ могилу и сказалъ:
— Копай глубже: всѣхъ трехъ положимъ въ одну.

Въ школѣ, на черномъ крыльцѣ, показался полковой священникъ въ подрясникѣ, съ епитрахилью на шеѣ. За нимъ вынесли трое насилокъ. Сквозь заборы съ сосѣднихъ дворовъ стали подходить солдаты. Всѣ съ обнаженными головами, Винтовки у кого въ рукѣ, у кого за спиною. У могилъ собрались сотни двѣ. Фельдфебель, по привычкѣ, хотѣлъ крикнуть:

— Шапки долой, на молитву!

Оглядѣлъ кругомъ, видитъ, — всѣ безъ шапокъ, и какъ-то осѣкся. Священникъ началъ:

— Благославенъ Богъ нашъ...

У солдатъ лица стали углубленныя. Всѣ вперились глазами въ покойниковъ, а тѣ лежали на носилкахъ по походному, — безъ гробовъ, обернутые въ куски парусины. Одинъ былъ прикрытъ своею шинелью.

Было уже около десяти часовъ утра. Солнце нагрѣло воздухъ, и стало тепло по-лѣтнему. Кругомъ ширились прозрачныя дали. Впереди, по дорогѣ, тянулись обозы. Навстрѣчу имъ длинною лентою вились и ломались полки. Слѣва по гребню пригорковъ, чеканясь на осеннемъ ясномъ небѣ, шли къ позиціямъ три пары санитаровъ съ порожними носилками. Священникъ и солдатъ-псаломщикъ запѣли: „Со святыми упокой, Христе, рабъ Твоихъ“... Сначала одинъ, потомъ и другіе робко, а далѣе и смѣлѣе запѣли и солдаты, а на горизонтѣ, какъ молотомъ гвозди въ гробъ забивали:

— Бохъ, бухъ, бахъ, бохъ, буумъ-буумъ!

Со мной рядомъ стоялъ англійскій корреспондентъ; онъ давно уже теръ себѣ носъ, а тутъ вынулъ платокъ и сталъ подь пенсне вытирать себѣ глаза.

Сзади сквозь заборъ закричали:

— Шестая и седьмая роты, стройся!

Часть солдатъ вокругъ носилокъ встрепенулась. Торопливо перекрестились, вскинули шапки на головы и трусцой побѣжали къ дырамъ въ заборѣ. Священникъ обошелъ носилки и произнесъ:

— Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшимъ рабамъ Твоимъ и сотвори имъ вѣчную память!

Опустились на колѣни, и англичанинъ, ухвативъ напѣвъ, вполголоса поетъ:

— Вѣчная память, вѣчная память, вѣчная па-а-мять!
(Совр. Лѣт.).

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

При семъ № разсылается бланкъ о подпискѣ на журн.
„Руководство для сельскихъ пастырей“ въ 1915 году.

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го ноября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 48

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духо-
вной Семинаріи.

1914-го года 23-го ноября.

Содержаніе: I. Патріотизмъ въ сельскихъ приходахъ. Н. С.—II. Уроки войны. Н. Гумилевскій.—III. Штундизмъ и пѣмцы.—IV. Побѣда русской души. А. Антоній.—V. Нѣсколько мыслей изъ бесѣды Пресвященнаго Владыки Андрея съ пастырями въ городѣ Бирсѣ въ 1914 году.—VI. Бесѣды по ичеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисневскій.—VII. Объявленіе о продолженіи изд. ж. „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ 1915 году.—VIII. Замѣтка. Нѣмцамъ. Кн. Голицынъ-Муравлинъ.

Патріотизмъ въ сельскихъ приходахъ.

(Изъ недавнихъ переживаній).

„Война! Подъяты наконецъ.
Шумять знамена бранной чести!“
Пушкинъ.

Жребій брошенъ!... Возврата нѣтъ..... Святое и правое дѣло началось со „смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыслъ“, какъ сказано въ историческомъ отнынѣ Высочайшемъ манифестѣ.

Во всѣхъ призывныхъ участкахъ началась, по слову Великаго Вождя, интенсивная работа: уходили и увѣзжали

изъ нашихъ „глухихъ“ селеній длинными вереницами солдатики, съ какимъ-то торжественно-воодушевленнымъ духомъ вѣхали за ними и ихъ „присные“, со всѣхъ концовъ уѣзда повѣяло дыханіемъ „хлада тонка“..... И въ этомъ духовномъ освѣженіи теперь предстали русскіе сыны; началась вторая Отечественная война:

„По Руси пошелъ стукъ и грохъ большой,
Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
Броню крѣпкую—не себѣ одной,
А что есть людей межъ пяти морей
Во спасенье сложить голову“. (А. Майковъ).

Ликуй, Россія! Радуйтесь и веселитесь, всѣ граждане великаго Отечества. Сознай свою мощь, великій и славный Русскій народъ!... Наше знамя, наша хоругвь—вѣра православная, Царь Самодержавный и Русь единая. „Умремъ за Царя“,—уходя изъ деревни, говорили и запасные нижніе чины и ратники ополченія.

„Всѣ сплотимся дружно въ испытанья годъ,
Въ дни, когда упорно на насъ врагъ идетъ“.....

Всѣ мы знаемъ, что одушевляло и объединяло Русскій народъ въ историческіе моменты его жизни. Это прежде всего вѣра православная.

Крестъ Православія мы держимъ въ своихъ рукахъ, и намъ отрадно сознавать, что мы поднимаемъ его чистыми руками..... И, побѣждая или умирая, мы не запачкаемъ этихъ рукъ, памятуя, что въ нихъ Святой Крестъ и чистые, высокіе, завѣтные идеалы. За святое и правое дѣло пусть много жертвъ отнимаетъ эта война..... Ну, что-жъ, не въ первый, вѣдь, разъ намъ спасать *Святую Русь*; всѣ мы готовы сказать съ поэтомъ:

„Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло“.....:

Вторая наша родная черта—это преданность русскимъ Царямъ, верховнымъ носителямъ власти. Вспомнимъ, какъ погибала, было, Россія въ страшное смутное время и какъ воскресла она; вспомнимъ преданность Царямъ-Батюшкамъ,— эта преданность дѣдовъ-отцовъ нашихъ положила начало ея росту, славы и могуществу..... При восторженномъ подъемѣ патриотизма, мобилизація въ нашихъ деревняхъ проходила тихо, мирно, деревенцы бросили на „волю Божию“ работы, серпъ и косу, къ утру хлѣборобы явились уже на мѣста пунктовъ съ своими буланками и пѣганками, добровольно отдавали ихъ въ „конницу“. Ни криковъ, ни воплей-жалобъ не было слышно; одно твердили поселяне: „постоймъ головой за *Батюшку-Царя*“.....

„Вѣнценосный Вождь Державный,
Царь могучій, Царь родной,
Для Тебя, нашъ Православный,
Мы пожертвуемъ собой,
За Тебя на полѣ брани
Мы пролить готовы кровь;
Наше вѣчное призванье —
Это братская любовь“.....

Третья великая черта народная—это любовь къ дорогой нашей странѣ, любовь до героизма, готовность пожертвовать всѣмъ и все. И наши солдатики пошли на поле битвы съ полнымъ сознаниемъ своего долга предъ родиной, съ полнымъ самоотверженіемъ. Они убѣждены чрезъ пастырскія наставленія и поученія приходскихъ своихъ священниковъ, что не мы создали войну, а что ее объявили намъ,—а мы должны отразить и „прусака“ и австрійца. Нашъ же долгъ, долгъ оставшихся дома—молить Всевышняго, да поможетъ Онъ Царю-„*Батюшкѣ*“ и побѣдоносному воинству успешно отразить вражеское нападеніе.

Итакъ, наше знамя, наша хоругвь—вѣра православная, Царь Самодержавный и Русь единая, нераздѣльная. Вотъ

какія силы многократно спасали нашу Святую родину; конечно, и впредь спасеніе въ нихъ. Помощью Божьею наше Россійское воинство, подъ державною рукою Помазанниковъ Божіихъ, всегда было сильно и страшно врагамъ; разсѣются и исчезнутъ враги наши и теперь, какъ прахъ, какъ пыль, и уже разсѣиваются; Господь благословляетъ нашъ подвигъ.

Н. С.

Уроки войны.

III.

Варварское нашествіе нѣмцевъ на Россію, обнаружившее истинное — „кулачное“ обличье нѣмецкой культуры, поставило на очередь вопросъ о нашемъ освобожденіи отъ воздѣйствія этой культуры въ различныхъ областяхъ жизни и о переходѣ на путь самобытнаго развитія. Когда поднялась естественная волна негодованія противъ нѣмецкаго засилія, то стали открываться удивительные факты нашего порабощенія нѣмцами въ области научной, экономической и т. д. Но мы остановимся только на той области, которая намъ наиболѣе дорога, на области религіозной.

Стремясь ко всестороннему порабощенію русскаго народа, нѣмцы постарались наложить свою тяжелую руку и на его религіозную жизнь, результатомъ чего явилось распространеніе такихъ сектъ, какъ штунда, баптизмъ, адвентизмъ. Имена Бонкемифера, Онкена, Виллера, Прицкау, Унгера, Кальвейта и т. д. неразрывно связаны съ исторіей возникновенія у насъ штундо-баптизма, равно какъ имена Перка, Бетхера и др. — съ адвентизмомъ. Прот. І. І. Восторговъ на основаніи документальныхъ данныхъ разоблачилъ, какими денежными ассигновками Германія поддерживала нашихъ сектантовъ („Прибав. къ Церк. Вѣдом.“ 1914 г., № 43, 1819 стр.). Еще важнѣе то обстоятельство, что наиболѣе энергично распространяемая у насъ секта штундо-баптистовъ,

по духу своему, тождественна съ нѣмецкимъ протестантствомъ: здѣсь то же отрицаніе Св. Преданія, Церкви, іерархіи, таинствъ, та же свобода толкованія Св. Писанія, та же увѣренность въ своемъ „личномъ“ спасеніи. Штундо-балтизмъ—это нѣмецкое протестантство (въ своемъ крайнемъ развитіи), перенесенное на русскую почву. Но плоды протестантизма достаточно проявились въ современной нѣмецкой культурѣ; желательно ли, чтобы подобныя плоды произрастали на русской почвѣ?

Связь протестантизма съ современнымъ нѣмецкимъ озвѣрѣніемъ не настолько самоочевидна, чтобы сразу бросаться въ глаза; однако, если вдуматься въ истинный смыслъ протестантизма, понять его духъ, то связь эта станетъ ясна. Въ основѣ протестантизма лежитъ прежде всего принципъ полной свободы въ истолкованіи Св. Писанія и въ пониманіи истинъ вѣры. Этотъ принципъ (помимо того, что развиваетъ самонадѣянность, въ противоположность православному свободному подчиненію руководству Церкви) неизбѣжно ведетъ къ отрицанію неностижимыхъ для разсудка человѣческаго догматовъ христіанскихъ: богооткровенности Библии, Божественности Христа, Троичности Лицъ Божества, и въ концѣ концовъ—къ полному безвѣрію. Среди нѣмецкихъ пасторовъ теперь не мало такихъ, которые, отрицая указанные догматы, всетаки считаютъ себя истинными протестантами и даже претендуютъ на право проповѣди своихъ воззрѣній съ кафедръ, ссылаясь на принципъ протестантской свободы. И русское сектантство приводитъ не малое количество своихъ послѣдователей къ невѣрію, что подтверждается не только православными миссіонерами, но и самими сектантами, свидѣтельствующими о многихъ случаяхъ выступленій изъ ихъ общинъ на почвѣ религіознаго индифферентизма. А такъ какъ истинная нравственность основывается только на живой вѣрѣ, то ослабленіе вѣры ведетъ къ упадку и нравственности.

Конечно, человекъ не всегда доводитъ свои вѣрованія до послѣднихъ логическихъ выводовъ изъ нихъ, и не всѣ протестанты (и сектанты) доходятъ до невѣрія. Но бѣда въ томъ, что положительная основа протестантизма оказывается вредоносной для православной жизни. Такой основой служитъ релігіозный индивидуализмъ, вѣра въ свое „личное“ спасеніе, получаемое непосредственно въ моментъ обращенія ко Христу и увѣрованія въ Него. Соединенное съ этой вѣрой отрицаніе значенія добрыхъ дѣлъ для спасенія является значительнымъ препятствіемъ для подвижническаго добродѣланія, для работы надъ своимъ постояннымъ нравственнымъ усовершенствованіемъ и для усиленной борьбы со своими страстями. Хотя протестанты и утверждаютъ, что добрыя дѣла должны сами собою слѣдовать за вѣрою въ спасеніе, совершенное Христомъ, какъ естественные плоды этой вѣры, но такое утвержденіе плохо мирится съ мыслью о томъ, что всякое собственное усиліе человека къ достиженію спасенія заслуживаетъ осужденія, какъ свидѣтельство слабости его вѣры въ спасительность страданій Христовыхъ. Во всякомъ случаѣ, ученіе о ненужности дѣлъ для спасенія даетъ людямъ, слабымъ волею, опасный поводъ къ бездѣятельному самоуспокоенію и къ самооправданію въ случаѣ отсутствія у нихъ необходимыхъ христіанскихъ добродѣтелей.

По протестантскому (и баптистскому) представленію, спасеніе каждаго человека совершается вполнѣ изолированно: каждый получаетъ спасеніе непосредственно чрезъ свою вѣру. Здѣсь совершенно забыто истинно-христіанское ученіе о связи членовъ Церкви, какъ живого организма, о необходимости взаимнаго вспоможенія вѣрующихъ другъ другу въ дѣлѣ достиженія спасенія, въ дѣлѣ общаго духовнаго возрастанія всего тѣла Церкви, „при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена“ (Ефес. 4, 16). Здѣсь окончательно утрачена потребность въ живой молитвѣ другъ за друга, объединяющей всѣхъ членовъ Церкви, включая и умершихъ, и святыхъ, торжествующихъ на небѣ; когда баптистовъ спрашиваютъ, почему они не мо-

лятся святымъ, они откровенно отвѣчаютъ: „мы не чувствуемъ въ этомъ никакой нужды“. Даже молитвы баптистовъ на ихъ общихъ собраніяхъ подтверждаютъ ихъ духовную разобщенность. Одинъ благодаритъ Господа за совершенное Имъ спасеніе; слѣдующій начинаетъ свою молитву словами: „и я благодарю Тебя, Господи“;—каждый молится отдѣльно. И это понятно: разъ человѣкъ признаетъ себя окончательно спасеннымъ, то онъ, конечно, не чувствуетъ никакой нужды ни въ чемъ содѣйствіи. Такая разобщенность, вмѣсто христіанской любви, воспитываетъ эгоизмъ. Кромѣ того, разрывъ связи съ многовѣковой жизнью вселенской Церкви естественно поставитъ въ связь съ пренебреженіемъ нѣмцевъ къ историческимъ памятникамъ, напр., къ Реймскому собору.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, протестантская (и баптистская) увѣренность въ своемъ спасеніи, какъ законченномъ актѣ, въ своей неизмѣнной и неотъемлемой святости приводитъ къ такимъ послѣдствіямъ, которыя имѣютъ мало общаго съ истинно-христіанскимъ настроеніемъ. Эта увѣренность естественно соединяется съ горделивымъ превозношеніемъ себя и пренебрежительнымъ униженіемъ остальныхъ — „не вѣрующихъ и не спасенныхъ“. Извѣстно, какъ пренебрежительно баптисты отзываются о православныхъ, къ которымъ они направляютъ своихъ миссіонеровъ, словно къ какимъ-нибудь язычникамъ; напр., о своемъ прибытіи въ городъ, гдѣ нѣтъ еще баптистовъ, но гдѣ большинство жителей—православные, баптисты сообщаютъ своимъ единовѣрцамъ: „по пріѣздѣ въ городъ я не нашелъ здѣсь никого изъ любящихъ Господа“. Не таково ли отношеніе нѣмцевъ къ другимъ народамъ? Вѣдь нѣмецкія звѣрства объясняются именно тѣмъ, что нѣмцы считаютъ себя неизмѣримо выше всѣхъ другихъ народовъ, а потому по отношенію къ послѣднимъ, какъ къ возмущившимся рабамъ, признаютъ всякія насилія для себя дозволенными. Русскіе, въ глазахъ нѣмцевъ,—варвары, французы—бездѣльники, англичане—гнусные торгаши, а японцевъ и сербовъ нѣмец-

кій профессоръ Зомбартъ даже затрудняется причислить къ людямъ. Связь національнаго самопровозношенія нѣмцевъ, этого главнаго источника ихъ озвѣренія, съ ихъ протестантской вѣрой въ личную святость и спасенность едва ли подлежитъ сомнѣнію. Но „начало грѣха—гордость, и обладаемый ею изрыгаетъ мерзость; и за это Господь посылаетъ на него тяжкія наказанія и въ конецъ низлагаетъ его“ (Сврах. 10, 15—16).—Таковы плоды протестантства, насаждаемаго у насъ при благосклонномъ содѣйствіи нѣмцевъ подъ именемъ штундо-баптизма.

Итакъ, борясь въ нѣмецкимъ вліяніемъ въ разныхъ областяхъ нашей жизни, мы должны направить всѣ наши силы и противъ сектантства, какъ одного изъ видовъ нѣмецкаго засилія. Настоящія событія создаютъ особенно благоприятную почву для борьбы съ сектантствомъ, такъ какъ яснѣйшимъ образомъ показываютъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводятъ положенные въ основу его протестантскіе принципы. Необходимо выяснить нашему народу, что имѣющій такую благовидную внѣшность штундо-баптизмъ есть по существу та самая вѣра, которая благопріятствовала развитію въ нѣмцахъ качествъ, ставшихъ предметомъ омерзѣнія для всего міра, кромѣ развѣ Энвера-наши и подобныхъ ему субъектовъ.

Н. Гумилевскій.

Штундизмъ и нѣмцы.

Въ настоящее время, когда вся Россія поднялась, чтобы отразить дерзкій ударъ, занесенный надъ ней обнаглѣвшимъ тевтономъ, русскому правительству и обществу пора обратить вниманіе на все, что исходило и исходитъ отъ этого смертельнаго врага, пора переоцѣнить все, что такъ или иначе пахнетъ нѣмцемъ. Мы имѣемъ въ виду секту штундистовъ или, какъ они себя послѣднее время именуютъ „евангѣльскихъ“ христіанъ. Что штундизмъ и штундисты нѣмец-

каго производства, въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Это признается всѣми изслѣдователями. Объ этомъ говорить и самое названіе „штундистъ“ (отъ нѣмецкаго слова „штунде“) и мѣсто, гдѣ впервые появилась эта секта. Родина штундизма Херсонская губ., гдѣ нашли себѣ пріютъ и приволье нѣмцы-колонисты. Отецъ штундизма пасторъ Бонекемперъ. Онъ первый сталъ пропагандировать свое ученіе среди русскихъ рабочихъ, во множествѣ стекавшихся въ Херсонскую губернію на заработки. У Бонекемпера нашлись сразу помощники—сосѣдніе пасторы и нѣмцы-колонисты, которые всячески распространяли свое ученіе среди рабочихъ малороссовъ. Отсюда штундизмъ распространился по всему югу и проникъ въ Кіевскую губ. и другія.

Такова вкратцѣ исторія появленія штундизма. Въ настоящее время штундисты переименовали себя въ „евангельскихъ христіанъ“. Сдѣлано это затѣмъ, чтобы скрыть свою нѣмецкую фізіономію и громкимъ названіемъ „евангельскіе христіане“ заинтересовать и завлечь въ свои сѣти неопытныхъ и простодушныхъ людей. Связей своихъ съ нѣмцами „евангельскіе христіане“ по прежнему не теряютъ. Русскій „евангельскій союзъ“, открытый въ 1908 году, пользуется значительной матеріальной поддержкой „Deutsche Orient-Mission“ въ Берлинѣ (W. Lützowner, 5). Въ составѣ учредителей „русскаго евангельскаго союза“ имѣются въ изрядномъ количествѣ нѣмцы: германскій подданный Фридрихъ Августъ Арндтъ и прусскій подданный Иванъ Федоровичъ Гроте и другіе (см. бесплатное приложеніе къ № 10 журнала *Христіанинъ*, 1898 г., стр. 6). Среди учредителей „русскаго евангельскаго союза“ встрѣчаются и русскіе по происхожденію и фамиліи люди, но зато эти люди вполне благонадежные и никакихъ опасеній со стороны нѣмцевъ не возбуждающіе, таковъ, напримѣръ, редакторъ органа „евангельскихъ христіанъ“ инженеръ-технологъ И. С. Прохановъ, обучавшійся въ миссіонерскомъ институтѣ въ Гамбургѣ.

Съ какой цѣлью былъ созданъ штундизмъ?

Наивно было бы думать, что всѣ эти пасторы, съ Бонекемперомъ во главѣ, и нѣмцы колонисты, заклятые враги русскаго народа и государства, руководились въ дѣлѣ пропаганды своего лжеученія желаніемъ блага русскимъ людямъ и дѣйствительнаго спасенія ихъ. Были конечно другія цѣли, хотя Бонекемперъ и увѣрялъ, что собираетъ русскихъ рабочихъ и проповѣдуетъ имъ изъ сожалѣнія: „они не знаютъ, что нужно для спасенія, и погибаютъ въ невѣжествѣ“. Желаніе отравить нашъ народный организмъ, пошатнуть самыя основы русскаго народнаго духа—вотъ что руководило нѣмцами въ дѣлѣ пропаганды штундизма.

Интересно и знаменательно, что попытки къ совращенію православныхъ и насажденію лютеранства у насъ въ Россіи предпринимались нѣмцами давно. Еще въ 16—18 вѣкахъ нѣмцы серьезно подумывали объ обращеніи Руси православной въ лютеранство. Такъ, лютеранскій катехизисъ еще въ 1626 году былъ ими издавъ въ Стокгольмѣ на русскомъ языкѣ, въ цѣляхъ пропаганды. Объ этомъ помышляли и у насъ въ Россіи нѣмцы времени Бирона, признававшіе православіе вредной сектой. Были и другія цѣли, не менѣе коварныя. Въ числѣ заповѣдей штундизма и баптизма, съ которымъ штундизмъ тѣсно связанъ (у нихъ имѣется свой печатный органъ *Утренняя Звѣзда* и общій соединительный комитетъ „евангелистско-баптистскаго братства“, состоящій изъ 4 членовъ: двухъ отъ „евангельскихъ христіанъ“ и двухъ отъ баптистовъ), имѣются заповѣди: не войи и не клянись. Обѣ эти заповѣди чрезвычайно выгодны для нѣмцевъ, стремящихся уничтожить и всячески ослабить Россію. Эта пропаганда настойчиво ведется среди войскъ даже и теперь. Замѣчательно, что пропаганда противъ войны ведется штундистами Херсонской, Екатеринославской губерній и вообще тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно сильны нѣмцы. Автору этихъ строкъ недавно пришлось имѣть дѣло съ этими пропагандистами, которые открыто пропагандировали противъ войны

среди солдатъ 139, 140 и 141 полевой подвижной хлѣбопекарни, не встрѣчая, къ великому сожалѣнію, противо-дѣйствія и должной острастки со стороны завѣдующихъ этими командами.

Преслѣдовались пропагандой штундизма и другія цѣли—пангерманистическія. Пѣмцы и въ религіи, какъ извѣстно, хотятъ видѣть принципы нѣмечества, и въ послѣдніе годы пангерманизмъ сталъ тождественъ протестантизму. Усвоеніе націей этого, можно сказать, политическп-религіознаго начала было предоставлено на Вормскомъ конгрессѣ 1905 года, между прочимъ, „евангельскому союзу“ (русскій „евангельскій союзъ“ является отдѣленіемъ его). Одинъ изъ ораторовъ на этомъ конгрессѣ Е. Нассе категорически выразилъ, что протестантизмъ—тоже германизмъ—основа культуры будущаго. Что штундизмъ—осколокъ протестантизма и очень сроденъ ему, объ этомъ распространяться не приходится. Не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію, что штундизмъ обрабатываетъ своихъ послѣдователей и превращаетъ ихъ въ нѣмцевъ. Русскіе штундисты, по общему мнѣнію всѣхъ наблюдателей и изслѣдователей, постепенно теряютъ русскій обликъ, вмѣсто портретовъ русскихъ Государей у нихъ появляются портреты кайзера и Бисмарка и вообще во многомъ напоминаютъ настоящихъ нѣмцевъ. Эта оторванность и отчужденность штундистовъ отъ русскаго народа особенно сказывается теперь, въ настоящую войну. Многіе инородцы, даже евреи, жертвуютъ на нужды войны, на раненыхъ, устраиваютъ лазареты и вообще такъ или иначе выражаютъ свое участіе, *штундисты* же, какъ передаютъ люди, заслуживающіе довѣрія, во многихъ мѣстахъ *отказываются отъ всякихъ жертвъ и вообще какого-либо участія*. Такъ было въ приходѣ кіево-лыбедской Владимірской церкви, въ м. Бородянкѣ, гдѣ во время сбора 5-го сентября штундисты затворяли двери отъ сборщиковъ однодневнаго сбора и не дали ни одной копѣйки въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ и бѣднѣйшихъ семействъ запасныхъ, и въ нѣкоторыхъ

другихъ мѣстахъ. Недавно, какъ сообщалось въ газетахъ, на сентябрьскомъ засѣданіи совѣта кіевскаго уѣзднаго Свято-Владимірскаго братства нѣкоторыми предсѣдателями приходскихъ братствъ было отмѣчено отношеніе штундистовъ къ переживаемой войнѣ. Душою штундисты съ нѣмцами. И доселѣ въ ихъ помѣщеніяхъ можно видѣть портреты Вильгельма и Бисмарка. Изъ м. Бородянки, по условіямъ военнаго времени, былъ высланъ нѣмецъ-аптекарь, не скрывавшій своихъ симпатій къ Германіи. Мѣстные штундисты не стѣснялись выражать свое единомысліе съ высланнымъ нѣмцемъ. „Пусть бы и насъ заодно выслали съ нимъ“, говорили они. Вотъ къ чему привелъ русскихъ людей штундизмъ! Этому не должно забывать русское общество и правительство и особенно тѣ, которые желаютъ видѣть въ штундизмѣ только извѣстное религіозное ученіе и упорно закрываютъ глаза на все остальное, съ чѣмъ тѣсно и неразрывно связанъ штундизмъ.

(Херсонск. Епарх. Вѣд.).

Побѣда русской души.

(Речь къ Харьковскому студенчеству во время патриотической манифестации на молебни 9 октября).

Сегодня русскіе люди прочитали радостную вѣсть о побѣдѣ нашихъ доблестныхъ войскъ надъ непріателемъ при рѣкѣ Вислѣ: онъ отступаетъ, а наши [побѣдоносно наступаютъ. Славное дѣло, утѣшительное извѣстіе! Но еще болѣе радостное явленіе, совершенное предъ нашими глазами здѣсь, а вчера совершалось въ нашихъ столицахъ.

Къ Россіи вернулись ея сыны! Цвѣтъ ея просвѣщеннаго юношества слился съ русскимъ православнымъ народомъ и восторженно благодаритъ Государя за призывъ его подъ воинскія знамена.

Эта побѣда, други, еще большимъ восторгомъ, еще большею благодарностью Богу наполняетъ наши сердца, чѣмъ

побѣды надъ нѣмцами. Почему? Потому, во-первыхъ, что тѣ славныя побѣды неизбежно соединены съ горечью, сопровождающею всякую войну: торжественныя клики побѣдителей смѣшиваются со стопами нашихъ дорогихъ раненыхъ страдальцевъ, со слезами надъ теплыми трупами убитыхъ друзей. Но и это не все. Русскіе люди и во время войны не перестаютъ быть гражданами вселенной, не перестаютъ быть христіанами: они не злорадствуютъ надъ воплями и проклятіями побѣжденныхъ, но жѣлаютъ ихъ, и сами побѣдители окружаютъ раненыхъ враговъ братскими заботами и привѣтствуютъ ихъ слезою состраданія.

Иная побѣда совершилась вчера и сегодня въ университетскихъ городахъ Россіи и совершается предъ нашими глазами. Побѣда тоже славная: здѣсь десятки тысячъ побѣдителей, но нѣтъ побѣжденныхъ, здѣсь великое ликованіе, но нѣтъ стонувъ и проклятій. О чемъ же радуется наше просвѣщенное юношество? О, мы опѣнимъ сугубое значеніе этой побѣды ихъ надъ своими прежними ошибками, когда я отвѣчу на поставленный вопросъ. Да, они радуются не какимъ-либо выгодамъ, не золоту и серебру, не производству въ высшій чинъ. Нѣтъ, не къ тому призвалъ ихъ Тотъ Виновникъ ликованія, Котораго изображеніе они посятъ съ собою. Онъ позвалъ ихъ умирать за вѣру и отечество, слиться съ Его смиренными и мужественными воинами въ одно братство и идти на врага. Не житейскія преимущества ихъ ожидаютъ: нѣтъ, покойная и мирная ихъ жизнь измѣнится на суровую солдатскую службу, а затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ имъ придется проводить дни и ночи подъ пулями и ядрами враговъ, видѣть предъ собою смерть, получать тяжкія раны, быть въ холодѣ и голодѣ, безъ сна и крова. Къ такому суровому подвигу призываетъ ихъ Царь, а они радуются и ликуютъ, они возносятъ благодарственныя молитвы и прославляютъ Того, Кто зоветъ ихъ умирать.—Это-ли не чудо? Это-ли не побѣда русской души надъ всѣмъ низменнымъ и себялюбивымъ?

Вѣрьте, что ни одинъ народъ, ни одно юношество не могло бы такъ встрѣтить Царскій призывъ на тяжкій подвигъ. Не отрицаемъ того, что юноши другихъ народовъ въ вашемъ положеніи могли бы пойти на подвигъ съ покорностью, нести его съ терпѣніемъ, проявить въ ратномъ дѣлѣ стойкое мужество, но никогда бы они не вышли на это дѣло съ такимъ восторгомъ, съ такою благодарностью, какъ вы, какъ русскіе студенты.

Эти чувства не навязаны совнѣ, они охватили ваши сердца внутреннимъ озареніемъ, они основаны на томъ глубокомъ исканіи въ жизни самоотверженнаго подвига, которымъ русскіе люди, воспитанные на православныхъ понятіяхъ, отличаются отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, взирающихъ на жизнь глазами древняго римскаго язычника. ищущаго въ ней только наслажденій и наживы и едва сдерживаемыхъ холоднымъ римскимъ правомъ.

Этимъ же исканіемъ подвига въ русскихъ юношахъ пользовались его совратители-нигилисты, призывая ихъ подъ знамена, враждебныя русской вѣрѣ, русскому Царю и самой Россіи. Во время недавней войны съ Японіей они устами своего писателя Вересаева открыто признались въ томъ, что могъ видѣть и самъ по себѣ каждый безпристрастный наблюдатель жизни: они открыто признались, что злорадствовали надъ нашими пораженіями японскою арміей и чувствовали досаду при нашихъ маленькихъ побѣдахъ. Такъ подтверждалось слово великаго Достоевскаго о томъ, что русскій нигилистъ ненавидитъ не какой либо государственный строй, но самую Россію, радуется ея бѣдамъ и злобствуетъ при ея успѣхахъ.

Но, если Достоевскій былъ въ этомъ правъ, то не менѣе правдиво другое его убѣжденіе, которое онъ проводилъ почти во всѣхъ своихъ твореніяхъ, именно то, что русское учащееся юношество отрывается отъ родной вѣры и своего народа не черезъ свою злую волю, но ложными, искусственно сотканными теоріями, которыя оно принимаетъ на вѣру и кото-

рыми придавливаетъ свою русскую христіанскую душу до тѣхъ поръ, пока какой-либо сильный нравственный толчекъ не заставитъ эту самую душу заговорить своимъ собственнымъ натуральнымъ голосомъ, въ которомъ раскроется несравненно больше свѣта и здоровой мысли, чѣмъ въ ложныхъ, вычитанныхъ теоріяхъ. Вотъ такое отрадное явленіе въ общестуденческой жизни мы наблюдаемъ въ настоящее время; оно убѣждаетъ насъ въ томъ, что вся накипь того нигилизма и распутства плавала лишь на поверхности юныхъ душъ, а въ глубинѣ ихъ таились возвышенные, святые порывы любви и вѣры, свойственные нашему родному народу.

Постинѣ мы видимъ то, что символически изобразилъ Пушкинъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернить
И свой рисунокъ незаконный
Надъ ней бессмысленно чертить.

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадають ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней“.

Впрочемъ истолкованіе вашего прекраснаго порыва было бы не полное, если бы мы не указали болѣе опредѣленно, что именно въ Царскомъ призывѣ такъ глубоко взволновало ваши сердца благодарнымъ чувствомъ?—Конечно, то, что нашъ Государь оказалъ студенчеству довѣріе, призвавъ его на ратный подвигъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поручить ему офицерскія, т. е. весьма отвѣтственные должности. Нашъ вѣщностный вождь почувалъ

сердцемъ, что въ жизни нашего студенчества прошла свѣтлая полоса умственного и нравственного пробужденія, что въ эти дни тяжелаго, но побѣдоноснаго подвига нашихъ воиновъ русская земля скрѣпилась въ одно твердое тѣло и что ея прекраснѣйшій цвѣтокъ, который злые люди уже много лѣтъ стараются совсѣмъ оторвать отъ родной почвы, теперь крѣпко вростаеъ въ русскую землю и устремляетъ свои молодыя очи къ ея Красному Солнышку.

Понялъ это нашъ Царь, и поняли Его наши студенты. Видѣ раненыхъ воиновъ, которыхъ они носили на рукахъ, ихъ исполненныя вѣрой письма къ роднымъ, писавшіяся подъ ихъ диктовку студентами, и всѣ вообще событія послѣднихъ мѣсяцевъ слили въ одно цѣлое съ народомъ наше юношество, т. е. самую чуткую, самую искреннюю часть нашего общества, такъ далеко было оторвавшася отъ своего народа.

Это молодое поколѣніе общества не имѣетъ надъ послѣднимъ ни власти, ни авторитета, но всегда отражаетъ на немъ свое настроеніе, которому отдается такъ горячо, а по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ и само займетъ мѣсто въ жизни русскаго общества.

Вотъ почему эти радостные дни духовнаго просвѣтленія и озаренія мы признали болѣе значительной побѣдой русскаго народа, чѣмъ разгромъ нѣмецкой арміи нашими геройскими войсками. Вѣдь, если суждено такому дружному настроенію надолго сохраниться въ нашемъ студенчествѣ и нашемъ обществѣ, то намъ не страшны никакіе враги. Скажу болѣе, если бы Господь попустилъ быть намъ самимъ разбитыми отъ внѣшнихъ враговъ, чего, конечно, не будетъ, то и тогда Россія не должна унывать, лишь бы хранилось въ ней единство всѣхъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ невозможно себѣ представить положеніе нашего народа хуже, чѣмъ въ 1612 году: у насъ отняли Царя, отняли Московскій Кремль, враги лѣзли со всѣхъ сторонъ, но не отнято было отъ Россіи единство вѣры и благоговѣйная преданность душъ къ

своей священной Родинѣ. И вотъ эти двѣ силы, пробудившись въ Ипжнемъ-Новгородѣ, быстро преодолѣли всѣхъ враговъ и повлекли на Царскій Престоль Богоизбраннаго юношу противъ его собственной воли по святому послушанію своей матери-монахини а затѣмъ окружили его крѣпкимъ кольцомъ вѣрноподаданной любви и вѣковой преданности.

Черезъ 200 лѣтъ послѣ сего Россія подпала подобному же бѣдствію отъ враговъ: снова Московскій Кремль сдѣлался ихъ добычей, пылала древняя столица, иконостасы ея церквей были изрублены, мощи святыхъ были выброшены на полъ,—но эти кощунства вызвали такое негодованіе, что разрозненное общество и народъ опять слились воедино для дружнаго отпора врагу и не только разбилъ его, но своимъ геройствомъ заложили въ его сердце то уваженіе и сочувствіе къ Россіи, которое легло въ основанія ихъ теперь уже тридцатилѣтняго дружества и союза съ нами.

Русь дружная, неразѣдаемая внутренней враждой и ингилизмомъ, неодолима для виѣшнихъ враговъ. Какъ волшебный фенекъ возставала она изъ неила, а теперь привлекаетъ въ свои матернскія объятія нашихъ братьевъ-русскихъ галичанъ. Итакъ, завершая нашу молитву о дальнѣйшихъ побѣдахъ нашего самоотверженнаго воинства, съ двойнымъ усердіемъ помолимся о томъ, чтобы Господь хранилъ то блаженное единство духа внутри самой Россіи, прекрасную картину котораго мы видимъ сейчасъ предъ собою, картину утѣшительную, радостную, незабвенную!

Христе Боже, даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славить и воспѣвати Пречистое Имя Твое! Аминь.
(Вол. Е. Вѣд.).

Архіепископъ *Антоній*.

Нѣсколько мыслей изъ бесѣдъ Преосвященнаго Владыки Андрея съ пастырями въ г. Бирскѣ въ 1914 году.

(По записи священника Іоанна Москалева).

Невозможно разграничить дѣлъ пастырскихъ и миссіонерскихъ, такъ какъ каждый пастырь долженъ давать отвѣтъ каждому вопрошающему о вѣрѣ и потому онъ—прежде всего миссіонеръ, на немъ прежде всего должна сказаться истина словъ Спасителя: „кто не собираетъ, тотъ расточаетъ“.

Кто изъ пастырей можетъ сказать: „вотъ предѣлъ моихъ обязанностей, дальше котораго я не хочу итти!“ Истинный пастырь долженъ разсуждать не о сокращеніи труда, а объ увеличеніи своихъ обязанностей. Какъ обязанность молиться не дана только для аскетовъ, но это прямое дѣло пастыря, такъ и миссіонерство (отъ латинскаго слова, равнозначущаго греческому — апостоль — посланецъ)—первая обязанность священника. Причина всѣхъ разногласій заключается въ томъ, что у пастырей въ ихъ сознаніи недостаточно ярко представляется идеаль священника. Съ грустью приходится отмѣчать то печальное явленіе, когда нѣкоторые изъ о.о. благочинныхъ нашей епархіи, сопровождая епископа въ его поѣздкѣ по приходамъ благочинія, не сочли нужнымъ что-либо сказать своему Архипастырю о положеніи церковныхъ дѣлъ въ посѣщаемыхъ приходяхъ, а потому не оправдываютъ своего названія—благочиннаго; они заботятся не о благѣ церковнаго дѣла, а о скрытіи недостатковъ его. Пастырю доброму нужно не подсчитывать то, что онъ сдѣлалъ, а дѣлать неустанно всякое дѣло на пользу св. Церкви, а мы, нужно признаться, дѣлаемъ едва-ли $\frac{1}{10}$ часть того, что можемъ и должны сдѣлать. Раздѣленіе пастырства и миссіонерства такъ же невозможно, какъ, если допустить грубое сравненіе, для сапожника изготовленіе однихъ голенищъ безъ головокъ. Подобное раздѣленіе можетъ повести, наконецъ, къ

появленію такихъ отрицательныхъ типовъ духовенства, которые встрѣчаются теперь на Кавказѣ; они не занимаются ни миссіей, такъ какъ это-де дѣло миссіонеровъ, ни проповѣдью, такъ какъ это дѣло хорошихъ проповѣдниковъ, а не дурныхъ, какъ они смиренно себя считаютъ, не занимаются они и отправленіемъ богослуженій, ссылаясь на то, что въ храмѣ нѣтъ молящихся; всѣ дѣла свои эти „пастыри“ ограничиваютъ только тѣмъ, что ведутъ метрическія записи и занимаются домашнимъ хозяйствомъ. Потому всѣмъ пастырямъ нужно всегда носить предъ собой идеаль, поставленный Самимъ Господомъ: „Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“ (Ев. Іоанн. 10, 11).

* * *

Первыми признаками добраго пастыря нужно считать полное нравственное его объединеніе съ приходомъ, когда пастырь живетъ горемъ и радостію своей паствы. Какъ мать переноситъ свои радости на дѣтей и птица на птенцовъ своихъ, такъ и священникъ долженъ отказаться отъ личной жизни для паствы—„невѣсты Христовой“, съ которою повѣнчанъ при полученіи благодати священства. Отсюда и переходъ священника въ другой приходъ есть не что иное, какъ въ нѣкоторомъ родѣ разводъ съ его паствою. Такъ на это и смотрятъ лучшіе священники; еще недавно объ одномъ изъ такихъ пришлось узнать, что онъ, живя въ бѣдномъ приходѣ (Уфимской Епархіи) и испытывая недостатки по содержанію семьи, при всѣхъ упрекахъ жены, не рѣшается перейти въ болѣе обеспеченный приходъ, заявляя каждый разъ, что хотя приходъ и бѣденъ, но разъ уже поступилъ въ него и прихожане его любятъ и онъ—приходъ, а архіерей на другое мѣсто не переводитъ, то и будетъ оставаться все въ томъ же приходѣ.

Здѣсь нужно различать *переходъ* священника въ другой приходъ по своему желанію, что въ принципѣ не допустимо, отъ *перевода* чрезъ архіерея; это уже—дѣло Божіе, и у пе-

реведеннаго остается въ душѣ все-таки теплое чувство любви къ прежней паствѣ; но это чувство пропадаетъ, если священникъ самъ переходитъ изъ прихода по честолюбію, или ради другихъ какихъ-либо выгодъ и соображеній. Въ Греціи до сего времени существуетъ порядокъ, по которому каждый епискомъ, или священникъ, долженъ жить въ одной только епархіи, или приходѣ, и допускаются переходы только на второй и въ самомъ крайнемъ случаѣ на третій приходъ; на 4 же приходъ священникъ, какъ бы нѣкоторый четвероженецъ, уже не переводится. На обычныя возраженія, что и св. отцы, какъ Іоаннъ Златоустъ и другіе, переходили отъ одной паствы къ другой, нужно отвѣчать такъ, что св. отцы отъ прежней паствы не уходили, а, поступая на большее мѣсто, только брали въ пастырское руководство, кромѣ прежней паствы, еще большое число людей, принимали на себя только еще большій трудъ.

* * *

Успѣхи пастырскаго служенія,—приведеніе паствы ко Христу и благодатной жизни,—всецѣло обусловливаются преуспѣяніемъ его собственной жизни. Въ Орловской епархіи извѣстенъ священникъ Георгій Коссовъ, который, по личному желанію, поступилъ въ бѣднѣйшій приходъ, гдѣ большинство были сектанты, церковь пустовала и пришла въ полную ветхость. Онъ не говорилъ проповѣдей, но каждый вечеръ сталъ одинъ для себя въ церкви читать акаѳисты; слушать эти чтенія приходили сначала православныя, послѣ—сектанты и такъ полюбили священника за его молитву, что храмъ теперь полонъ молящихся за каждымъ богослуженіемъ; церковныя средства увеличились. Храмъ при отцѣ Георгіи преобразился: его сомолитвенники выстроили ему новый трехпрестольный каменный, для священника выстроили 3-хъ этажный домъ, при церкви больницу, и сектантовъ ужъ нѣтъ: всѣ приняли православіе.

У каждаго священника есть свой даръ, и этимъ даромъ онъ долженъ пользоваться, и Господь всегда благословитъ его труды и дастъ плодъ его дѣятельности.

* * *

Лучше выраженіе всей душевной жизни пастыря можно найти во 2 посланіи св. Апост. Павла къ Коринтянамъ, каковое посланіе слѣдовало-бы каждому пастырю выучить твердо. „По мѣрѣ, какъ умножаются въ насъ страданія Христовы“, говорится здѣсь, „умножается Христомъ и утѣшеніе наше. Скорбимъ-ли мы, скорбимъ для вашего утѣшенія и спасенія, которое совершается перенесеніемъ тѣхъ же страданій, какія и мы терпимъ; и надежда наша о васъ тверда. Утѣшаемся-ли, утѣшаемся для вашего утѣшенія и спасенія, зная, что вы участвуете какъ въ страданіяхъ нашихъ, такъ и въ утѣшеніи“ (2 Коринт., 1 гл., 5—7 ст.). Приведенныя слова Апостола о томъ, что по мѣрѣ умноженія страданій умножается и утѣшеніе, нужно понимать въ смыслѣ приобщенія человѣка къ высшей благодатной жизни. Здѣсь понятіе утѣшеніе совпадаетъ по содержанію съ понятіемъ спасеніе; но слово „спасеніе“ обозначаетъ по преимуществу блаженство загробное, а слово утѣшеніе—это полученіе на землѣ благодатныхъ даровъ Святаго Духа—„Утѣшителя“, это радость блаженства во Святомъ Духѣ, хотя-бы и при скорбяхъ жизненныхъ. Такимъ образомъ понятіе „спасеніе“ только по объему больше понятія „утѣшеніе“, но по содержанію тождественно.

До какой степени паства близка къ пастырю, объ этомъ въ 2-мъ посланіи къ Коринтянамъ говорится такъ: „Вы—наше письмо, написанное въ сердцахъ нашихъ, узнаваемое и читаемое всѣми человѣками; вы показываете собою, что вы—письмо Христово, чрезъ служеніе наше написанное не чернилами, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотныхъ скрижаляхъ сердца“ (2 Коринт. 3 гл., 2—3 ст.).—Но что бы ни дѣлалъ пастырь, онъ всегда

дѣлаеть въ мѣру благодатныхъ даровъ, полученныхъ имъ отъ Бога. Замѣчательны слѣд. слова ап. Павла: „Богъ... озарилъ наши сердца, дабы просвѣтитъ насъ познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Иисуса Христа. Но сокровище сіе мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не намъ“ (2 Кор., 4 6—7). Итакъ, мы всѣ пастыри—только глиняные сосуды и должны о томъ твердо помнить и позаботиться, чтобы не осквернить эти сосуды грѣховною скверною, а сдѣлать достойными вмѣстять сокровище благодати Христовой.

* *
* *

Пастырю не нужно никогда заранѣе составлять какого-либо плана своей дѣятельности; онъ долженъ только работать со всѣмъ усердіемъ, вѣруя, что Господь придетъ ему въ пастырской работѣ на помощь. Работа же „по плану“ только даетъ просторъ грѣшному элементу его человѣческой воли, а потомъ поведетъ къ ошибкамъ и тяжкому чувству разочарованія и отдалитъ отъ Господа Бога. Даже при составленіи проповѣди не нужно какой-нибудь спеціальной подготовки. Нужно почитать св. Писаніе, писанія св. отцовъ, житія ихъ; такъ составитя сразу двѣ-три проповѣди. Но что пастырь—проповѣдникъ будетъ говорить и какъ будетъ онъ говорить,—это дѣло Божіе! Нужно только хорошо помолиться Богу, чтобы дѣйствительно всякое слово пастыря было Божимъ дѣломъ а не его собственнымъ умышленіемъ. Самъ Богъ наставитъ добраго пастыря, что сказать, лишь-бы молитвенное настроеніе съ преданностью волѣ Божіей не покидало его. Особенно молитва даетъ силы пастырю въ трудныя минуты его дѣланія: на исповѣди и въ другихъ тяжелыхъ случаяхъ службы, когда безъ молитвы никакая подготовка иногда не можетъ разрѣшить труднѣйшихъ вопросовъ жизни паствы. Всѣ св. отцы и ап. Павелъ такъ и учли и сами поступали, проводя время въ неустанномъ трудѣ, нисколько не внося грѣшной личной воли, но всецѣло предавшись волѣ Божіей (Уфим. Е. Вѣд.).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе¹).

Проф. Цесельскій, наблюдая первый весенній облетъ, замѣтилъ еще одно неприятное обстоятельство. Опъ замѣтилъ, что пчелы, привлеченныя веселымъ жужжаніемъ дружно облетающагося, сильнаго своего сосѣда, довольно большими партіями присоединяются къ нему, навсегда оставляя свой родной очагъ, отчего сильныя пни дѣлаются еще болѣе сильными, а слабыя—еще болѣе слабыми. Не оспаривая по существу наблюденія Пр. Цесельскаго, я лишь могу дополнить его вѣроятнымъ предположеніемъ, что налетаютъ къ сильному пню только заблудившіяся пчелки, но чтобы пчела, хорошо замѣтившая свой улей и мѣсто его расположенія, охотно пошла въ чужой улей,—сильно сомнѣваюсь. Какъ бы тамъ ни было, но налетъ въ такой или иной степени бываетъ, и слѣдствіемъ его неизбежно является толчея, о которой и я немного поговорилъ уже съ читателемъ. Противъ налета Цесельскій совѣтуетъ просторъ на пасѣкѣ, а мы еще прибавимъ къ нему соблюденіе всѣхъ предосторожностей при отпорѣ летковъ, о чемъ мы уже неоднократно говорилл.

Вотъ видите, читатель, какія интересныя и полезныя для вашего образованія, какъ пчеловеда, вещи вы можете наблюдать въ первый день весенняго облета и коротко сдѣлать о нихъ замѣтки въ пчеловодномъ журналѣ,—дневнику же—своему интимному другу—повѣлать въ болѣе пространной формулѣ! по то-ли еще будетъ!! Впередѣ васъ ожидаетъ работа болѣе осмысленная, основанная на фактахъ, обнаруженныхъ тщательнымъ осмотромъ, а не на однѣхъ догадкахъ и вѣроятныхъ предположеніяхъ. Но все это будетъ да-лѣе, теперь же спокойно переночуетъ съ тѣмъ, чтобы на другой день рано утромъ, пока еще пчелки не тронулись во

¹) См. № 47 за 1914 г.

вторичный, рекогносцировочный облетъ, осмотрѣть летки и трупы валяющихся на землѣ пчелокъ.

Ранній осмотръ второго дня не менѣе важенъ для пчеловода, какъ и наблюденія перваго дня. По количеству валяющихся труповъ, точно такъ же, какъ и по характеру перваго облета, можно судить о такомъ или иномъ благосостояннн пчелиныхъ семей. Осмотръ слѣдуетъ начать съ № 1-го и, не мѣшая, обойти всю пасѣку. Вотъ мы подходимъ къ № 1-му, осматриваемъ его летокъ и все, что лежитъ около него на землѣ. Что-жъ мы видимъ? Подлетокъ и фасадъ улья чисты, въ самомъ проходѣ летка нѣтъ застрявшихъ труповъ, тѣ же трупы, которые валяются въ умѣренномъ количествѣ на землѣ, вполне хороши, т. е., не вздуты и по преимуществу трупы старыхъ, рабочихъ пчелъ. Пороемся между ними и если найдемъ хоть одинъ развитой, но не вполне созрѣвшій трупикъ рабочей куколки, смѣло можемъ заключить, что здѣсь жива матка и уже начала червить почти съ мѣсяцъ тому назадъ. Не будетъ, конечно, бѣды, если мы и не найдемъ трупики; вѣдь, это, собственно говоря, побочное обстоятельство, хотя и дающее намъ въ руки положительный фактъ. Результатъ наблюдений запишемъ въ журналъ подъ датой второго дня приблизительно такъ: *Чисто. Трупы хороши. Есть трупикъ раб. куколки.* Подходимъ къ № 2-му. Летокъ здѣсь загаженъ немного, но въ проходѣ труповъ нѣтъ, и на землѣ ихъ валяется мало; всѣ они, при ближайшемъ осмотрѣ, оказались хорошими; трупики же куколокъ не оказалось. Такъ и запишемъ въ соответствующей графѣ № 2-го: *Загажено малость. Трупы хороши.* Подходимъ къ № 3-му. Летокъ здѣсь загаженъ довольно порядочно. Валяющіеся трупы хотя и рабочихъ пчелъ, но съ признаками небольшого вздутія; трупики же недозрѣлыхъ куколокъ не оказалось. Такъ и запишемъ. *Загажено. Трупы вздуты.* Подходимъ къ № 4-му. Летокъ здѣсь сильно загаженъ. Между вздутыми трупами рабочихъ пчелъ есть трупики недоразвитыхъ куколокъ трутней. Вотъ это уже плохо; въ № 4-мъ

завелась, значить, трутовка или трутневая матка. Наводимъ справку по журналу прошлаго года. Журнальныя отмѣтки № 4-го обрываются такимъ замѣчаніемъ: *Матка еще не оплодотворилась—видѣль.* Значить, матка здѣсь есть, но только трутневая. Кромѣ всего этого № 4-ый страдалъ отъ поноса. Теперь намъ ясно, что и трутни-карлики, принимавшіе такое дѣятельное участіе во вчерашнемъ облетѣ, вышли изъ этого пня. Ну что-жь! такъ и запишемъ: *Оч. (очень) загажено. Т-ны вздуты. Тр-ки трут. куколокъ. Трутневая м-ка.* Подходимъ къ № 8-му, на подлеткѣ котораго вчера толчею замѣтили. Летокъ чистъ, но на землѣ около улья валяется много труповъ. Посмотримъ на нихъ... А! вотъ оно что! Много же васъ бѣдняжекъ вчера погибло напрасной смертью. Посмотрите, какъ большинство изъ нихъ съежилось; это все убиты вчера, какъ не прощенные гости!.. А пѣтлы между ними чернявокъ-воровокъ? Есть: одна, двѣ, три, четыре.... Вотъ это уже нехорошо..., можетъ развиться грабежь. За № 8-мъ устанавливается наблюденіе, а въ журналѣ дѣлается отмѣтка: *Чисто. Есть тр—ны воровокъ.*

Черезъ часъ—полтора можно обойти всѣ пни на пчельникѣ. Вслѣдъ за пасѣчникомъ идетъ рабочій (сторожь) и мокрой тряпкой вытираетъ подлетки и вообще всѣ мѣста, запачканныя кляксами пчелиныхъ изверженій. Эту работу вашъ случайный помощникъ долженъ производить какъ можно осторожнѣе, чтобы не потревожить пчель и не вызвать ихъ наружу. Какъ только будутъ осмотрѣны всѣ пни, работу второго дня можно считать законченной. Пчелкамъ слѣдуетъ дать покой и предоставить полную возможность облетѣться безъ помѣхъ съ вашей стороны. Въ этотъ второй день пчелы дѣлаютъ основательную рекогносцировку близъ лежащей мѣстности, причемъ хорошо замѣчаютъ свой улей и его мѣсто-расположеніе среди другихъ пней пасѣки; лишняя фигура, хотя бы даже самого пасѣчника, можетъ только перепутать планъ расположенія пней, еще не твердо запечатлѣвшійся въ ихъ памяти. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ за-

мѣченъ напасть, или обнаружатся признаки голодовки одного изъ пней, помощь подается немедленно. Третій день точно такъ-же, какъ и второй, безъ помѣхи предоставляется пчелкамъ въ полное ихъ распоряженіе, и только лишь на четвертый, когда можно быть увѣреннымъ, что всѣ пчелы облетѣлись и хорошо замѣтили свои мѣста, возможно приступить къ болѣе серіозной и вполнѣ осмысленной работѣ. Но тутъ заканчивается первый періодъ весеннихъ работъ на пчельникѣ; съ того же дня, какъ мы открыли пень для чистки, начинается второй періодъ весеннихъ работъ, о чемъ мы и поговоримъ съ читателемъ въ слѣдующей бесѣдѣ, теперь же разъясимъ приложенныя здѣсь таблицы.

Діаконъ Г. Лисянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1915 подписномъ году.

Въ 1915 году журналъ нашъ вступаетъ въ 56 годъ своего изданія. И въ этомъ году онъ будетъ руководиться своей всегдашней цѣлью—содѣйствовать православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной пастырской дѣятельности.

Въ 1915 году наши подписчики получаютъ:

52 еженедѣльныхъ номера журнала, содержащихъ:
а) статьи по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни; б) статьи по исторіи Церкви, апологетики, об-

личенію сектантства, исторіи и изъясненію богослуженія и другимъ богословскимъ наукамъ; в) обзоръ церковно-общественной жизни; г) обзоръ епархіальной жизни по *Епархіальнымъ Вѣдомостямъ*; д) обзоръ периодической печати (главнымъ образомъ, духовной); е) общепользныя свѣдѣнія по медицинѣ, сельскому хозяйству, садоводству. Въ 1915 году будетъ продолжаться печатаніе „БЕСѢДЪ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ“ (практическая часть). ж) *Отвѣты на вопросы подписчиковъ*.— Въ виду невозможности своевременно предвидѣть всѣ возникающіе на мѣстахъ запросы, Редакція проситъ подписчиковъ дѣлиться съ нею своими наблюденіями, недоумѣніями и т. п.

12 книжекъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Наряду съ оригинальными проповѣдями будутъ помѣщаться лучшіе печатные образцы проповѣдничества. Проповѣди высылаются раньше того времени, на которое онѣ назначаются для произнесенія.

12 выпусковъ „Богословскаго Библиографическаго листка“, — указаніе текущей церковно-богословской литературы и отзывы о ней.

Безплатное приложеніе: „Церковно-пѣвческій сборникъ“.

Кромѣ того, подписчикамъ дѣлается уступка при выпискѣ отъ редакціи „ТОЛКОВАГО ТИПИКОНА“ вып. 1-й за 2 р. вмѣсто 2 р. 50 к., вып. 2-й за 1 руб. 50 коп. вмѣсто 1 руб. 75 коп., съ пересылкой.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи *шесть рублей*, за границу *8 руб.* Допускается разсрочка.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать 25 к.; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

ЗАМѢТКА

НѢмцамъ 1).

Какъ стыдно вспомнить, что мы васъ уважали,
 Твердя, что Шиллера и Гете вы сыны!
 Мы восхваляли васъ, съ довѣрьемъ руку жали,
 Считали, что у васъ учиться мы должны.
 Внезапно сорвано притворное обличье...
 Куда дѣвалось нѣмецкое приличье,
 Едва слышали мы первый звукъ войны!?
 Вы разгромили все, чѣмъ, мнилось, были живы.
 Нѣмецкой честности не видно и слѣда.
 Въ теченіе вѣковъ вы только были лживы...
 Теперь, старинные сжигая города,
 Дѣтей казня и женъ позоря, перестали
 Вы насъ обманывать, быть честными устали.
 Дней откровенности настала чередка.
 И вамъ побѣды нѣтъ!—Къ рѣшительному бою
 Безъ чести подходя,—побѣды не найти.
 Вы уничтожены безжалостно собою
 На вами избранномъ позорнѣйшемъ пути.
 Грядущее для васъ навѣки безотрадно.
 Все прошлое свое сожгли вы безпощадно
 И славѣ молвили послѣднее—„прости“.

Кн. Голицынъ-Муравлинъ.

1) Нов. Вр.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 17-го ноября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Авн. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 49

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевои духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 30-го ноября.

Содержаніе: I. Православіе и Галичина. Кир. Тихомировъ.—II. Религіозно-культурныя основы современной войны.—III. Замятки о ц.-общественной жизни. Свящ. Пл. Петровъ.—IV. По любви и молитвамъ. Свящ. Вл. Успенскій.—V. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—

Православіе и Галичина.

Русскія знамена развѣваются надъ Львовомъ и Галичемъ; до самыхъ Карпатъ свободно раздается русская рѣчь, и побѣдоносныя русскія войска уже устремляются за Карпатскія горы. Гуль кровавой битвы, свистъ ядеръ, громъ тысячи орудій—всѣ эти жгучіе звуки смерти были въ битвѣ подъ Львовомъ звуками возраждающей жизни, символомъ свободы и счастья миллионовъ русскихъ людей, долгіе годы томившихся подъ иноземнымъ игомъ. Въ самомъ грохотѣ пушекъ чудились слова великія и радостныя: „нѣтъ больше Руси подъяремной“!

Шестьсотъ лѣтъ стонала Галицкая Русь въ чужеземныхъ цѣпяхъ, но стоны ея не долетали до державной матери—Россіи. Галицкую Русь какъ-бы забыли... И только въ послѣднія десятилѣтія пробудилось національное самосознаніе, и открылись глаза русскаго народа. До той же поры какъ-бы не замѣчали русскіе люди, что милліоны братьевъ томятся въ тяжелой неволѣ. И руки чужеземцевъ прочно держали исконно русскую землю, составлявшую неразрывное цѣлое съ Кіевщиной и Волынью.

Враги, угнетавшіе русскихъ галичанъ, думали, что ожесточенныя преслѣдованія и кровавыя расправы скоро сломятъ духъ русскаго народа, и на русской землѣ, обильно политой русской кровью, расцвѣтутъ пышные цвѣты иноземной культуры. Но прошло шесть вѣковъ; русскія войска побѣдоносно вступаютъ въ Галицію, и ихъ встрѣчаютъ, какъ избавителей, со слезами восторга и съ молитвами. Они слышатъ привѣтствія на родномъ языкѣ, они видятъ предъ собою своихъ братьевъ, у которыхъ тотъ же бытъ, что и у насъ, тѣ же нравы, тотъ же національный обликъ.

Развѣ это не живой примѣръ силы русскаго духа,—примѣръ не нуждающійся ни въ какихъ комментаріяхъ и разъясненіяхъ? Какъ глубоки, какъ самобытны начала русской культуры, если ихъ не смогли заглушить шесть вѣковъ ожесточенныхъ преслѣдованій! И какъ прочна наша кровная связь съ Галицкой Русью, если она не порвалась до сихъ поръ! Чисто русскій складъ души видимъ мы у галицкаго народа, чисто русское міросозерцаніе, краеугольный камень котораго составляетъ Православная вѣра. И великое счастье въ томъ, что галицкій народъ сумѣлъ сохранить вѣру своихъ—предковъ, пронеся ее нетронутой чрезъ горнило тяжелыхъ испытаній. Сохранивъ Православную вѣру, онъ сохранилъ себя.

Яркими свѣточами національнаго самосознанія, духовными вождями галицко-русскаго народа было въ теченіе шести вѣковъ православное духовенство. На своихъ плечахъ

вынесло оно натискъ полонизма и германизма; оно грудью приняло напоръ, и объ его непоколебимую стойкость разбились всѣ усилія. Темницы наполнялись самоотверженными страдальцами. Гибли они, гибли не напрасно.

Оцѣнивая чрезвычайно высоко патриотическую дѣятельность русскихъ священниковъ, и принимая для угнетенія православнаго духовенства жестокія рѣшительныя мѣры, враги русскаго народа шли по правильной дорогѣ, они не ошибались... Но жестоко ошиблись они, думая, что преслѣдованія и гоненія смогутъ поколебать духъ русскаго православнаго священника и заставить его измѣнить своему высочайшему долгу и историческому призванію. Во власти враговъ было закрыть русскому священнику дорогу къ широкому образованію, во власти враговъ было заставить его идти за сохою и въ потѣ лица добывать себѣ хлѣбъ, но не въ ихъ власти было заставить его отказаться отъ всего самаго святого и дорогого—отъ Православной вѣры и русскаго имени... А за своими духовными пастырями шелъ и весь галицко-русскій народъ, шелъ кровавою стезею, часто сгибаясь подъ бременемъ тяжелой ноши, но глубоко затаивъ въ своей душѣ надежду на лучшее будущее...

Глубокая неизмѣнная преданность Православной вѣрѣ не является отличительной чертой одного лишь галицкаго народа; это—черта свойственная всему русскому народу, въ Галичинѣ же она проявилась наиболѣе ярко въ силу историческихъ условій. Гоненіе Православія было для Галицкой Руси какъ бы ураганомъ, раздувшимъ въ яркій костеръ тотъ пламень вѣры, который свѣтится въ душѣ всего великаго русскаго народа, гдѣ бы онъ ни жилъ—во Львовѣ, или въ Москвѣ. Православная вѣра—это основа міросозерцанія всего русскаго народа, лучшее сокровище его души. Религія даетъ удовлетвореніе высшимъ запросамъ народнаго ума; на религіозномъ началѣ покоятся въ сознаніи русскаго народа всѣ принципы нравственности.

Преданность русскаго народа Православной вѣрѣ особенно ярко Проявляется всегда въ дни тяжелыхъ испытаній и кровавыхъ жертвъ—во время войны, въ особенности войны съ врагами Православной вѣры. Могучее религіозное одушевление охватываетъ тогда русскій народъ, сообщая ему непоколебимую стойкость, дѣлая его непобѣдимымъ. Такъ было въ годы татарскаго ига, такъ было и въ годы нашествія наполеоновскихъ полчищъ. Только религіозное одушевление спасло Русь отъ гибели въ тяжкое смутное время; только благодаря мощному религіозному подъему не погибла и Галицкая Русь въ мучительной шестивѣковой борьбѣ за свою національность.

Но опасность была велика, и кто знаетъ, что было бы дальше... Вѣдь начиналась уже покрываться налетомъ католицизма Православная вѣра; среди русскаго народа все шире и шире распространялась унія, вводимая насиліемъ и обманомъ,—унія, эта найденная іезуитской мыслью лазейка, черезъ которую проникають въ православную вѣру чуждыя ей начала, этотъ мостъ, построенный врагами русскаго народа надъ пропастью, отдѣляющей Православіе отъ католицизма.

Но теперь все перемѣнилось. Митрополія Кіевская и Галицкая составляетъ теперь не только этнографическое, но и политическое цѣлое. И древнестольный Кіевъ, распространившій на Галичъ, какъ и на всю русскую землю, свѣтъ истинной вѣры, долженъ теперь установить возможно тѣсное единеніе Державной Руси со вновь воссоединенной ея частью, единеніе прежде всего на религіозной почвѣ. Этому великому дѣлу положено уже начало. „Архіепископъ Евлогій—прочли мы недавно въ телеграммахъ—посланный въ Галицкую Русь, сообщилъ св. Синоду, что многія села Бродскаго уѣзда поголовно изъявили желаніе воссоединиться съ Православіемъ. Въ селеніяхъ, гдѣ проживаютъ воссоединившіеся, устраиваются торжественные крестные ходы съ пѣніемъ пасхальнаго канона“. Велика радость галичанъ—уніатовъ, получившихъ

возможность свободно исповѣдывать въ ея прежней чистотѣ вѣру своихъ предковъ, вѣру своей души... Тотъ троекратный поцѣлуй, которымъ обмѣниваются русскіе люди въ Свѣтлое Воскресеніе и которымъ обмѣнивались во Львовѣ представитель русской государственной власти и представитель галицкаго народа, знаменуетъ воскресеніе Галицкой Руси для новой, неумирающей жизни.

Но этотъ переворотъ, вернувшій религіозную свободу исповѣдующимъ Православіе русскимъ галичанамъ и сдѣлавшій Православіе, какъ русскую государственную религію, предметомъ особаго вниманія и попеченія со стороны представителей русской государственной власти въ Галичинѣ, не означаетъ собою водворенія, вмѣсто упраздненнаго австрійскаго гнета, другого такого же гнета въ данной области—уже не австрійскаго, а русскаго. Государственно—главенствующее положеніе Православія въ Галичинѣ ничемъ не стѣсняетъ и не ограничиваетъ свободу другихъ существующихъ въ странѣ вѣроисповѣданій и не посягаетъ на права, опредѣляющія и охраняющія ихъ существованіе:

Этотъ принципъ широкой вѣротерпимости прозвучалъ уже въ рѣчи генераль-губернатора Галичины, графа Г. А. Бобринскаго, произнесенной имъ въ отвѣтъ на привѣтствіе депутаціи отъ галицко-русскихъ общественныхъ организацій. На пути такого вполнѣ понятнаго, не расходящагося съ принципомъ вѣротерпимости прозелитизма, становится русская государственная власть, съ мудрой осмотрительностью заявляющая, что „всѣ уніаты, желающіе перейти въ Православіе, будутъ приниматься съ распростертыми объятіями, но насильственное обращеніе ихъ недопустимо“. Виѣшнее воздѣйствіе на религіозную жизнь Галичины со стороны русской государственной власти будетъ выражаться только тѣмъ, что власти не будутъ допускать возвращенія на ихъ мѣста скрывшихся уніатскихъ или католическихъ священниковъ, „какъ недостойныхъ іереевъ, бросившихъ свою паству въ столь трудную минуту ея жизни“, а также тѣмъ, что новые свя-

щенники будутъ допускаться къ отправленію своего пастырскаго служенія лишь съ разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ генераль-губернатора.

Такія ограниченія являются, конечно, временными и неизбѣжными при томъ переходномъ положеніи, какое нынѣ переживаетъ Галичина, и они носятъ исключительно административный характеръ, направленный къ поддержанію внѣшняго порядка, но не вторгающійся во внутреннюю область религіозной жизни и свободы совѣсти. Съ этой стороны Православная Церковь приноситъ въ Галичину не остріе меча, а пальмовую вѣтвь мира, какъ символъ устраненія религіозной распри, какъ знаменіе вѣроисповѣдной свободы и охраны отъ всякихъ проявленій насилія въ интимнѣйшей области человѣческаго духа. Пусть же это будетъ понято и оцѣнено по достоинству!..

Итакъ, теперь, по милости Бога, заря новой жизни занимается надъ Карпатами... Закончено историческое дѣло собиранія Руси.—И весь русскій народъ, собранный воедино, смѣло идетъ навстрѣчу всѣмъ испытаніямъ, уже внушая страхъ врагамъ и подымая на небывалую высоту уваженіе друзей къ своей несокрушимой мощи, къ сокровищамъ своей благородной и мягкой славянской души.

Кир. Тихомировъ.

Религіозно-культурныя основы современной войны.

Вотъ уже три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ наши мысли и чувства прикованы къ той далекой нашей окраинѣ, гдѣ наши братія воины совершаютъ свое побѣдоносное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кровавое шествіе. Туда направляются наши думы, туда тяготѣютъ наши желанія, тамъ живетъ наше сердце съ его радостями и печалами.

Всѣ мы знаемъ, что всякая война есть великое зло, и съ христіанской точки зрѣнія зло это попускается въ тѣхъ

лишь крайнихъ случаяхъ, когда оно является наименьшимъ изъ данной совокупности золь, когда оно является единственнымъ и неизбѣжнымъ послѣднимъ средствомъ для защиты святого нашего упованія и высшихъ духовныхъ цѣнностей.

Но будучи допускаема въ христіанствѣ, какъ неизбѣжное зло, лишь въ крайнихъ случаяхъ, война подъ вліяніемъ именно христіанства съ теченіемъ времени постепенно смягчалась и какъ бы облагороживалась въ своихъ проявленіяхъ. Христіанскимъ международнымъ правомъ устанавливаются, напр., территорія и лица, которыя и въ военное время остаются свободными отъ вражескаго нападенія, какъ то: мирныя поселенія, женщины, старики, дѣти и плѣнные. Подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, въ военное время, когда враждующія арміи грозно наступаютъ одна на другую, рядомъ съ ними работаютъ особая мирная армія братьевъ и сестеръ милосердія, оказывающихъ христіанскую помощь страждущимъ. Такъ христіанство исподволь, постепенно смягчаетъ ужасы человѣческой вражды, подготавливая человѣчество къ тѣмъ благодѣтельнымъ временамъ, о которыхъ въ Словѣ Божіемъ сказано: „раскуютъ люди мечи своя на орала“.

Но что же мы видимъ въ нынѣшнее время, что наблюдаемъ въ нынѣшнюю войну? Мы не будемъ говорить о томъ духѣ гордыни, о тѣхъ вождедѣніяхъ всемірнаго господства, которыя руководили Германіей въ ея выступленіи противъ славянства и его союзниковъ. Обратимъ вниманіе на то, какъ ею ведется настоящая война. Весь міръ полонъ самыхъ мрачныхъ разсказовъ о нѣмецкихъ жестокостяхъ, зайклеймить которыя нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Подвиги тевтоновъ нынѣ сопоставляютъ съ звѣрствами чингисъ-хановъ, сопоставляютъ съ тѣми дикими варварскими временами, когда насиліе надъ мирными жителями считалось геройствомъ, похвальною доблестію, когда триумфами побѣды считались не знамена, пушки, плѣнные, а беззащитныя женщины и дѣти. Нѣтъ ничего великаго и священнаго, что не было бы оскорблено германцами въ настоящей войнѣ. Истина,

право, совѣсть, религія—все попраю и попраю сознательно. Тотъ, кто горделиво заявилъ, что нѣмцы боятся только Бога, сказалъ неправду, такъ какъ они сознательно попрали въ сердцѣ своемъ страхъ Божій. Скажите, что долженъ былъ думать, чувствовать тотъ раненый французскій солдатъ, которому нѣмецкая сестра милосердія перепиливала горло? Что переживали въ послѣднія предсмертныя минуты всѣ эти неповинныя, кровь которыхъ лилась ручьями, маленькія беззащитныя дѣти, протягивавшія свои руки съ мольбою о пощаду, поруганныя и оскверненныя женщины, жалкіе и несчастныя старики? Всѣ они встанутъ предъ престоломъ Божіей правды и до конца міра не перестанутъ взывать къ Божіему суду. На нашихъ глазахъ совершается то, что огненными буквами вписывается въ книгу вѣчности, и еще на одинъ шагъ приближается къ человѣчеству день грознаго суда міра за его беззаконія.

Какъ же, спрашивается, понять и объяснить все это? Что обозначаетъ это неожиданное превращеніе народа философовъ и гуманистовъ въ свирѣпыхъ варваровъ, не уступающихъ древнимъ вандаламъ въ ихъ печальной славѣ? Германія, вѣдь, до послѣдняго времени славилась учеными, поэтами, художниками и богословами. Ее мы ставили какъ образецъ самаго широкаго развитія разнаго рода техническихъ и прикладныхъ знаній.

Очевидно, все это была лишь внѣшняя культура, выросшая не на почвѣ христіанства и далеко отторгшаяся отъ него. Если бы мы внимательно слѣдили за знаменіями времени, то давно должны были бы ожидать того, что теперь случилось. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ весь христіанскій міръ пораженъ былъ безумными глаголами нѣмецкаго философа Ницше. Въ своемъ ослѣпленіи онъ дошелъ до открытаго вызова человѣческому разуму, человѣческой совѣсти, христіанской морали и христіанской религіи. Ницше выдвинулъ новый принципъ нравственныхъ цѣнностей—принципъ силы, не преклоняющейся ни предъ чѣмъ. Всю христіанскую

мораль человечества онъ объявилъ лишь проявленіемъ дряблости тѣла и слабости духа. Старыя добродѣтели—милосердіе и состраданіе, по его словамъ, умерли; это были добродѣтели слабыхъ и рабовъ. Лучшій тотъ, кто силенъ, лукавъ, хитеръ, кто умѣетъ побѣждать, не считаясь съ тѣмъ, каковы тѣ средства, которыми онъ пользуется. На развалинахъ жалкой современной жизни должна вырости новая сильная, сверхчеловѣческая жизнь. Сверхчеловѣкъ стоитъ выше человѣка и всего чаловѣческаго. Эксплуатируя слабыхъ, извлекая изъ нихъ соки жизни, онъ восходитъ на высоту. Не нужно жалости,—побольше жестокости. Не нужно состраданія,—побольше страданія.

Вотъ итоги Ницшеанской безнравственной проповѣди, поставляющей вмѣсто Бога человѣка. Но не показала ли современная Германія, что всѣ эти кощунственныя мысли были не личнымъ только воззрѣніемъ ослѣзленнаго философа, а выраженіемъ того, чѣмъ жилъ и о чемъ мечталъ современный нѣмецкій народъ. Во имя порабощенія слабыхъ начата великая война народовъ, кличъ къ которой подали германцы. Ницшеанскій принципъ—все позволено для сильнаго—германцы воплотили какъ въ политикѣ, такъ и въ тѣхъ звѣрствахъ, которыя они допускаютъ въ отношеніи своихъ противниковъ.

Такимъ образомъ, великая борьба народовъ, которою охваченъ теперь почти весь міръ, имѣетъ не одну только политическую подкладку. Подъ громъ орудій и клики воиновъ человечество въ сущности переживаетъ величайшую драму. Объявлена смертная война основнымъ началамъ христіанской морали. На мѣсто любви, состраданія, жалости, милосердія и братства наши противники поставили всюду жестокость и порабощеніе слабыхъ сильными. Воиствующій германизмъ взялъ на себя задачу съ оружіемъ въ рукахъ водворить на землѣ торжество тѣхъ новыхъ безчеловѣчныхъ принциповъ, которыхъ человечество до сихъ поръ стыдилось и клеймило именемъ зла. Не государствамъ и правитель-

ствамъ только бросили вызовъ воинственные тевтоны. Они бросили вызовъ христіанству и всему христіанскому прошлому Европы. вмѣстѣ съ Реймскимъ соборомъ горятъ вѣковыя цѣнности христіанскаго человѣчества. Побѣда германцевъ освятить право силы, вычеркнетъ со страницъ человѣческаго прогресса два тысячелѣтія христіанской исторіи.

Но это не можетъ быть... Германцы хотѣли бы весь міръ подчинить и перестроить по своему произволу и вкусу, распредѣлить въ немъ престолы и царства. Но мы твердо вѣруемъ и знаемъ, что верховный Управитель и Властитель царствами и народами есть единый Господь Богъ, и что Онъ правосудный придетъ и не закоснитъ,—если только мы не прогнѣваемъ Его какими-нибудь новыми тяжкими грѣхами,—простереть на безмѣрно возгородившійся народъ Свою карающую руку. (Тульск. Е. Вѣд.).

Замѣтки о церковно-общественной жизни.

Война съ Турціей. Задачи Россіи на Ближнемъ Востокъ и возможность ихъ разрѣшенія въ настоящее время. Возсоединеніе галицкихъ уніатовъ. Посѣщеніе Галиціи Волынскимъ Архіепископомъ. 800 лѣтіе со дня смерти препод. Нестора Лѣтописца. Ходатайство объ открытіи духовной академіи въ г. Иркутскъ.

Турція, когда-то могучая и страшная даже для всей Европы, а теперь одряхлѣвшая и по всей справедливости заслужившая названіе больного чловѣка на Ближнемъ Востокѣ, эта Турція объявила нашей великой родинѣ войну. Конечно, сама Турція не рѣшилась-бы на этотъ рискованный шагъ, но она въ послѣднее время сдѣлалась игрушкой въ чужихъ рукахъ, сначала англичанъ, а теперь въ ней распоряжаются какъ у себя дома нѣмцы; они-то отъ имени Турціи и объявили намъ войну, начавъ ее предательскимъ нападеніемъ на беззащитные русскіе порты въ Черномъ морѣ.

Эта новая война ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни особенно опасной, не слишкомъ затруднительной для Россіи. Какъ ни велики тѣ жертвы, какія потребовала отъ Россіи война съ Германіей и Австріей, но сила русскаго народа, духовная и матеріальная, такъ огромна, такъ неисчерпаема, что и новая война не можетъ поставить Россію въ безвыходное положеніе. И мы видимъ, что Россія уже болѣе мѣсяца ведетъ войну на три фронта, но въ народѣ русскомъ нѣтъ ни страха, ни ропота, ни унынія.

Нашъ народъ ясно сознаетъ, что родина въ опасности, и потому съ истинно христіанскимъ самоотверженіемъ онъ несетъ великія жертвы и до конца будетъ бороться за святое дѣло освобожденія и родины, и всего славянскаго міра отъ исконныхъ враговъ и угнетателей—нѣмцевъ и турокъ.

Не впервые доблестному русскому воинству одолѣвать турецкія полчища—говорится въ Высочайшемъ манифестѣ по случаю объявленія войны съ Турціей. Дѣйствительно, съ Турціей Россія ведетъ борьбу уже съ давнихъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, и безъ сомнѣнія, будетъ величайшимъ благомъ для Россіи и всего славянства, если настоящая война закончитъ эту вѣковую борьбу. Въ этой борьбѣ Россія много сдѣлала для блага единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ, бывшихъ подъ игомъ турокъ. Болгарія, Сербія, Румынія, Греція освобождены кровью русскихъ солдатъ. Но для себя Россія въ борьбѣ съ Турціей получала не много; напротивъ, въ этой борьбѣ она большею частью жертвовала своими интересами для блага другихъ. Вотъ почему въ отношеніи Россіи къ Ближнему Востоку остаются до сихъ поръ нерѣшенными многіе вопросы, вопросы важные и существенные, рѣшеніе которыхъ, такое или иное, далеко не безразлично для блага нашей родины. Россія нуженъ свободный выходъ изъ Чернаго моря. Нужно рѣшить разъ навсегда, такъ называемый, балканскій вопросъ, т. е. урегулировать отношеніе между народами Балканскаго полуострова. Необходимо возстановить господство Православія на Востокѣ. До

сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ.

Теперь настала часъ великихъ рѣшеній, часъ исполненія историческихъ судебъ. Настала моментъ очень удобный, чтобы закончить вѣковую борьбу съ Турціей, чтобы рѣшить все вопросы ближневосточной политики. Если моментъ будетъ упущенъ, то опять будутъ споры, опять придется напирать силы, придется при этомъ считаться съ чужими желаніями, планами и выгодами, потребуется несравнено больше жертвъ, чѣмъ теперь, такъ какъ теперь мы имѣемъ больше союзниковъ, чѣмъ враговъ.

Вопросъ идетъ, конечно, о самомъ существованіи Турціи, но вѣковой врагъ христіанства и угнетатель славянъ самъ подписалъ свой приговоръ. Довольно Турція пролила крови несчастныхъ христіанскихъ народовъ Востока, и если эти послѣдніе въ своей ужасной судьбѣ явились искупительной жертвой за грѣхи отцовъ, то нужно вѣрить и думать, что нынѣ „настало время помиловать израиля“. Будетъ-ли Константинополь русскимъ или нѣтъ—это не такъ важно, какъ то, чтобы Царь-градъ возвратилъ, наконецъ, свою славу христіанской столицы, чтобы изъ Царь-града засіялъ новый свѣтъ мирныхъ христіанскихъ отношеній между народами Востока. Подъ властью Турціи и до сихъ поръ находится не мало племень и народовъ, жаждущихъ свободы и національнаго возрожденія, таковы: армяне, арабы, греки и др. Каждый день газеты несутъ извѣстія о томъ, съ какимъ воодушевленіемъ армянская молодежь, живущая въ Россіи, организуется въ дружины, чтобы вмѣстѣ съ русскими войсками сражаться за дѣло освобожденія турецкой Арменіи. Такъ же горячо желаютъ и стремятся къ свободѣ и независимости подвластные Турціи арабы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Іеменѣ вспыхнуло возстаніе арабовъ противъ турокъ. Этотъ фактъ тогда не обратилъ на себя особаго вниманія, а между тѣмъ онъ заслуживалъ этого. Уже давно среди арабовъ, особенно жителей

Иемена, идетъ броженіе противъ турокъ. Сирія, Палестина, населенныя арабами, давно уже мечтаютъ объ арабскомъ единеніи и объ освобожденіи отъ турецкаго ига. Несчастье арабовъ въ томъ, что они разбиты на множество племенъ, враждующихъ по вѣроисповѣданію; большая часть изъ нихъ — мусульмане, а меньшинство — христіанѣ. Къ сожалѣнію, и среди арабовъ — христіанъ существуетъ раздѣленіе, такъ какъ одни изъ нихъ — православные, другіе — католики, есть и протестанты. Но въ дѣлѣ національнаго возрожденія арабовъ кое что уже сдѣлано. Такъ, въ Сиріи, населенной православными арабами, за послѣднее время возстановлена національная церковная іерархія и начата широкая просвѣтительная дѣятельность.

Теперь, когда сама Турція произнесла надъ собой приговоръ, настало время для Россіи закончить свою освободительную борьбу на Востокаѣ. Сама-ли Россія или при поддержкѣ союзниковъ совершитъ освобожденіе поработенныхъ Турціей народовъ, несомнѣнно, престижъ Россіи на Востокаѣ усилится, а вмѣстѣ съ этимъ поднимется и значеніе Православія.

То, о чемъ только могутъ мечтать народы Востока, стало фактомъ для единоплеменной намъ Галиціи. Долго ждала Галиція помощи отъ Россіи, и теперь получила и свободу отъ австрійскаго ига, и возможность возвращаться изъ насильно навязаной уніи къ родной вѣрѣ Православной. Дѣло воссоединенія галицкихъ уніатовъ уже началась.

Въ самомъ началѣ ноября Волынскій Владыка Архіепископъ Евлогій посѣтилъ г. Львовъ и нѣкоторыя деревни, населеніе которыхъ перешло изъ уніи въ Православіе. Во Львовѣ Владыка Евлогій остановился въ домѣ настоятеля правосл. церкви Св. Георгія. На другой день по пріѣздѣ Владыка принялъ депутацію, состоящую изъ представителей Львовскихъ русскихъ организацій. Предсѣдатель русскаго народнаго Совѣта, В. О. Дудыкевичъ, привѣтствовалъ Владыку рѣчью, въ которой говорилъ, что галицко-русскій на-

родъ всегда сознавалъ себя православнымъ, хотя официально назывался уніатскимъ. Народъ галицкій, по словамъ Дудыкевича, весьма радъ видѣть Владыку, такъ какъ знаетъ его какъ ревностнѣйшаго архипастыря, знаетъ о его заслугахъ въ дѣлѣ спасенія и устройства сосѣдней съ Галиціей Холмщины.

Изъ Львова Владыка Евлогій отбылъ въ селеніе Жолтанцы. Здѣсь въ обширномъ храмѣ, при безчисленномъ стеченіи мѣстнаго возсоединеннаго съ Православной Церковью населенія, совершена была литургія, послѣ которой Владыка Евлогій поучалъ народъ.

Въ Галиціи Владыку Евлогія привѣтствовали депутаціи католиковъ и евреевъ. Послѣднимъ Владыка сказала, что если они будутъ жить мирно и честно и не будутъ обижать русскій народъ, то положеніе ихъ будетъ не хуже, а лучше, чѣмъ во время австрійскаго господства.

Истекшій м. октябрь ознаменовался нѣсколькими юбилеями. 27 окт. исполнилось 800 лѣтъ со дня смерти преподобнаго Нѣстора-лѣтописца—отца русской исторіи. Въ этотъ день въ Кіевской лаврѣ, въ пещерной церкви, вблизи которой почиваютъ св. мощи преподобнаго, была совершена божественная литургія, а послѣ нея молебенъ преподобному. Въ совершеніи молебна принималъ участіе Высокопреосвященнѣйшій Владыка Митрополитъ Кіевскій Флавіанъ. По случаю юбилея въ Кіевскомъ историческомъ обществѣ имени Нестора лѣтописца состоялось засѣданіе, на которомъ прочитаны были доклады, соотвѣтствующіе событію. Такъ же скромно, въ виду военного времени, были отпразднованы и другіе знаменательные юбилеи: 100-лѣтіе со дня смерти М. Ю. Лермонтова, и 100-лѣтіе Московской академіи.

Въ Церк. Вѣстникѣ (№ 41, м. окт.) помѣщено слѣд. сообщеніе: На дняхъ въ св. Синодъ поступило изъ Министерства В. Дѣлъ ходатайство Иркутскаго губернатора и городской думы объ открытіи въ Иркутскѣ духовной академіи. Учрежденіе духовной академіи въ Сибири, по мнѣнію мѣст-

ныхъ общественныхъ дѣятелей, вызывается стремленіемъ приблизить этотъ разсадникъ высшаго богословскаго образованія къ нашей далекой и обширной окраинѣ, гдѣ географическимъ центромъ является именно г. Иркутскъ. При открытіи въ немъ академіи, послѣдняя, какъ имѣющая миссіонерскій характеръ, будетъ обслуживать область, состоящую почти изъ 10 губерній и которая до сихъ поръ является центромъ язычества.

Нужно признать, что ходатайство заслуживаетъ полнаго вниманія. Иркутскъ является центромъ Восточной Сибири: въ немъ сосредоточены высшія административныя учрежденія, судебныя установленія, торговыя и промышленныя предприятия; въ городѣ свыше 120 тысячъ населенія и ни одного высшаго учебнаго заведенія, Для постройки академіи городская дума обязуется отвести огромный участокъ земли (16 т. кв. саж.) и 30 тысячъ рублей.

Священникъ *Платонъ Петровъ*.

По любви и молитвамъ ¹⁾).

(Разсказъ о. Стефана)

Пріѣхавшій къ тестю погостить священникъ одного изъ великорусскихъ сель о. Михаилъ Лавровъ по порученію тестя обходилъ приходъ въ рождественскій постъ съ предпраздничной молитвой.

Село Суходолы, въ которомъ гостилъ о. Михаилъ, раскидалось по крутымъ холмамъ и ярамъ между ними, ходить по которымъ непривычному къ гористымъ мѣстностямъ о. Михаилу было трудно. А тутъ еще нѣкоторыя хатки пря-

¹⁾ Иллюстрація того, какъ нѣмцы черезъ штундистовъ губятъ православныхъ людей. Можно предложить разсказъ на вѣббогослужебномъ собесѣдованіи

тались въ такихъ тайникахъ яровъ за садками, левадками и повѣтками, что и различить ихъ было невозможно. И если бы не привычный разбираться въ хатахъ своего села церковный сторожъ, о. Михайль, навѣрно, пропустилъ бы много хатъ, чѣмъ, конечно, вызвалъ бы неудовольствіе среди Суходолянъ...

Но одну хату церковный сторожъ всетаки пропустилъ, на чемъ поймалъ его о. Михайль, какъ-то случайно разглядѣвшій ее за повѣтками.

— А что же вонъ туда меня не ведешь? спросилъ онъ сторожа. Тамъ тоже, кажется, изба. Или и это овинъ что ли какой?

— Нѣтъ, это хата, неохотно отвѣтилъ сторожъ. Только ходить намъ туда не зачѣмъ.

— Почему не зачѣмъ? вспыхнулъ горячій о. Михайль. Бѣднота что ли въ ней живетъ? Мзды не получимъ?.. Такъ и ненадо. Не изъ за мзды я хожу, а чтобы разрѣшеніе отъ поста и благословеніе Божіе преподать людямъ къ предстоящему великому празднику Рождества Христова... Идемъ Іуда!

О. Михайль быстро направился къ хатѣ, толкнулъ низкую дверь въ сѣнцы, съ непривычки стукнулся головой о перекладину, сильно ушибся и о другую такую же дверь— входъ въ хату, и, потирая вспухнувшій лобъ, очутился наконецъ въ хатѣ.

— Здравствуйте, почтенные хозяева! Благословеніе дому вашему! выговорилъ онъ обычное привѣтствіе и оглянулся.

Въ хатѣ никого не было.

— Однако, гдѣ же эти самые хозяева? спросилъ онъ сторожа. Ушли что ли куда?.. Помолюсь за нихъ и въ ихъ отсутствіе.

И онъ, обратясь къ переднему углу, привычнымъ голосомъ началъ.

— Владыко Господи Отче, Вседержителю! Егда родился еси отъ Дѣвы Маріи въ Виоелеемѣ Іудейстѣмъ.

— О Боже жъ мой милостивый, Владыка милосердный, Матерь Божія, святой Николай! Откуда взялся на мою голову этотъ попь! прервалъ вдругъ священника дикій женскій крикъ, раздавшійся за спиной о. Михаила.

О. Михаилъ обернулся. Передъ нимъ стояла средняго роста худая, изможденная женщина, съ безумно горящими и дико блуждающими по сторонамъ глазами. Она была въ одной рубашкѣ, короткой и дырявой.

О. Михаилъ стыдливо потупилъ глаза и отвернулся.

— „Чего тебѣ здѣсь нужно, проклятущій?“ продолжала взвизгивать женщина. „Вонъ отсюда!.. Вотъ я тебя! Гдѣ моя палка?“

Женщина наклонилась и стала шарить руками по полу и подъ лавкой. О. Михаилъ растерянно осѣнилъ ее крестомъ и поспѣшилъ выйти изъ хаты...

— Что такое съ этой женщиной, не знаешь? обратился онъ къ сторожу, когда вышелъ на дорогу.

— Да я же говорилъ, что сюда не стоитъ ходить, угрюмо пробурчалъ тотъ. Чего ходить до Марины, какъ она безумна.

— Безумная! А, вотъ что!.. Теперь я понимаю, почему она такъ непривѣтливо меня встрѣтила. И давно она такая?

— Да лѣтъ семь или восемь уже будетъ.

— Отчего это съ нею приключилось?

— О томъ, батюшка, спросите нашего священника— онъ знаетъ, грубо сказалъ сторожъ и, замолчавъ, зашагалъ къ слѣдующей хатѣ.

— Однако, и грубый же здѣсь народецъ, подумалъ о. Михаилъ, трудненько съ нимъ, должно быть, приходится жить моему тестю. Ни за что не пошелъ бы въ эту свое-нравную и горделивую украйну.

Дома онъ подѣлился впечатлѣніями отъ обхода села съ тестемъ.

— Да, вамъ, великороссамъ трудно ладить съ нашими хохлами, задумчиво сказалъ о. Стефанъ. Не любятъ они „русскихъ“, какъ зовуть васъ здѣсь... Но на Марину кто-бы могъ разсердиться? Она глубоко несчастная женщина... Она и меня не терпитъ, какъ вообще всѣхъ священниковъ... А за что?.. Виновать ли я—посуди самъ, когда я сообщу тебѣ грустную повѣсть ея жизни... Такъ, видно, Богу угодно, чтобы я неожиданно-негаданно замѣшался въ ея судьбу и подлилъ каплю горечи въ скорбную долю Марины.—Хочешь, я расскажу тебѣ, отчего она стала такой? Поучительная исторія для нашего времени.

О. Михайль, конечно, обрадовался случаю познакомиться съ бытомъ и жизнью Малороссіи—и вотъ что рассказалъ ему его тестъ.

Марина была приѣмною дочерью бездѣтнаго чумака Остапа Бондаренко и жены его Синклитикии.

Возвращался Остапъ въ жаркій лѣтній день изъ поѣздки въ Крымъ „по соль“. Заѣхалъ въ лѣсокъ отдохнуть въ тѣни деревьевъ. Поставилъ возъ въ укромномъ мѣстечкѣ, пустилъ воловъ пастись и только что расположился было полежать на сочной травѣ, услышалъ около себя въ кустахъ орѣшника слабый дѣтскій пискъ.

— Какая такая глупая женщина забрала сюда кормить дитя? недовольнымъ голосомъ пробурчалъ Остапъ, прислушиваясь.

Что за бѣсовы дѣти эти бабы, нигдѣ отъ нихъ нѣтъ покою? А ну, посмотрю, что это за баба и что это за ребенокъ.

Остапъ осторожно раздвинулъ кусты и заглянулъ въ глубь ихъ. Онъ очень любилъ дѣтей и сожалѣлъ, что бездѣтенъ.

— Что это за комедія? Лежитъ дитя, а бабы нѣтъ?.. Куда она дѣлась, бросивъ сына или дочку словно какою собаченку? А ну ка позову... Мать, гдѣ ты, дитя плачетъ! Иди къ нему скорѣе!..

Мощный голосъ чумака многогласнымъ эхомъ раскатился по лѣсу, но никто не отозвался. Остапъ помолчалъ, потомъ опять крикнулъ. Нѣтъ отвѣта...

— Далеко же ушла, бѣсова душа!.. А ну ка, какое это дитя? полюбопытствовалъ Остапъ, вставая и направляясь въ кусты.

— Э, да это новорожденное! Завернуто въ пеленки и простынку... И безъ креста... Это дѣвчье... Не иначе, какъ какая нибудь дѣвка бросила... Что же съ нимъ дѣлать?.. Нужно взять да спросить по дорогѣ, не извѣстно ли кому, чье это дитя... А не найдется мать, надо свезти его домой; будетъ жеиѣ подарокъ богоданный сынъ или дочка—если не помереть дорогой. А можетъ и помереть—дорога неблизкая, а оно не кормлено...

Остапъ взялъ ребенка, осторожно снесъ и уложилъ его въ возъ и уже не сталъ дышать.

— Нужно спѣшить домой, разъ такое дѣло вышло, рассуждалъ онъ самъ съ собою...

Въ ближайшихъ селахъ не нашлось матери ребенка, но сердобольныя крестьянскія женщины покормили его, и Остапъ благополучно довезъ „дѣвчье дитя“ домой.

— Здорово, жена! поздоровался чумакъ съ Синклитикией, входя въ свою хату. Глянь, какой я тебѣ подарокъ привезъ.

— Какой... Что такое?.. Ребенокъ!.. Дѣвчией!.. Гдѣ ты его взялъ? засыпала мужа вопросами Синклитикия.

— Гдѣ? Извѣстно гдѣ—въ лѣсу... Куда же больше дѣвки своихъ ребятъ бросаютъ, хладнокровно посасывая люльку отвѣтилъ Остапъ.

— Дѣвочка, и безъ креста... Некрещеная, значитъ... Чтожъ мы будемъ съ нею дѣлать? скрывая бурную радость спросила Синклитикия.

— Что? Извѣстно что! Окрестимъ—будетъ наша богоданная дочка, утѣха подъ старость тебѣ и мнѣ. Своихъ то дѣтей ждаты намъ ужъ нечего, безапелляціонно заявилъ чумакъ.

— Охъ, нечего, Остапъ... Наказываетъ за что то Пресвятая Троица, Мать Пресвятая Богородица, Никола угодникъ. Должно быть за то, что мы съ тобою до вѣнчанья сошлись, не преминула оплакать свое женское горе Синклитикия.

— Ну, довольно горевать, баба... Вотъ и есть дитя, остановилъ ее чумакаъ.

— А какъ мы ее назовемъ?

— А это какъ священникъ захочетъ. Это его дѣло...

Дѣвочку окрестили и назвали Мариной.

И стала Маринка попискивать въ хатѣ чумака на утѣшеніе Остапу и Синклитикии, а какъ подросла, помогать имъ въ хозяйствѣ: „гусей пасти и куделицу прясти“. Къ шестнадцати годамъ выравнялась изъ нея дивчина, хоть куда—на удивленіе всему селу.

Каренкая, чернобровая, съ нѣжнымъ „панскимъ“ цвѣтомъ лица и шеи, стройнымъ, гибкимъ станомъ, маленькими руками и ногами и длинными до пятъ косами, красиво обвивавшими въ нѣсколько рядовъ ея головку. Марина останавливала на себѣ восхищенные взоры не однихъ только сельскихъ парней, но и почтенныхъ домохозяевъ. А рѣзвость ея движеній, звонкій задорный смѣхъ и чарующій голосъ заставляли биться сильнѣе не одно мужское сердце.

Вся молодежь села стекалась любоваться, какъ Марина на „веселяхъ“ (сельскихъ гуляньяхъ) танцевала съ другими дивчатами чумака, мятелицу или выводила въ хорѣ своимъ звонкимъ голосомъ.

— Ой въ лузи, та и при берези.

Расцвѣла калина...

Приходили послушать Марину даже сивоусые и сивочубые „диды“.

— Ай да Марина! Вотъ это дивчина! Какъ она вывести—что твой соловушка!.. Гдѣ тамъ, еще лучше и соловушки! восхищались сельчане..

Съ первой же поры вступленія Марины въ возрастъ дѣвчества не стало Остапу и Синклитикин отбоя отъ жениховъ, засылавшихъ къ дивчинѣ сватовъ „порушники“.

Но Остапъ и Синклитикия не спѣшили выдавать богоданную дочку замужъ и вѣжливо, но твердо отказывали сватамъ.

— Ей еще рано очипокъ надѣвать, она еще дѣвочка, говорили они...

На самомъ же дѣлѣ не потому уклонялись отъ выдачи замужъ Марины старики: имъ тяжело было съ нею разставаться, и они молили Бога, чтобы Господь послалъ имъ „пріймака“, т. е. зятя, который вошелъ бы въ ихъ домъ.

— Своя хата, свое хозяйство есть. Кому хозяйничать, какъ мы помремъ? разсуждали они... Ахъ, кабы явился „прівмакъ“!

Не спѣшила и Марина готовить рѣшники. Ей привольно жилось въ домѣ стариковъ, а у чужихъ то людей какъ оно еще будетъ!..

Однако, за женихомъ дѣло все же не задолжилось. Нашелся пріймакъ, очень подходящій для Остапа и Синклитикин.

Шелъ какъ-то весною черезъ село на заработки въ Херсонскую губернію парень изъ Полѣсья. Звали его Тарасъ Полѣщукъ.

Парень онъ былъ красивый, ловкій и сильный.

Прослышалъ Полѣщукъ, что и въ мѣстной экономіи найдется работа, и поспѣшилъ воспользоваться случаемъ.

— Если есть, можно пристроиться, то для меня еще лучше... Чѣмъ мѣрять ногами степь, стану здѣсь... Для меня все равно, гдѣ ни работать, лишь бы кормили, да деньги за трудъ платили, сказалъ онъ мѣстнымъ крестьянамъ.

Работникъ онъ оказался хорошій—куда сильнѣе, расторопнѣе и смысленѣе мѣстныхъ парней. Экономія имъ стала дорожить.

Тарасу и суждено было тронуть сердце Марины. Познакомились парень и дѣвушка на „жниввахъ“. Тарасъ со жней-

кой справлялся, а Марина съ другими дивчатами снопы подбираала... Полюбился Маринѣ веселый парубокъ, постоянно балагурившій съ дивчатами, но не упускавшій и своей работы; полюбилась и Тарасу чернобровая, стройная Марина... Стали они искать встрѣтъ внѣ рабочаго времени—въ часы вечерняго отдыха и праздничнаго веселья въ укромныхъ мѣстечкахъ, веселыхъ гаечкахъ (лѣсочкахъ), въ вишневыхъ садочкахъ, во ржи да въ пшеницѣ высокой, гдѣ не смутить бы ихъ нескромный взглядъ... И встрѣчались, и сталкивались про будущее, и весело щебетали про свою молодую любовь.

А какъ наступила осень и пришелъ конецъ срока лѣтней службы Тараса въ экономіи, послалъ Полицукъ двухъ мѣстныхъ стариковъ, работавшихъ съ нимъ вмѣстѣ въ панскихъ поляхъ, къ Маринѣ „по рушники“.

Съ Остапомъ и Синклитикией Тарасъ уже заранѣе столковался о свадьбѣ, но надо было исполнить сельскій обычай...

Марина охотно повязала сватовъ и вручила свадебный платокъ Тарасу... Вскорѣ состоялась свадьба.

Остапъ былъ очень доволенъ, что нашель „пріймака“.

— Вотъ и будетъ кому намъ съ старой очи закрыть, да послѣ меня чумаковать, радостно говорилъ онъ гостямъ на свадебномъ весельѣ и любовно поглядывая на богоданную дочку, грозилъ ей пальцемъ:

— Ой, и лукавая же дѣвка наша Марина! Знала, кого намъ въ зятя нужно,—такого и нашла!..

Хорошо, любовно зажили послѣ свадьбы Тарасъ и Марина у своихъ старыхъ. Остапъ чумаковалъ, а Тарасъ велъ хозяйство дома. Все спорилось въ его умѣлыхъ рукахъ. Умножались достатки, прикупался скоть, землячка...

Одно горе было у Тараса съ Мариной: не благословлялъ ихъ Господь дѣтьми. Годъ прошелъ, два, пять—нѣтъ дѣтей, какъ нѣтъ...

— Что это такое, Тарасъ? плакалась мужу Марина. Хата наша что ли такая заколдованная, что ни у матери

не было дѣтокъ, ни у меня нѣтъ... Ой, не поставить ли намъ другую хату? Можетъ быть, тогда пойдутъ дѣти...

Тарась былъ того-же взгляда.

— Не иначе, какъ другую хату надо ставить... Вотъ, придетъ зима, навезу хворосту, и на лѣто примемся устраивать новую хату... Эту снесемъ, чтобы ея и духа не было, такъ какъ не иначе, что она заклѣта кѣмъ то, шепотомъ отвѣчалъ Маринѣ мужъ, скрывая свое намѣреніе отъ стариковъ. Остапъ и Синклитикія были противъ какой бы то ни было новизны въ хозяйствѣ, а хату не позволяли сносить ни въ коемъ случаѣ.

— Въ сей хатѣ меня мать родила и вынянчила, въ ней мы оженились съ Сиклитой, въ ней и очи закроемъ... А послѣ насъ дѣлайте, что хотите, говорилъ чумакъ...

Тарась разсчитывалъ тайнымъ образомъ провести тестя и тещу.

— Уѣдетъ дѣдъ Остапъ зимой чумаковать, а я хворосту наготовлю... Весной опять отправится въ Крымъ,—буду новую хату ставить, а эту снесу... Брани меня тогда, Остапъ, какъ хочешь—старой хаты ужъ не вернешь... А съ бабой Сиклитой мы справимся.

Но не пришлось Тарасу исполнить свое намѣреніе. Въ ту зиму закрыли очи старые. Сначала свалился чумакъ Остапъ, а за нимъ вскорѣ послѣдовала въ могилу и Синклитикія.

Пришлось Тарасу самому ѣхать въ Крымъ, потому что заказы отъ городскихъ торговцовъ—евреевъ на возку товаровъ были приняты еще Остапомъ и имъ же взяты были задатки. Отказываться отъ исполненіи обязательствъ Остапа не приходилось: торговцы—евреи опутывали чумаковъ крупными неустойками.

Весной уѣхалъ Тарась въ Крымъ, оставивъ Маринку одну одишеньку въ „заклѣтой“ хатѣ.

— О горе мое горенько, бѣда, лихо, неожиданно-негаданно! жаловалась Марина на свою участь сосѣдкамъ. Лѣто

взошло: солнышко играетъ, соловушки поютъ, кукушки кукуютъ, а я какъ былинка въ степи, какъ горемычная сиротинка. Хоть-бы вернула мнѣ поскорѣ Пресвятая Троица, Мать Пресвятая Богородица моего Тараса!..

Съ нетерпѣніемъ ожидала она возвращенія мужа.

— Ой, не пушу больше Тараса ни въ Крымъ, никуда! стонала она, обливаясь слезами, чѣмъ дальше шло время. Не надо намъ жидовскихъ денегъ, что зарабатывалъ старый Остапъ... Пусть они пропадаютъ, какъ пропадетъ наше счастье съ Тарасомъ, потому что и его нѣтъ и хозяйство стало рушиться—что я одна сдѣлаю?.. Вернется ли еще Тарась, не стряслось бы что-нибудь съ нимъ? Дорога дальняя, ему незнакома.

Марина была неспокойная. Ей все казалось, что ея счастье прошло, что съ Тарасомъ непременно случится какое нибудь несчастье въ дорогѣ. Сердца женъ вообще неспокойны, когда мужа въ отсутствіи, и хотя не всегда оправдывается ихъ тревога, но бываетъ, что сердце является вѣщуномъ...

Тревога Марины оказалась ненапрасной. Съ Тарасомъ дѣйствительно, случилось въ Крыму несчастье, но такое Марина никогда не могла не только ожидать, но даже и предполагать.

Мужъ ея явился изъ поѣздки сумрачный и задумчивый. Вошелъ въ хату не снимая шапки и не крестясь на иконы, не поздоровался даже съ женой, а прямо какъ вошелъ, развалился за столомъ въ переднемъ углу, спиной къ иконамъ, и потребовалъ себѣ ѣсть.

Забилось сердце у Марины. Прилила къ нему горячую волною кровь и тотчасъ отхлынула... Бѣдная и безъ того изстрадавшаяся женщина, поблѣднѣла какъ смерть.

— Что съ тобой, Тарась? Что ты занедужалъ или что? вскрикнула она, глядя на мужа широко раскрытыми глазами.

— А что? какъ то странно усмѣхаясь спросилъ тотъ.

— Какъ что? зарыдала Марина, не будучи въ состоянїи сдержать хлынувшія изъ глазъ слезы. Не снимаешь шапки, не перекрестился, входя въ хату, и со мной не здороваешься...

— Зачѣмъ? Все это лишнее; все это дѣло пустое, буркнулъ Тарасъ. Давай ка обѣдать.

— Какъ пустое? взвизгнула Марина. Шапку снимать въ хатѣ пустое? креститься передъ иконами пустое?.. Что ты говоришь? Въ умѣ ли ты?..

— Въ умѣ, хоть и не въ томъ, какой имѣлъ прежде, поднявшись засверкалъ глазами мужъ. Препжнїй умъ и умомъ считать нельзя,—это было безумьемъ, которымъ одурманиваютъ насъ ваши попы. Только въ Крыму я и прозрѣлъ... Слушай, Марина: не зачѣмъ намъ съ тобой ни креститься ни ложныхъ божковъ въ хатѣ имѣть, которыхъ ты называешь иконами; потому что крестъ—это позорное орудіе казни, на которомъ жида распяли Христа. На крестѣ проклятїе лежитъ, какъ сказано въ Священномъ Писанїи: „проклять всякій, повѣшенный на деревѣ“... Поэтому негоже намъ вспоминать крестъ... А про иконы ваши въ Священномъ Писанїи сказано: „Не сотвори себѣ кумира, то есть ложнаго бога и всякаго подобїя его, и не поклонись ему, не служи ему... Эти доски, что висятъ у насъ у хатѣ, надо изрубить и въ печи сжечь“... Молиться нужно единному истинному Богу Саваоу, а не ложнымъ богамъ, какъ написано: „Господу Богу твоему кланяйся и Ему Единому служи“ и молиться надо духомъ, а не руками или спиною, какъ сказано: „Духъ, животворить, плоть же не пользуетъ не мало“.

— Господи Іисусе Христе! Пресвятая Троице! Мать Пресвятая Богородица! да что же это такое?.. Ты въ татары что-ли въ Крыму перешелъ, магометову вѣру принялъ?.. Скажи, Тарасъ! не своимъ голосомъ закричала Марина и не дождавшись отвѣта, грохнулась въ безпамятствѣ на полъ...

Но это не произвело никакого впечатлѣнїя на тронувшагося разумомъ мужика. Онъ даже и не пошевелилъ паль-

цемъ, чтобы привести жену въ чувство. Напротивъ, онъ былъ, повидимому, радъ, что такъ огорчилъ Марину.

У Тараса была какая то своя тайная дума. Эту думу онъ тотчасъ же привелъ въ исполненіе, какъ только Марина упала, Полицукъ вскочилъ на столъ, снималъ иконы вынесъ ихъ въ сѣнцы, тамъ истопталъ ихъ въ лучину, бросилъ въ печь и запалилъ... Когда Марина очнулась, отъ св. иконъ не осталось и слѣда.

Не дрогнуло сердце осатанѣвшаго мужика, когда онъ совершилъ свое ужасное дѣло.

Вмѣсто ликовъ св. угодниковъ Божиихъ Тарасъ понаѣпилъ на стѣнахъ лубочныя изображенія какихъ то людей въ длиннополыхъ сюртукахъ съ бородами безъ усовъ и съ усами безъ бороды, а между ними портреты германскаго императора Вильгельма I-го и князя Бисмарка...

Невозможно и передать состоянія несчастной женщины, когда она, очнувшись, взглянула на стѣны.

— Гдѣ же святыя иконы? всплеснула она руками.

— Тамъ гдѣ и должно быть ложнымъ божкамъ—въ печи, злорадно смѣясь отвѣтилъ Тарасъ.

— Что ты надѣлалъ, что надѣлалъ, проклятый, погибающая твоя душенька! содрогнулась Марина. Какъ же я теперь жить буду? Какъ людямъ смотрѣть въ глаза?.. И на что молиться?..

— На небо, продолжалъ развивать ученіе, которымъ опутали Польшука въ Крыму нѣмецкіе штундисты, Тарасъ. Тамъ Богъ, а не на доскахъ вашихъ, не въ маслѣ и краскахъ. Да не крестись и не стучай лбомъ въ полъ, какъ ваши язычники, потому что этимъ ты вмѣстѣ съ ними только гнѣвишь Бога... Въ Писаніи сказано: „Богъ есть Духъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“. А не тѣломъ, какъ вы дѣлаете.

— Такъ зачѣмъ же ты портреты этихъ бритыхъ и лысыхъ навѣшалъ? Говоришь, молись на небо, а самъ молишься

на какія то поганяя хари! начала раздражаться Марина и потянулась сорвать картинки съ стѣнъ.

— Не трогай! угрожающе оттолкнулъ ее Тарасъ. Это портреты великихъ людей, благодѣтелей человѣчества. Я имъ не молюсь, а купилъ ихъ на память...

— Совсѣмъ съ ума сошелъ... Видно, вичего лишъ не остается, какъ бѣжать къ бабушкѣ и старостѣ, чтобы они тебя въ холодную посадили, авось тамъ очухаешься, попробовала пригрозить Марина.

— За истину святую не только готовъ сидѣть въ холодной, на муки пойду, на смерть лютую, закричалъ фанатикъ штундизма. Иди, скорѣе иди... Поговорю съ твоимъ попомъ, съ старостой, со всѣмъ селомъ...

Этотъ пылъ Тараса заставилъ Марину струхнуть и сдаться.

— Заявить священнику и старостѣ легко и скоро можно, а какъ мужики разъярятся и убьютъ ее Тараса?... Авось и самъ опомнится, рѣшила Марина. Но какъ же, какъ же молиться?..

На ея счастье Тарасъ уничтожилъ не всѣ иконы. Стариковское благословеніе—иконы Спасителя и Божьей Матери. висѣвшія за перегородкой, гдѣ стояла кровать, Полѣщукъ не успѣлъ снять и какъ то забылъ про нихъ...

Какъ только Тарасъ вышелъ на дворъ, Марина торопливо снимала эти иконы и спрятала въ свой сундукъ. Передъ ними она и стала молиться по ночамъ, когда мужъ засыпалъ...

Марина старалась скрыть отъ сосѣдей, что произошло у нихъ въ хатѣ, надѣясь, что Тарасъ опомнится... Чтобы ускорить выздоровленіе мужа отъ религіознаго безумства (Марина была увѣрена, что Тараса кто-то околдовалъ въ Крыму) несчастная женщина усугубила свои домашнія молитвы о мужѣ церковными молебствіями Спасителю, Богородицѣ, священномученику Кипріану и мученицѣ Іустиніи объ избавленіи ихъ дома отъ злого очарованія. Отсутствіе св.

иконъ въ хатѣ она объясняла сосѣдямъ тѣмъ, что Тарасъ отдалъ живописцу переписать потемнѣвшіе лики святыхъ.

Но одна сосѣдка не удовлетворилась этимъ объясненіемъ.

— Какъ же такъ вы обходитесь безъ святыхъ иконъ? сказала она, зайдя къ Маринѣ. Хоть бы маленькую какую пока купили—вѣдь кто его знаетъ, когда живописецъ перепишетъ... Вотъ постой, я изъ своихъ вамъ иконку позычу на время...

Марина задрожала и вынуждена была признаться сосѣдкѣ, что произошло съ Тарасомъ.

— Ой, бѣдная, ой, несчастная! заголосила та. Чтожъ ты теперь будешь дѣлать? Какъ жить съ такимъ мужемъ?... Да вѣдь это злодѣй... антихристъ... Этого дѣла такъ нельзя оставить. Надо батюшкѣ и старостѣ заявить...

— Не надо, Оксана, не губи меня и Тараса, ласочка моя, касаточка, . . . взмолилась Марина.. Убьютъ Тараса мужики, какъ узнаютъ, что онъ иконы порубилъ и сжегъ.

— А что же съ нимъ и сдѣлать, какъ не убить его, какъ гадюку, если онъ нашу вѣру христіанскую паскудить... Вѣдь это чтожъ такое—сжечь святые иконы! Такого грѣха у насъ въ селѣ никогда еще не было... И не проси—не могу! Заявила сосѣдка и побѣжала въ село...

Священникъ *Владиміръ Успенскій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го ноября 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу*

Кіевъ. Тип. Акад. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6

Таблица № 1. Ежедневные бюллетени.

Мѣсяцъ. Апрѣль 6—12.	Температура.				Состояніе погоды.	Пчелиный летъ.	Взятокъ (по контролн. улью и внѣш. наблюденіямъ).	Начало и конецъ зацвѣтанія медоносовъ.	Общія замѣчанія.
	Утромъ.	Днемъ.	Вечеромъ.	Ночью.					
Посреда 6	0	11 $\frac{1}{2}$	9 $\frac{1}{2}$	7	Ясно и вѣт- рено.	Оч. слабый.	Несутъ желт. обножку.	Кленъ.	День Св. Пасхи. Вообще цвѣтутъ: Сомъ, Ме- дуника, Рястъ, Одуванчикъ и Кленъ.
Понед. 7	7	11 $\frac{1}{2}$	9	8	Ясно холод. вѣтеръ.	Оч. слабый.	— оч. слабо желт. обножку	Морска. Верба.	Хотя и 11 $^{\circ}$ въ тѣни, но отъ скрытаго холода и вѣтра коченьетъ на землѣ много пчелъ.
Уторн. 8	6	12	9 $\frac{1}{2}$	8	Ясно скры- тый холодъ.	Оч. слабый.	— оч. слабо псру.	тѣ-же	
Среда. 9	7	13 $\frac{1}{2}$	12	9 $\frac{1}{2}$	Ясно тихо. Пасмурно и тихо.	Хорошій.	— перу изъ клена и оч. мало нектара	Акація вздула почки.	Пчелы хорошо шли на кленъ.
Четверг. 10	9 $\frac{1}{2}$	16 $\frac{1}{2}$	14	11	Ясно слабый вѣтерокъ	Хорошій.	— мало перт и нектара.	Черешни и ран. груши.	Пересмотрѣны пчл: 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 и 25.
Пятница 11	10	15 $\frac{1}{2}$	14	10	Ясно и тихо. Дождикъ	Хорошій.	-- перу и нежн. нектара.	тѣ-же	Пересмотрѣны: 14—16; 26—28; 30—31; 1—4. № 17-й присоедиленъ къ 22 и 25.
Суббота. 12	9	14	9 $\frac{1}{2}$	8 $\frac{1}{2}$	Дождикъ Прояснилось Дождь.	Хорошій.	то-же	Сомъ отцвѣтъ.	Пересмотрѣны: 5—13 вкл.

Всѣмъ по пчеловодству.
(Продолженіе 1).

Таблица № 1. Ежедневные бюллетени.

Суббота	Пятница	Четверг.	Среда.	Вторн.	Понед.	Воскрес.	Мѣсяць:
							Утромъ.
							Днемъ.
							Вечеромъ.
							Ночью.
							Состояніе погоды.
							Пчелиный летъ.
							Взятость (по контролю, улью и внѣшн. наблюденіямъ).
							Начало и конецъ зацвѣтанія медоносовъ.
							Общія замѣчанія

Таблица № 2. Блажь пчелов. журнала.

Пень № 5. Пронесхождение пня: Взятъ искусств. роень отъ № 6-го (3 рамки) и № 17 (3 р.) въ 1910 г.

Матка (возрасть) съ июня 1913 г.

Время осмотра.	Сила пня ¹⁾ .	Количество заимств ¹⁾	Сколько всего рамок.	Сколько съ червой.	Сколько взято на медогонку	Общія замѣчанія.
12/3			10			Выставленъ. Облетъ на 4.
13/3						Чистъ. Есть труты пчелъ и трутней.
1/4	5	5	9	3+		Первый осмотръ и чистка. Благополученъ. Подморъ 1/8 фунта.
12/4		3	10	5+		Подкормленъ 1-мъ распеч. сотомъ.
17/4		5	11	7+		Матка червитъ образцово. Появилось много (5) напрыска.
1/5	5+	5+	13	10		1 рамка съ медомъ вынута для слаб. № 21.
15/5	5+	5+	14(13)	11(9)		2 рамки черви взято для подсилки слабымъ №№ 2 и 15.
21/5	5		14	10	5	Отянь усиливается.
3/6			14	11	5	Усилился. Слѣдуетъ отроить.
6/6			14(13)	12(9)		Для искус. роя № 33 взято 3 р. съ червой и мужой.
18/6					3	Пчелы спокойныя.
19/6					4	
26/6					3	
27/6						Осмотрены. Уничтожены заложенный маточникъ.

¹⁾ По пятибальной системѣ

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЪЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 50

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 7-го декабря.

Содержаніе: I. Примиреніе. Влад. Садовничій.—II. Надо готовиться.—III. Нѣсколько мыслей изъ бесѣдъ Преосвящ. Владыки Андрея съ пастырями г. Бирска въ 1914 г. (Продолженіе). IV. По любви и молитвамъ. (Окончаніе). Свящ. Вл. Успенскій.—V. Бесѣды по пчеловодству. (Продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.

Примиреніе

Въ числѣ послѣднихъ великихъ событій, свидѣтелями и современниками которыхъ намъ суждено быть, нельзя не отмѣтить одинъ знаменательный фактъ, это — примиреніе двухъ братскихъ славянскихъ народовъ—русскаго и польскаго. Много объ этомъ говорятъ и пишутъ, много радужныхъ надеждъ на будущее высказывается по этому поводу. Подъ вліяніемъ извѣстій, идущихъ изъ Польши, и отклика на нихъ русскаго общества невольно чувствуется, что произошелъ переломъ во взаимныхъ отношеніяхъ между русски-

ми и поляками. Что-то тяжелое, враждебное, тянувшееся на протяжении многих вѣковъ, оборвалось, и тамъ, гдѣ царила гнетущая ночь, возсіяла заря новой жизни. Хочется изъ глубины души привѣтствовать эту зарю и вѣрить, что прошлое не вернется.

Всякая вражда вызываетъ у насъ чувство протеста, всякая вражда ненавистна рускому сердцу; тѣмъ болѣе это нужно сказать о враждѣ между двумя братскими народами. Исторія цѣлаго ряда столѣтій говоритъ намъ, что эта вражда была упорная, что она поглотила много напрасныхъ жертвъ, тормозила свободное развитіе двухъ народовъ, заставляя ихъ ополчаться другъ противъ друга, наносить другъ другу кровавыя раны. Особенно печально отзывалось это въ сердцахъ сыновъ Россіи, которые всегда съ готовностію устремлялись въ борьбу за права и честь славянскихъ народовъ. На землѣ, увлажненной русской кровью, вырастаетъ благополучіе славянъ. Далекіе Балканскіе славяне, не смотря на низкое предательство и измѣну народнымъ стремленіямъ нѣкоторыхъ немногихъ своихъ сородичей, горяче чувствуютъ и сознаютъ это. Казалось-бы, что отношенія между Польшей и Россіей, интересы которыхъ такъ тѣсно сплетаются между собою, должны-бы быть проникнуты особенной сердечностію и доброжелательствомъ, но печальная дѣйствительность говоритъ другое. До самаго послѣдняго времени Польша смотрѣла на насъ съ плохо скрываемою враждебностію, и это чувствовалъ всякій русскій попадавшій въ Польшу. Въ Варшавѣ сплошь и рядомъ на вопросъ, обращенный къ поляку по-русски, послѣдній не считалъ нужнымъ отвѣчать, хотя прекрасно понималъ русскую рѣчь, и отворачивался. Вслѣдъ православному священнику не стѣснялись плевать и пускать вслухъ ругательства, и это при всемъ корректномъ и доброжелательномъ отношеніи къ полякамъ, какимъ зарекомендовало здѣсь себя православное духовенство. Все русское здѣсь было предметомъ глумленія. Конечно, нѣмецъ объяснилъ-бы все это неумѣніемъ русскихъ заставить уважать себя, но вѣдь рус-

скій не нѣмецъ. Приемы, въ данномъ случаѣ, нѣмца расходятся съ убѣжденіями русскаго. Мы вправѣ были-бы требовать, чтобы насъ не оскорбляли въ русской провинціи, каковою является часть Польши, находящаяся подъ русскимъ владычествомъ, но мы предпочитали молчаливо закрывать на все это глаза и съ вѣрою въ лучшее будущее ждали того перелома во взаимныхъ отношеніяхъ, каковой такъ радостно теперь привѣтствуемъ.

Рано или поздно, а то, что совершилось, должно было совершиться. Въ развернувшейся великой борьбѣ народовъ, непоколебимо вѣря въ святость своего дѣла, могучая Россія не уклонилась въ сторону со своего историческаго пути—освобожденія поработеннаго славянства. Забывъ обиды и старые счеты, Россія рѣшила освободить изъ подъ тевтонскаго ига части растерзанной Польши и соединить ихъ воедино. Богатырскій кличъ великой Руси къ братской Польшѣ прогремѣлъ на поляхъ битвъ, и отъ этого призыва рушились вѣковыя преграды; исчезло мелочное національное самолюбіе поляковъ и вѣками воспитанная въ нихъ іезуитскимъ папизмомъ ненависть къ Православной Руси. Смѣло и бодро, рука объ руку со своимъ старшимъ Братомъ, устремилась возрождающаяся Польша на общаго врага. Со свѣтлой надеждой и братской любовью встрѣчаютъ сыны Польши русскихъ витязей, идущихъ грудью отстаивать святыни, домашніе очаги и свободу маленькой Польши. Днемъ и ночью безпрерывной лавиной, колонна за колонной, полкъ за полкомъ, движутся съ востока сѣрые герои, и кажется,—нѣтъ имъ конца. Ихъ конецъ теряется гдѣ-то въ безбрежныхъ равнинахъ необъятной Сибири и среди вѣчныхъ ледяныхъ вершинъ поднебеснаго Кавказа. Взоры дѣтей Польши обращены къ востоку, откуда подобно ярко восходящему солнцу возсіялъ для нихъ образъ возрожденной Польши, „свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи“¹⁾. Наконецъ-то поляки поняли великую непреложную истину, что только „ex oriente lux!“.

¹⁾ Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ.

Дрогнулъ коварный и жестокий тевтонъ подъ натискомъ славянства. Устилая свой путь горами кровавыхъ тѣлъ, въ страхѣ бѣжить онъ съ разоренныхъ и опустошенныхъ имъ полей Галичины и Польши. Уже чувствуется приближеніе побѣднаго конца, уже близко осуществленіе свѣтлыхъ надеждъ и благородныхъ стремленій! И когда начнется новая жизнь народовъ на началахъ братства, взаимнаго уваженія и довѣрія, польскій народъ, безъ сомнѣнія, исполнитъ единственное желаніе, высказанное его Освободителемъ: уважать права тѣхъ народностей, съ которыми связала поляковъ исторія ¹⁾). Хочется вѣрить, что отойдутъ въ область преданія тѣ недавнія кошмарныя времена, когда польскіе цаны — помѣщики въ Бѣлоруссіи, Холмщинѣ, Галичинѣ и Волини притѣсняли и мучили русскихъ крестьянъ за то, что тѣ любили святое Православіе и свою русскую народность. Должны исчезнуть разъ навсегда издѣвательство и презрѣніе со стороны поляковъ къ тому, что свято и дорого сердцу русскаго чело-вѣка. Грядущія времена не должны быть свидѣтелями былой вражды. Состоявшееся на поляхъ кровавой битвы съ общимъ врагомъ примиреніе должно быть искреннимъ, нерушимымъ и вѣчнымъ!

Владиміръ Садовничій.

¹⁾ Тамъ-же.

Надо готовиться.

Наша церковная жизнь обыкновенно значительно отстает от жизни общественной. Это не всегда недостаток, иногда это прямо достоинство. Въ обществѣ часто получаютъ преобладаніе вѣянія мимолетныя и малоцѣнныя, и это только хорошо, что церковный корабль остается къ нимъ нечувствительнымъ, сохраняя величественное спокойствіе на широкомъ лонѣ традиціи.

Но если имѣть въ виду переживаемый нами моментъ, то теперь всякое такое отставаніе получаетъ значеніе весьма

¹⁾ Тамъ-же.

прискорбнаго явленія. Теперь въ нашу общественную жизнь ворвалась новая стихія, въ ней пробудились новыя силы, явились новыя задачи. Конечно, идейныя перемѣны въ нашемъ обществѣ происходили не разъ и ранѣе. Но въ то время какъ прежде рѣчь шла о зарожденіи новыхъ теченій, скорѣе Церкви враждебныхъ, чѣмъ благопріятныхъ, теперь предъ нами движеніе, безусловно идущее навстрѣчу вѣчнымъ интересамъ Церкви. Поэтому со стороны представителей Церкви и руководителей церковной жизнью было бы непростительной ошибкой не использовать настоящаго момента и встрѣтить новое зарождающееся въ нашемъ обществѣ духовное движеніе неготовыми.

Какъ на страницахъ „Церк. Вѣстн.“ уже не разъ отмѣчалось великое значеніе переживаемаго нами момента опредѣляется тѣмъ, что съ него, повидимому, суждено начаться великому перелому въ жизни нашего народа. Сущность этого перелома сводится къ сверженію ига гуманистической западной культуры и возвращенію къ нашей исконной религіозной культурѣ. Возможно, что этотъ переломъ въ нашей національной жизни будетъ имѣть общечеловѣческое значеніе и получить размѣры перелома во всемірно историческомъ развитіи всего человѣчества. Возможно, что мы переживаемъ начало конца западно-европейской культуры, столь долго занимавшей авансцену исторической жизни и присутствуемъ при возрожденіи культуры восточной, казалось, безнадежно угасшей. Все это, конечно, гадательно и проблематично. Для человѣка нѣтъ ничего важнѣе, какъ знать свое будущее, но зато и нѣтъ ничего труднѣе, какъ это знаніе. Однако если есть какая либо правда во всѣхъ симптомахъ настоящаго момента.—что-то великое зарождается. Можетъ быть, имѣющей совершиться духовный переворотъ будетъ не такого масштаба, какъ мы здѣсь его изобразили, можетъ быть, онъ приметъ не совсѣмъ то направленіе и характеръ какъ мы ожидаемъ, однако неминуемость перелома, кажется, безспорна. Предчувствіе новой жизни носится въ воздухѣ, сдѣлалось

основнымъ элементомъ настоящаго настроенія. Въдь, даже въ бульварныхъ газеткахъ находить себѣ выраженіе отвращеніе отъ культуры Запада—пусть неправильно опредѣляемой, какъ нѣмецкая, германская культура, —и томленіе по утраченной самостоятельности, жажда самобытнаго и оригинальнаго. Если мы попытаемся дать отчетливую формулировку этому настроенію, то не найдемъ лучшей формулы, чѣмъ ранѣе приведенная: мы разрываемъ съ гуманистической культурой запада для религіозной культуры востока. Конечно, эта формула есть старая славянофильская формула, но переживаемый нами историческій моментъ среди другихъ чудесъ совершилъ и это чудо: онъ реабилитировалъ славянофиловъ. Славянофилы оказались не чудаками и праздными и благодушными барамы, а глубокими мыслителями, прозорливцами и провидцами. Современники ихъ не признали за таковыхъ, но зато потомки принуждены сдѣлать это.

Если мы наканунѣ возрожденія нашей исконной религіозной культуры, то какъ это важно для Церкви! Для Церкви ничего не можетъ быть такъ желательнымъ, какъ преодоленіе безрелигіознаго гуманистическаго принципа западной культуры. Принять этотъ принципъ вполнѣ, всею душою, мы, къ счастью, никогда не могли, въ глубинахъ нашего сердца мы оставались вѣрны старому, но гуманистическій принципъ вносилъ въ нашу жизнь раздвоенность, неопредѣленность, сковывавшія наши силы и порождавшія застои и неподвижность. Съ побѣдой надъ Ариманомъ западной культуры открываются блестящія перспективы для духовнаго развитія нашего народа, для торжества въ его жизни религіозно-церковныхъ началъ.

Но приближающійся переломъ, обѣщая Церкви торжество ея началъ, въ тоже время потребуеъ высшаго напряженія всѣхъ живыхъ церковныхъ силъ. Теперь Церкви предстоитъ завершить ту борьбу съ безрелигіозной, въ своемъ основномъ принципѣ, западной культурою, которую она въ сущности непрестанно вела. Заслуги Церкви въ этомъ отношеніи не

оцѣнены въ достаточной степени. Конечно, западное вліяніе сказалося и на самой Церкви. Но оно коснулось лишь внѣшней, поверхностной стороны ея жизни. Свою же внутреннюю суть она всегда ревностно оберегала. И это было нелегкое дѣло. Западное вліяніе иногда въ нашей жизни было чрезвычайно сильно. Но и въ эти моменты Церковь ему энергично противостояла. Отдѣльные ея представители могли заходить слишкомъ далеко въ угодничествѣ предъ силами момента, но русская Церковь въ своемъ цѣломъ не склонила колѣнъ передъ Вааломъ.

Заслуга Церкви—въ томъ, что она сохранила въ неприкосновенности нашу національную религіозную культуру. Теперь она одна владѣетъ тѣмъ богатствомъ, котораго такъ жаждутъ многіе. Въ ея рукахъ ключи отъ этой сокровищницы. Это высокое преимущество, но изъ него для Церкви вытекаетъ и серьезная задача. Наступающій моментъ требуетъ, чтобы столь долго сберегаемая подъ спудомъ сокровища, наконецъ, были пущены въ обращеніе и сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Теперь для Церкви кончился періодъ чисто пассивнаго сохраненія своихъ богатствъ, теперь для нея начинается періодъ активнаго строительства русской жизни, на основѣ своихъ вѣчныхъ началъ. Не надо затушевывать, на сколько трудна эта задача для наличныхъ церковныхъ силъ. Западное вліяніе вообще не одолѣло нашей Церкви, но въ одномъ отношеніи оно, безспорно, сказалося: оно сообщило церковной жизни узкій, вѣдомственный характеръ и отучило церковныхъ дѣятелей отъ широкой общественной постановки церковныхъ задачъ. И первое, что должны сдѣлать представители Церкви, это—приучить свое сознаніе къ новой ориентировкѣ церковной жизни. Если у насъ совершается поворотъ къ религіозной культурѣ, то Церковь приобретаетъ значеніе универсальнаго центра всей нашей жизни. Для нея не можетъ быть такой сферы, какую бы она могла признать нейтральной, безразличной для себя, и какую бы она не должна была подчинить своему вліянію. Преисполниться этимъ

сознаніемъ, можетъ быть, важнѣе всякихъ внѣшнихъ реформъ, и его естественнымъ плодомъ явится дѣятельность, направленная къ универсальной христіанизаціи жизни.

При обращеніи нашего общества къ культурѣ религіозной, естественно, должно весьма возвыситься и значеніе церковной школы, особенно школы высшей. При господствѣ у насъ культуры религіозной, академіи должны занять такое же положеніе, какое принадлежало университетамъ при господствѣ культуры гуманитарной. Все это, конечно, возлагаетъ на наши академіи серьезную миссію, ставить ихъ предъ лицомъ весьма трудныхъ задачъ. И нужно считать большимъ счастіемъ и удачею, что для выполненія этихъ задачъ уже сдѣлано весьма плодотворное начало. На наши академіи возложено научное порученіе, которое имѣетъ великое значеніе для торжества и упроченія религіозной культуры въ нашемъ обществѣ. Мы говоримъ о научномъ изданіи текста славянской Библии, недавно рѣшенномъ Св. Синодомъ. Славянская Библия составляетъ основной фундаментъ нашей исконной культуры, и ея научное изданіе составляетъ, можетъ быть, дѣйствительно первое, чѣмъ должно быть ознаменовано возвращеніе русскаго общества изъ страны чужой въ домъ отчій. Но, разумѣется, это только начало, только небольшая часть той культурной миссіи, которая ложится теперь на нашу высшую богословскую школу. (Церк. Вѣстн.).

**Нѣсколько мыслей изъ бесѣдъ Преосвященнаго
Владыки Андрея съ пастырями въ г. Бирскѣ въ
1914 году.**

(Продолженіе) ¹⁾.

Дѣятельностью пастыря должны руководить всегда два чувства: самоотверженіе и любовь; первое очищаетъ пастыря отъ его гордыни, даетъ ему путь къ покаянію и подгото-

¹⁾ См. № 48 за 1914 г.

вляеть его къ воспріятію благодати; а второе чувство—любовь и есть уже даръ благодати возраждающей; благодатная любовь пастыря, захватывая сердце всякаго встрѣченнаго имъ человѣка, невольно передается и послѣднему.

Самоотреченіе матери—это сила, которой люди подчиняются больше, чѣмъ вліанію философовъ, такъ какъ центръ нравственнаго вліанія не въ мудрости, а въ силѣ сочувствующей любви. Поразительный случай былъ въ жизни одного студента духовной академіи, который понялъ всю жизненную силу и возрождающую благодать святой Церкви не на лекціяхъ ученыхъ профессоровъ, а на исповѣди у одного старца іеросхимонаха, не сказавшаго на исповѣди ни одного слова; но когда по сѣдой бородѣ старца полились слезы, этотъ студентъ въ одинъ моментъ пережилъ и сознаніе своей грѣхovitости, и радость согрѣтаго благодатью сердца, и всепрощающую благодать Христову. Это и есть „возрожденіе“. (Прессв. Андрей сознался, что говорить о себѣ). Здѣсь одно молчаливое выраженіе искренней сочувствующей любви старца было сильнѣе всѣхъ „препрѣтельныхъ словесъ“ ученыхъ профессоровъ. Замѣчательно, что одинъ изъ великихъ учителей церкви св. Левъ, папа Римскій, считаетъ главнымъ моментомъ нашего искупленія Геосиманскую молитву Спасителя, когда Онъ вмѣстилъ въ Своемъ страждущемъ сердцѣ всю страшную „чашу“ грѣховъ человѣческихъ и сказалъ: „душа моя скорбитъ смертельно“ (Ев. Матѣ. 26, 38).—И теперь всякій страждущій, всякій „скорбящій“ можетъ и долженъ утѣшаться тѣмъ, что онъ въ своихъ скорбяхъ не одинъ, а что Самъ Господь, „искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи“. Но здѣсь возможно возраженіе, что, если главный моментъ искупленія въ Геосиманской молитвѣ, то отпадаетъ уже значеніе страданій и смерти Спасителя. На это нужно отвѣчать всегда, что дѣло искупленія, спасенія человѣчества, началось съ обѣтованій о пришествіи на землю Христа-Спасителя и окончилось, какъ историческій фактъ, не Крестомъ Господа Спасителя, а сошествіемъ Св. Духа на апостоловъ,

и каждый вѣрующій спасается только въ полученіи Св. Духа въ таинствахъ, о чемъ такъ мало говорятъ въ школахъ. Крестъ-же Христовъ спасаетъ только „спасаемыхъ“, для „погибающихъ же“ онъ и доселѣ „юродство“ и источникъ вѣчнаго осужденія (1 Кор. I, 18-24.)

Въ сострадающей любви Спасителя людямъ данъ не только примѣръ святости, но и самый источникъ — податель святой жизни, самая, такъ сказать, пища благодатная для души, алчущей правды Божіей, благодатнаго „оправданія“. Этотъ—то подвигъ сочувствія и опредѣляетъ собой всю сущность паствы.

Благодать священства дается пастырю при рукоположеніи; проявляется же она и раскрывается вездѣ и всегда, при всякомъ словѣ и дѣлѣ священника. Но благодать, получаемая священникомъ въ таинствѣ рукоположенія,—одна и та же благодать св. Духа, дѣйствующая и въ другихъ таинствахъ и получаемая каждымъ міряниномъ при крещеніи. Она совершенно ощутима человѣкомъ (и пастыремъ), онъ всегда можетъ слышать въ себѣ голосъ благодати, въ немъ живущей, голосъ, зовущій его къ служенію Господу. Но очень часто пастырь своимъ невниманіемъ ко добродѣтельной жизни и даже просто своею нечестивою жизнію заглушаетъ въ себѣ благодать—даръ, полученный въ хиротоніи; мірянинъ же можетъ даръ благодати, полученный при крещеніи, развить въ своей жизни, какъ это и извѣстно при жизни многихъ святыхъ мірянъ и мірянокъ, какъ св. Нины. Просвѣтительницы Грузіи, или Ксеніи Юродивой, подвизавшейся въ Петроградѣ. С. Нина, Ксенія и друг. праведники и праведницы-міряне вліяли на другихъ своей жизнью; благодать ихъ дѣйствовала, какъ благоуханіе цвѣтка, сама-собою; такъ міряне могутъ предварить пастырей въ Царствіи Небесномъ; и въ то время, какъ они своими подвигами добродѣтели приумножаютъ въ себѣ благодать, пастыри теряютъ все, имъ отъ Бога данное. Міряне получаютъ сугубые дары благодати, а пастыри теряютъ даже и понятіе объ этихъ небесныхъ дарахъ.

Св. апостоль Павель пишетъ такъ: „Умоляемъ васъ, чтобы благодать Божія не тщетно была принята вами... Мы являемъ себя, какъ служители Божіи въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, въ трудахъ, въ бѣднѣяхъ, въ постахъ, въ чистотѣ, въ благоразуміи, въ великодушій, въ благодати, въ Духѣ Святомъ, въ нелицемѣрной любви... въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ“ ... (2 Кор., 6, 1, 4-6, 8). Послѣднія слова Апостола о служеніи пастыря въ порицаніяхъ и похвалахъ указываютъ на то, что какъ при порицаніяхъ, когда бранятъ, пастырь свой умъ долженъ вознести къ Богу, такъ и при похвалахъ свой успѣхъ-тоже отнести къ Богу, а не къ себѣ. Любовь пастыря къ паствѣ это великій крестъ, такъ какъ и эта любовь связываетъ его съ землей, какъ-бы притягиваетъ къ землѣ, и много нужно усилій, чтобы вознести ее на небо, сдѣлать исключительно благодатною. Въ другомъ мѣстѣ того же посланія св. Апостоль говоритъ: „мы всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась въ тѣлѣ нашемъ“ (2 Кор., 4, 10). Такъ добрый пастырь всегда умираетъ для себя, чтобы жить для Господа и чтобы жизнь Христова открылась въ немъ.

* * *

Предъ поступленіемъ на пастырскую должность люди обычно предаются красивымъ мечтамъ, фантазіи, и, когда въ пастырской жизни настанетъ проза, энтузіазмъ ихъ пропадаетъ, пастырь опускаетъ руки, стараясь найти оправданіе себѣ въ помѣхахъ отъ благочиннаго, консисторіи и т. д. Но такъ не должно быть. Пастырю нужно всегда помнить, что, чѣмъ больше ему внѣшнихъ помѣхъ, тѣмъ больше Богъ поможетъ ему. И св. отцы дары исцѣленья проявляли болѣе всего тогда, когда подвергались гоненіямъ. Священная Исторія свидѣтельствуетъ также, какъ Господь проявлялъ любовь Свою къ избранникамъ Своимъ: Аврааму, Іосифу, Моисею,

Исаи, Иереміи и другимъ, когда они переносили тяжкія испытанья. Иова врагъ-дѣволъ испытывалъ въ томъ, къ чему у него оставалось любовь, привязанность, это къ семьѣ и правдѣ Божіей, что и выразилъ онъ словами: „ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ. Нѣтъ мнѣ мира, нѣтъ покоя, нѣтъ отрады: постигло несчастіе“ (Иов. 3, 25—26). Эти испытанія могутъ повести иногда къ утратѣ вѣры въ промыслъ Божій. Но мы должны раздѣлять страданія свои со Христомъ; мы должны нести свой крестъ, имѣя предъ собою Святой Крестъ Господа Спасителя; а кто не несетъ этого Креста, тотъ, по слову Спасителя, не имѣетъ части съ Нимъ. Всѣ испытанія въ жизни пастыря: неблагодарность паствы, вражда родныхъ, противолѣйствія властей, козни и помѣхи отъ сотрудниковъ и др., предречены Спасителемъ, изрекшимъ своимъ ученикамъ: „И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня... и будете ненавидимы всѣми за имя Мое... Когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой“... (Ев. Матѣ. 10, 18, 22—23).

* * *

Духовная жизнь пастыря не исключаетъ разногласій въ пониманіи своего дѣла съ другими пастырями. Таковое разногласіе извѣстно было даже между св. апостолами и великими святителями. Разнорѣчіе между пастырями — обычное дѣло, такъ какъ одинъ смотритъ на дѣло съ одной стороны, другой съ другой; лучше же — не обращать вниманіе на разногласія, уступать разномыслящему, съ мыслью: хотя мнѣ и не нравится, но ты дѣлай свое дѣло, я буду вести свое. И никогда не нужно доводить дѣло до грѣха, до гнѣва, до такого состоянія, когда при разногласіяхъ ни та, ни другая сторона ничего не дѣлаетъ и взаимно мѣшаютъ работѣ.

Слово Божіе говоритъ намъ, что тернія пастыря даютъ ему ростъ, въ нихъ дѣйствуетъ благодать Божія. Но тутъ нужно имѣть общее правило: если тебѣ мѣшаютъ дѣлать одно

дѣло, то ищи гдѣ-нибудь недалеко другое, которое гораздо важнѣе перваго. Одного игумена, человѣка высокой духовной жизни, послѣдовательно изгоняли по разнымъ клеветамъ изъ монастырей, которые онъ устраивалъ. И терпѣніе этого игумена и его вѣра въ Промыслъ Божій сдѣлали то, что онъ, изгоняемый съ одного мѣста на другое, устроилъ нѣсколько монастырей и былъ учителемъ сотенъ монашествующихъ.

* * *

По словамъ ап. Павла, внутреннее—духовное обновленіе наше совершается постольку, поскольку тлѣетъ внѣшній человѣкъ, какъ и сказано имъ въ другомъ мѣстѣ: „Смерть дѣйствуетъ въ насъ (апостолахъ), жизнь въ васъ (паствѣ)» (2 Кор. 4, 12).

Но выше самопожертвованія стоитъ молитва, которая является началомъ и концомъ пастырскаго дѣла. Побѣдная борьба со зломъ священника возможна только при его молитвѣ; безъ молитвы священникъ ни къ чему не пригоденъ. Святая молитва пастыря—это стѣны Іерусалимскія, которыя могутъ спасти новаго Израиля отъ всякихъ бѣдъ духовныхъ. И отпаденія въ сектанство, и всякое иновѣріе бываютъ всякій разъ, какъ въ приходѣ плохое богослуженіе,—когда и пастырь не молится самъ и паству не учитъ молитвѣ. Даже отрицаніе крестнаго знаменія сектантами часто имѣетъ причиною своего появленія плохое совершеніе его у православныхъ.

Напротивъ, хорошее богослуженіе всегда располагаетъ къ себѣ и сектантовъ, и раскольниковъ. Этому примѣръ былъ въ г. Златоустѣ, гдѣ введенное протоіереемъ Яхонтовымъ прекрасное богослуженіе обратило въ православіе почти всѣхъ раскольниковъ. Конечно, выполнить весь уставъ богослуженій трудно, для мірянъ нужно-бы составить особый приходскій уставъ, но теперь возможно дѣлать и сокращенія, но только разумно, такъ, чтобы измѣняемая часть богослуженія,

какъ опредѣляющая существо дня, или праздника, совершалась безъ всякихъ пропусковъ.

* * *

Молитва нужна также и для стойкости общественнаго служенія пастыря: она—единственное подкрѣпленіе пастыря въ состояніи его духовнаго одиночества. А это одиночество наиболѣе чувствуется лучшими пастырями.

Молитва не мѣшаетъ общественной жизни священника, напротивъ, непрестанное богомысліе, какъ бы погруженіе пастыря въ любовь Божественную, разогрѣваетъ любовь его къ людямъ, „роду жестоковыйному и невѣрному“, по слову Писанія; недружелюбію и неблагодарности и безчувственности людей онъ и можетъ притивопоставить только свое внутреннее богатство въ молитвенномъ подвигѣ. Такъ, преподобн. Серафимъ Саровскій и многіе праведники Божіи въ молитвѣ находили силы быть снисходительными къ преступникамъ, злодѣямъ, ихъ же обижавшимъ.

Единственный путь къ молитвѣ—это самоприпужденіе, путь духовной бесѣды со св. отцами чрезъ чтеніе ихъ твореній и, лучше, стоя, такъ какъ сидѣніе при чтеніи лишаетъ человѣка нужной бодрости духа. Когда нѣтъ молитвеннаго настроенія, когда мысли молящагося разсѣяны, то свв. отцы рекомендуютъ даже побить себя.

На возраженіе, что отшельники, пребывая въ молитвѣ, только и живутъ для себя, нужно отвѣчать, что отшельничество не эгоизмъ, не самоутвержденіе, а богоутвержденіе, когда думаетъ человѣкъ не о себѣ, а только о Богѣ и все для Него дѣлаетъ. Эгоистъ же думаетъ о себѣ и объ исполненіи своей воли заботится.

Молитва—единственное средство возвысить значеніе священника и въ глазахъ паствы. Народъ больше всего требуетъ отъ пастыря молитвы, а потому и идетъ и слушаетъ наставленія только священниковъ, у которыхъ хорошее служеніе, въ возгласахъ слышится искренняя молитва, и охот-

но даже прощаетъ имъ все, всѣ пороки, кромѣ невниманія къ молитвѣ.

Бываютъ въ жизни такіе случаи, что пастырь не безупречной, жизни даже съ грубыми паденіями, бываетъ любимъ паствою, а священника трезваго, съ хорошимъ образованіемъ и приличнымъ поведеніемъ, народъ не хочетъ слушать за его немолитвенность, за то, что всѣ его церковныя чтенія и возгласы являются сплошнымъ лицемѣріемъ. Великимъ образомъ молитвы пастыря является молитва, читаемая священникомъ во время пѣнія Херувимской пѣсни. Въ этой молитвѣ все величественно и знаменательно. Каждая фраза является выраженіемъ огромной мысли. Сначала страшное величіе Божіе, недоступное и небеснымъ силамъ; потомъ глубина неизреченнаго милосердія Божія, явленная людямъ въ вочеловѣченіи Спасителя,—наконецъ, заповѣдь Господня, какъ повелѣніе, совершать безкровную жертву,—вотъ что священникъ долженъ имѣть и имѣть въ душѣ своей, приступая къ Престолу Божію для совершенія Евхаристіи.

Однако все-таки чувство глубокаго недостойнства своего способно вызвать въ душѣ молящагося священника настроеніе близкое къ грѣховному отчаянію,—онъ можетъ почувствовать ужасъ своей нечистоты для принесенія чистѣйшей жертвы. На это отвѣчаютъ слова молитвы, что Самъ Господь доселѣ приноситъ эту Жертву, а люди грѣшныя лишь исполняютъ Его повелѣніе: „Ты бо еси приносяй и приносимый и пріемляй“... Самъ Господь совершаетъ эту Божественную Евхаристію; а поскольку мы грѣшныя восприимаемъ Его въ сердце свое и возносимъ свое сердце къ Богу, постольку Господь Самъ является не только „приносяй“, но и „приносимый“. Но Онъ же, Господь нашъ, съ Богомъ Отцомъ и пріемлетъ эту жертву,—„пріемляй“... Такъ въ четырехъ словахъ указана вся сущность св. Евхаристіи. Величіе этой молитвы показываетъ, что ее не геній чловѣка составлялъ, а Самъ Св. Духъ. Относительно недостойнства совершать Таинство одному сомнѣвающемуся іерею, великій

пастырь Церкви Русской приснопамятный „отец“ Іоаннъ Кронштадтскій сказалъ: „тебѣ приказано Божественную литургію совершать, и совершай не разсуждая, хотя ты и во грѣхахъ“, какъ послушаніе св. Церкви (Уфимск. Еп. Вѣд).

(Продолженіе слѣдуетъ).

По любви и молитвамъ.

(Продолженіе)¹⁾.

III

— На мое и Маринино горе, сказалъ о. Стефанъ зятю, Оксана побѣжала прежде всего къ сельскому старостѣ въ управу. Тамъ какъ разъ въ это время происходила сельская сходка. Мужики, выслушавъ рассказъ бабы о происшествіи въ хатѣ чумака Остапа, сразу вспыхнули какъ порохъ.

— Что это такое? Изрубилъ и сжегъ иконы!... Да это не иначе, какъ антихристъ къ намъ заявился... Тутъ нечего и батюшкѣ заявлять... Тутъ надо убить эту гадюку и хату его проклятую запалить со всѣхъ четырехъ концовъ... А Маринѣ новую поставить, потому она не виновата... Она баба; знамо, мужика своего боится...

— Убить, убить! разнеслось по селу...

Мужики, не кончивъ сходы, бросились по домамъ за топорами, вилами и кольями и расгоряченные двинулись къ хатѣ Остапа.

Но сельскій староста все же успѣлъ забѣжать ко мнѣ.

Я задворками и огородами кинулся на перерѣзъ мужикамъ. Какъ говорится, откуда и ноги у меня взялись при моей старческой одышкѣ.

Не помня себя вбѣжалъ я въ хату Остапа. Тарась сидѣлъ за столомъ и читалъ какую то книгу. Волнуясь и

¹⁾ См. № 49 за 1914 г.

задыхаясь рассказалъ я ему въ короткихъ словахъ, что происходитъ въ селѣ.

— Спасайся скорѣе! крикнулъ я въ заключеніе Полѣщуку. У того куда и религіозный фанатизмъ дѣвался. Струсилъ, какъ заяцъ, и какъ заяцъ же проворно выскочилъ черезъ окно въ садъ...

Когда мужики вошли въ Остапову усадьбу, Тараса и слѣдъ простыль...

Большого труда стоило мнѣ уговорить крестьянъ не сжигать Остаповой хаты и, вообще, успокоиться. Но уговорилъ таки я ихъ, хотя сначала и перенесъ много оскорбленій отъ озлобившихся простецовъ вѣры за защиту штундиста. Не хотѣлось бы упоминать (Господь да проститъ моимъ дѣтямъ духовнымъ ихъ грѣхъ!), кое кто даже поднималъ на меня сгоряча руку... Оттого и сгорбился я преждевременно, вылежавъ потомъ въ постели болѣе мѣсяца... Но, слава Богу, дѣло кончилось небольшими нѣсколькими ударами... Я ожидалъ худшаго: я думалъ, что тутъ мой и конецъ будетъ — такъ разсвирѣпѣла толпа, когда узнала, что я спасъ Тараса...

Лишь только возбужденіе крестьянъ улеглось, я послалъ въ церковь за св. водой, освятилъ хату, сорвалъ картинки, изображавшія нѣмецкихъ проповѣдниковъ штундизма и германскаго кесаря, и водрузилъ въ переднемъ углу св. иконы... Марина плакала отъ радости, что дьявольское навожденіе отведено отъ ея дома, и въ первое время забыла даже про своего Тараса. Жить одной въ хатѣ ей было теперь уже въ привычку...

IV

Оставшись одна, Марина продала стариковскую землю, всю лишнюю скотину, оставила только коровку, телочку да курочекъ, чтобы было за чѣмъ ухаживать, деньги внесла въ церковь на молебствія о спасеніи мужа, а сама пошла въ „сестрицы“ — помогать больнымъ и бѣднымъ, обшивать сель-

скихъ сиротъ, хлопотать при похоронахъ усопшихъ, собирать пожертвованія на церковныя нужды...

Тихая, ласковая, привѣтливая и участливая Марина вскорѣ же сдѣлалась одною изъ выдающихся „сестрицъ“ и стала забывать свое горе. Не могла лишь забыть печальную судьбу мужа, отъ котораго вначалѣ была рада избавиться... Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ дороже и дороже становился Маринѣ Тарасъ.

— Гдѣ ты, мой бѣдный, мой несчастный? Живъ ли? здоровъ ли? Опомнился ли отъ навожденія? взывала она къ мужу черезъ даль пространства, обливаясь слезами въ тоскливомъ одиночествѣ и падая ницъ передъ стариковскимъ благословеніемъ, жарко молилась—Пресвятая Троица! Матерь Божія, Пресвятая Богородица! Святые угодники: Остапе, Сяклита, Марина и ты, Тарасу, ангелъ его, помилуйте моего мужа и верните его мнѣ!...

Но чудилось ей, что сурово смотрятъ на нее лики святыхъ иконъ...

Только однажды возвратясь въ праздникъ изъ церкви отъ обѣдни и молясь о Тарасѣ, покинутая женщина замѣтила, что по иконѣ Пресвятой Богородицы, стариннаго письма, потемнѣвшей отъ времени, прошла какъ бы какая то „хмара“ (бѣловатый туманъ) и ликъ Божіей Матери какъ будто прояснился.

— Знаменіе! знаменіе! въ восторгѣ вскричала Марина. Принята моя молитва—вернется ко мнѣ мой Тарасъ... Спасибо Тебѣ, Матерь Божія, что помиловала его и меня.

Радостный возгласъ Марины подслушала сосѣдка, явившаяся зачѣмъ то въ хату Остапа, и спросила:

— Какое знаменіе явилось?

— Гляди! указала Марина на икону.

Сосѣдка, не присматривавшаяся ранѣе къ иконѣ, не понимала въ чемъ дѣло.

— Икона обновляется! въ религіозномъ экстазѣ прошептала Марина. Была темная, теперь свѣтлѣеть... Видишь!

— А и правда! воскликнула сосѣдка и побѣжала разносить новость по селу.

Легковѣрный народъ обрадовался святынь, объявившейся въ селѣ. Въ хату Марины стали ходить почитатели „обновленной“ иконы, ставить передъ ней свѣчи, воскурять фиміамъ, молиться... Запахло ролигіознымъ соблазномъ...

Поспѣшилъ и я въ хату жены Тараса, лишь только до меня донесся слухъ объ обновленіи иконы. Раньше и я къ ней не приглядывался и потому не могу сказать, дѣйствительно ли съ ней произошла какая-нибудь перемѣна. Ничего особеннаго я въ ней не замѣтилъ. Старая икона съ потемнѣвшимъ, почти, почернѣвшимъ фономъ, но краски на ликахъ Божьей Матери и Пречистаго Младенца-Христа довольно хорошо сохранились. Живопись художественная, строго восточнаго письма...

А Марина увѣренно продолжаетъ утверждать, что лики были темные, какъ и фонъ, и прояснились лишь послѣ того, какъ по иконѣ прошла „хмара“. И вижу по лицамъ присутствовавшихъ въ хатѣ, что народъ ей вѣритъ...

— Какъ быть? думаю. Оставить икону въ хатѣ—дѣло опасное, какъ бы какое мистическое сектантство не развилось при темнотѣ и невѣжествѣ пародномъ, распорядиться отправить икону въ церковь—по лицамъ поклонниковъ вижу, произойдетъ возмущеніе.

Однако осторожно сталъ убѣждать хозяйку и народъ, что икону надо снести въ церковь.

— Если, говорю, оставимъ икону здѣсь, и слухъ объ ней дойдетъ до благочиннаго, тотъ немедленно прикажетъ отправить икону въ губернскаго городъ въ кафедральный соборъ—такое распоряженіе существуетъ насчетъ обновляющихся иконъ... Сдѣлаемъ такъ: пусть никто не распространяетъ слуха, что эта икона обновилась, и ты, Марина, пуще всего молчи. Будемъ знать про себя о ниспосланномъ тебѣ знаменіи и достаточно. Икону же возьмемъ въ церковь, какъ будто ты ее туда пожертвовала... Въ церкви я ее по-

мѣщу на видномъ мѣстѣ—за иконостасомъ. Можете тамъ возжигать передъ ней свѣчи, а кто пожелаетъ и совѣршать молебствія... Чтобы вы не думали, будто это я устраиваю изъ за корыстныхъ расчетовъ, заранѣе объявляю, что всѣ молебствія я готовъ совершать безвозмездно. А по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ буду отправлять передъ этой иконой всенародное молебствіе съ чтеніемъ акаѳиста... Согласны, братіе?

— Не знаемъ, какъ Марина, а для насъ это будетъ еще лучше, согласился народъ.

Марина сначала было наотрѣвъ отказалась, заголосивъ по бабьему обыкновенію:

— Ой, что хочетъ сдѣлать со мной батюшка!.. Отнять материнское благословеніе... Что жъ это такое?... Передъ чѣмъ я буду молиться за грѣшную душеньку Тараса?.. Не давайте меня въ обиду, православные!

— Да пойми ты, неразумная! сталъ уговаривать я ее— узнаеть благочинный, совсѣмъ отбереть икону, тогда ты никогда болѣе не увидишь. А если я ее въ церковь возьму— ты хоть по праздникамъ можешь передъ ней молиться...

— Не посмѣеть ее взять у меня благочинный! Никому ее не дамъ, хоть самъ архіерей сюда являйся, продолжала кричать Марина.

— Ну, какъ знаешь, сказалъ я, но знай, что если такъ, я сегодня же дамъ знать о твоей иконѣ благочинному, чтобы мнѣ не отвѣчать за попустительство...

Тутъ вмѣшался народъ.

— Батюшка дѣло говорить! зашумѣла толпа.. Нечего супротивничать. Снимайте икону и несите въ церковь...

И несмотря на новые крики жены Тараса икона была водружена въ церкви... По времени Марина съ этимъ примирилась...

Между тѣмъ, не смотря на мое запрещеніе распространять слухъ объ обновившейся иконѣ, слухъ объ ней всетаки разнесся по округности. Въ нашу церковь потянулся народъ

изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ для поклоненія святынь... Прослышаль объ этомъ благочинный и нагрязнулъ въ наше Суходолье.

— Что у васъ такое творится, о. Стефанъ? накинулся онъ на меня. Я пожалъ плечами:

— Ничего особеннаго о. Николай! Живемъ, какъ жили...

— Какая то якобы обновленная икона.... стеченіе народа къ ней на поклоненіе... А о. настоятель ни слова не доносить начальству..

— О чемъ? спросилъ я.. Объ какой то якобы обновленной иконѣ, какъ вы говорите. Но вѣдь я при обновленіи этой иконы не присутствовалъ и, слѣдовательно, никакой обновленной иконы не знаю. Знаю чтимую икону Казанскаго явленія Божіей Матери, которую пожертвовала въ нашу церковь прихожанка Марина Полъшукъ.

— А про стеченіе къ ней народа? вспыхнулъ какъ порохъ благочинный.

— Что же объ этомъ доносить? Что въ этомъ особеннаго? Мало ли къ какимъ чтимымъ святынямъ стекается народъ на поклоненіе, вѣря въ почивающую на нихъ благодать Божію. Кому это и чѣмъ мѣшаетъ.

— Я не разсуждать съ вами объ этомъ, а отобратъ вашу обновленную икону прибылъ, строго заявилъ благочинный.

— Отбирайте, отвѣтилъ я..

Были призваны староста и понятые, составленъ актъ дознанія объ обновленіи иконы, протоколъ ея осмотра и затѣмъ благочинный, опечатавъ ее, увезъ съ собой...

Узнавшій о пріѣздѣ благочиннаго и объ отобраніи имъ иконы народъ заволновался.

— Всѣмъ селомъ пойдемъ въ губернію выручать обновленную икону, зашумѣлъ онъ...

Но хоть всё́мъ селомъ народъ и не пошелъ, а ходоковъ къ владыкѣ отправиль... И, конечно, ходоки возвратились безъ результата...

Тогда отправилась выручать материнское благословеніе Марина. Ушла она одна, не зная дороги, и добрела ли до губернскаго города, неизвѣстно. Но ходила она долго и вернулась такою, какою ты ее теперь видишь, худую, изможденною, преждевременно состарившеюся и тронувшеюся умомъ женщиной, заключиль свой рассказъ о Степанѣ. Меня она возненавидѣла, почему то считая виновникомъ, что ея материнское благословеніе забрали въ кафедральный соборъ.

Ненавидить и всё́хъ вообще священниковъ и постоянно грозитъ на нихъ при встрѣчѣ палкой..

Молю Бога, чтобы Онъ, Милосердный, просвѣтилъ умъ бывшей лучшей нашей „сестрицы“. Молюсь, чтобы и Тараса вразумилъ Господь, и вѣрю: снизойдетъ къ моимъ недостойнымъ молитвамъ Господь, по слову Его непреложному: „по вѣрѣ вашей будетъ вамъ“.

V

Прошло три года со времени обхода Суходолья съ рождественской молитвой зятемъ о. Стефана. За это время о. Михаилу ни разу не пришлось навѣстить тестя, и въ суетѣ дѣлъ своего великорусскаго прихода онъ давно забылъ о Маринѣ. Но вотъ однажды о. Михаилъ получилъ радостное письмо отъ о. Стефана:

— „А вѣдь вѣра то моя въ милость Божию оправдалась, Миша! Тарасъ Полѣщукъ, мужъ той Марины, о которой помнишь, я тебѣ рассказывалъ, вернулся къ женѣ строго православнымъ человѣкомъ... Хочешь знать, какъ это произошло?“

На прошлой недѣлѣ была у насъ въ селѣ крестьянская сходка. Мужики, но обыкновенію, кричали, шумѣли, переругивались между собою, сами не зная и не давая себѣ отчета, изъ за чего шумятъ, о чемъ спорятъ...

И вотъ въ самый горячій моментъ, когда крестьяне въ своихъ перебранкахъ дошли, какъ говорится, до блага ка-ленія, толпу раздвинулъ и на середину ея круга выступилъ какой то посторонній человѣкъ.

— Тише, народъ крещеный, крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ, чтобы всѣ слышали. Помолчите, я что то хочу сказать.

Толпа обрадовалась случаю прекратить ни къ чему не ведущіе споры и перебранки и мгновенно затихла.

— А помните ли вы, люди добрые, Тараса Полѣщука, пріймака дѣда Остапа, что чумачилъ въ Крыму? спросилъ чужой человѣкъ.

— Это штундиста? гадюку? что святые иконы въ своей хатѣ порубалъ да въ печи сжегъ? вновь зашумѣла толпа. Помнимъ! Какъ не помнить этого антихриста. Мы же его убить хотѣли и убили бы, если бы онъ куда то не скрылся. Такъ что?

— Этотъ самый Тарасъ, эта гадюка здѣсь... Вотъ она... это я... Пришелъ я сюда, къ вамъ, народъ крещеный, покаяться въ своемъ грѣхѣ, за который мнѣ нѣтъ прощенія отъ Бога, пока я не объявлю всенародно свой грѣхъ и не покажусь въ немъ... Простите мнѣ, люди добрые!

Тарасъ рухнулъ на землю и сталъ ползать по ней, лова и цѣлуя ноги cadaго.

— А если не можете простить, то убейте меня, какъ собаку или бѣшенаго звѣря какого, рыдалъ онъ...

Толпу прошибли слезы. Вся прежняя злоба народа на штундиста мигомъ исчезла. Народъ видѣлъ теперь передъ собою только глубоко несчастнаго человѣка.

— Богъ простить. Богъ простить! раздались возгласы. Прости и ты насъ, что мы имѣли на тебя злобу и хотѣли убить... Будетъ кланяться, идемъ къ батюшкѣ, пусть онъ разрѣшитъ тебя отъ грѣха и приметъ въ святую церковь.

— Идемъ, радостно и облегченно поднимаясь, сказалъ Тарасъ.

Ты, Миша, конечно, понимаешь, какъ обрадовался я, когда явилась ко мнѣ во дворѣ толпа съ Тарасомъ и разсказала о покаяніи Полѣщукъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отправились мы въ церковь, гдѣ я вновь принялъ всенародное покаяніе Тараса въ страшномъ грѣхѣ надругательства надъ святыми иконами.

— Покаяніе съ тѣхъ поръ я не зналъ, обливался слезами бывший штундистъ, разсказывая про свою жизнь съ того времени, какъ онъ, благодаря меня, успѣлъ скрыться отъ ярости сельчанъ. Какъ Каинъ, или Святополкъ Окаянный, скитался безъ пристанища по бѣлу свѣту, да тряся отъ страха, какъ самый страшный злодѣй... А все нѣмцы проклятые, колонисты Херсонскіе! Это они смутили меня своимъ штундовскимъ ученіемъ...

— Ну, что было, то прошло, успокоилъ я его, спѣша присоединить его къ святой Православной Церкви. Старайся впередъ не свихнуться и загладить доброй жизнью свой грѣхъ тяжкій. Молись поусерднѣе Господу Богу, чтобы Онъ снялъ тяжесть съ твоей души, и не ронщи, что тебѣ еще предстоитъ не малое испытаніе. За безумство твое оно тебѣ послано... Догадываешься, о чемъ я говорю?

— Нѣтъ, не знаю, что вы хотите сказать, батюшка, блѣднѣя едва выговорилъ Тарасъ.

— Развѣ ты дома еще не былъ?

— Не былъ, батюшка. Я, какъ пришелъ въ село и узналъ, что въ расправѣ (сельской управѣ) сходка, направился туда. Очень хотѣлось поскорѣе снять съ души свой грѣхъ.

— Про Марину, значить, ничего не знаешь?

— Умерла! пошатнулся Полѣщукъ.

— Умереть еще не умерла, а почти что ужъ не живая для тебя и для міра—умомъ помѣшалась...

Полѣщукъ ни слова не говоря зашагалъ къ выходу изъ церкви. Народъ послѣдовалъ за нимъ. Пошелъ и я...

Тарасъ снѣшилъ. Мы насилу за нимъ поспѣвали.

Войдя въ свою усадьбу, Тарасъ не обратилъ вниманія, что хата почти разрушилась, садоеъ вырубленъ и дворъ заросъ травой: Онъ стремился къ Маринѣ.

— Добрый день, Марина! Закричалъ онъ еще съ порога. Гдѣ ты тутъ? Это я, твой Тарасъ къ тебѣ вернулся.

— Тише! выскочили изъ хаты „сестрицы“. Не шумите, Тарасъ! Ваша Марина кончается. Не мѣшайте ея душенькѣ выходить изъ тѣла.

Тарасъ, оттолкнувъ ихъ, вошелъ въ хату. Я послѣдовалъ за нимъ.

Марина лежала на лавкѣ подъ образами. Впалая изсохшая грудь ея прерывисто вздымалась, руки ловили пространство, широко раскрытые глаза закатились и смотрѣли куда то въ высь...

Вдругъ умирающая перевела взоръ на окружающихъ, вздрогнула и съ необычайной при послѣднихъ минутахъ жизни силой приподнялась.

— Это онъ, мой Тарасъ! глухимъ, но еще достаточно слышнымъ голосомъ произнесла она. Спасибо Тебѣ, Пресвятая Троица, Матерь Пресвятая Богородица, что услышала мою просьбу—вернула мнѣ моего Тараса... Тарасъ, милый, любимый, ты вновь со мною?...

Марина протянула руки къ мужу и попыталась обнять его ими, но не могла. Силы ее оставили, и она упала на лавку... Въ груди ея поднялся клекоть, прошумѣлъ и смолкъ... Послѣдній вздохъ длинный, тягучій вырвался изъ устъ, и руки Марины упали къ колѣнамъ, тѣло вытянулось, остеклявшіеся глаза вновь стали всматриваться въ высь, и въ нихъ застыло неизъяснимое счастье...

Тарасъ остался одинъ—мыкать свое горе и искупать страшный грѣхъ... Для нашей церкви какъ разъ въ это время понадобился сторожъ, и Тарасъ упросилъ меня опредѣлить къ этой должности его“.

Священникъ *Владиміръ Успенскій*.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе)¹⁾.

Объясненіе таблицъ:

Таблица № 1. Ежедневные бюллетени.

Приложенная въ концѣ двѣнадцатой бесѣды таблица № 1 представляетъ недѣльную выписку изъ тетради ежедневныхъ бюллетеней, заведенную авторомъ у себя на пасѣкѣ. Выписка обнимаетъ періодъ времени между 6 и 12 апрѣля 1914 г., каковая дата и показана въ крайней клѣточкѣ лѣваго, верхняго угла таблицы. Бюллетень заполненъ курсивомъ; въ немъ все ясно, поэтому комментаріи излишни.

Таблица № 2. Бланкъ пчеловоднаго журнала.

Приложенный здѣсь бланкъ пчеловоднаго журнала представляетъ выписку изъ журнала автора за 1914 г. и относится къ пню № 5-ый. Бланкъ по таблицѣ № 2 точно такъ же, какъ и въ бюллетень, заполненъ курсивомъ. Хотя и здѣсь все ясно, но для вящей пользы дѣла дадимъ нѣкоторое поясненіе.

Изъ бланка видно, прежде всего, что пень № 5—старикъ, ибо еще въ 1910 году искусственнымъ роємъ взятъ отъ №№ 6 и 17-го, но матка въ немъ сравнительно молодая; она работаетъ всего лишь полтора сезона (съ іюня 1913 г.). Первая строчка журнала подъ датой $12/3$ (12 марта) гласитъ, что пень № 5 весной 1914 г. выставленъ 12 марта, и что его зимнее гнѣздо состояло изъ 10 рамокъ. Изъ помѣтокъ той же 1-ой строчки намъ видно, что семья облетѣлась оч. хорошо (на 4).

Вторая строчка подъ датой $13/3$ (13 марта) гласитъ, что осмотръ утра второго дня далъ удовлетворительные резуль-

¹⁾ См. № 49 за 1914 г.

таты: летокъ чистъ, но между валяющимися трупами есть и трутни; однако вопросъ: какого они (трутни) происхожденія—мѣстнаго или посторонняго, т. е., вышли-ль (ни изъ № 5-го или изъ какого-либо другого пня,—остается открытымъ. Въ-роятнѣе всего, что трутни убиты, какъ нежелательные гости вчерашняго дня, ибо здѣсь валяются не куколки трутней, а совершенно зрѣлые экземпляры, пню № 5 совершенно чуждые и, конечно, ненужные.

Третья строчка подь датой $\frac{1}{4}$ (1 Апрель) намъ говорить, что въ этотъ день произведена была первая чистка и первый смотръ и, нужно сказать, весьма запоздалый. Со дня выставки прошло, вѣдь, 19 дней. Что за причина такой поздней чистки и осмотра? Смотримъ въ бюллетени того же 1914 г. и причину находимъ: съ 15 по 28 марта температура не поднималась выше 8° въ тѣни и только лишь 29 числа термометръ показалъ 11° , съ какового дня и начался пересмотръ и чистка пней. Пока очередь дошла до № 5-го, было уже 1 Апрель. Чистку пней съ отъемнымъ дномъ я произвелъ уже давно, но у № 5-го дно не отъемно, и потому чистка его приурочена ко дню перваго осмотра. Осмотръ № 5-го далъ вполнѣ благопріятные результаты; пень оказался благополученъ, а подмору—всего лишь $\frac{1}{8}$ фунта,—количество весьма ничтожное для сильной семьи. Сила пня, выраженная въ журналѣ пятеркой¹⁾, хорошо покрывала 9 рамокъ, изъ которыхъ 3 были сплошь зачервлены, а на 4-ой найденъ былъ только засѣвъ (+). Десятая рамка оказалась лишней и потому удалена изъ гнѣзда. Запасы меда обнаружены въ достаточномъ количествѣ и выражены также пятеркою.

Осмотръ $\frac{12}{4}$ (12 апр.) обнаружилъ быстрое увеличеніе зачервленныхъ рамокъ (5+) и уменьшеніе запасовъ (3), по-

¹⁾ Смотри помѣтки въ другихъ графахъ той-же даты ($\frac{1}{4}$) подь соотвѣствующими рубриками.

чему и дана была № 5-му, въ видѣ подкормки, десятая рам. ма съ распечатаннымъ сотомъ.

Замѣтка подь датой $17/4$ (17 апр.) гласить, что матка червить образцово, съ необыкновенной интенсивностью (7+): за пять дней прибавилось 2 рамки червы, почему гнѣздо пришлось увеличить еще на одну рамку (11). Кромѣ того осмотръ обнаружилъ появленіе свѣжихъ запасовъ (много напрыска); значить, приходъ пчелинаго добра (меда) превысилъ расходъ.

Осмотръ 1-го мая ($1/5$) обнаружилъ замѣтное увеличеніе силы (5+), запасовъ (5+), гнѣздовыхъ рамокъ (13) и черви (10). Запасовъ оказалось настолько много, что одну рамку пришлось отдавать слабому пню № 21, а на ея мѣсто вставить пустую.

Осмотръ 15 мая ($15/5$) обнаружилъ огромную силу (5+), большое количество запасовъ (5+), чрезмѣрное размноженіе червы (11) и увеличеніе гнѣзда (14). Сила оказалась настолько значительной, что явилась возможность взять у № 5-го 2 рамки червы и отдать ихъ слабымъ №№ 2 и 15. На мѣсто взятыхъ 2-хъ рамокъ вставлена одна съ искусств. во-щной, отъ каковой диверсии червы осталось 9 рамокъ, а гнѣздо сокращено до 13, обозначенныхъ въ скобкахъ.

Строка подь датой $21/5$ гласить, что въ этотъ день взято у № 5-го на медогонку 5 рамокъ¹⁾, и что пень снова усиливается (14 р. гнѣзда и 10 червы).

Третьяго іюня ($3/6$) опять взято на медогонку 5 рамокъ. Пень усилился (14 р.—11 ч.) до возможности взять искусственный рой, каковая операція и произведена 5 іюня ($5/6$). Взято для искусств. роя № 33 три рамки червы съ сидящей на нихъ мухой. Съ этого числа прекращаются тщательныя наблюденія за увеличеніемъ силы пня, ибо онъ даль что могъ, и большаго отъ него взять нельзя (въ смыслѣ ройбы, ко-

¹⁾ См. графу подь соответствующей рубрикой.

нечно). После отройки в пчѣ № 5 осталось девять [12 (9)] рамокъ червы, на мѣсто же выбывшихъ 3 р. вставлено 2 рамки искусственной вощины, отъ чего общее количество гнѣздовыхъ рамокъ уменьшилось на 1 рамку [14 (13)].

13 іюня взято на медогонку 3 рамки, 19-го—4 р. и 26-го—3 р. Осмотръ 27 іюня обнаружилъ заложенный маточникъ, каковой и уничтоженъ, какъ запоздалый и совершенно ненужный. 8-го августа ($\frac{8}{7}$) взяты на медогонку послѣднія 6 рамокъ, а всего за лѣто 1914 года отфуговано ихъ 26 штукъ, что, считая минимумъ по 4 ф. на рамку, дастъ въ результатъ $2\frac{1}{2}$ пуда меду. Вотъ сколько можетъ дать въ лѣто хорошая, сильная семья съ прекрасной, плодовой маткой.

10 августа ($\frac{10}{7}$) составлено зимнее гнѣздо изъ 10 рамокъ. Медовые запасы, считая отъ лѣвой руки къ правой, распределены на рамкахъ въ такомъ порядкѣ: 0, $3\frac{1}{2}$, 3, 3, $2\frac{1}{2}$, 2, $2\frac{1}{2}$, 3, 3, 0¹⁾. Всего— $22\frac{1}{2}$ фунта. Запасы первой и послѣдней рамки, какъ весьма ничтожные, обозначены полемъ; мухи, однако, на нихъ сидѣло болѣе, чѣмъ достаточно, и потому я ихъ оставилъ пока въ гнѣздѣ, но если-бы при слѣдующемъ осмотрѣ оказалось, что меда на крайнихъ рамкахъ уже совсѣмъ нѣтъ, и что муха ушла на внутреннія рамки, ихъ можно совсѣмъ убрать, а крайнія, полевые помѣтки въ журналѣ перечеркнуть. Въ зимнемъ гнѣздѣ № 5-го тогда останется всего 8 рамокъ, каковую цифру и поставимъ около 10 въ скобкахъ [10 (8)]. $22\frac{1}{2}$ фунта запасовъ для зимовки пчелъ въ хорошемъ ошанникѣ вполне достаточно. Фунтовъ 10 пчелки съѣдятъ зимой, а $12\frac{1}{2}$ ф. останется на весну.

Если-бы у пасѣчника оказались вѣсы, то передъ постановкой пней въ ольшанникъ ихъ слѣдуетъ взвѣсить, и вѣсъ записать въ слѣдующую строку пчелов. журнала подъ соот-

¹⁾ Запасы показаны въ фунтахъ.

вѣтствующей датой ¹⁾). Пень, по выставкѣ весной на пчельникъ, опять взвѣшивается, а результатъ взвѣшиванія заносится въ журналъ весны слѣдующаго года, причемъ опредѣляется и заносится въ журналъ и разность осенняго и весенняго взвѣшиванія. Разность покажетъ убыль запасовъ.

Бланкъ № 5-го, какъ видите, не использованъ 1914 годомъ, поэтому съ весны 1915 г. мы будемъ на немъ же продолжать замѣтки. Черезъ два года службы пчеловодный журналъ придетъ въ такую ветхость, что сдѣлается достоинствомъ архива, уступивъ насиженное мѣстечко своему достойному преемнику.

Примѣчаніе. Выше рассмотрѣнные бланки таблицъ № 1 и 2 я заказываю для себя въ типографіи редакціи, но если-бы кто изъ читателей пожелалъ имѣть ихъ у себя, пусть заблаговременно снесется со мной письменно. То-же слѣдуетъ сказать и относительно ульевъ (В—2 Т. 4); если бы кто пожелалъ ихъ приобрести, какъ модель въ натуральную величину. При заказѣ въ мастерской за такой улей я плачу 7 руб. (съ крышкой изъ оцинкованнаго желѣза) безъ доставки и пересылки, конечно, но когда я ихъ дѣлалъ лично, мнѣ они обходились по 4 руб. Заказъ на ульи прошу прислать до 1 января 1915 г. по адресу: Кіевъ, Фундуклеевская № 53-б кв. 4 діакону Г. Лисянскому. Само собой разумѣется, что ульи будутъ заказаны въ специальной мастерской пчеловодныхъ принадлежностей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

¹⁾ Последній провѣсъ пня у меня еще не произведенъ, и потому въ журналъ пѣтъ соотвѣтствующей помѣтки.

ГОДЪ

LV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 51

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 14-го декабря.

Содержаніе: I. Въ развалинахъ древняго храма. В. Садовничій.—II. Взглядъ на войну и военное званіе нашихъ знаменитыхъ іерарховъ Инокентія Архіепископа Херсонскаго и Филарета Митрополита Московскаго.—III. Еще на приходскую помощь. Свящ. Н. Н.—IV. Нѣсколько мыслей изъ бесѣдъ Переосвящ. Владыки Андрея съ пастырями въ г. Бирскѣ въ 1914 г. (Окончаніе).—V. Орденъ. И. Поновъ-Пермскій.—VI. Замѣтка. Письма съ войны и на войну.

Въ развалинахъ древняго храма.

Теперь, когда каждый день приноситъ намъ все новыя и новыя извѣстія о славныхъ подвигахъ и геройскомъ мужествѣ нашей Кавказской арміи, когда наши мысли вслѣдъ за храбрыми русскими витязами носятся по горамъ долинамъ и ущельямъ Закавказья, невольно вспоминается мнѣ одна изъ многочисленныхъ такихъ долинъ, пустынная, таинственная и забытая.

В 190* году, въ одно изъ своихъ путешествій по Кавказу, послѣ многихъ дней скитанія по горамъ южной Грузіи, утомленные полудневной ходьбою, мы спустились съ небольшого перевала въ разстилавшуюся внизу цвѣтущую долину. Окаймленная съ двухъ сторонъ рядами красивыхъ горъ, она длинной лентой извивалась среди скалъ и терялась гдѣ-то вдали за поворотомъ. Царившая здѣсь тишина нарушалась лишь журчаніемъ горнаго ручейка, который пѣнясь стремился по камнямъ и обрывамъ куда-то къ невѣдомой цѣли. Ни дыханія вѣтерка, ни голоса птицы или человѣка здѣсь не было слышно. А между тѣмъ, когда-то, въ давно минувшія времена, жизнь была здѣсь ключемъ.

Мы спустились на дно долины и вступили въ рошу изъ старыхъ и величественныхъ деревьевъ. Мѣстами встрѣчались полянки, покрытыя роскошною травою и какими-то незнакомыми намъ благоухающими цвѣтками. Казалось, что нога случайнаго путешественника едва-ли ступала когда по этимъ роскошнымъ коврамъ дѣвственной природы. Я ни за что бы не повѣрилъ, еслибы мнѣ кто-либо сказалъ, что на этомъ мѣстѣ былъ цвѣтущій городъ. Но здѣсь остались нѣмые свидѣтели былого. Сквозь чашу деревьевъ мы неожиданно замѣтили какія-то развалины и направились къ нимъ. Это были остатки христіанскаго храма. Сложенныя изъ горнаго камня стѣны глубоко ушли въ землю. Своды еще сохранились, но мѣстами уже начали проваливаться. Надъ входомъ въ храмъ была небольшая башенка, замѣнявшая колокольню, тоже наполовину разрушенная. Все, что люди могли похитить, а время и непогода уничтожить, здѣсь отсутствовало. Одинъ только небольшой почернѣвшій колоколъ висѣлъ въ полуразвалившейся башнѣ. Мнѣ захотѣлось услышать его звонъ, и я уже протянулъ было къ нему руку, но старикъ грузинъ, нашъ проводникъ, остановилъ меня. „Этотъ колоколъ, сказалъ онъ, принадлежитъ умершимъ, и живые не должны къ нему прикасаться“. Когда мы вышли изъ храма, проводникъ показалъ намъ нѣсколько каменныхъ надгробныхъ плитъ съ

едва замѣтными остатками какихъ-то надписей. Облокотившись на свою длинную палку, онъ задумчиво и серьезно смотрѣлъ нѣсколько секундъ на одну такую плиту. Намъ не хотѣлось прерывать его сосредоточеннаго молчанія и царившей здѣсь священной таинственной тишины. Какъ-бы въ отвѣтъ на нашъ безмолвный вопросъ старикъ, не отрывая глазъ отъ плиты, началъ свой безхитростный рассказъ, слышанный имъ отъ отцовъ и дѣдовъ. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ сообщилъ намъ, что много много лѣтъ тому назадъ, когда Грузія имѣла еще своихъ славныхъ царей, въ этой долинѣ былъ расположенъ большой и богатый городъ. Но вотъ пришли изъ за горъ варвары-турки, городъ разрушили и сожгли, стариковъ и мужчинъ умертвили, а женщинъ и дѣтей вмѣстѣ съ награбленнымъ добромъ увели къ себѣ, въ далекіе и невѣдомые края. Новые жители боялись селиться на этомъ злосчастномъ мѣстѣ, и городъ, такимъ образомъ, исчезъ съ лица земли. Нѣсколько столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, самое названіе города позабылось, но и теперь еще, продолжалъ рассказчикъ, души убитыхъ здѣсь христіанъ собираются иногда въ полуразрушенную церковь для молитвы. Тогда бываютъ слышны среди почной тишины медленные удары колокола, и въ древнемъ храмѣ обитателями гробовъ совершается Божественная служба.

Когда старикъ окончилъ свой рассказъ, я еще разъ взглянулъ на покрытыя мѣстами зеленымъ мохомъ развалины, и мнѣ невольно представилась другая картина: гдѣ теперь растутъ высокія многолѣтнія деревья, тамъ были улицы, площади и дома. Люди здѣсь жили, трудились, страдали, надеялись, любили. Св. Крестъ ярко сіялъ надъ куполомъ красиваго храма, являясь символомъ и показателемъ направленія здѣшней жизни и культуры. Мнѣ даже казалось, что сердцемъ я слышу торжественныя церковныя пѣснопѣнія, раздававшіяся когда-то подъ сводами этого храма. Но еще мгновеніе, и благодатные звуки молитвы въ моихъ мечтахъ смѣнились воплями и стонами убиваемыхъ беззащитныхъ

жителей исчезнувшего города. Смертоносным ураганом обрушились озвѣрѣвшіе турки на этот уголокъ цвѣтущей жизни. Улицы залиты христіанской кровью; всюду валяются трупы убитыхъ и тѣла умирающихъ. Совершивъ свой варварскій набѣгъ, грабители предоставляютъ огню докончить начатое ими дѣло и подъ зловѣщій хохотъ пирующей здѣсь смерти мчатся дальше на новый кровавый пиръ!..

Съ грустью покинули мы эту печальную долину, гдѣ нетерпящая аномалій природа постаралась зеленымъ покровомъ и цвѣтами прикрыть слѣды жестокости человѣческой. А сколько такихъ долинъ скрыто въ горахъ сѣдого Кавказа! Сколько этихъ развалинъ можно встрѣтить тамъ, гдѣ хоть разъ побывали орды турокъ! Миѣ вспоминаются величественные соборы Гелатской лавры и Мцхета, носящіе и до сихъ поръ слѣды опустошеній. Художественныя фресковыя изображенія святыхъ поруганы: почти у всѣхъ изображеній турецкими кинжалами выколоты глаза. Нельзя безъ содроганія и глубокаго возмущенія смотрѣть на это издѣвательство надъ святынями православной страны. А сколько мученій и ужасовъ пережили тѣ христіане, которые молились въ этихъ храмахъ!.. Да, то было давно, очень давно, но съ тѣхъ поръ турки не измѣнились. Православныя христіанскія святыни и до сихъ поръ ими оскверняются. Кровь беззащитныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей продолжаетъ обгагрять землю подъ владычествомъ турокъ, и стоны этихъ невинныхъ мучениковъ, не прекращавшіеся много столѣтій, достигли неба. Часъ возмездія наступаетъ. По волѣ Божіей, руководящей судьбами и жизнью народовъ, воинство Православной Руси, черезъ ледяныя вершины, пропасти и бурные потоки водопадовъ, неудержимой лавиной, не знающей преградъ, движется впередъ, водружая въ странѣ рабства знамя братской любви, свободы и справедливости. И чудится, что сквозь отдаленный рокотъ пушекъ, гулъ выстрѣловъ и могучаго побѣднаго русскаго „ура!“, въ забытой пустынной долинѣ раздаются медленные, но торжествующіе, удары колокола, под-

нимающіе мертвыхъ изъ гробовъ; и изъ полуразрушеннаго храма несется къ небу молитва благодарности, молитва за храбрыхъ Сыновъ Россіи, за славныхъ Освободителей!

В. Садовничій.

Взглядъ на войну и военное званіе нашихъ знаменитыхъ іерарховъ Иннокентія архіепископа Херсонскаго и Филарета митр. Московскаго.

Во дни войны интересно и поучительно выслушать сужденія о войнѣ и военномъ званіи нашихъ авторитетовъ церковныхъ Иннокентія архіеп. Херсонскаго и Филарета митроп. Московскаго.

Если въ какомъ, то въ военномъ состояніи, говоритъ арх. Иннокентій, можетъ приходить инымъ на мысль, не слишкомъ ли оно далеко отъ званія христіанина? Не противно ли духу любви христіанской едва не всю жизнь посвящать на упражненіе себя въ искусствѣ отнимать жизнь у подобныхъ себѣ людей? Совмѣстенъ ли крестъ Христовъ съ мечемъ войны? Такая мысль можетъ тревожить душу, ослаблять усердіе къ своему званію, заставляя завидовать другимъ родамъ жизни, доводить до унынія, и даже отчаянія духовнаго. Да будетъ же извѣстно всѣмъ и каждому, что подобная мысль есть самая неосновательная.

Званіе воина, если смотрѣть на него поверхностно, точно можетъ показаться несроднымъ христіанину. Этотъ шумъ оружія, этотъ грозный видъ брани даже среди мира, этотъ рядъ движеній, цѣлю коихъ искусство отнимать жизнь у людей, намъ подобныхъ, — все это таково, что другъ чело-вѣчества не можетъ не желать, чтобы скорѣе пришло то блаженное время, когда, по предреченію Пророка, всѣ *раскуютъ мечи на орала и копія своя на серпы, и не навькнутъ къ тому ратовати* (Исаи 2, 4). Но, доколѣ не водворятся на землѣ правда и истина, доколѣ останутся не только

люди, но и цѣлыя царства, имѣющія нужду въ томъ, чтобы къ долгу и справедливости принуждали ихъ силою, дотолѣ, очевидно, необходимы вооруженные защитники Церкви и Отечества. Посему-то Самъ Богъ мира и любви не только позволилъ, но и повелѣвалъ нѣкогда избранному Имъ народу израильскому исходить на брань противъ враговъ; Самъ даже исходилъ невидимо силою въ его воинствахъ и благоволилъ именовать себя Богомъ браней. И что говорить о землѣ? — На самомъ небѣ, послѣ того, какъ мятежный архангелъ возмутилъ покой его, на самомъ небѣ открылась нужда ополчиться и ратовать: сонмы Ангеловъ образовали изъ себя сонмы воинствъ, вслѣдствіе чего Архистратигъ ихъ — Михаилъ изображается постоянно во всеоружіи воина.

Послѣ сего думать, что званіе воинское противно въ чемъ-либо званію христіанина, значить не знать того, что говоритъ о немъ Слово Божіе, что происходило нѣкогда между Ангелами на самомъ небѣ. Объ одномъ надобно думать, чтобы носить званіе по христіански, а не по-язычески. Іоаннъ Креститель давно указалъ къ этому средство. Когда между множествомъ приходящихъ къ нему для крещенія явились и воины съ вопросомъ: что имъ дѣлать? Чѣмъ засвидѣтельствовать истину своего покаянія? Онъ не сказалъ имъ: оставьте свое званіе, сложите съ себя оружіе; а что сказалъ? *Никого же обидите, не оклеветайте, и довольни будете оброки вашими* (Лук. 3, 14). Кто исполняетъ сію заповѣдь, не дѣлаетъ обиды и притѣсненія, къ чему среди брани и сраженій столько случаевъ, — кто съ терпѣніемъ переноситъ лишенія и тягости, коимъ такъ много и такъ часто подвержено бываетъ состояніе воина, тотъ можетъ быть увѣренъ, что труды и подвиги его, необходимые для отечества земнаго, не будутъ оставлены безъ вниманія и въ отечествѣ небесномъ.

Съ другой стороны, званіе воина по самому существу своему весьма близко къ самой высокой степени совершенства христіанскаго. Ибо, въ чемъ состоитъ это совершенство?

Не въ томъ ли, чтобы не любить ничего паче Бога, чтобы не прилѣпляться сердцемъ ни къ чему въ мірѣ и быть выше всего, чтобы для вѣчности и спасенія умѣть оставить, въ случаѣ нужды, все, самое любезное, какъ то: отца и мать, жену и дѣтей, всѣ радости жизни и самую жизнь? Но пересмотрите всѣ состоянія мірскія, и увидите, что ни одно изъ нихъ не требуетъ подобныхъ жертвъ; званіе воина, напротивъ, изъ нихъ именно и состоитъ. Посему званіе это сходится, въ семъ отношеніи, съ состояніемъ самаго строгаго подвижничества христіанскаго, и постоянно напоминаетъ собою о временахъ древнихъ, когда христіане приносили въ жертву своей вѣрѣ все, самую жизнь. Не должно ли все это радовать и утѣшать воиновъ? Ибо о чемъ же человѣку радоваться болѣе на землѣ, какъ не о томъ, что къ нему близко небо, что въ немъ и его жизни исполняются требованія Евангелія, что онъ идетъ тѣмъ драгоцѣннымъ путемъ, который, по увѣренію Спасителя, ведетъ прямо къ царствію? Пока находящіеся въ другихъ состояніяхъ успѣютъ вступить на этотъ путь, войны уже поставлены въ немъ десницею Божіею; пока другіе достигнутъ возможности отказаться добровольно отъ привязанности къ міру и его благамъ, съ нихъ иго сихъ привязанностей снято рукою самаго Промысла. Послѣ сего имъ остается только благоразумно пользоваться духовными преимуществами своего званія и проходить его такъ, чтобы не погубить мзды своей. Имъ надобно прилежно смотрѣть и блюсти, чтобы не погубить вѣнца за труды свои. Апостоль Христовъ не напрасно сказалъ: *аще и подвизается кто, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ* (2 Тим. 2, 5).

Спросите: что значитъ подвизаться законно -- Значитъ, переносить труды и лишенія безъ ропота, исправлять дѣла своего знанія безъ лжи и неправды, воодушевляясь при семъ не столько чаяніемъ награды земныхъ и отличій временныхъ, сколько упованіемъ вѣнца небснаго. — Подвизаться законно значитъ умѣть отражать не однихъ враговъ отечества, види-

мыхъ, но и враговъ своего спасенія, невидимыхъ, кои суть наши злыя пожеланія и страсти; значить—среди всѣхъ, самыхъ тяжкихъ положеній жизни, хранить въ сердцѣ вѣру въ Царя небеснаго и вѣрность Царю земному, послушаніе къ начальникамъ и любовь ко всѣмъ, значить быть кроткимъ, воздержнымъ, богобоязненнымъ и трудолюбивымъ. Безъ сего всѣ труды и подвиги примуть, можетъ быть, нѣкую малую награду на земли, но не помянутся на небѣ, не помянутся потому, что мы, среди ихъ, сами взирали на одну землю и не памятовали о небѣ.

„Богъ любитъ добродушный миръ“, говоритъ святитель Московскій Филаретъ, „и Богъ же благословляетъ праведную войну. На землѣ всегда есть немирные люди, посему нельзя наслаждаться миромъ безъ помощи военной. Для охраненія мира необходимо, чтобы побѣдитель не позволялъ заржавѣть своему оружію. Господь Богъ мира и любви, нарицающій Себя *Господомъ воинства*, *научаетъ руки вѣрныхъ Своихъ на ополченіе и персты ихъ на брань* (Пс. 14, 31). Онъ благословилъ оружіе кроткаго Авраама, который воевалъ за освобожденіе изъ плѣна своего племянника Лота, Онъ повелѣлъ народу Своему завоевать землю обѣтованную, Онъ помогалъ и кроткому Давиду на иноплеменниковъ. Вѣрою въ Него не только древніе святые мужи, но и наши предки, наши Цари, наши христілюбивые воины—братья побѣждали цѣлыя царства, защищали святую вѣру, полагали свои души за Церковь Божію, за братій, за отечество... Такъ высоко званіе воинское!—Такъ всегда и смотрѣлъ на него православный русскій челоувѣкъ. Военная служба, по его убѣжденію, есть величайшій подвигъ любви къ ближнему, прямое исполненіе заповѣди Христовой: *больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). И первый подвижникъ на полѣ брани, первѣйшій воинъ и воевода христілюбиваго воинства

есть Благочестивѣйшій Государь нашъ православный, Самодержецъ Всероссійскій. Значить, кто служить вѣрой и правдой Царю и Отечеству, кто свято хранить клятву, данную предъ Богомъ при вступленіи въ званіе воинское, тотъ не людямъ служить, а Богу Самому, исполняетъ Его святую заповѣдь; онъ готовъ всегда положить душу за братій своихъ, за Церковь святую, за Царя—Отца и отечество, и эта служба послужить ему самому во спасеніе его души. Вотъ почему бывали случаи, что иной, находясь въ великой скорби, и желая привлечь на себя милость Божію, давалъ обѣщаніе идти въ военную службу, подобно тому, какъ даютъ обѣщаніе идти въ монастырь, или совершать другой какой-либо подвигъ Богу угодный, и Богъ видимо принималъ отъ него этотъ обѣтъ, избавлялъ его отъ скорбей, и благословлялъ Своею милостію. (Орлов. Епарх. Вѣд.).

Еще на приходскую помощь.

Россія—страна преимущественно земледѣльческая; ея матеріальное благосостояніе цѣликомъ зиждется на сельскомъ хозяйствѣ. Нарушеніе его планомѣрности отражается губительнымъ образомъ на всей странѣ.

Вотъ почему взоры всѣхъ дѣятелей и „людей сельскихъ“ въ настоящія, такъ сказать, *священныя* минуты обращены, съ момента военныхъ дѣйствій въ сторону деревенскаго хозяйства.

Въ нашихъ селахъ остались жены „запасныхъ“ солдатъ, старики—ихъ отцы и дѣтки; помощь имъ разобратся въ сельско-хозяйственной и домашней „неразберихѣ“ стала одной изъ очередныхъ задачъ русскаго общества; разразившееся тяжкое бѣдствіе не только разрушаетъ благополучіе тысячъ семействъ: оно потрясаетъ, кажется, весь хозяйственный бытъ „деревни“.

Забота о распредѣленіи пособій „солдаткамъ“ возложена на земскія учрежденія, казна же возмѣщаетъ имъ этотъ не

мѣстный, а общегосударственный расходъ. Такъ образомъ, наши сельскія обывательницы — солдатки до тѣхъ поръ будутъ получать съ дѣтьми „спасобіе“ (какъ онѣ выражаются), пока не кончится война съ тевтонами.

И вотъ, теперь, благодаря близкой связи и единодушiи общества съ русской „деревней“, открывается возможность для „людей сельскихъ“ — нашихъ прихожанъ направить свою заботливость на *святое* дѣло помощи. Казенный паекъ вполнѣ, какъ это кажется, удовлетворителенъ для деревенской обывательницы — жены запаснаго: три рубля на солдатку или ребенка 5 лѣтъ и 1 р. 50 коп. на ребенка моложе пяти лѣтъ.

Въ уѣздныхъ же городахъ, гдѣ тоже проживаютъ „казенные“ крестьяне — хлѣбосѣйцы, гдѣ за все теперь приходится платить (не говоря уже о городскихъ сборахъ — „повинностяхъ“ и налогахъ) дорого, мало, конечно, и шести рублей на мѣсяць, ибо на двадцать копѣекъ въ день, съ дровами и „свѣтомъ“ (и вода купленная) врядъ-ли просодержишься...

Къ сожалѣнію, и у насъ, въ „глухихъ“ сельскихъ приходяхъ, 5 рублей, эта общая норма, и не охватываетъ всѣхъ нуждающихся въ пособіи и не удовлетворяетъ всѣхъ индивидуальных или районныхъ „случаевъ“ острой нужды солдатскихъ домовъ (есть категоріи семействъ солдатскихъ, которыя кажется не предусмотрѣны узаконеніями).

Вотъ, семья воиновъ, отбывающихъ въ настоящее время очередную воинскую повинность. Въ обычное время они не пользуются никакимъ пособіемъ, потому что къ такому порядку привыкли. Но теперь отбывающій повинность несетъ ту же „боевую“ службу, какъ и запасный, проливаетъ свою кровь, имѣетъ основаніе беспокоиться и за „присныхъ“ своихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ мирное время, когда отбывающій повинность находится въ казармѣ — въ учебной командѣ, семья можетъ легче „перебиться“, потому что сельско-хозяйственныя дѣла и домашнія „хлопоты“ идутъ своимъ чере-

домъ: родные, друзья—кумовья все помогутъ, гдѣ на гумнѣ. гдѣ въ полѣ, а заготовленіе одежды и покупка теплаго платья и обуви незатруднительно.

Многія солдатки—деревенскія прихожанки не получаютъ пособія: мужей ихъ, работающихъ въ Сибирскихъ шахтахъ и на Амурской желѣз. дорогѣ, „угнали“ на войну недавно, и регистрація первыхъ не вошла въ ту пору въ списокъ волостныхъ бумагъ. Нужно теперь женамъ запасныхъ подавать о семъ просьбы, съ „удостовереніями“ сельскихъ властей, съ приложеніемъ „солдатскихъ писемъ“, да когда еще волости писаря объ этомъ представляютъ свои рапорты. Время идетъ, идетъ и у нихъ нужда и скорби, а, мож. быть, онѣ „голодуютъ“, такъ какъ недородъ хлѣбовъ коснулся многихъ епархій.

Вторая категорія солдатскихъ семей это всѣ тѣ, для которыхъ война, какъ „бѣдствіе“, совпала съ крупнымъ разстройствомъ хозяйства. И въ данномъ случаѣ, опять таки, кромѣ индивидуальныхъ „случаевъ“ приходскихъ „несчастій“: пожара, болѣзни и смерти членовъ семьи, надежа скота и т. п., есть цѣлая категорія солдатскихъ семей, у которыхъ снято „хлѣбушка“ только-что обѣмениться, а изъ яровины „взяли“ только сѣмена одни. Имъ *труднѣе*, „тяжелѣе“, чѣмъ когда-либо, ибо, во первыхъ, кормильцевъ—мужей, отцовъ и братьевъ нѣтъ на мѣстѣ, а, во вторыхъ, все стало дорого, подвозъ хлѣба слабый, а, въ третьихъ, приходская благотворительность (волостныя попечительства, церковныя попечительныя совѣты) направлена почти исключительно на жертвы войны (на Красный Крестъ, на передовыя позиціи).

Еще мы находимъ *обойденныхъ* изъ солдатскихъ семей—это вѣбращныя дѣти. И то правда—это вопросъ, какъ намъ думается, скорѣе городской, чѣмъ деревенской жизни, потому что въ приходсахъ сельскихъ прочныя вѣбращныя связи рѣдки. Въ городахъ есть такія семьи, имъ „не хватаетъ“ только метрическаго (изъ Дух. Кансистеріи) свидѣтельства, чтобы имѣть право на паекъ-пособіе; „прижилыхъ“ дѣти-

шекъ (незаконорожденныхъ) некогда было, въ моментъ мобилизаціи, узаконить, а между тѣмъ семья кормилась, *жила* тѣмъ, кто ушелъ на защиту родины. Общество должно, кажется, признать и за этой фактической семьей право на пособіе.

Въ настоящее время идетъ процессъ образованія благотворительныхъ организацій, имѣющихъ цѣлью помочь національной оборонѣ, идетъ выясненіе нуждъ и составленіе плановъ дѣйствія. И пусть каждый уголокъ епархіи работаетъ самъ по себѣ, пусть каждое волостное или приходское попечительства дѣлаютъ на помощь солдатскимъ домамъ свое дѣло, — единеніе совершится скоро въ силу вещей. Уже вся Россія слилась въ одномъ общемъ порывѣ, всѣ деревни, села, города объединились въ минуты грозной отъ тевтоновъ опасности, и все это произошло чисто стихійно, безъ всякаго предварительнаго обсужденія, безъ „раздумья“ и колебаній (къ которымъ такъ склоненъ русскій человѣкъ). И вотъ, при такомъ единодушіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельности и, въ то же время, элементарности поставленной задачи помощи солдаткамъ и ихъ приснымъ, многое сдѣлать легче, чѣмъ прежде. Пусть начнутъ удовлетворять неотложныя потребности, потомъ дойдетъ очередь и до болѣе отдаленныхъ. Важно, кажется, заложить начало, важень практической опытъ; нужно пользоваться тѣми организаціями, какія уже есть, предоставивъ времени кристаллизировать новыя, сцементировать на общей работѣ.

Покамѣстъ члены волостныхъ и приходскихъ попечительствъ и церковныхъ попечительныхъ совѣтовъ уясняютъ сейчасъ же степень и форму нужды солдатскихъ домовъ. Пока, впрочемъ, у нихъ есть хлѣбъ, есть тѣ или другіе заработки; но скоро наступятъ крещенскіе холода, заработки (для подростковъ солдатскихъ) сократятся, нужды и заботы почувствуются острѣе, скажутъ хотя бы про корма или дрова, которыя чуть-ли не съ каждою недѣлю дорожаютъ.

Долгъ требуетъ заканчивать эту предварительную работу, чтобы быть завтра готовыми приступить уже къ дѣйствительной помощи. Въ военное время вопросы должны рѣшаться моментально; самый лучший планъ никуда не годится, если на обсужденіе его нужно полгода времени. Приходится сразу осуществлять то, что нужно сегодня: довлѣть дневи злоба его... Так. образомъ, первая задача сдѣлать то, что требуется для успѣха войны, для поддержанія духа народа, все это сдѣлать во-время; необходимо потребности угадывать вперёдъ: „дорого яичко въ Христовъ день“.

И надо-ли въ *священные* эти минуты призывать къ помощи, къ жертвѣ, говорить о долгѣ, христіанскомъ милосердіи, возбуждать добрыя чувства трогательными живыми образами и неотразимыми доводами?

Кажется, нѣтъ... Всѣ слова сказаны и всѣ чары художественной фантазіи, вся мощь изошреннѣйшаго ума не могутъ дать больше того, что даетъ простое напоминаніе объ общемъ *горѣ* сель и городовъ. И копѣйка нищаго, и рубль труженника, и сотня богача сольются въ одномъ потокѣ сочувствія къ дѣтямъ нашихъ чудо—богатырей, иные изъ нихъ давно уже легли костями на полѣ брани. Всѣ деревни, села, безчисленное море людскихъ сердець, наполняющихъ Русь, объединятся въ одномъ помыслѣ, въ одномъ *святомъ* дѣлѣ..

И эти жертвы и приношенія будутъ, надо полагать, утѣшеніемъ для безотвѣтныхъ и безропотныхъ жертвъ борьбы, которыя неудержимымъ и увеличивающимся потокомъ стекаются теперь съ обогранныхъ кровью полей борьбы, смерти и воскресенія.

Свящ. Н Н.

Нѣсколько мыслей изъ бесѣдъ Преосвященнаго Владыки Андрея съ пастырями въ г. Бирскѣ въ 1914 году.

(Окончаніе¹).

(По записи священника Іоанна Москалева).

Не всѣмъ понятно, какая и отъ кого приносится жертва на св. литургіи, почему такъ разно и толкуютъ слова евхаристійнаго канона: „милость мира, жертву хваленія“.

Единственная жертва, которая угодна Богу, указана еще св. пророкомъ Давидомъ: „жертва Богу — духъ сокрушень“. И доселѣ эта жертва и въ Новомъ Завѣтѣ остается тою же. Великій образецъ такой жертвы указалъ Господь Спаситель, когда предалъ Себя въ полное послушаніе Богу Отцу. Поэтому правильнѣе сказать нужно такъ, что мы не приносимъ жертву, а приобщимся къ жертвѣ Христовой, т. е. Господь постольку вселяется въ насъ, поскольку духъ нашъ приносится Ему. Слово „милость“ равнозначуще слову помазанность или „благодать“; милость мира обозначаетъ какъ бы благодатную умиротворенность души (тоже „духъ сокрушень“). Слова „жертва хваленія“ — подразумѣваютъ какъ бы три степени молитвенной жертвы человѣка. Первая, низшая степень эта жертва раскаявшагося сердца, — жертва покаянія; вторая ступень — это молитва, какъ неотступная просьба у Господа Его милостей; и третья ступень: равноангельное славословіе Господа: „жертва хваленія“.

Выраженіе: „Господь спасъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти“ нужно понимать и настойчиво толковать учащимся дѣткамъ только въ томъ смыслѣ, что Онъ далъ намъ лишь возможность спастись, очищаться. Господь „спасъ отъ грѣха“ значитъ, что Онъ далъ намъ возможность получать благодать

¹) См. № 50 за 1914 г.

Св. Духа, чтобы мы могли побѣдить грѣхъ. Слово „проклятіе“ — значитъ отчужденіе отъ Бога; а Господь чрезъ Свое вочеловѣченіе воссоединилъ насъ съ Богомъ Отцомъ, снова „привелъ насъ ко Отцу“. Смерть Иисуса Христа спасаетъ тѣмъ, что даетъ силы человѣку предпочесть смерть съ Нимъ, Возлюбленнѣйшимъ Спасителемъ (какъ иногда дѣти готовы бывають лучше умереть съ любимою матерью, чѣмъ жить безъ нея), чѣмъ жить безъ Него во грѣхахъ. Но кромѣ того, Господь спасъ насъ отъ смерти, увѣривъ насъ въ вѣчной жизни послѣ тѣлесной смерти.

* * *

Смертнымъ грѣхомъ нужно считать не семь-десять извѣстныхъ грѣховъ, а вообще любимый человѣкомъ грѣхъ. Какъ примѣръ этого, — рассказъ въ одномъ житіи о томъ, какъ одинъ человѣкъ, переплывая рѣку и имѣя въ рукѣ золотую монету, началъ тонуть и, не послушавъ предупрежденія бывшихъ на берегу людей бросить монету, съ ней и пошелъ на дно рѣки. Малая монета погубила цѣлую жизнь; такъ и всякій малый грѣхъ можетъ сдѣлаться смертнымъ.

* * *

Взглядъ отцовъ Церкви на совершенное Спасителемъ искупленіе рода человѣческаго не одинаково. Это вполне понятно, если имѣть въ виду разнообразіе духовной жизни святыхъ отцовъ. Иначе и быть не можетъ: человѣческая природа слишкомъ ограничена, чтобы истину Божию переживать всесторонне и владѣть ею всецѣло. При такомъ разнообразіи въ проявленіяхъ духовной жизни, у каждаго изъ св. отцовъ невольно составлялось его собственное представленіе о спасеніи. Для святыхъ отцовъ спасеніе это была ихъ жизнь въ Богѣ. Этой жизни они достигали различными путями; и эти пути и описывали. Поэтому въ ученіи объ искупленіи каждый изъ св. отцовъ смотритъ съ своей стороны, сообразно съ особенностями своей духовной жизни.

Одни изъ св. отцовъ, — аскеты, проводившіе всю жизнь въ борьбѣ съ грѣхами и страстями, понимали искупленіе, какъ уничтоженіе власти діавола надъ человѣкомъ и жизнь его во Христѣ; по ихъ ученію, оно началось при сошествіи Спасителя на землю, больше выразилось при страданіяхъ и особенно смерти Его на крестѣ: все душевное настроеніе святыхъ отцовъ аскетовъ заключалось въ покаянномъ плачѣ предъ крестомъ Христовымъ. Св. отцы толкователи свящ. писанія наиболѣе отбѣняли въ христіанскомъ ученіи то, что Христосъ есть истина, а христіанство ученіе о всесовершенной истинѣ, опирающееся на воскресеніе Христово, какъ торжество ея.

Святые отцы-святители, пастыри Церкви, свое ученіе о спасеніи основывали главнымъ образомъ на словахъ Спасителя: „Я — лоза, вы — вѣтви“ и о Церкви учили, какъ отбѣлять Христовомъ, причемъ всю жизнь Иисуса Христа они считали единымъ неразрывнымъ подвигомъ, подъятымъ во спасеніе людей, а всѣ страданія Христовы они считали за высшее проявленіе любви Божіей къ человѣку. Выразители послѣдняго ученія, св. отцы Амвросій Медиоланскій, отчасти и Іоаннъ Златоустъ говорили, что всѣ люди должны привиться къ Иисусу Христу и получить отъ Него какъ бы новые соки благодатной жизни.

Искупленіе рода человѣческаго завершено въ день св. Пятидесятницы, когда Господь послалъ намъ Духа Святаго, насъ возродившаго къ новой жизни.

* * *

Искупленіе—это пришествіе на землю Господа, это историческое событіе, разъ бывшее и не повторяемое. Спасеніе же—это воспріятіе въ себя Святаго Духа, ниспосланнаго Господомъ.

Нельзя представлять искупленіе, какъ жертвоприноше, віе, какъ это подробно выясняетъ св. Григорій Богословъ, считая жертву Иисуса Христа, какъ выкупъ изъ плѣна

дiавола, оскорбительной, а для Бога Отца кровь Его Сына не можетъ быть прiятна, такъ какъ Онъ не принялъ даже крови Исаака, замѣнивъ его овномъ.

Искуплѣнiе совершенное Господомъ, не можетъ измѣнить жизни человѣка безъ участiя послѣдняго; подмѣна одного человѣка другимъ также не возможна, и потому слова: Христосъ пострадалъ за грѣхи мiра, нуждаются въ толкованiи; точнѣе нужно сказать: пострадалъ вслѣдствiи грѣха; и жертва Спасителя—жертва любви Божiей человѣчеству. Это—первый догматъ христіанства, и въ немъ тѣсно сплетены всѣ остальные догматы. Объ этомъ говорится и въ книгѣ „Премудрости Соломона“: „Если мы и согрѣшаемъ, мы Твои, признающіе власть Твою; но мы не будемъ грѣшить, зная, что мы признаны Твоими“ (Прем. Солом. 15, 2).

Мысль о проклятiи Богомъ человѣка противорѣчитъ всѣмъ представленiямъ человѣка о Богѣ и всей психологiи спасенiя. Только вѣра въ безмѣрную любовь Божію располагаетъ человѣка къ доброй жизни; это можно видѣть на исповѣди, когда безпросвѣтное уныніе и отчаяніе грѣшника по исповѣданiи въ грѣхахъ только и оставляютъ его тогда, когда онъ почувствуетъ любовь и милосердіе Божіе къ себѣ.

Понятiю любви Божiей не противорѣчитъ понятiе о Божiей правдѣ: нельзя представлять себѣ, что Господь руководится по отношенiю къ людямъ съ одной стороны любовью, а съ другой правдою. Это человѣкообразное представленіе о Богѣ совершенно ошибочно. Богъ не измѣняемъ, и правда Божiя есть по существу своему неизмѣняемость любви Божiей (латинское слово *aequitas* прекрасно выражаетъ эту мысль, обозначая равенство—не измѣняемость, правда). Эта правда Божiя вполнѣ отвѣчаетъ тому, созданному Богомъ, нравственному закону, по которому блаженство человѣка заключается въ его свободномъ устремленiи къ добру и любви къ этому добру, которая доводитъ человѣка до Бога, блаженствующаго въ Своей любви. Любовь Божiя иногда проявляется и въ страданiяхъ людей. Такъ даже всемiрный потопъ есть дѣло промысленiя Божiя

о людяхъ, спасеніе взрослыхъ и особенно дѣтей отъ конечнаго развращенія. Въ томъ же смыслѣ было и наказаніе жителей городовъ Содома и Гоморры, гдѣ наказаніе (отъ славянскаго слова, означающаго—наставленіе) было не отмщеніемъ, а вразумленіемъ. Слова: „Богъ отмщенія“ нужно понимать такъ: у Бога судъ всякаго грѣха, а не у человѣка; слова: „ненависть Божія“ обозначаютъ отрицаніе Богомъ всякаго грѣха, невозможность для Бога примириться со грѣхомъ.

* * *

Но мысли св. Библии самое тяжкое наказаніе заключается для человѣка не въ явленіи гнѣва Божія, а въ полномъ забвеніи Божіемъ грѣшника. У пророка Іереміи читаемъ: „за то, что вы говорите: „бремя отъ Господа“, тогда какъ Я послалъ сказать вамъ: не говорите: „бремя отъ Господа“, — за то вотъ Я забуду васъ вовсе и оставляю васъ и городъ сей, который Я далъ вамъ и отцамъ вашимъ, отвергну отъ лица Моего“ (23, 38—39).

Такимъ образомъ самая мысль Божія о человѣкѣ, хотя и въ его „гнѣвѣ“, есть уже Его милость къ человѣку; объ искупленіи Іисусомъ Христомъ человѣчества, какъ проявленіи любви Божіей къ нему, учитъ и св. апостоль Павелъ, когда говоритъ въ посланіи къ Римлянамъ: „Поэтому тѣмъ болѣе нынѣ, будучи оправданы кровью Его, спасаемся Имъ отъ гнѣва. Ибо, если, будучи врагами, мы примирились съ Богомъ смертию Сына Его, то тѣмъ болѣе, примирившись, спасаемся жизнію Его“ (Римл. 5, 10—11). Въ этихъ словахъ три слова не понятны: 1) вражда, 2) примиреніе и 3) спасеніе. Спасеніе обозначаетъ не избавленіе отъ внѣшнихъ опасностей, а побѣду надъ зломъ. Пророкъ Исаія употребляетъ слово спасеніе равнозначущимъ правдѣ, какъ говоритъ: „небеса исчезнутъ, какъ дымъ, и земля обветшаетъ, какъ одежда, и жители ея также вымрутъ, а Мое спасеніе пребудетъ вѣчнымъ, и правда Моя не престанетъ“ (Исаи 51, 6), и въ смыслѣ приобщенія къ правдѣ Божіей и вѣчному бла-

женству: „Израиль же будетъ спасенъ спасеніемъ вѣчнымъ въ Господѣ“ (Исаія 45, 17); „Онъ одѣлъ меня въ ризы спасенія, одеждою правды одѣлъ меня“ (— 61, 10); „И Онъ возложилъ на Себя правду, какъ броню, и шлемъ спасенія—на главу Свою“ (— 59, 17). Изъ этихъ словъ ясно, что спасеніе это не только удаленіе отъ грѣха, а именно приобщеніе къ царству благодати, блаженство.

Примиреніе человѣку съ Богомъ—приобщеніе человѣка къ миру Божію; ранѣе человѣкъ былъ во грѣхѣ, во злѣ, какъ бы во враждѣ съ Богомъ, а получивъ чрезъ Господа благодать любви и мира,—человѣкъ (носитъ въ душѣ свой миръ, примиреніе.—Параллельно съ этимъ и оправданіе обозначаетъ приобщеніе человѣка правдѣ Божіей. Оправданіе есть очищеніе нравственное. И примиреніе и оправданіе суть дары благодати Божіей. Любовь Божію нужно видѣть во всѣхъ явленіяхъ жизни людей, даже и въ страданіяхъ. Во всей же полнотѣ эта тайна любви Божіей раскроется только на небѣ. На вопросъ апостоловъ, увидѣвшихъ слѣпного отъ рожденія: кто виноватъ—онъ, или родители его, что родился слѣпымъ? Господь далъ такой отвѣтъ: „не согрѣшилъ ни онъ, ни родители его, но это для того, чтобы на немъ явились дѣла Божіи“ (Ев. Іоан. 9, 3). Этотъ отвѣтъ Спасителя мы должны всегда помнить, какъ руководство при объясненіи явленій міровой жизни, на которыя нѣтъ отвѣта въ Словѣ Божіемъ и которыя трудно обнять человѣческимъ разумомъ. (Уфим. Е. Вѣд.).

Орденъ.

Р а з с к а з ъ .

Жизнь о. Трофима Лебедева протекала тихо, мирно, подобно молчаливой рѣчкѣ, скромно текущей среди густыхъ ивъ. Да и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, было волноваться, когда скоро восемьдесятъ годовъ стукнетъ, а тамъ и смерть? Жиль

онъ только вдвоемъ съ женой, такой же старенькой, какъ и самъ онъ. Ни о чемъ они не мечтали, ничего не требовали. Они жили лишь прошедшимъ, вспоминая давно минувшіе, счастливые годы, когда были свѣжи, юны, здоровы, а не такіе сморщенные, согнутые, какъ теперь. Если и грустили серьезно о чемъ—такъ только объ отсутствіи дѣтей. Последнихъ у нихъ никогда не было. Впрочемъ, и эта грусть посѣщала ихъ раньше, назадъ тому лѣтъ двадцать—тридцать. Съ теченіемъ времени все сгладилось, ступевалось. Передъ фактомъ ничего болѣе не оставалось, какъ безмолвно покориться. Этихъ двухъ старичковъ очень уважало все сосѣднее духовенство. Старая матушка любила принять, угостить. Для нея былъ всегда большой праздникъ пріѣздъ какого-нибудь духовнаго лица.

О. Трофиму благочинный какъ-то разъ замѣтилъ:

— Почему вы не почислитесь въ заштатъ? Вѣдь вы достаточно поработали на своемъ вѣку для Христа. Вполнѣ достойно и праведно и отдохнуть.

— Отъ этого, о. благочинный, увольте—отвѣчалъ тотъ; силы еще есть, служить могу, требы правлю неукоснительно. Для чего же я валяться-то буду на боку? Нѣтъ, хочу я, чтобы и смерть застала меня на посту, какъ солдата. Пусть Господь тамъ дастъ мнѣ отдыхъ, а здѣсь надо еще поработать.

Послѣ такой категорической фразы, благочинный болѣе не заикался о. Трофиму о покоѣ. Прихожане очень любили своего стараго пастыря и старались его ничѣмъ не обижать, не оскорблять.

Но обида пришла о. Трофиму съ другой стороны, съ какой онъ и не ожидалъ.

Однажды онъ получилъ черезъ благочиннаго бумагу, въ которой говорилось, что за пятидесятилѣтнюю безпорочную службу въ священномъ санѣ его представили къ ордену Владиміра четвертой степени и что для полученія этого ордена онъ долженъ выслать пятьдесятъ рублей.

О. Трофима какъ громомъ поразило. Даже затряслись руки и ноги.

— Старуха, а старуха, гдѣ ты?—страшно заволновался онъ.

Старушка, услышавъ зовъ, быстро прибѣжала.

— Что съ тобой? Не болѣнь-ли ты? вскричала она.

— Нѣтъ, не то. А вотъ бѣда на насъ свалилась.

Матушка даже поблѣднѣла и перекрестилась.

— Господь съ тобой, да говори толкомъ: въ чемъ дѣло-то... Можетъ быть, большой бѣды и нѣтъ.

— Охъ, есть, есть. И не малая. Пятьдесятъ рублей съ насъ требуютъ. Выслать ихъ должны.

— Кто требуетъ? Кому онѣ нужны? Зачѣмъ?...

— А вотъ въ чемъ дѣло. Я служу болѣе пятидесяти лѣтъ іереемъ. Вѣрно?

— Пятьдесятъ два даже.

— Такъ, такъ. А за пятидесятилѣтнюю службу даютъ орденъ Владиміра четвертой степени. Поняла?

— Ну, ну? Что же дальше?

— А то и дальше, что мнѣ орденъ вышелъ, да только за него требуютъ впередъ пятьдесятъ рублей.

— Пятьдесятъ рублей?—всплеснула руками старушка; да что это голубчикъ за наказанье! Даютъ награду, да за нее же еще и денежки подай! Да слыхано-ли это? Вѣрно-ли ты понялъ? Можетъ, что-нибудь не такъ?..

— Вотъ, читай сама. Грамотная вѣдь.

Онъ протянулъ ей консисторскій указъ.

Старушка засуетилась, побѣжала за очками, отыскала ихъ и принялась за чтеніе. Но смыслъ указа былъ ясенъ и понятенъ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что имъ придется лишиться пятидесяти рублей.

— Да вѣдь это не награда, а напасть!—вскричала она, бросая бумагу.—Если желаютъ наградить человѣка за службу, то и вышли орденъ-то даромъ. За денежки все можно купить. Ишь, право, чѣмъ обрадовать захотѣли....

Старушка пришла въ сильное волненіе. О. Трофимъ вполнѣ раздѣлялъ ея настроеніе. Онъ шагаль по комнатѣ, размахиваль руками и возбужденно говорилъ:

— Какая тутъ награда, когда за нее надо платить цѣлыя полсотни! А пятьдесятъ рублей для насъ деньги ой какія большія. На дорогѣ онѣ не валяются. Это для городского протоіерея—пустяки, а для насъ—почтенная сумма. Иди-ка выслужи ее здѣсь, въ глуши, когда за цѣлый мѣсяць иногда доходу получишь пятерку. Экая оказія, право. И какъ дѣлу помочь,—положительно не знаю.

Супруги были сбиты съ толку, огорчены.

— Пятьдесятъ рублей!—твердилъ о. Трофимъ; только легко сказать. Для нашего брата сельскаго іерея—это цѣлый капиталъ.

— Но какъ начальство узнало, что ты пятьдесятъ лѣтъ священствуешь? Не благочинный-ли донесъ?

— Кромѣ его некому. Э, теперь вспоминаю. Дѣйстви- тельно, съ годъ тому назадъ онъ какъ то говорилъ мнѣ: „Владимира вамъ повѣситъ надо“. Я тогда въ шутку принялъ. А онъ и на самомъ дѣлѣ представилъ меня къ наградѣ.

— Но вѣдь долженъ же былъ онъ спросить тебя!

О. Трофимъ энергично махнулъ рукой.

— Что хочетъ начальство, то и дѣлаеть. А, однако, дѣло дрянъ. Надо что-нибудь придумать. Съ консисторіей шутки плохи.

— Съ благочиннымъ-бы посовѣтовался.

— Посовѣтоваться? Мм... Конечно, не мѣшаетъ. И правда: онъ меня подвелъ—пусть онъ и поправляетъ бѣду. Это ты вѣрно посовѣтовала. Добре... А пятьдесятъ рублей сразу не отдамъ... жалко. Награды я не просилъ... Этакая напасть...

О. Трофимъ на другой же день отправился къ благочинному, который жилъ верстахъ въ двадцати.

Благочинный былъ добродушный іерей, лѣтъ около пятидесяти, не гордый, общительный. Его всѣ любили, хотя онъ былъ порой и строгъ.

— Приѣхалъ батюшка изъ Верхоглядскаго, — доложила ему прислуга, когда онъ сидѣлъ за цѣлымъ ворохомъ разныхъ бумагъ.

— А, отецъ Трофимъ. Отлично. Гдѣ же онъ?

— Приворачиваетъ еще лошадь.

Благочинный бросилъ перо и поспѣшилъ гостю на встрѣчу.

— Здравствуйте, отецъ Трофимъ. Въ кои-то вѣка собрались ко мнѣ. Милости прошу.

Онъ облобызался съ гостемъ и провелъ его въ кабинетъ, приказавъ кухаркѣ поставить самоваръ.

— Жены дома нѣтъ. Хозяйничаю одинъ. Ну, позвольте васъ искренно, глубоко поздравить съ наградой. Награда рѣдкая. Во всемъ моемъ благочиніи вы одинъ, да и въ губерніи не много найдется такихъ. Отъ души поздравляю.

— Благодарю васъ, отецъ благочинный, очень благодарю, — пробормоталъ о. Трофимъ.

Это привѣтствіе его сильно смутило. Вѣдь и приѣхалъ-то онъ къ благочинному съ жалобой на награду, съ просьбой посовѣтовать, какъ избѣжать бѣды, а тотъ еще искренно поздравляетъ. Бѣда совсѣмъ....

— Вотъ исторія! — подумалъ обезкураженный о. Трофимъ, вытирая платкомъ широкій лобъ. Но, однако, такъ или иначе, а нужно было приступить къ выясненію столь щекотливаго вопроса.

— Конечно, отецъ благочинный, кому не пріятно получить награду, а только вотъ о ней-то я и рѣшилъ съ вами посовѣтоваться.

— Что такое?

О. Трофимъ замялся.

— А вы не будете на меня гнѣваться?

— Я? — изумился благочинный; за что же я могу на васъ гнѣваться?

— Видите-ли, отецъ благочинный; я, конечно, очень благодаренъ вамъ за ваше о мнѣ представленіе къ награждѣ. Безъ васъ и награда мнѣ не вышла-бы. Въ корню дѣла — вы.

— Ну, хорошо, что же дальше?

— Просить за нее, т. е., за орденъ-то, пятьдесятъ рублей.

— Да, пятьдесятъ.

— Но эта сумма для меня очень велика. Сами знаете,— больше ли въ Верхоглядскомъ доходы?

— Э, для ордена жалѣть нельзя. Не всѣмъ его даютъ. Я сейчасъ-бы за Владиміра и сотню далъ, да руки коротки: не заслужилъ еще.

— Знаю, что не всѣмъ даютъ, а только платить пятьдесятъ рублей для меня крайне обременительно. Не могу.... Это раззоренье для насъ.

По губамъ благочиннаго промелькнула тонкая улыбка.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Вѣдь орденъ-то даютъ въ награду за безпорочную службу?

— Да.

— Такъ и пусть дадутъ его бесплатно. Вотъ тогда я понимаю—награда. А какая же награда: дать крестикъ, да съ него взять съ бѣднаго сельскаго священника полсотни. Помилуйте, отецъ благочинный; развѣ это награда! Войдите въ мое положеніе. Этотъ орденъ, сознаюсь вамъ, какъ громомъ поразилъ меня со старухой. Она весь покой теперь потеряла. Посовѣтуйте, какъ быть. А платить пятьдесятъ цѣлковыхъ только за то, что я, по милости Господней, священствую пятьдесятъ два года—это не резонъ.

Благочинному стоило большихъ усилій, чтобы сдержатъ смѣхъ, слыша эти простодушныя слова. Онъ даже отвернулся къ окну и закусилъ губу.

— Да вы знаете, о. Трофимъ, что на нашемъ мѣстѣ другой и нѣсколько сотъ рублей не пожалѣлъ-бы за этотъ орденъ!

— Охотно вѣрю. Но, однако, пусть платятъ тѣ, у кого въ корманѣ густо, а для меня пятьдесятъ рублей сумма очень почтенная. Обременительно... Что же мнѣ теперь дѣ-

зять? Посовѣтуйте... Къ вамъ нарочно и пріѣхаль сегодня за этимъ. Пронесите эту грозу мимо меня. Очень буду благодаренъ.

— Ай-ай, да кто же отъ награды отказывается!—пошутить благочинный.

— Да я и не думаю отказываться. Пусть вышлютъ крестикъ даромъ. Въ первый же воскресный день надѣну его. Вотъ, молю, братцы, что дали мнѣ: полюбуйтесь-ка.

Благочинный призадумался.

— А все-таки, о. Трофимъ, отказываться вамъ отъ ордена я никоимъ образомъ не совѣтую. Это можетъ повлечь за собой большія для васъ непріятности. Вѣдь тотъ орденъ даетъ даже не сама консисторія, а Синодъ. Орденъ для духовенства такой рѣдкій, почетный: не Анна. И вдругъ вы отказываетесь! Да вѣдь васъ ослушникомъ сочтутъ. Скажутъ—пренебрегаете царской милостью.

О. Трофимъ въ ужасѣ привскочилъ со стула.

— Боже меня сохрани отъ этого!—вскричалъ онъ; да я вовсе не хочу быть ослушникомъ. Какое вы слово молвили — ослушникъ! Пятьдесятъ два года служилъ вѣрой и правдой и вдругъ — въ бунтовщики вышелъ!... Нѣтъ, не то... А все дѣло въ пятидесяти рубляхъ. Написать бы имъ, что эти деньги для меня большія, платить ихъ мнѣ, бѣдному священнику, обременительно, а потому нельзя-ли орденъ препроводить безплатно. Вѣдь дѣлаютъ же льготы бѣднымъ.

Благочинный отрицательно покачалъ головой.

— Лучше не пишите въ этомъ духѣ.

— Почему?

— Не повѣрятъ.

— Но какъ не повѣрять! Вѣдь не пятьдесятъ копеекъ надо платить!

— Увѣряю васъ—не повѣрятъ.

— Такъ что же дѣлать? Прямо и выложить деньги?—всплеснулъ руками о. Трофимъ.

— Да, это лучше и проще всего.

О. Трофимъ сидѣлъ обезкураженный, пришибленный. Хотѣлось выразить сильный протестъ, но, видно, волей неволей приходилось подчиниться. Да и благочинный совѣтуетъ уступить. А то вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, сочтутъ ослушникомъ, бунтовщикомъ.

— Вотъ такъ награда; нечего сказать!... Спасибо и благочинному: удружилъ мнѣ на старости лѣтъ,—съ горечью думалъ о. Трофимъ, возвращаясь домой.

Матушка съ нетерпѣнiемъ ожидала возвращенiя мужа.

— Ну что, какъ дѣло?—набросилась она съ разпросами.

Тотъ мрачно махнулъ рукой:

— Платить надо.

— Да неужели?

О. Трофимъ тяжело вздохнулъ.

— Ничего, старуха, съ начальствомъ не подѣлаешь.

— Да что благочинный-то сказалъ?

— Говорить, что я долженъ выслать деньги, иначе могутъ счесть ослушникомъ. Видишь, куда дѣло-то пошло! Какъ тутъ не выложить пятьдесятъ рублей. Возьмите—и отвяжитесь.

— Экое наказанье!—чуть не заплакала старушка.

— Наказанье и есть. Они тамъ думаютъ, что у насъ много есть лишнихъ денегъ. Эхъ, если награждать, такъ съ толкомъ награждай, а съ чего еще съ насъ деньги брать. Они лучше мнѣ вмѣсто ордена выслали-бы эти пятьдесятъ рублей. Куда было-бы лучше...

— Ну и награда; долго будешь помнить ее,—охала старуха.

Съ горечью на сердцѣ супруги выслали требуемыя деньги. Черезъ нѣкоторое время орденъ былъ полученъ.

— И что я съ нимъ дѣлать буду?—спрашивалъ о. Трофимъ, поворачивая во всѣ стороны крестикъ.

Старушка съ любопытствомъ разглядывала столь дорогую вещицу.

— Носи.

— Да куда? Мы сидимъ дома, люди старые, до орденовъ-ли намъ? Молодые пусть щеголяютъ, а намъ это не пристало.

Орденъ былъ уложенъ въ коробочку и спрятанъ въ глубинѣ письменнаго стола. О. Трофимъ съ неохотой показывалъ его своимъ знакомымъ и почти никогда не надѣвалъ. Только время отъ времени извлекалъ его изъ коробки, смотрѣлъ, качалъ головой и говорилъ:

— Пятьдесятъ рублей... И къ чему мнѣ онъ? Ну, и награда!... Ловко... Пятьдесятъ рублей!... А? Теперь любуйся имъ. Нечего сказать: наградили! Охъ, грѣхи наши тяжкіе.. И орденъ снова исчезалъ въ нѣдрахъ письменнаго стола.

И. Поповъ-Пермскій.

ЗАМѢТКА

Письма съ войны и на войну.

Прежде въ нашихъ захолустьяхъ не знали и не нуждались знать, когда приходитъ почта, въ какой день, да многіе, вѣроятно, не знали и о существованіи почты.

Въ настоящее же время волостное правленіе осаждается каждый разъ въ ожиданіи пріѣзда почты крестьянами и больше всего женскаго пола. Та спрашиваетъ, нѣтъ-ли письма отъ сына, другая—отъ мужа, третья—отъ братьевъ и т. д., причемъ происходятъ самыя трогательныя картины—иныя приходятъ почти въ отчаяніе отъ того, что они одного письма не получили отъ родного изъ арміи, предполагая, не убитъ-ли; другія получаютъ извѣстіе, что ихъ родной уже раненъ, опять слезы, иныя получаютъ письма отъ солдатъ, стоящихъ почти у вратъ смерти въ ожиданіи рѣшительнаго боя.

Запасные сплошь и рядомъ спрашиваютъ, управились-ли съ работой, дано-ли имъ какое-либо пособіе и прочее въ этомъ родѣ.

Было бы симпатичнымъ рѣшеніе духовенства взять на себя всю переписку между семьями прихода и состоящими въ арміи на полѣ брани или на пути туда ихъ солдатами. Извѣстны сельскіе писаря и ихъ писанія,—все письмо состоитъ изъ поклоновъ, но задушевнаго слова ободренія, утѣшенія и во всемъ письмѣ нѣтъ, равно какъ и нѣтъ точнаго освѣщенія вопроса о матеріальномъ обезпеченіи дѣтей, оставшихся безъ отца, чѣмъ особенно интересуются запасные и ополченцы.

Вотъ здѣсь-бы священникъ короче знакомился-бы и съ нуждою каждой отдѣльной семьи солдата, взятаго въ ополченіе; въ этихъ солдатскихъ письмахъ каждый священникъ прочелъ-бы духъ и настроеніе русскаго воинства. Въ этихъ письмахъ отцовъ своихъ духовныхъ не одинъ-бы воинъ получилъ духовное подкрѣпленіе, воодушевленіе и упованіе на помощь братскую, а еще больше на помощь Всевышняго. (Тульск. Е. В.).

Д. Б.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го декабря 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Авд. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская № 6.

ГОДЪ

LV.

УВѢКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
СЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 52

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1914-го года 21-го декабря.

Содержаніе: I. Святая ночь. В. Садовничій.—II. Рѣчь при встрѣчѣ Госу-
даря. А. Антовій.—III. Уроки войны. Свящ. Н. Н.—IV. Авангардъ
тевтоновъ. А. М.—V. Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи.
Е. Андрей.—VI. Крестъ на войнѣ.—VII. Отъ „Краснаго Креста“.—
VIII. Объявленіе объ изданіи „Р. д. с. и.“ въ 1915 г.

Святая ночь.

День склонялся къ вечеру. Ночной сумракъ начинаетъ
постепенно окутывать землю. Еще одна страница кровавыхъ
событій отходить въ вѣчность. Затихла ружейная пальба и
громъ пушекъ. „Рука бойцовъ колоть устала“, и ангелъ сна
незримо витаетъ надъ склонившимися къ мерзлой землѣ голо-
вами славныхъ русскихъ героевъ. Одному онъ нашептываетъ
о предстоящихъ блестящихъ побѣдахъ, другому рисуется
картины геройскихъ подвиговъ на полѣ брани. Одному при-
несъ онъ на своихъ небесныхъ крыльяхъ изъ далекаго род-
ного дома слова любви отъ милыхъ сердцу людей, другому

напѣваетъ какую-то дивную пѣсню, отъ которой счастливая улыбка блуждаетъ на юныхъ устахъ. Быть можетъ, это пѣснь торжествующей любви, пѣснь о счастіи на землѣ, о небесномъ мирѣ, принесенномъ на землю Младенцемъ—Христомъ!.. Великая, рождественская ночь! Сколько мыслей и сердечныхъ стремленій подъ твоимъ темнымъ покровомъ несетъ изъ далекихъ боевыхъ окоповъ въ святые родные храмы, къ дорогимъ семейнымъ очагамъ! Во Имя Святѣйшаго Небеснаго Младенца будь такъ-же радостна и обаятельна для русскихъ витязей, какую ты была почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ для Виолеемскихъ пастуховъ; коснись вѣяніемъ небеснаго счастья сердецъ тѣхъ безстрашныхъ героевъ, которые могучею стѣною стали на пути обезумѣвшихъ и обрызганныхъ невинной кровью нарушителей мира, — которые грудью отстаиваютъ права беззащитныхъ и слабыхъ. Пусть подъ твоимъ покровомъ хоръ свѣтлыхъ ангеловъ вмѣстѣ съ Виолеемскимъ гимномъ воспоетъ надъ головами русскихъ богатырей о нашей любви къ нимъ, о нашемъ преклоненіи предъ величіемъ и святостью ихъ подвига!

Ярко мерцаютъ звѣзды въ небесной дали и загадочно смотрятъ на землю. Ихъ голубой блескъ слабо играетъ на стальномъ штыкѣ часового. Безмолвный и серьезный стоитъ онъ, обнявъ свое ружье, и грозно смотритъ туда, гдѣ расположенъ вражескій лагерь. Кажется, что это стоитъ не человекъ, а призракъ, оберегающій ночной покой русскихъ героевъ. Многихъ битвъ онъ былъ участникомъ, много враговъ пало отъ его мощной руки. Закаленный въ бояхъ, онъ не замѣчаетъ невзгодъ и лишеній и задумчиво прислушивается къ вою вѣтра въ полѣ, который то печально и скорбно застонетъ, словно жалуясь на что-то сквозь слезы, то могучимъ порывомъ промчится по лѣсамъ и долинамъ. Въ этой дикой музыкѣ слышится что-то знакомое, близкое, дорогое. Да, это пѣснь земли родной!.. О, Родина святая! Сколько разъ орошались кровью и слезами твои обширные поля, покрытыя теперь бѣлоснѣжнымъ покровомъ! Сколько разъ при-

ходилось тебѣ принимать въ самое сердце жестокіе удары враговъ, отъ которыхъ стонала необъятная русская земля! Но наступалъ часъ, какаѣ-то роковая сила будила твое скрытое могущество и доблесть, и ты непобѣдимымъ ураганомъ сокрушала силу вражію... Много лѣтъ ты терпѣливо смотрѣла на униженія твоихъ сыновъ и братьевъ—славянъ; много лѣтъ ты, сострадаѣя, вслушивалась въ ихъ стоны подъ тевтонскимъ игомъ. Обнаглѣвшій нѣмецъ принялъ твое миролюбіе за слабость, за трусость, и его хищныя полчища двинулись въ твои предѣлы, оскверняя храмы Божіи, сокрушая все на своемъ пути и обагрѣя землю кровью женщинъ, стариковъ и дѣтей. Но вотъ, проснулась дремавшая много лѣтъ сила. Перекрестился русскій народъ, смѣло взглянулъ онъ врагу въ глаза. Вызовъ былъ принятъ, и возгорѣлся пожаръ небывалой міровой войны... Безъ страха смотритъ русскій воинъ въ ночную мглу, гдѣ скрывается врагъ. Порывы бурнаго вѣтра вѣщаютъ ему о славныхъ побѣдахъ. Съ первымъ выстрѣломъ поднимутся его боевые товарищи, воспрянуть сыны Православной Руси и съ свѣтлой вѣрой въ правоту своего дѣла пойдутъ усмирять гордыню тѣхъ, кто дерзко вызвалъ ихъ на поединокъ, кто съ мечемъ въ рукѣ и ненавистью въ сердцѣ двинулся на мирныхъ жителей, кто презрѣлъ заповѣдь Божію о свышнемъ мирѣ на землѣ, кто кощунственно наругался надъ небесной пѣснью херувимовъ и серафимовъ.

Давно уже пробила полночь. Давно уже среди ночной тишины прозвучали стройные переливы колоколовъ, призывавшіе къ рождественской заутренѣ. Одиноко, вдали отъ людскихъ взоровъ, въ небольшой комнатѣ предъ ликомъ Богоматери стоитъ на колѣняхъ молящаяся за своего сына мать. Отблескъ лампы ложится на ея скорбное изстрадавшееся лицо. Въ минувшіе годы она встрѣчала эту святую ночь вмѣстѣ со своимъ любимцемъ, но грянулъ громъ войны, и онъ ушелъ на поля битвъ. Съ тѣхъ поръ она не знаетъ покоя. Воображеніе рисуетъ ей самыя страшныя картины. Томится, страдаетъ материнское сердце, а часы летятъ,

близится ужь утро. Безпомощно склоняется сѣдая голова на грудь, а ангель утѣшитель осѣняетъ ее облакомъ счастливыхъ грезъ. Она видитъ предъ собою своего сына. Сіяющій стоитъ онъ предъ нею въ военномъ нарядѣ. Отвагой, силой и лаской вѣетъ отъ его фигуры, и слышится его знакомый спокойный голосъ: не грусти, родная! Зачѣмъ переполнять слезами чашу народной скорби? Ты не одинока въ своемъ горѣ. Взгляни на нашу общую мать—святую Родину. Съ болью въ сердцѣ, но безъ колебаній и страха она благословила въ дальній путь своихъ славныхъ боевыхъ орловъ. Нашъ бранный подвигъ великъ и вѣченъ. Пройдутъ десятки и сотни лѣтъ, и могучая Русь, а вмѣстѣ съ нею и вся земля, освобожденная нами отъ дерзкихъ нарушителей мира, отъ постоянного трепета предъ нѣмецкимъ желѣзнымъ кулакомъ, будутъ съ благодарностью прославлять нашу память. Наши жертвы, наша кровь утвердятъ среди народовъ земли принесенный съ неба въ эту святую ночь миръ, взаимное довѣріе и братство. Прости, родная! Мнѣ пора въ бой, а ты не скорби, но молись, да хранитъ Господь святую Русь!

Въ величественномъ монастырскомъ храмѣ въ глубокую полночь окончилась торжественная всенощная. Уже замолкли подъ старинными сводами послѣдніе аккорды священныхъ гимновъ, прославлявшихъ Младенца—Христа. Братія разошлась по келліямъ, чтобы краткимъ отдыхомъ возстановить свои силы для новыхъ молитвенныхъ подвиговъ. Въ маленькой кельѣ неподвижно сидитъ на твердомъ деревянномъ ложѣ глубокій старецъ—схимникъ. Не спится ему. Душа полна тѣхъ священныхъ переживаній, какія онъ испыталъ во св. храмѣ. Въ мысляхъ блуждаютъ отрывки умилительныхъ пѣснопѣній, въ коихъ вѣщалось о любви Божіей къ людямъ, о Вифлеемскихъ ясляхъ, о чудесной звѣздѣ, о сонмѣ ангеловъ, возвѣстившихъ пастухамъ примиреніе неба съ землею и наступленіе царства мира на землѣ. Но въ то же время, какимъ-то страннымъ диссонансомъ врываются въ душу слышанныя имъ вѣсти о продолжающейся великой борьбѣ наро-

довъ. Скорбитъ любвеобильное сердце подвижника о безумствѣ людей и о тѣхъ звѣрствахъ, какія совершаются мнимокультурнымъ народомъ надъ беззащитными и слабыми. Глубокій вздохъ жалости вырвался изъ старческой груди. Схимникъ поднялся, зажегъ небольшой огарокъ свѣчи на столѣ и раскрылъ листы пожелтѣвшей отъ времени тетради. Уже много лѣтъ ведетъ онъ безпристрастную запись проходящихъ предъ нимъ событій, „да вѣдѣютъ потомки православныхъ родной земли минувшую судьбу“. Подумавъ нѣсколько секундъ, онъ продолжаетъ давно начатую летопись: „Въ лѣто отъ сотворенія міра 7422-ое, отъ рожденія же Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1914-ое, великая сила вражія устремися отъ запада и юга на св. Русь...“ Устала рука схимника описывать нѣмецкія звѣрства. Пробѣжалъ онъ глазами написанное, и сдвинулись сѣдыя брови, выпрямился согбенный станъ, праведнымъ гнѣвомъ вспыхнули очи. Эхъ еслибъ вернуть былые годы, когда онъ шутя, какъ тростинку, сгибалъ желѣзныя полосы. Показаль бы онъ тогда зарвавшимся мучителямъ, во что обходится издѣвательство надъ святыней, насилія надъ слабыми и мирными жителями! Развѣ не знаетъ исторія незабвенныя имена Пересвѣта, Осляби и многихъ другихъ иноковъ—богатырей, которые въ години вражбыхъ набѣговъ сметали цѣлыя полчища враговъ съ лица русской земли! Но глубокая старость не позволитъ ему выступить на поле брани. Онъ послалъ лишь туда, въ ряды русскихъ героевъ, своего ученика—послушника, благословивъ его на ратные подвиги... Слабо мерцаетъ лампада въ кельѣ подвижника. Проходятъ блаженныя мгновенія святой Виолеемской ночи, а предъ скорбнымъ Ликомъ Спасителя старческія уста святого отшельника неутомимо и восторженно шепчутъ слова молитвы о мирѣ всего міра, о благоденствіи и величій Православной Руси.

Въ сырыхъ и холодныхъ окнахъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ дворцахъ и лачугахъ городовъ и сель, въ многочисленныхъ храмахъ и въ скромной монашеской кельѣ, всѣ

объединены однимъ чувствомъ, у всѣхъ на устахъ одна молитва—о спасеніи дорогой Родины, о торжествѣ надъ дерзкимъ и кровожаднымъ врагомъ. Въ этомъ единствѣ народной души лежить прочный залогъ побѣды. Воспоминаются мнѣ годы далекаго дѣтства. Самыми счастливыми минутами этой жизни были минуты, проведенныя предъ сіяющей огнями Рождественской елки. Помню слова матери, рассказывавшей намъ благочестивую легенду о скромной елкѣ, которою любовался когда-то Младенецъ—Христосъ. Приближается святая ночь, и въ душѣ воскресаетъ эта чистая радость дѣтскихъ лѣтъ, когда я въ восторгѣ люблююь той елкой, какую въ нынѣшнемъ году Православная Русь ставитъ къ яслямъ Божественнаго Младенца. Эта елка—наша Родина, вѣчно зеленая своею вѣрностію и преданностію завѣтамъ Христа. Мало на ней блестящихъ и мишурныхъ украшеній, но зато горячо горять и ярко сіяютъ на ней свѣчи, эти отдѣльныя сердца сыновъ Руси, пылающія священнымъ огнемъ рѣшимости пожертвовать всѣмъ для возстановленія поруганныхъ святынь, для спасенія отъ озвѣрѣвшихъ варваровъ запада тѣхъ несчастныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, которые, обливаясь кровію подъ ударами нѣмецкихъ сабель и штыковъ, умираютъ отъ ранъ, холода и голода въ своихъ разграбленныхъ и опустошенныхъ жилищахъ. Будемъ вѣрить, что Младенецъ—Христосъ, Царь правды и Защитникъ всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, не отвратитъ Лица Своего отъ этой народной елки и вернетъ страждущей землѣ отвергнутый безумцами небесный миръ!

В. Садовничій.

Рѣчь Высокопреосвященнаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго,

произнесенная при встрѣчѣ Государя Императора въ Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, 23 ноября.

„Благочестивѣйшій Государь! Не первый разъ сія соборная церковь принимаетъ Твои благоговѣйныя молитвы, не

первый разъ жители именитаго г. Харькова восторженно привѣтствуютъ Тебя. Ты все тотъ же нашъ Государь, кроткій и смиренный христіанинъ. Но народъ, который Ты навѣщаешь въ эти дни по разнымъ городамъ, въ лицѣ его раненыхъ воиновъ, уже не тотъ народъ, что прежде. Это народъ, просвѣтленный высокимъ подъемомъ духа, народъ, освободившійся отъ пагубнаго вліянія водки и нигилистовъ и опознавшій свое высокое предназначеніе въ мірѣ. Съ того дня, какъ Ты призвалъ его сыновъ подь воинскія знамена защищать родину и нашихъ заграничныхъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, всѣхъ насъ охватилъ восторженный, увлекающій порывъ, и вся Русь такъ и застыла въ этомъ порывѣ. Да! Онъ не ослабѣваетъ съ теченіемъ многихъ седмицъ и мѣсяцевъ, но все глубже и неодолимѣе вростаетъ въ народную душу. Это и понятно: вѣдь взоры русскихъ людей приковываетъ къ себѣ та широкая рѣка крови, которую добровольно проливаютъ наши воины за Вѣру, Царя и Отечество около границъ Твоего государства. И вотъ навстрѣчу этой кровавой рѣкѣ изъ нѣдръ русской жизни потекла другая рѣка золотая, обширная, все расширяющаяся, восполняемая даяніями не только отъ избытка, но еще болѣе и отъ скудости, трудовыми копейками.

Нерѣдко бѣдная старуха, принужденная иногда протягивать руку за подаваніемъ, исполнивъ заказъ шитья одѣянія больнымъ, отказывается протянуть руку для полученія заработной платы и говорить: пусть то будетъ моя лента, а Господь пошлетъ миѣ насущный хлѣбъ какъ нибудь иначе.—Къ этой обильной рѣкѣ благотворительности нашимъ раненымъ героямъ присоединяются источники молитвенныхъ слезъ, проливаемыхъ молящеюся Русью о дарованіи побѣды Твоимъ, Государь, войскамъ, а также потоки трудового пота, проливаемого неусыпающими тружениками и труженицами въ нашихъ лазаретахъ: разумѣю врачей, сестеръ милосердія и ихъ сотрудинокъ и сотрудицъ. Въ противовѣсъ общеміровому грѣховному порядку у насъ на Руси не страдальцы ищутъ

себѣ помощи и помощниковъ, но здоровые и обеспеченные люди разыскиваютъ страдальцевъ, больныхъ и раненыхъ воиновъ, чтобы заполнить свои многочисленныя больничныя помѣщенія.

Такая умилительная картина духовнаго возрожденія Россіи уже одна сама по себѣ является вполне достаточнымъ искупленіемъ тѣхъ смертей и страданій, на которыя обрекли себя Твои воины,—достаточнымъ—даже въ томъ случаѣ, если бы сверхъ этого война не принесла бы никакой пользы государству. Но она несетъ, кромѣ того, и иные неоцѣнимые плоды. Не говоримъ уже о возрастающемъ политическомъ могуществѣ Россіи, а устремляемъ нашъ взоръ на еще болѣе широкіе, захватывающіе духъ, свѣтлые горизонты, открывшіеся русскому народу въ сію славную годину его жизни.

Тамъ, изъ-за западной границы, уже давно простираются къ Тебѣ, Государь, умоляющія руки нашихъ братьевъ-русскихъ галичанъ, много столѣтій томящихся въ жестокой неволѣ. Борясь межъ страхомъ и надеждой, рвутся она къ подножію Твоего Престола, — къ тому, чтобы слиться съ своею родною отеческою семьей—наслѣдіемъ Равноапостольнаго Владиміра. Но это еще далеко не все. Сквозь дымъ разрывающихся снарядовъ, сквозь пламя горящихъ городовъ и деревень намъ виднѣется тамъ, далеко-далеко святой крестъ на храмѣ царьградской Софіи, сквозь грѣхоть пушекъ и трескъ пулеметовъ намъ слышится русской трезвонъ въ святомъ градѣ Іерусалимѣ, надъ гробомъ Господнимъ, и чувствуется сердцемъ начинающееся исполненіе пророчества преп. Іова Почаевскаго въ его посланіи къ первому Царю Твоей Династіи Романовыхъ, Михаилу Ѳеодоровичу, о томъ, что Богъ судить Его Царственному Роду освободить отъ рабства православныя племена всего міра и стать во главѣ ихъ свободнаго купножитія въ качествѣ старѣйшины среди Православныхъ Государей. Въ постепенномъ осуществленіи подобныхъ радостныхъ чаяній да утѣшится, Государь, Твое любящее и

сострадательное сердце, столь горячо воспринимающее бѣдствія войны и побуждающее Тебя всякій разъ воздерживаться отъ начинанія военныхъ дѣйствій до послѣдней крайности. О такомъ утѣшеніи Твоего Царственаго сердца, о такомъ осуществленіи вѣковыхъ чаяній Твоихъ Предковъ и всѣхъ русскихъ людей будемъ мы сейчасъ возносить свои смиренныя молитвы, приступая въ Твоемъ присутствіи къ совершенію безкровной жертвы“. (Вѣра и разумъ).

Уроки войны.

Снова Государь Императоръ посѣтилъ *славную* свою армію, совершившую героическіе подвиги, одержавшую блестящія побѣды (подъ Варшавой, въ Карпатахъ и въ особенности за Лодзью) надъ врагомъ, котораго такъ недавно считали непобѣдимымъ. Восторженно привѣтствуемый по пути Своего слѣдованія всѣмъ населеніемъ, всѣми сословіями Россіи, Вѣнценосный Вождь славной русской арміи, воочию убѣждается какъ въ горячихъ чувствахъ Своего народа, такъ и въ непоколебимо доблестномъ духѣ „*всероссійскаго христоролюбиваго* воинства“.

Особую высокую милость, при пути Своего слѣдованія, оказываетъ Царь-*Батюшка* представителямъ мѣстныхъ крестьянъ, благодаря въ лицѣ ихъ все крестьянство, поручая передать ему сердечное Царское „спасибо“ за любовь и преданность. Любовь эта и преданность Царю, объявшая нынѣ съ особой силой весь народъ русскій, выражается какъ въ доблестныхъ подвигахъ нашей арміи, составляющей цвѣтъ народа, русскаго общества, такъ и въ высокомъ патріотизмѣ мирнаго населенія, упованіемъ и дѣлами стремящагося ко благу нашей великой Родины въ „тяжелыя“ времена, его переживаемыя.

Европейская настоящая война не была неожиданностью для сельскихъ нашихъ приходоу, „сѣрая“ деревня чуть-ли не каждый годъ ее ждала, и какъ только приходила весна,

такъ у насъ, въ селахъ, начинали ходить „слухи“ о войнѣ съ „нѣмцемъ“. И поэтому неудивительно, что, когда Германія объявила войну Россіи, деревня воспрянула духомъ и послала *дѣтей* „своихъ“ съ радостью, и всѣ уѣхавшіе деревенцы-солдатики были и бодры, и жизнерадостны. Армія, такъ образомъ, не можетъ существовать незамѣтно, *стпро*, работая изо дня въ-день, какъ всякая другая корпорація; наши войска не могутъ не сосредоточить на себѣ постоянного вниманія русскаго общества, армія не можетъ быть забыта; между населеніемъ и войсками нашими всегда устанавливались сердечныя отношенія. Общество теперь въ правѣ сознать, что своими заботами, своими пожертвованіями куеть, такъ сказать, наши побѣды.

И дѣйствительно, половина одержанныхъ побѣдъ, по справедливости, принадлежитъ всѣмъ слоямъ русскаго общества. Его заботы, его трогательное, матерински ласковое отношеніе къ войскамъ подвигаетъ ихъ на побѣды. Между обществомъ и арміей всегда устанавливались (и устанавливаются) самыя миролюбивыя отношенія. Подогрѣваемая теплымъ чувствомъ симпатіи всего общества, наши войска способны на чудеса храбрости. Раненые, побывавшіе, наприм., на родинѣ, уносятъ съ собой чувство глубокой благодарности за заботы о нихъ. Они рассказываютъ это въ арміи и создается сердечная связь между „дѣйствующей арміей“ и населеніемъ. И какъ интеллигенція, такъ и простой народъ не скупятся не только на выраженіе своихъ симпатій, но и на тѣ или другія матеріальныя пожертвованія. И какъ хочется сказать всѣмъ приносящимъ свою ленту, что они дѣлають гораздо больше, чѣмъ думаютъ. Армія цѣнитъ и дорожить всякимъ движеніемъ души русскихъ людей, направленныхъ къ ней. Это питаетъ ее духовно, и многіе въ тяжелой боевой обстановкѣ, когда, кажется, человѣкъ израсходоваль уже всю свою нравственную энергію, находятъ источникъ новыхъ силъ на новые подвиги. Въ военную годину, когда наши доблестные воины каждый день стоятъ лицомъ къ лицу со

смертью, они особенно тонко чувствуютъ, что о нихъ думаютъ, ихъ не забыли, имъ *что-то* послали, и это ихъ подбодряетъ.

Несокрушимая мощь Россіи зиждется, такъ образомъ, какъ на народномъ духѣ, такъ и на той великолѣпной подготовкѣ нашей арміи, которая довела ее до нынѣшняго блестящаго состоянія. И чтобы создать многомилліонную армію, чтобы вооружить ее и выработать изъ нея прекрасный боевой матеріаль, нужно было много затратить и силъ и средствъ. Въ тиши, безъ шума дѣлалось это „великое“ дѣло за послѣднее десятилѣтіе, и даже мы, мирные граждане, сами не уяснили себѣ, какая гигантская работа по созданію нашихъ вооруженныхъ силъ ведется. И теперь хотѣлось скорѣе смыть „непріятности“ прошлой Японской войны, хотѣлось снова доказать Россіи и всему міру, что прежняя боевая слава была не фикція, что она основана на чемъ-то, что подымаетъ ее надъ другими вооруженными силами. Особый культъ военнаго героизма, которымъ пропитана наша армія, возвелъ ее до перваго въ мірѣ положенія, она теперь доказала, что бывшая Японская война это опечатка, это ошибка русской военной школы, забывшей завѣты своихъ великихъ военныхъ людей.

И мы всегда слышали о необыкновенной подготовкѣ къ войнѣ нашихъ теперешнихъ враговъ, слышали объ ихъ богатствѣ, словомъ, казалось, что война даже съ одной Германіей будетъ для Россіи крайне тяжела. Но страшень сонъ, да милостивъ Богъ! Великую войну Россія ведетъ безъ особыхъ, по крайней мѣрѣ замѣтныхъ на глазъ, усилій: жизнь приходовъ,—и паства и пастыри, безчисленное море людскихъ сердець—идетъ почти нормальнымъ путемъ. И въ то время, какъ величайшій и богатѣйшій городъ міра Парижъ почти вымеръ въ своей дѣятельности на время войны, въ Петроградѣ жизнь кипитъ попрежнему. И мало того: во время войны и по случаю ея Россія скинула съ себя и другое свое „старое“ бремя,—Русь отрезвѣла... И только тогда, когда

Царь Царствующихъ увѣнчаетъ нынѣшнюю войну—и дай Богъ скорѣе—славной для насъ побѣдой, а затѣмъ и славнымъ миромъ, мы вполнѣ оцѣнимъ и почувствуемъ всѣ блага народной трезвости. Гигантскими шагами двинется Русь по пути мирнаго преуспѣванія,—трудъ народный, „оживленный“, *трезвый*, создастъ чудеса...

Такъ, изъ того, чему насъ учить, что намъ раскрываетъ настоящая Европейская война, слѣдуетъ то, къ чему она насъ обязываетъ.

Это нравственный урокъ, даваемый войной. Война подняла и подымаетъ насъ и тѣмъ самымъ она обязываетъ насъ, сыновъ отчизны, дѣйствительно подняться. И вся огромная Россія сверху до низу объединилась въ подлинномъ чувствѣ нравственнаго единства.

И объединилась *новая* Россія, только что предъ тѣмъ пережившая—какъ упомянули выше—эпоху великихъ „потрясеній“... Но величіе и значительность того, что мы переживаемъ и заключается именно въ томъ, что теперь нѣтъ *двухъ* Россій—старой и новой, а есть единая *Великая* Россія, новая и въ то же время „древняя“ Святая Русь. Война дала намъ то, чего не могли бы дать десятилѣтія патріотическихъ проповѣдей,—мы не отрицаемся святости нашей Святой Руси. И эти слова никто теперь не можетъ называть „официальными“ или „казенными“. Ихъ *правда* оплачивается народной кровью и удостоверяется народнымъ духомъ въ неслыханной борьбѣ предъ лицомъ всего міра.

И не бахвальство, и не гордыню внушаетъ такой патріотизмъ, а чувство величайшей отвѣтственности за свое дѣланіе и глубокаго смиренія предъ Высшей Волей,—онъ несетъ не одну внѣшнюю мощь, но и религіозное возрожденіе..

Свящ. Н. Н.

Тевтонскій авангардъ.

(О нашихъ штундистахъ).

Если когда, то именно въ настоящее время, время войны русскихъ съ проклятыми тевтонами, нашимъ сектантамъ штундистамъ слѣдовало-бы присмирѣть и попрятаться по своимъ норамъ.

Вѣдь ни для кого не секретъ, что наша штунда и духовно, и матеріально окормлялась отъ той самой Германіи, которая нынѣ воюетъ съ нами; и кто знаетъ, изъ-за какихъ побужденій субсидировали тевтоны нашу несчастную штунду?

Во всякомъ -случаѣ, нынѣ даже для самихъ штундистовъ наиболѣе выгодна политика „молчанія“ о себѣ, такъ какъ ко всякому выступленію этихъ тевтонскихъ „чадь духовныхъ“ въ настоящее время всякій отнесется и съ подозрѣніемъ, и съ недоверіемъ.

Однако мы видимъ совершенно обратное. Мы видимъ, что штунда не только не прячетъ головы своей, но подымаетъ ее, требуя себѣ какихъ-то правъ и привилегій.

Такъ, не особенно давно въ газетахъ сообщалось, что какой-то евангельскій союзъ, выражаясь оффиціально, а не-оффиціально—просто сборище сектантскихъ главарей, осмѣлился подать заявленіе въ совѣтъ министровъ и въ этомъ заявленіи ходатайствовалъ о томъ, чтобы штундистскимъ проповѣдникамъ разрѣшено было свободно разъѣзжать по Россіи, якобы для назиданія своихъ братьевъ, а говоря откровенно, добавимъ отъ себя, и для пропаганды ученія штундистовъ среди православныхъ.

При этомъ штундисты откровенно и рѣшительно заявляютъ, что въ случаѣ воспрещенія имъ послѣдняго, они все равно не могутъ подчиниться ему и готовы принять страданія,

Ну, не нахальство-ли! Въ самомъ дѣлѣ, чего добиваются сектанты? Они хотятъ, чтобы само начальство разрѣшило разнымъ подозрительнымъ нѣмчикамъ и ихъ наймитамъ не

только свободно, но и съ начальственнымъ дозволеніемъ развѣзжать по глухимъ селамъ и деревнямъ необъятной Россіи для наставленія якобы своихъ братьевъ въ Словѣ Божіемъ. А кто такіе—эти братья? Мы увѣрены, что таковыми въ данномъ случаѣ у сектантовъ подразумѣваются не только сектанты, но и православные;—да и самое ученіе, которое собираются возвѣщать своимъ братьямъ сектантскіе проповѣдники, кто знаетъ, не прошло-ли чрезъ цензуру тевтонскаго кайзера?

Но, можетъ быть, все сказанное относится только къ штундистамъ высшаго сорта, главарямъ, а на низахъ нѣтъ ничего подобнаго, и деревенская штунда дѣйствительно при-смирѣла и сидитъ, поджавши, какъ говорится, хвостъ?

Не тутъ-то было.

Одинъ священникъ нашего приграничнаго прихода писалъ мнѣ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ во время стоянки въ его приходѣ войскъ, шедшихъ съ южной губерніи, одинъ запасный солдатъ штундистъ спорилъ съ своими товарищами о томъ, что воевать—грѣхъ и убивать нельзя. Потому-то еще въ началѣ войны нами было помѣщено въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ поученіе подъ заглавіемъ: Война по ученію Слова Божія.

Теперь я получилъ докладную записку отъ цѣлаго собранія приходскихъ пастырей, которые горько жалуются на тотъ задоръ, какой по отношенію къ православнымъ проявляютъ деревенскіе штундисты. Пастыри пишутъ:

„Ядъ разливается въ народѣ тонко, умѣло и систематически. Везетъ православный человѣкъ больную жену къ пріобщенію, его на дорогѣ уже встрѣчаютъ штундисты и съ насмѣшками совѣтуютъ лучше повезти больную въ сосѣднее мѣстечко и купить ей бутылку вина или пива. Посѣщаетъ священникъ дома своихъ прихожанъ со св. водой и крестомъ, и тутъ есть штундистъ и убѣждаетъ православныхъ не цѣловать креста.

Идутъ православные въ церковь и тутъ жена штундиста, нарочно обдѣлывая въ этотъ день на улицѣ свою пеньку, убѣждаетъ православныхъ: „чего идти въ церковь—для поа на зароботки“... На всякомъ мѣстѣ убѣждаютъ они православныхъ: зачѣмъ храмы?—Богъ де не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ; Господь 5-ю хлѣбами насытилъ 5000 чловѣкъ, а у васъ 5000 народа не могутъ насытить одного поа. Слабые организмы отравляются такимъ ядомъ, и все новые и новые члены отпадаютъ отъ св. Православныя Церкви.

Твердо сознаемъ мы, что възыщется съ пастыря за погибшую овцу, и потому и на стражѣ стоимъ денно и ношно, и воинствуемъ съ этимъ „не грядущимъ“, а пришедшимъ уже „волкомъ хищнымъ“ и все, все возможное въ нашемъ положеніи дѣлаемъ, чтобы удержатъ и сохранить овецъ своихъ на пажити Христовой. Но все же воочію исполняется пророчество св. Апостола, что настанетъ время, когда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотямъ изберутъ себѣ учителей и къ баснямъ уклонятся (2 Тим. IV, 3—4). Борются со штундизмомъ активно путемъ разубѣжденія и уличенія ихъ во лжи и заблужденія и разоблаченія ихъ баснотворства нѣтъ положительно никакой возможности, какъ нѣтъ возможности наглядно убѣдять чловѣка, нарочно и упорно закрывающаго глаза и злобно отворачивающагося отъ разсматриваемаго предмета. Они не заблудшіе искренно при исканіи истины, они сознательно и упорно уклоняющіеся отъ пути къ истинѣ, и никакое качество и количество миссіонеровъ здѣсь не поможетъ. Борются со штундизмомъ другимъ путемъ, путемъ охраненія своихъ православныхъ чадъ отъ этой заразы, путемъ разъясненія при свѣтѣ Св. Писанія лжи и несостоятельности штундизма и доказательства Божественности и единства Святыя Соборныя и Апостольскія Церкви, для насъ, поповъ въ глазахъ народа, „съ завидующими глазами и загребущими руками“, тоже очень и очень трудно и весьма мало-производительно. Сколько ни говори нашимъ крестьянамъ, сколько ни убѣждай, они по внѣшнему виду, какъ бы и со-

гласны съ нами, но разъ штундистъ подскажетъ о платѣ и поборахъ, всецѣло стануть въ душѣ на его сторону, съ нимъ согласятся, его правду признають. Съ горечью, съ болью сердечно сознаемъ, что на пути народнаго довѣрія къ намъ стоитъ и раздѣляетъ насъ унижительный и ненормальный способъ существованія въ матеріальномъ отношеніи православнаго духовенства. Платятъ люди намъ, и потому имъ вполне естественна и свойственна мысль, что истина нами умаляется, затемняется, скрывается отъ нихъ ради нашего собственнаго прибытка; вполне естественно будетъ, если у нихъ тождественны стануть понятія вмѣстѣщаго и вмѣстимаго. И это тѣмъ болѣе, что какъ народъ-младенецъ—онъ сознаетъ только одно: непозволено—значить плохо, а позволено—значить хорошо; а штундизмъ позволенъ и въ глазахъ начальства стоитъ почти наравнѣ съ православіемъ.

Не время теперь возбуждать вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта православнаго духовенства, какъ одномъ изъ главныхъ факторовъ возвеличенія и укрѣпленія Православія; мы это ясно и твердо сознаемъ, но беремъ на себя смѣлость возбудить иную просьбу, которая принесла бы великую пользу нашему народу. Если штундизмъ носить на себѣ печать нѣмецкаго происхожденія и если все нѣмецкое, вплоть до нѣмецкой колонизаціи Россіи, въ настоящее время по глубокому народному сознанію оказалось и признано въ высшей степени вреднымъ для русскаго народа, то да будетъ признанъ вреднымъ для него и этотъ чуждый ему, но развратительный наростъ и вреднымъ потому, что онъ совершенно, въ корнѣ подрываетъ и уничтожаетъ въ народѣ то великое начало, которымъ создано, крѣпло и возвеличилось Русское Государство. Человѣкъ, способный такъ легко, но и такъ дерзостно отречься отъ своей Православной вѣры, кровію отцовъ и дѣдовъ убереженной отъ разноплеменнаго засилья; способный съ такою наглостью и съ такимъ кощунствомъ издѣваться надъ своимъ вчерашнимъ „Святая Святыхъ“ и допустившій себя такъ безстыдно и такъ несо-

вѣстно обращаться съ самимъ Словомъ Божиимъ и всѣми неоспоримыми памятниками, добытыми наукой; такой человекъ не можетъ быть истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ своей Родины. Подъ вліяніемъ штундизма онъ становится какимъ-то жалкимъ космополитомъ, и какъ вчера измѣнилъ своей вѣрѣ, такъ сегодня можетъ измѣнить и продать свою родину: ничего святого, ничего дорогого въ его душѣ не осталось“.

Съ такими мыслями нельзя не согласиться и нельзя надъ ними не призадуматься. (Вол. Е. В.).

А. М.

Нѣсколько мыслей изъ бесѣдъ Преосвященнаго Владыки Андрея съ пастырями въ г. Бирскѣ въ 1914 году.

XI.

О новой организаціи миссіонерскихъ курсовъ Уфимской епархіи.

Мало-по-малу знакомясь съ епархіальною жизнью и епархіальною миссіею, я сообщаю Миссіонерскому Комитету о своихъ наблюденіяхъ для совмѣстнаго обсужденія епархіальныхъ нуждъ. За послѣднее время я нашелъ нужнымъ слѣлать сообщеніе слѣд. содержанія.

„На очереди у насъ стоитъ организація „миссіонерскихъ курсовъ“ въ четырехъ центрахъ епархіи,—среди язычниковъ и около магометанъ. Программа, представленная о.о. миссіонерами для этихъ курсовъ чрезвычайно не сложная: и по св. исторіи и по другимъ предметамъ—курсъ низшей начальной школы.—Но эти курсы спеціально предназначены для „ревнителѣй православія“, которыхъ нужно вызывать за 30—40 и болѣе верстъ, съ уплатою имъ поверстной платы на проѣздъ и отдѣльно на содержаніе. Общій расходъ каждаго отдѣльныхъ курсовъ можетъ доходить до крупной суммы—въ 900 р.!

Всматриваясь болѣе внимательно въ такое положеніе миссіи, я пришелъ къ заключенію, что такое положеніе „курсовъ“—едва ли нормально.—Если „ревнителѣй“ нужно вызывать за деньги, хотя бы и за дорогу, то какіе же они ревнителѣи?—Если эти ревнителѣи на курсахъ „изучаютъ“ только самыя краткія свѣдѣнія изъ школьной программы, то что же изучаютъ и что знаютъ не ревнителѣи?—Ничего? И если только „ревнителѣямъ“ миссіонеры устраиваютъ свои „курсы“, и такимъ образомъ даютъ нѣчто, то кто же обучаетъ простыхъ смертныхъ? Никто?—Или остальные прихожане предоставлены самимъ себѣ, т. е. собственному религіозному невѣжеству или свободной пропагандѣ любого сектанта?

Всѣ эти вопросы настойчиво требуютъ отвѣта. А если начнемъ подыскивать этотъ отвѣтъ, то придемъ къ самому безотрадному отвѣту, что наша миссіа представляетъ изъ себя того воина, о которомъ говорятъ: „одинъ въ полѣ не воинъ“. Иначе говоря: дѣло миссіи поставлено нѣсколько ошибочно, ибо вѣдь мы живемъ не въ какой-нибудь сплошьязыческой странѣ и не въ нравственной Сахарѣ, а въ епархіи, гдѣ должны работать до 500 пастырей? И если у этихъ 500 учителей слова Божія учениковъ—„ревнителѣй“ оказывается только 30—40 человѣкъ, да и для этихъ ревнителѣй“ нужно устраивать курсы съ преподаваніемъ свѣдѣній о твореніи міра, о грѣхопаденіи, о Каинѣ и Авелѣ и пр., то очевидно,—дѣло церковнаго учительства вообще въ епархіи стоитъ не только ненормально, но вовсе отсутствуетъ“.

По этому поводу я и предложилъ высказаться Епархіальному Миссіон. Комитету.

Не буду приводить высказанныхъ на собраніи Комитета отдѣльныхъ мнѣній; ограничусь только постановленіями его, насколько ихъ припоминаю.

Комитетъ остановился на той основной мысли, что если въ епархіи нашей имѣются 500 священниковъ, то въ ней и миссіонеровъ должно быть никакъ не менѣе этого числа; что въ то время, какъ всякій извозчикъ татаринъ или всякій

мастеровой— сектантъ часто бываютъ ревностными въ своемъ кругу миссіонерами,—въ такое время священникъ приходскій долженъ неумолчно проповѣдывать своей паствѣ, поучая и назидая ее, охраняя отъ всякой иновѣрной пропаганды.

При такомъ основномъ взглядѣ на миссію и проповѣдь Епарх. Комитетъ выразилъ желаніе, чтобы въ каждомъ приходѣ Епархіи велись *неотмѣнно и аккуратно* катехизическія поученія по программѣ, выработанной самимъ проповѣдникомъ—приходскимъ священникомъ. Помощниками священника въ этомъ святомъ дѣлѣ *должны быть по должности* діаконы и псаломщики; можно привлекать къ веденію этихъ церковныхъ чтеній катехизическаго характера и учителей церковно-приходскихъ школъ и простыхъ мірянъ. Въ деревенскихъ церковно-приходскихъ школахъ учителя *обязательно должны* устраивать чтенія для народа подъ руководствомъ священника.—Вотъ норма нашей епархіальной жизни въ ближайшемъ будущемъ времени. Это—та норма, которую выработалъ Епархіальный Миссіонерскій Комитетъ, которую я всецѣло одобряю и которую буду настойчиво проводить въ жизнь. Руководителями духовенства въ организаціи катехизическихъ чтеній по воскреснымъ днямъ должны быть благочинные, какъ люди болѣе опытные и съ большими теоретическими—богословскими познаніями (поэтому многіе благочинническіе округа должны быть раздѣлены пополамъ—на два округа). Миссіонеры же епархіальные должны въ ближайшее время:

- 1) *непретѣнно* наладить эту приходскую проповѣдь и *уже потомъ*,
- 2) заняться прямою миссією, т. е. проповѣдію о Христвѣ и о св. Церкви среди сектантовъ, магометанъ и язычниковъ.

При такомъ положеніи вещей,—епархіальные курсы миссіонерскіе окажутся и несомнѣнно полезными и необходимыми. Но это будутъ курсы не для десяти—двадцати „ревнителѣй вѣры“, а для духовенства тѣхъ приходоѡ, гдѣ не сумѣютъ поставить какъ слѣдуетъ приходскую проповѣдь. И

присутствіе на этихъ „курсахъ“ не должно быть только пріятнымъ оплаченнымъ развлеченіемъ для желающихъ, а непремѣнною обязанностію всѣхъ, кто будетъ на нихъ вызываемъ, т. е. причты, которые окажутся неспособными вести катехизическія бесѣды и будутъ вызываться на курсы для обученія этому великому дѣлу проповѣди.

Изъ всего выше писаннаго съ несомнѣнною вытекаетъ для всего сельскаго духовенства епархіи необходимость озаботиться пріобрѣтеніемъ книжекъ или журналовъ для руководства въ организаціи этихъ воскресныхъ катехизическихъ поученій.—Хорошо сдѣлали бы о.о. благочинные, если бы это обстоятельство неотложно обсудили на благочинническихъ сѣздахъ. („Уфим. Е. В.“).

Епископъ Андрей.

Крестъ на войнѣ.

— Я думалъ,—разсказываетъ исполняющій пастырскія обязанности въ санитарномъ поѣздѣ Великой Княгини Маріи Павловны священникъ Околовичъ (Членъ Госуд. Думы),—что у меня будетъ мало работы, но съ перваго же момента, когда я попалъ къ раненымъ, у меня сплошь занято все время не только весь день, но часто и ночи напролетъ. Раненые, не только солдаты, но и офицеры, настойчиво просятъ благословить ихъ, жадно прислушиваются къ религіозной бесѣдѣ, нарасхватъ берутъ у меня книги и брошюрки религіознаго содержанія. Я захватилъ съ собой маленькую библиотечку и едва въ состояніи удовлетворять спросъ на религіозно-нравственныя книги. Житія святыхъ, сказанія изъ церковной исторіи, особенно первыхъ вѣковъ христіанства, а также связанныя съ историческими обстоятельствами государственной жизни Россіи, перечитываются всѣми. Отъ офицеровъ я слышалъ много разъ выраженія благодарности за эти книжки, которыя я предлагалъ имъ не безъ нѣкоторой робости.

— Мы со многимъ познакомились впервые и страшно вамъ благодарны за то, что узнали.

Когда утромъ я вхожу въ лазаретъ во время остановокъ поѣзда на пунетахъ или въ вагонъ на пути, здороваюсь съ больными, каждый требуетъ, чтобы я непременно подошелъ къ его койкѣ, благословилъ его и далъ приложиться ко кресту. Затѣмъ необходимо присѣсть около каждаго и удѣлить ему хоть нѣсколько минутъ вниманія. Говорить приходится обо всемъ, — и о дѣлахъ вѣры, и о дѣлахъ семейныхъ, причемъ тутъ же мнѣ диктуются письма на родину, распоряженія по семейнымъ дѣламъ, духовныя завѣщанія, передаются деньги, которыя я принимаю подъ особую расписку. Едва остановишься у кого-либо изъ раненыхъ и, если бесѣда не носитъ характера тайны, немедленно съ сосѣднихъ коекъ подходятъ другіе, — одинъ дохромаетъ на костыляхъ, другой доползетъ на четверенькахъ, — но всѣ хотятъ быть вмѣстѣ и вести душевную бесѣду.

Прощаясь съ ранеными, я раздаю имъ Евангеліе, молитвенники, образки и кресты. Принимается все съ глубочайшею благодарностью и очень часто со слезами.

Служить обѣдню въ лазаретѣ и вагонахъ не представляется возможнымъ, поэтому я обычно совершаю литургію въ церкви не лазарета, а раненымъ приношу просфоры. Надо видѣть, какъ они принимаютъ просфоры дрожащими руками, и никто изъ нихъ не притрогивается къ этой просфорѣ, — всѣ говорятъ, что они сохраняютъ эти просфоры на всю жизнь, какъ дорогую молитвенную память.

Религіозный подъемъ среди тѣхъ раненыхъ, — а я уже совершилъ восемь рейсовъ Варшава — Петроградъ, — очень великъ и сказывается въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Родные звуки.

Въ варшавскомъ лазаретѣ я рѣшилъ отслужить молебень въ самомъ помѣщеніи лазарета. Прекрасный хоръ одной изъ

варшавскихъ православныхъ церквей и протоіерей изъ этой церкви откликнулись на мой призывъ и пришли въ лазаретъ. Молебень мы служили соборнѣ съ пѣніемъ полного хора. Въ заключеніе хоръ исполнилъ извѣстный концертъ Бортнянскаго „Внуши, Боже, молитву мою“. Баракъ наполнился рыданіями. Плакали солдаты, съ залитыми слезами лицами, крестились офицеры, кто лежа, кто сидя, кто какъ могъ, но чувствовалось, что это были слезы и рыданія не горя и не отчаянія, а какой-то внутренней радости. Плакалъ весь врачебный персоналъ и мы, привычные къ горю людскому (на путяхъ нашего пастырскаго служенія, не могли оставаться спокойными.

— Батюшка, дорогой, если-бъ вы знали, что значить послѣ двухъ мѣсяцевъ похода подъ непрерывный грохотъ орудій, визгъ снарядовъ и свистъ пуль услышать родные молитвенные звуки, вы бы поняли, почему мы плачемъ счастливыми слезами...

Спасти пришелъ.

Съ позиціи привезли тяжело раненаго въ бокъ солдата. Мнѣ сказали, что надо поспѣшить, такъ какъ онъ уже безъ сознанія и съ минуты на минуту можетъ умереть. Въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и со Св. Дарами я подошелъ къ умирающему, но объ исповѣди и причастіи нельзя было думать. Я сталъ читать отходную. Вдругъ раненый открылъ глаза, мутный взоръ прояснился, съ усиленіемъ, словно припоминая что-то, онъ сталъ всматриваться въ меня и вскрикнулъ: „Землячокъ, дорогой мой... Нѣтъ... не то... Батюшка... родной... Ты спасать меня пришелъ“.

Раненый началъ дѣлать какія-то усилія, сталъ приподниматься, неожиданно для всѣхъ сѣлъ, широко перекрестился и потянулся ко кресту, повторяя все тѣ же слова: „Ты спасти пришелъ“...

Стоявшая рядомъ со мной сестра милосердія неудержимо разрыдалась, ее вынесли въ другое помѣщеніе; къ больному подошла другая сестра.

Короткая исповѣдь, затѣмъ причащеніе Св. Тайнъ. Раненый съ тяжелымъ усиленіемъ, но твердою рукой крестится, говорить: „Слава Богу, теперь хорошо“, откидывается на подушку и впадаетъ въ забытѣе.

— Конечъ,—мелькнуло у меня въ головѣ. Я осѣнилъ его крестомъ и отошелъ къ другимъ больнымъ. Черезъ нѣкоторое время справляюсь, раненый живъ, но глубоко спитъ. Всю ночь и сестры, и я подходили къ этому раненому, но онъ оставался въ томъ же положеніи не то глубокаго сна, не то болѣзненнаго забытѣя. Утромъ я первымъ дѣломъ пошелъ къ нему. Онъ встрѣтилъ меня ласковымъ взоромъ и привѣтствіемъ: „Здравствуйте“.

— Развѣ ты меня узналъ?

— Какъ же? Вы—батюшка. Вы меня вчера приобщали и мнѣ теперь хорошо.

Раненый настолько чувствовалъ себя бодро, что, сидя, пилъ чай и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нами. Разговоръ мы прекратили сами, чтобы не утомлять его. Жалѣю, что мнѣ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого раненаго, который оставленъ, какъ тяжелый, въ одномъ изъ лазаретовъ.

Атеистъ.

Я подошелъ къ раненому офицеру.

— Батюшка, я атеистъ и въ Бога не вѣрую, но побесѣдовать съ вами хочу...

Черезъ три дня этотъ офицеръ, три года уже не бывавшій въ церкви и у Св. Причастія, исповѣдывался такъ, какъ дай Богъ всякому истинному христіанину приобщаться Св. Тайнъ, и теперь продолжаетъ переписываться со мной. Его письма дышатъ глубокой вѣрою. Наибольшую его скорѣью было то, что онъ ушелъ на войну, отказавшись принять благословеніе у матери, и онъ ей не написалъ даже о томъ, что тяжело раненъ.

— Если Богъ спасетъ меня, и я выздоровѣю, то тогда, батюшка, замолю грѣхъ и передъ Богомъ, и передъ материнскимъ сердцемъ.

Поляки.

Я обратился къ князю Радзивиллу, который работаетъ въ лазаретѣ въ качествѣ санитаря, съ просьбой устроить тяжело раненаго русскаго офицера въ отдѣльномъ помѣщеніи, такъ какъ ему нуженъ былъ безусловный покой.

— Черезъ часъ, батюшка, я вамъ дамъ отвѣтъ.

Дѣйствительно, черезъ часъ у лазарета стояли уже два автомобиля. Въ первомъ помѣстился князь Радзивиллъ, во второмъ—раненый офицеръ, сестра милосердія и я. Этотъ поѣздъ двинулся по улицамъ Варшавы, причемъ, раскланиваясь съ извѣстнымъ, конечно, всей Варшавѣ, княземъ Радзивилломъ съ любопытствомъ осматривали слѣдовавшій за нимъ автомобиль съ раненымъ на носилкахъ въ сопровожденіи православнаго священника. Мы подѣхали къ великолѣпному дому графини Броницкой. Графиня Броницкая встрѣтила насъ впереди своего дома и привѣтствовала меня глубокимъ поклономъ. Вслѣдъ за нею ко мнѣ подошла молодая дѣвушка, которая заявила, что она Англичанка (говоритъ великолѣпно на русскомъ языкѣ), изъ богатой семьи, но не можетъ оставаться безъ дѣла въ такіе минуты, какъ теперь, и, взявши на себя уходъ за раненымъ русскимъ офицеромъ, она проситъ меня ее благословить. Я благословилъ ее, и она приняла это благословеніе такъ же, какъ принимаютъ его всѣ православные. Черезъ нѣсколько минутъ нашъ раненый уже лежалъ въ отдѣльной прекрасно обставленной комнатѣ. Войдя туда, я невольно окинулъ глазомъ углы комнаты и не нашелъ тамъ образа. Графиня Броницкая поймала мой взглядъ и сказала мнѣ:

— Батюшка, можно ли здѣсь повѣсить образъ?

— Не только можно, но даже должно, графиня.

— А какой образъ?

— Ченстоховской Божіей Матери.

Графиня быстро повернулась, ушла въ свою спальню и черезъ минуту возвратилась, держа въ рукахъ небольшой образъ Ченстоховской Божіей Матери въ драгоценномъ окладѣ.

— Это нашъ семейный образъ. Онъ переходитъ изъ рода въ родъ у графовъ Броницкихъ. Мы его и поставимъ въ комнатѣ раненаго.

Все было сдѣлано, и я, осмотрѣвши, по предложенію графини Броницкой, цѣлый лазаретъ, устроенный въ ея домѣ, уѣхалъ съ глубокою увѣренностью, что нашему страдальцу будетъ данъ наилучшій уходъ. (Нов. Вр.).

Отъ краснаго креста.

Наши отцы, братья, мужья и сыновья геройски сражаются за славу и благо дорогой Родины, за могущество Ея Царя.

Великъ и могучъ духъ русскаго воинства. Но, если каждый воинъ, въ случаѣ ниспосланнаго на него, по волѣ Всевышняго, несчастья-пораненія, будетъ знать, что необходимая врачебная помощь ему обезпечена, что эта помощь не только облегчитъ его временное страданіе, но вполне восстановитъ его силы и дастъ возможность вернуться подъ знамена, для новыхъ боевъ съ врагами Родины, то онъ еще съ большимъ воодушевленіемъ пойдетъ въ бой.

Предстоятъ еще большіе бои, много еще прольется крови героевъ нашихъ, а нужды Краснаго Креста необъятны.

Ко всѣмъ, болѣющимъ душою за русское воинство, ко всѣмъ, стремящимся облегчить страданія раненыхъ воиновъ, обращаюсь съ просьбой—жертвуйте, сколько можете, въ день сбора въ Петроградъ 14—15 Ноября Россійскому Обществу Краснаго Креста.

Великая Княгиня *Ксенія Александровна.*

5 Ноября 1914 г.
Петроградъ.

Что сдѣлалъ Красный Крестъ на помощь рененымъ и больнымъ воинамъ и для охраны здоровья арміи?

На театрѣ военныхъ дѣйствій работаютъ: 70 госпиталей, 64 этапныхъ лазарета, 40 передвижныхъ лазаретовъ, 22 передовыхъ отряда, развернутыхъ въ общемъ болѣе, нежели на 38.000 кроватей.

Одновременно, какъ для помощи раненымъ, такъ и для охраны здоровья всей арміи, дѣйствуютъ: 6 автомобильныхъ отрядовъ, санитарно-хирургическій отрядъ, летучій полевой отрядъ, 4 санитарно-эпидимическихъ отряда, санитарно-дезинфекціонный отрядъ, 67 станціонныхъ перевязочно-питательныхъ пунктовъ (каждый пунктъ можетъ прокормить въ сутки 2.000 человѣкъ), 11 подвижныхъ питательныхъ отрядовъ и 2 санитарныхъ поѣзда.

Въ лечебно-санитарныхъ учрежденіяхъ Краснаго Креста трудятся 696 врачей, 2.168 сестеръ милосердія и 8.000 санитаровъ

4.521 сестеръ милосердія снаряжено и командировано Общинами въ лечебно-санитарныя учрежденія военнаго вѣдомства.

Для снабженія лечебно-санитарныхъ учрежденій предметами медицинскаго и пищевого довольствія, а также хозяйственнаго оборудованія устроено: 3 полевыхъ склада съ запасомъ на 5.000 кроватей каждый и 5 отдѣленій (3 подвижныхъ) съ общимъ запасомъ на 40.000 кроватей.

Размѣры заготовокъ опредѣляются такими цифрами: марля—29.000.000 аршинъ; гигроскопическая вата—40.000 пудовъ; консервы—750.000 жестянокъ; различные матеріалы для раскроя—2.650.000 аршинъ.

Помимо 65 частныхъ кружковъ, работающихъ бесплатно, за плату работаютъ на Красный Крестъ: 11 городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, Домъ Трудолюбія, мастерскія Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, мастерскія Главнаго Тюремнаго Управленія и др.

Предметы оборудованія отпускаются Краснымъ Крестомъ не только своимъ учрежденіямъ, но изъ его запасовъ питаются учрежденія военнаго вѣдомства и другія.

На снаряженіе своихъ учрежденій, ихъ содержаніе на театрѣ военныхъ дѣйствій и заготовки, Красный Крестъ отъ начала военныхъ дѣйствій израсходовалъ 12.704.637 р. 63 к.

На покрытіе этихъ расходовъ Красный Крестъ получилъ пожертвованій: 2.654.905 р. 07 к., телеграфнаго сбора—68.140 р. 78 к. и ссуды изъ Государственнаго Банка подъ свои процентныя бумаги и капиталы—10.185.764 р. 26 к.

Объявление о продолженіи изданія при Кіевской д. Семинаріи журнала:
„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
 въ 1915 подписномъ году.

Въ 56 году своего изданія журналъ нашъ будетъ руководиться своей всегдашней цѣлью—содѣйствовать православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной пастырской дѣятельности. Въ 1915 году наши подписчики получатъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА ЖУРНАЛА, содержащихъ:
 а) статьи по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни; б) статьи по исторіи Церкви, апологетикѣ, обличенію сектантства и другимъ богословскимъ наукамъ; в) обзоръ церковно-общественной жизни; г) обзоръ епархіальной жизни по Епархіальнымъ Вѣдомостямъ; д) обзоръ періодической печати (главнымъ образомъ, духовной); е) общепользныя свѣдѣнія по медицинѣ, сельскому хозяйству, садоводству. Въ 1915 году будетъ продолжаться печатаніе „ВЕСЕДЪ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ“ (практическая часть). ж) Отвѣты на вопросы подписчиковъ.

12 КНИЖЕКЪ ПОУЧЕНІЙ НА ВСѢ ВОСКРЕСНЫЕ И ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ.

12 выпусковъ „БОГОСЛОВСКАГО БИБЛОГРАФИЧЕСКАГО ЛИСТКА“,—указаніе текущей церковно-богословской литературы и отзывы о ней.

Безплатное приложение: „ЦЕРКОВНО-НѢВЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“.

Кромѣ того, подписчикамъ дѣлается уступка при выпискѣ отъ редакціи „**ТОЛКОВАГО ТИПИКОНА**“ . вып. I-й за 2 р. вмѣсто 2 р. 50 к., в. 2-й за 1 р. 50 к. вмѣсто 1 р. 75 к., съ пересылкой.

„Руководство для сельских пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во все мѣста Россійской Имперіи **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, за границу **8 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать 25 к.; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ; на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го декабря 1914 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериновская № 6.